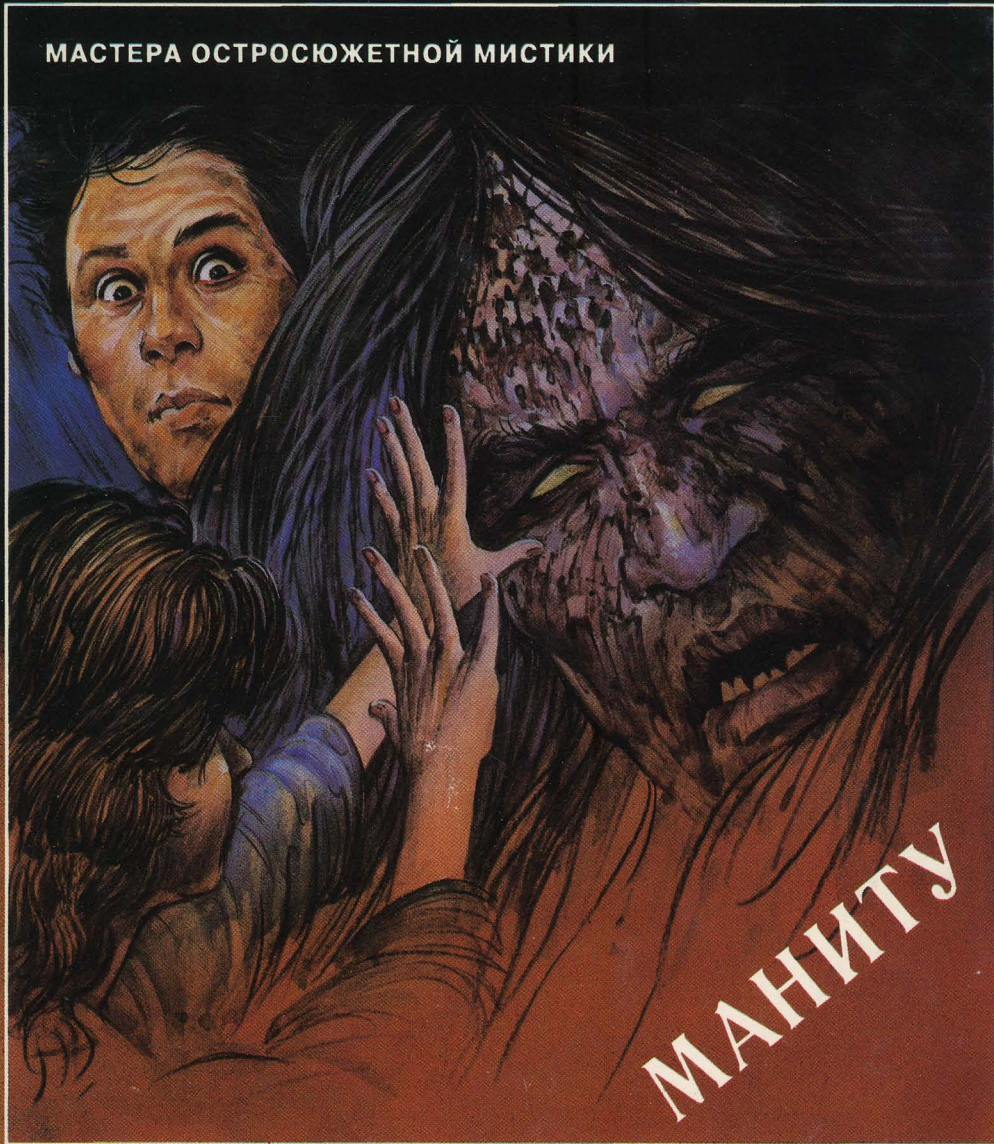

ГРЭМ МАСТЕРТОН

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

МАНИТУ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Грэм Мастертон

МАНИТУ

Львов
СИГМА
1995

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 33

Graham Masterton

MANITY

Грэм Мастертон
МАНИТУ : романы

Copyright © by Graham Masterton.

ISBN 0-451-14714-2

МАНІТУ

«Будучи спрошенным, каков же демона этого вид, древний чернокнижник Мисквамакус закрыл лицо так, что глаза его оставались видны, а затем дал необычный и подробный отчет. Он плел, что тот временами мал и массивен, как большая жаба, временами велик, как туча, без формы, но с лицом, из которого вырастают змеи».

Лавкрафт (1890—1937)

ПРОЛОГ

Зазвонил телефон. Доктор Хьюз, не поднимая головы, пошарил рукой в поисках телефонной трубки. Его рука проскользнула по кипам бумаг, бутылке чернил, куче газет за неделю и смятым пакетам от бутербродов; наконец она нашла и подняла трубку.

Доктор Хьюз приложил ее к уху. Заостренное раздражением лицо делало его похожим на белку, старающуюся спрятать свои орешки.

— Хьюз? Это Макевой.

— Я слушаю. Мне неприятно, доктор Макевой, но я крайне занят.

— Я не хотел бы вам мешать, доктор Хьюз, но у меня здесь... пациентка... Она должна вас заинтересовать.

Хьюз потянул носом.

— Что за пациентка? — спросил он, снимая очки. — Послушайте, доктор, это крайне любезно с вашей стороны, что вы уведомили меня, но у меня такая гора бумажной работы, что я на самом деле не могу...

Макевой не давал возможности избавиться от него.

— Я на самом деле считаю, что это вас заинтересует. Вас же интересуют опухоли, не так ли? Ну так вот, мы имеем опухоль из опухолей.

— Что же в ней такого необычного?

— Она локализована на затылке. Пациентка европеоидной расы, двадцать три года. Никаких данных, касающихся предыдущих новообразований, ни мягких, ни злокачественных.

— Ну и?

— Эта опухоль шевелится, — заявил Макевой. — Шевелится, как будто под кожей есть что-то живое.

Хьюз начал рисовать ручкой цветы. С минуту он молчал, морща лоб, а затем спросил:

— Рентген?

— Результаты через двадцать минут.

— Пульсация?

— На ощупь напоминает любую другую опухоль. За одним исключением — она извивается.

— Вы пытались сделать надрез? Может быть, это обычная инфекция.

— Предпочитаю подождать рентгеновские снимки.

Хьюз задумчиво сунул в рот ручку. Он мысленно пробежал страницы всех медицинских книг, которые в жизни читал, в поисках подобного случая, прецедента, чего-нибудь, что бы напоминало подвижную опухоль. Но как-то не мог ничего припомнить. Может, он просто устал.

— Доктор Хьюз?

— Да, я здесь. Послушайте, а который сейчас час?

— Десять минут четвертого.

— Хорошо, доктор. Сейчас спущусь.

Он положил трубку и долго протирал глаза. Был День святого Валентина, и снаружи, на улицах Нью-Йорка, температура упала до минус десяти градусов, а землю покрывал пятнадцатисантиметровый слой снега. Под хмурым серо-стальным небом автомобили ползли один за другим почти бесшумно. Осматриваемый с восемнадцатого этажа Госпиталя Сестер Иерусалимских, город сиял каким-то таинственным блеском. «Как будто бы я очутился на Луне, — подумал Хьюз. — Или на краю света. Или в ледниковом периоде».

Были какие-то проблемы с отоплением, поэтому, сидя в свете настольной лампы, он не снимал плаща — усталый молодой человек тридцати лет, с носом, длинным и острым, как скальпель, и спутанной каштановой шевелюрой. Он казался скорее молодым автомехаником, а не экспертом по злокачественным новообразованиям.

Двери кабинета открылись перед полной, светловолосой девушкой в очках в красной оправе, сдвинутых на лоб. В руках она несла кипу документов и чашку кофе.

— Еще немного бумаг, доктор Хьюз. Я еще подумала, что вам нужно что-то и для разогрева.

— Спасибо, Мэри, — он открыл папку, которую она принесла, и громко потянул носом. — Иисусе, что за мерзость? Консультант я здесь или бумажная крыса? Знаешь что? Забери все это и дай доктору Риджуэю. Он любит бумаги. Любит их больше, чем тела и кровь.

Мэри пожала плечами.

— Доктор Риджуэй сказал передать это вам.

Хьюз встал. В плаще он напоминал Чарли Чаплина в «Золотой лихорадке». Он махнул папкой, переворачивая свою единственную «валентинку», которую — он знал это — прислала ему мать.

— Ну, хорошо, посмотрю это позже. Я спущусь к доктору Макевою. У него появилась какая-то пациентка, и он хочет, чтобы я осмотрел ее.

— Это надолго, доктор? — спросила Мэри. — Не забудьте, что в 16:30 вы должны быть на собрании.

Он устало посмотрел на нее, как будто раздумывал, кто это перед ним.

— Долго? Нет, не думаю. Ровно столько, сколько будет нужно.

Он вышел из кабинета в коридор, освещенный неоновыми лампами. Госпиталь Сестер Иерусалимских был дорогой частной клиникой, и в нем никогда не пахло ничем таким функциональным, как карболка или хлороформ. Коридоры были покрыты толстым красным плюшем, а на каждом углу стояли свежие цветы. Госпиталь казался скорее отелем, одним из тех, куда высокопоставленные чиновники средних лет возили своих секретарш на уик-энды для мучительной возни в грехе.

Хьюз вызвал лифт и спустился на пятнадцатый этаж. Смотря на свое отражение в зеркале, он пришел к выводу, что выглядит более больным, чем некоторые из его пациентов. Может, ему стоило куда-нибудь поехать в отпуск?

Мать всегда любила Флориду. Они могли бы навестить его сестру в Сан-Диего.

Он прошел две пары маятниковых дверей и вошел в кабинет Макевой. Доктор Макевой был невысоким коренастым мужчиной, чьи накрахмаленные халаты все до единого неизбежно были ему узки под мышками, напоминающая жилы, подвязанные для операции. Смахивающее на полную луну лицо украшал миниатюрный плоский ирландский нос. Он играл в футбольной команде госпиталя, пока в крепкой стычке у него не лопнула коленная чашечка. С того времени он хромотал — отчасти даже специально.

— Рад, что вы пришли, — улыбнулся он. — Этот случай на самом деле удивительный, а я знаю, что вы — лучший специалист в мире.

— Преувеличение, — ответил Хьюз. — Тем не менее, благодарю за комплимент, спасибо.

Макевой всадил палец в ухо и задумчиво, как коловоротом, покрутил им.

— Снимки должны быть скоро готовы. До этого не знаю, чем вас и занять.

— Могу ли я увидеть пациентку? — спросил Хьюз.

— Естественно. Она сидит в приемной. На вашем месте я бы снял плащ, иначе она может подумать, что я притащил вас к ней с улицы.

Хьюз повесил в шкаф свою потрепанную одежду и направился за Макевоем в ярко освещенную приемную. На креслах лежали пестрые журналы, а в аквариуме плавали тропические рыбки. Через жалюзи вливался необычный металлический отблеск выпавшего после полудня снега.

В углу, читая номер «Сансета», сидела стройная темно-волосая женщина. У нее было удлиненное нежное лицо. «Как у эльфа», — подумал Хьюз. На ней было простое платье кофейного цвета, на фоне которого ее кожа казалась немного землистого цвета. Лишь полная окурков пепельница и клубы дыма в воздухе указывали на то, что девушка нервничает.

— Мисс Тэнди, — заговорил Макевой. — Это доктор Хьюз, эксперт по болезням такого типа. Он хотел бы осмотреть вас и задать вам несколько вопросов.

Мисс Тэнди отложила журнал и посмотрела на них.

— Конечно, — сказала она с выраженным новоанглийским акцентом. «Из хорошей семьи», — подумал Хьюз. Ему не надо было угадывать, богата ли она. Никто не приходит лечиться в Госпиталь Сестер Иерусалимских, если не имеет наличных больше, чем может удержать в руках.

— Прошу вас наклониться, — попросил он. Девушка склонила голову. Он отодвинул ее волосы. Точно в углублении шеи торчал гладкий шарообразный нарост величиной со стеклянный шарик для прижима бумаги. Хьюз провел по нему пальцем. Казалось, он имел структуру мягкого волокнистого новообразования.

— Как давно это у вас? — спросил он.

— Два или три дня, — ответила она. — Я записалась на прием, как только опухоль стала расти. Я боялась, что это... ну, рак или что-то такое.

Хьюз посмотрел на Макевой и наморщил лоб.

— Два или три дня? Вы абсолютно уверены?

— Абсолютно. Сегодня ведь пятница, не так ли? Ну так вот, я почувствовала ее, когда проснулась во вторник утром.

Хьюз нежно нажал на нарост. Тот был гладок и тверд, но он не почувствовал никакого движения.

— Болело? — спросил он.

— Я как будто чувствовала щекотку, но ничего больше.

— Она чувствовала то же самое, когда я пальпировал опухоль, — вмешался Макевой.

Хьюз отпустил волосы девушки, позволяя ей выпрямиться. Он пододвинул кресло и начал делать заметки на каком-то найденном в кармане кусочке бумаги.

— Как велика была опухоль, когда вы впервые ее заметили?

— Очень мала. Мне кажется, не больше фасолины.

— Росла ли она все время или временами?

— Похоже, что только ночью. Когда я просыпаюсь мне кажется, что каждое утро она становится больше.

Хьюз старательно нарисовал сложную загогулину.

— Ощущаете ли вы ее нормально? Это значит, чувствуете ли вы ее теперь?

— Как и каждую нормальную опухоль. Но иногда мне кажется, что она двигается, — в темных глазах девушки было больше страха, чем в ее голосе. — Да, это так, — медленно говорила она, — как будто кто-то пробует поудобнее улечься в кровати. Знаете, повернется немного, а потом долгое время лежит неподвижно.

— Как часто это случается?

Она занервничала. Наверняка она почувствовала в голосе Хьюза удивление, и это ее обеспокоило.

— Трудно сказать. Может, четыре-пять раз в день.

Хьюз записал что-то и покусал губу.

— Мисс Тэнди, не заметили ли вы какие-то изменения в состоянии здоровья в течение нескольких последних дней, с тех пор, как у вас появилась эта опухоль?

— Я немного измучена. Пожалуй, не могу хорошо спать. Но я не потеряла в весе и не было чего-то подобного.

— Гмм, — Хьюз записал еще что-то и с минуту приглядывался к своим заметкам. — Как много вы курите?

— Обычно не более половины пачки в день. Я не наркоманка. Сейчас же я просто нервничаю.

— Ей недавно делали рентген, — вмешался Маке-вой, — легкие чистые.

— Мисс Тэнди, — спросил Хьюз. — Живете ли вы самостоятельно? И где вы живете?

— С теткой, на 82-й улице. Работаю помощником в фирме грампластинок. Я хотела снять собственное жилье, но родители решили, что будет лучше, если я некоторое время поживу с теткой. Ей шестьдесят два года. Она чудесная старая дева. Мы великолепно понимаем друг друга.

Хьюз опустил взгляд.

— Не поймите меня превратно, но вы наверняка понимаете, что я должен об этом спросить. Отличается ли ваша

тетка хорошим здоровьем, и чисто ли в вашем жилище? Не возникает ли в нем угроза заражения, например, клопы, неисправная канализация или остатки пищи?

Мисс Тэнди улыбнулась впервые с тех пор, как Хьюз ее увидел.

— Моя тетка абсолютно здорова, доктор Хьюз. Она нанимает уборщицу на полную ставку и горничную для помощи при приготовлении пищи.

Хьюз покивал головой.

— Хорошо. Пока ограничимся этим. Доктор Макевой, может, выясним, как дела с рентгеновскими снимками?

Они вернулись в кабинет и сели. Доктор Макевой положил в рот лошадиную порцию жевательной резинки.

— И что вы об этом думаете, доктор?

— Пока я ничего не думаю, — со вздохом ответил Хьюз. — Эта опухоль выросла в течение двух или трех дней, а я еще не слышал о новообразовании, которое было бы на это способно. Ну, и впечатление движения. Вы тоже почувствовали, что опухоль двигается?

— Конечно. Мелкая дрожь, как будто там что-то есть под кожей.

— Может, это следствие движения шеи? Пока мы не увидим снимки, трудно что-либо сказать.

Несколько минут они сидели молча. Со всех сторон до них доносились больничные шумы. Хьюз замерз, был измучен и раздумывал, когда же он сможет вернуться домой. В последнюю ночь он не спал до двух часов, расправляясь с документами и статистикой, и сегодняшняя ночь не обещала облегчения. Он шмыгнул носом, всматриваясь в свой поношенный коричневый ботинок.

Спустя пять или шесть минут в кабинет вошла рентгенолог, высокая негритянка, совершенно лишенная чувств юмора. Она несла большой коричневый конверт.

— Что скажешь об этом, Селена? — спросил Макевой, взяв у нее конверт.

Он подошел к экрану для подсветки в углу комнаты.

— Совершенно не знаю, доктор. Ясно только одно — что это не поддается осмыслению.

Макевой взял черный рентгеновский снимок, прикрепил его к экрану и включил свет. Они увидели изображение затылочной части черепа мисс Тэнди, снятой в профиль. Опухоль была на месте — большой сероватый нарост. Внутри его вместо типичного волокнистого разрастания был небольшой перепутанный узел тканей и жил.

— Посмотрите сюда, — Макевой указал концом авто ручки. — Выглядит как разновидность корня, удерживающего опухоль на шее. Что же это может быть, черт побери?

— Не имею ни малейшего понятия, — заметил Хьюз. — Еще никогда ничего подобного не видел. Это мне вообще не напоминает опухоль.

Макевой пожал плечами.

— Ну, хорошо. Это не опухоль. Тогда что это?

Хьюз присмотрелся к снимку. Маленький узелок хрящей и тканей был слишком бесформен и невыразителен, чтобы удалось что-то распознать. Можно было сделать лишь одно — оперировать. Вырезать это и подробно изучить. И, учитывая темп его роста, — чем скорее, тем лучше.

Хьюз подошел к столу и поднял трубку телефона.

— Мэри? Слушай, я еще внизу, у доктора Макевой. Не могла бы ты посмотреть, когда у доктора Снайта будет свободное время для операции? У нас тут есть кое-что, что требует быстрых действий... Точно... Да, опухоль. Не злокачественная, но если мы ее быстро не прооперируем, то могут возникнуть осложнения. Да. Спасибо.

— Злокачественная? — удивился Макевой. — Откуда же нам знать, что злокачественная?

Хьюз повертел головой.

— Не знаем. Но пока не удастся точно выяснить, опасно это или безвредно, держу пари, что это опасно.

— Я только хотел бы знать, что это, — хмуро заявил Макевой. — Я просмотрел всю медицинскую энциклопедию и ничего такого там не нашел.

— Может, это новая болезнь? — Хьюз, несмотря на усталость, улыбнулся. — Может, ее даже назовут вашим

именем. Синдром Макевой. Вы же всегда хотели быть известным, разве не так?

— Теперь мне хотелось бы только кофе и бутерброд с ветчиной. А Нобелевскую премию я могу получить и потом.

Зазвонил телефон. Хьюз поднял трубку.

— Мэри? Хорошо. Великолепно... Да, очень хорошо. Передай доктору Снайту благодарность.

— Ты свободен? — спросил Макевой.

— Завтра в десять утра. Пойду и сообщу мисс Тэнди.

Он прошел через двойные двери в приемную, где мисс Тэнди курила очередную сигарету и невидящим взглядом смотрела в разложенный на коленях журнал.

— Мисс Тэнди?

Она резко подняла голову.

— Да?

Хьюз подвинул кресло и сел рядом с ней, сцепив ладони. Он старался выглядеть серьезно, спокойно и достойно, чтобы уменьшить ее заметный страх. Но он был таким усталым, что ему удалось лишь произвести впечатление больного.

— Мисс Тэнди, по моему мнению, нужна операция. Мне кажется, что опухоль дает пока повод лишь к огорчению, но при таком темпе роста я предпочел бы ее удалить как можно скорее. Думаю, что и вы тоже.

Она подняла руку к затылку, опустила ее и кивнула головой.

— Понимаю. Конечно.

— Не могли бы вы явиться сюда завтра утром к восьми часам? Доктор Снайт вырежет у вас эту опухоль в десять утра. У него многолетний опыт обращения с подобными опухолями.

Мисс Тэнди попыталась улыбнуться.

— Очень мило с вашей стороны. Благодарю вас.

— Не за что, — Хьюз пожал плечами. — Я только выполняю свой долг. На самом же деле я не считаю, что вам нужно огорчаться. Не буду утверждать, что ваше состояние совершенно нормально, это не так. Но частью

нашей профессии как раз и является занятие необычными случаями. Вы пришли куда надо.

Девушка погасила сигарету и собрала свои вещи.

— Нужно ли будет взять что-то особое? — спросила она. — Пару ночных рубашек, например. И что-то, чем укрыться?

Хьюз кивнул.

— Возьмите еще и домашние тапочки. Вы ведь не будете полностью прикованы к кровати.

— Хорошо, — ответила она. Хьюз проводил ее до дверей. Глядя, как она быстрым шагом идет по коридору к лифту, он думал, какая она стройная, молодая и похожая на эльфа. Он был не из тех врачей, которые думают о пациентах как о единицах болезней, — как доктор Поусон, специалист по болезням легких, подробнее помнящий случаи очень долго после того, как забывал связанных с ними лиц. «Жизнь — это нечто большее, чем бесконечная череда опухолей и наростов. По крайней мере, так думал Хьюз.

Он все еще стоял в коридоре, когда Макевой высунул свою лунообразную физиономию за дверь.

— Доктор Хьюз?

— Да?

— Войдите на секунду и посмотрите.

Он грузно вошел в кабинет. Во время его разговора с мисс Тэнди Макевой просматривал свои книги. Столик был завален рисунками и рентгеновскими снимками.

— Вы нашли что-то?

— Не знаю. Это мне кажется таким же бессмысленным, как и все в этом деле.

Макевой подал ему толстый учебник, открытый на странице, полной схем и диаграмм. Хьюз наморщил брови и внимательно присмотрелся к ним. Затем он подошел к экрану и еще раз изучил снимки черепа мисс Тэнди.

— Это же безумие, — заявил он.

Макевой встал рядом с ним, уперев руки в бока.

— Вы правы, — кивнул он. — Безумие. Но вы сами должны признать, что сходство большое.

Хьюз закрыл учебник.

— Но даже если вы и правы... но — всего за два дня?!

— Что ж, но если возможно такое, тогда возможно всё!

Два врача стояли в кабинете на пятнадцатом этаже госпиталя, смотрели с побледневшими лицами на снимки, и ни один из них не знал, что сказать.

— Может, это мистификация? — наконец выдавил Макевой.

— Невозможно, — Хьюз покачал головой. — Каким образом? И зачем?

— Не знаю. Люди выдумывают такие вещи по самым удивительным причинам.

— Вы могли бы упомянуть хотя бы одну такую мистификацию?

Макевой скривился.

— А можете вы поверить, что это правда?

— Не знаю, — сказал Хьюз. — Может, это и правда. Может, это тот один-единственный подлинный случай на миллион.

Они снова раскрыли книжку и изучили снимки. И чем больше они сравнивали рисунок с опухолью мисс Тэнди, тем больше они находили сходства.

Согласно «Клинической гинекологии» клубок хрящей и тканей, который мисс Тэнди носила на затылке, был человеческим эмбрионом. Его размер соответствовал возрасту восьми недель.

I

Из глубин ночи

Если вам кажется, что быть предсказателем — легкий кусок хлеба, то попробуйте сами ежедневно выдумывать пятнадцать предсказаний по двадцать пять «зелененьких» за каждое. Сами увидите, долго ли это вам будет нравиться.

В ту минуту, когда Карен Тэнди разговаривала с доктором Хьюзом и доктором Макевым в Госпитале Сестер Иерусалимских, я — с помощью карт Таро — открывал перед миссис Винконис ее ближайшие перспективы.

Мы сидели в моем жилище на Десятой аллее у покрытого зеленым сукном столика и при плотно задернутых занавесках. Благовония убедительно тлели в углу, а моя поддельноантичная масляная лампа надлежащим образом отбрасывала таинственные тени. Миссис Винконис была сморщенна и дряхла. От нее несло протухшими духами и лисьим мехом. Она приплеталась почти каждую пятницу вечером за подробными предсказаниями на ближайшие семь дней.

Когда я раскладывал карты в кельтский крест, она вертелась, вздыхала и всматривалась в меня, как горноста́й, чувствующий добычу. Я знал, что она умирает от желания спросить, что я вижу, но я никогда ничего ей не говорил, пока все не было уложено на столике. Чем больше напряжения, тем лучше. Я должен был разыгрывать полный спектакль с наморщиванием лба, тяжкими

вздохами, закусываниями губ и демонстрацией того, что я вхожу в контакт с силами вне сего мира. В конце концов, именно за это она и платила мне свои двадцать пять долларов.

Но она все же не могла справиться с соблазном. Когда я положил свою последнюю карту, она хищно склонилась вперед и проскрипела:

— Что вам говорят карты, мистер Эрскин? Что вы видите? Есть ли что-нибудь о Папочке?

«Папочкой» она называла мистера Винкониса, толстого старого директора супермаркета, который курил одну сигару за другой и не верил ни во что более метафизическое, чем первая тройка на гонках Акведук. Миссис Винконис никогда ничего подобного не одобряла, что было видно по тону ее слов, и было ясно, что самое горячее желание ее сердца заключается в том, чтобы сердце Папочки наконец отказало в послушании и к ней перешли бы все владения Винконисов.

Я смотрел на карты с обычным, доведенным до совершенства выражением сосредоточенности. О Таро я знал ровно столько, сколько и любой другой, кто дал себе труд прочитать книгу «Таро для начинающих». Главное было — стиль. Если кто-то хочет быть мистиком, что ничуть не легче, чем стать секретаршей в рекламном агентстве, инструктором в летнем лагере или гидом на автобусных экскурсиях, то прежде всего ему следует выглядеть как подобает мистика.

Меня вполне удовлетворяла моя серая тридцатидвух-летняя личность, живущая в Кливленде, штат Огайо, с зачатком лысины — как говорится, «от ума» — с темными волосами и довольно стройная, хоть и с немного великоватым носом на бледном, с правильными чертами лице. Я дал себе труд покрасить брови в сатанинские дуги и непрестанно носить изумрудный атласный плащ с нашитыми лунами и звездами. На голову я насадил трехгранную зеленую шапку. Когда-то на ней был значок «Грин Бей Пейкерс», но по очевидным причинам я снял его. Запасись благовониями, парой оправленных в кожу

томов «Британской энциклопедии» и замусоленным черепом из лавки старьевщика в Вилледж, я поместил в газетах объявление. Оно гласило:

НЕВЕРОЯТНЫЙ ЭРСКИН

Предсказание прочтенное, будущее отгаданное.
Твоя судьба ясна.

В течение нескольких месяцев я получил больше клиентов, чем мог обслужить. Впервые в жизни мне хватало на «меркури», «кугуар» и стереокомбайн с наушниками.

Но, как я уже сказал, это было нелегко. Постоянный наплыв идиотски ухмыляющихся дам среднего возраста, толпящихся в моем жилище, умирающих от жажды услышать, что случится в их нудной серой жизни, — этого почти хватало мне для того, чтобы на веки вечные погрузиться в бездну отчаяния.

— Ну, так что? — проскрежетала миссис Винконис, сжимая в сморщенных пальцах блокнот, оправленный в кожу аллигатора. — Что вы видите, мистер Эрскин?

Я повертел головой — медленно и с огромным достоинством.

— Карты передают сегодня важные известия, миссис Винконис. Они несут много предостережений. Они говорят, что вы слишком сильно стремитесь к будущему, которое, если наступит, может оказаться не таким приятным, как вы думаете. Я вижу серьезного джентльмена с сигарой, наверное, Папочку. Он говорит что-то — с сожалением. Он говорит что-то о деньгах.

— Что он говорит? Говорят ли карты, что он говорит? — прошептала миссис Винконис. Каждый раз, когда я говорил слово «деньги», она начинала вертеться и подсказывать, как рыба на раскаленной сковородке. Я повидал немало отвратительных страстей, но страсть к деньгам у женщины такого возраста может отбить у наблюдательного человека аппетит.

— Он говорит о чем-то, что слишком дорого, — продолжал я своим особым глухим голосом. — О чем-то, что решительно слишком дорого. Знаю, что это. Вижу, что это. Он говорит, что лосось в консервных банках слишком дорог. Он беспокоится, что люди не станут покупать его за такую цену.

— Ох, — вздохнула миссис Винконис с раздражением. Но я знал, что я говорю. Я проверил утром колонку цен в «Супермаркет Рипорт» и знал, что лосось в консервных банках должен подорожать. На будущей неделе, когда миссис Винконис услышит ворчащего Папочку, то вспомнит мои слова и будет находиться под впечатлением моей необычной способности ясновидения.

— А что тогда со мной? Что со мной случится?

Я хмуро присмотрелся к картам.

— Увы, это не будет хорошая неделя. Совершенно... В понедельник вас подстерегает несчастный случай. Ничего серьезного. Ничего страшного, вы всего лишь уроните тяжелый груз на ногу, однако удар будет не настолько болезненным, чтобы вы не могли спать ночью. Во вторник вы будете играть с друзьями в бридж, как обычно. Кто-то из вас будет мошенничать, но я не открою вам, кто. Прошу вас играть низко и не рисковать. В среду — неприятный телефонный звонок, может быть, даже непристойный. В четверг вы съедите что-то, что вам повредит, и будете жалеть, что не отказались есть.

Миссис Винконис вперила в меня взгляд своих мутных выцветших глаз.

— На самом деле так плохо? — прокаркала она.

— Не настолько. Прошу не забывать, что карты могут и предостерегать, не только предсказывать. Если вы примете шаги для того, чтобы избежать этих ловушек, то эта неделя не будет для вас плохой.

— Благодарение Господу и за это, — пропыхтела она. — Стоит платить деньги хотя бы за то, чтобы знать, чего следует избегать.

— Добрые духи о вас хорошего мнения, миссис Винконис, — заявил я своим особым голосом. — Они пережи-

вают за вас и не хотели бы видеть вас в беде или в несчастье. Если вы будете хорошо к ним относиться, они ответят вам тем же.

Она встала.

— Мистер Эрскин, не знаю, как вас и благодарить. Мне уже пора, но мы увидимся в следующую пятницу, не так ли?

Я улыбнулся своей таинственной улыбкой.

— Естественно, миссис Винконис. И прошу вас не забывать своего мистического *мotto* на всю эту неделю.

— О, нет, наверняка не забуду. Каково оно на этой неделе, мистер Эрскин?

Я раскрыл крайне потрепанную старую книгу, лежащую рядом со мной на столике.

— Ваше мистическое *мotto* на этой неделе звучит так: «Крайне берегитесь косточек, и плод вырастет без затруднений».

С минуту она стояла неподвижно, с отсутствующей усмешкой на сморщенном лице.

— Это прекрасно, мистер Эрскин. Я буду повторять его каждое утро, как только проснусь. Благодарю вас за чудесное предсказание.

— Чрезвычайно рад сообщить вам это, — ответил я театрально. Затем провел ее до лифта, следя, чтобы никто из соседей не увидел меня в этом идиотском зеленом плаще и шапке. Я нежно помахал ей ручкой на прощание, а как только она исчезла у меня из глаз, вернулся к себе, зажег свет, потушил кадило с благовониями и включил телевизор. При удаче я имел возможность посмотреть солидную часть одной из серий «Коджака».

Я как раз шел к холодильнику за пивом, когда зазвонил телефон. Я придержал трубку подбородком и открыл жестянку. Голос на другом конце провода был женским и беспокойным. Конечно, как же иначе. Лишь обеспокоенные женщины пользуются услугами таких типов, как Невероятный Эрскин.

— Мистер Эрскин?

— Эрскин фамилия моя. Предсказаниями занимаюсь я.

— Мистер Эрскин, не могла бы я с вами увидеться?

— Естественно. Оплата составляет двадцать пять долларов за обычную встречу с будущим и ближайшим, тридцать долларов — за предсказание на год и пятьдесят — за открытие судьбы всей жизни.

— Я хотела только узнать, что случится завтра, — голос принадлежал наверняка молодой и очень огорченной девице. Я молниеносно представил забывшую подмыться и забеременевшую, а потом брошенную секретаршу.

— Это как раз вполне для меня. В какое время вы хотели бы прийти?

— Около девяти. Не слишком поздно?

— Так замечательно получилось, что это мне подходит. Могу я узнать, с кем буду иметь дело?

— Тэнди. Карен Тэнди. Благодарю, мистер Эрскин. Я буду в девять.

Может, кого-то и удивит, что такая интеллигентная девушка, как Карен Тэнди, ищет помощи у такого шарлатана, как я. Если же вы долгое время играли в ясновидение, то имеете представление о том, как неуверенно чувствуют себя люди, которым грозит что-то, чего они не понимают. Особенно это касается болезни или смерти, и большинство моих клиентов имеют опасения относительно собственной смерти. Даже наиболее опытный и умелый хирург зачастую не сможет ответить на вопрос, что случилось, когда неожиданно угасает жизнь его пациента.

Ничего не дают речи типа: «Понимаете, миссис, если ваш мозг перестанет посылать электрические импульсы, то мы должны будем признать, что вы мертвы и будете мертвы до конца света». Смерть слишком ужасающа, слишком окончательна, слишком таинственна. Люди желают верить в загробную жизнь, по крайней мере, в мир иной, по которому влачатся жалобные духи их давно умерших предков, напавшие на себя голубые аналоги атласных пижам.

Именно этот страх перед смертью я распознал в лице Карен Тэнди, когда она постучала в мои двери. Он был настолько выразителен, что я почувствовал себя не слишком уверенным в своем зеленом балахоне и смешной зеленой шапке. У нее была стройная фигура и узкое лицо — тип девушки, которая всегда выигрывает школьные соревнования по бегу. Она обращалась ко мне с полной горечи вежливостью, из-за чего я чувствовал себя мошенником гораздо больше, чем когда-либо в другое время.

— Мистер Эрскин?

— Это я. Предсказание прочтенное, будущее отгаданное... Остальное вам известно.

Она тихо вошла в комнату, поглядывая на кадило, пожелтевший и затасканный череп и плотно задернутые занавески. Неожиданно я почувствовал, что вся эта атмосфера невероятно искусственна и фальшива, но она, казалось, этого не замечала. Я пододвинул ей кресло и угостил сигаретой. Когда я подносил ей огонь, я заметил, как дрожат ее руки.

— Итак, мисс Тэнди, в чем состоит ваша проблема?

— Собственно, не знаю, как и объяснить. Я была в больнице и завтра утром должна лечь на операцию. Но есть некоторые вещи, о которых я не могла им рассказать.

Я сел поудобнее и одарил ее успокаивающей улыбкой.

— Может, вы попытаетесь рассказать мне?

— Это очень трудно, — тихо ответила она. — У меня есть предчувствие, что это что-то более ужасное, чем кажется.

— Может, все-таки расскажете все, — сказал я, закладывая ногу на ногу под зеленым халатом.

Она испуганно поднесла руку к затылку.

— Каких-то три дня назад, наверное, во вторник утром, я начала чувствовать какое-то раздражение здесь, сзади, на шее. Это что-то разрослось, и я начала бояться, что, может быть, это серьезно. Я пошла в больницу, чтобы это что-то осмотрели.

— Понимаю, — сочувственно поддакнул я. Сочувствие, как вы, наверное, догадываетесь, обеспечивает в профессии ясновидца 98% успеха. — И что же сказали врачи?

— Что мне нечего беспокоиться. Но — одновременно — им почему-то очень важно это вырезать.

Я улыбнулся.

— А какова здесь моя роль?

— Моя тетя была у вас раз или два. Ее фамилия Карманн. Я живу у нее. Она не знает, что я у вас, но она всегда мне вас хвалила, поэтому я подумала, что, может, можно попробовать и мне.

Что ж, приятно было услышать, что мои оккультные услуги ценились. Миссис Карманн была милейшей пожилой дамой, верящей, что ее покойный муж постоянно пытается завязать с ней контакт откуда-то из мира духов. Она приходила ко мне два или три раза в месяц, как только милейший покойный мистер Карманн присылал ей весточку из-за гробовой доски. Это случалось в снах, как она мне всегда говорила. Она слышала, как он шепчет ей что-то на неизвестном языке посреди ночи. Это было для нее сигналом направить свои стопы на Десятую аллею и оставить у меня немного денег. Великолепная клиентка.

— Хотите, чтобы я раскинул карты? — предложил я, приподнимая при этом одну из моих демонически изогнутых бровей.

Карен Тэнди покачала головой. Она казалась более серьезной и печальной, чем кто бы то ни было из моих клиентов. Я надеялся, что она не попросит меня о чем-то, что требовало бы истинных оккультных способностей.

— Дело в снах, мистер Эрскин. С тех пор, как эта опухоль начала расти, у меня появились ужасные сны. В первую ночь я думала, что это обычный кошмар, но потом еженощно мне снилось то же самое, все более выразительно. Я даже не уверена, хочу ли ложиться спать сегодня. Знаю, что это снова мне приснится, еще более выразительно и еще более страшно.

Я задумчиво почесал кончик носа. Есть у меня такая привычка. Некоторые люди в задумчивости почесывают голову и получают чесотку. Я же тискаю свой нюхательный агрегат.

— У многих людей бывают повторяющиеся сны, мисс Тэнди. Обычно они означают, что их обладателей беспокоит то же самое. Не думаю, чтобы у вас была причина так переживать.

Она всматривалась в меня своими огромными, глубокими, шоколадно-коричневыми глазами.

— Это не тот тип сна, мистер Эрскин. Он слишком реален. В обычном сне вы чувствуете, что все происходит внутри вашего ума. Но этот кажется мне происходящим везде, в моем мозгу и вне меня.

— Ну, что ж, — сказал я. — Может, вы расскажете мне этот ваш сон.

— Он всегда начинается одинаково. Мне снится, что я стою на каком-то острове. Зима, дует ледяной ветер. Я чувствую этот ветер, хотя окна моей спальни всегда закрыты. Вокруг ночь, тучи скрывают луну. На определенном расстоянии, за деревьями, я вижу реку; хотя, возможно, это даже море. Она блестит в свете луны. Я оглядываюсь и вижу поблизости ряд темных домов. Они мне кажутся деревней, родом примитивного поселения. По существу, я знаю, что это деревня. Но мне кажется, что поблизости никого нет. Затем я иду по траве в сторону реки. Я знаю дорогу. Чувствую, что всю жизнь живу на этом удивительном острове. Чувствую, что я перепугана, но одновременно знаю, что во мне есть определенная скрытая мощь и что, вероятнее всего, я смогу победить страх. Я боюсь неизведанного — того, чего не понимаю. Я дохожу до реки и останавливаюсь на песке. Все еще очень холодно. Я смотрю на воду и вижу темный парусник, пришвартованный у берега. В моем сне нет ничего такого, что внушало бы мне, что это не совсем обычный парусник, но он наполняет меня ужасом. Он мне кажется чуждым, неизвестным, как если бы он был летающей тарелкой с другой планеты. Я стою на пляже долгое время,

пока, наконец, не вижу маленькую лодку, которая отделяется от корабля и плывет к берегу. Я не могу разглядеть, кто на веслах. Бросаюсь бежать назад, в деревню, вхожу в один из домов. Он мне кажется знакомым. Я знаю, что здесь уже была. Собственно, я уже почти верю, что это мой дом. У меня отчаянное чувство, будто мне необходимо что-то сделать. Вокруг удивительно пахнет — травы, благоговения или что-то такое. Я не очень хорошо знаю что, но я должна что-то сделать.

Это как-то связано с ужасающими людьми в лодке, с этим темным парусником. Страх нарастает во мне, пока я с трудом не начинаю мыслить. Что-то должно прийти с этого корабля, и приход этот будет иметь страшные последствия. В паруснике есть что-то чужое, что-то магическое и могучее. Меня охватывает отчаяние. Тогда я просыпаюсь.

Рассказывая, она чуть не рвала пальцами носовой платочек. Ее голос был тих и спокоен, но полон почти болезненной уверенности, и это наполняло меня беспокойством. Я смотрел, как она говорит, и мне казалось, она верит: то, что ей приснилось, случилось на самом деле.

Я снял шапочку «Грин Бей Пакерс», которая при этих обстоятельствах показалась мне нелепой.

— Это необычный сон, мисс Тэнди. Разве он всегда такой же, до мельчайших деталей?

— Полностью. Всегда одно и то же. Всегда я чувствую страх перед тем, что надвигается с корабля.

— Гмм, вы говорите, что это парусник. Какая-то яхта или что-то иное?

Она покачала головой.

— Это не яхта. Скорее галеон. Знаете, три мачты и множество такелажа.

Я дернул себя за кончик носа и начал интенсивно думать.

— Есть ли что-нибудь, что могло бы позволить опознать этот корабль? Есть ли у него название?

— Он слишком далеко. И вокруг слишком темно.

— Есть ли у него какой-нибудь флаг?

— Есть, на мачте. Но я не могу его описать.

Я встал и подошел к библиотечке с карманными изданиями книг по оккультным наукам. Я взял «Десять тысяч объясненных снов» и несколько других. Я положил их на стол и проверил один или два случая на страницах «Остров» и «Корабль». Это не очень мне помогло. Оккультные учебники никогда ничего не объясняют, а иногда даже, наоборот, вносят путаницу. Но все же они не мешают мне делать мрачные и таинственные выводы из ночного бреда моих клиентов.

— Корабли обычно связывают с каким-то путешествием или с получением известия. В вашем случае корабль темен и ужасает, отсюда можно сделать вывод, что известие не будет хорошим. Остров же символизирует изоляцию и страх, что по сути дела характеризует вас саму. Какими бы ни были эти известия, они являются непосредственной угрозой для вас как для личности.

Карен Тэнди кивнула. Не знаю почему, но, преподнося ей эту чушь, я чувствовал упреки совести. В ней была какая-то естественная напряженность и незащищенность. Темные, подстриженные под «пажа» волосы и бледное лицо эльфа — она сидела такая серьезная и такая растерянная, что я начал думать: а не были ли ее сны действительно реальными?

— Мисс Тэнди, — сказал я. — Могу ли я называть вас Карен?

— Конечно.

— Меня зовут Гарри. Бабка называет меня Генри, но никто другой так ко мне не обращается.

— Красивое имя.

— Спасибо. Послушай, Карен. Буду с тобой искренним. Сам не знаю, почему. Есть в твоём случае что-то, что отличает его от дел, какими я обычно занимаюсь. Знаешь, пожилые дамы, пытающиеся войти в контакт со своей пекинской собачкой, находящейся в счастливом собачьем раю, или какая-нибудь чушь такого же рода. В твоём же сне есть что-то... что-то подлинное...

Это ничуть ее не утешило. Ведь последнее, что люди хотят услышать, так это то, что их страх имеет под собой реальную основу. Даже интеллигентные и образованные люди любят, когда их утешают, твердя, что их ночные маразмы — просто сладенький вздор. Это значит, что если хотя бы половина кошмаров, что людям снятся, была реальной, мы бы все свихнулись. До единого. Так вот, частью моей профессии было успокоить перепуганных клиентов и убедить их, что приснившееся им никогда с ними не случится.

— Что значит «подлинное»?

Я дал ей сигарету. На этот раз, когда она закуривала, ее руки тряслись не так сильно.

— Дело обстоит так, Карен. Некоторые люди, хотя и не всегда отдают себе в этом отчет, имеют потенциальную возможность стать медиумами. Другими словами, они очень чувствительны к разным оккультным шумам в атмосфере. Медиум напоминает радио или телевизор. Он устроен так, что способен улавливать сигналы, которые незаметны другим, и переводить их в звук или изображение.

— Какие сигналы? — она наморщила лоб. — Не понимаю.

— Есть разные виды сигналов, — объяснил я. — Ты же не видишь телевизионного сигнала, не так ли? А ведь он есть вокруг тебя все время. Вся эта комната забита картинами и духами, изображениями Дэвида Бринкли и рекламными блоками кукурузных хлопьев Келлога. Нужен только соответствующий приемник, чтобы их выловить.

Карен Тэнди выпустила облако дыма.

— Хочешь сказать, что мой сон — это сигнал? Но какой сигнал? Откуда он может браться? Почему именно я его принимаю?

Я покачал головой.

— Не знаю, почему именно ты, и не знаю, откуда он берется. Откуда-то. Существуют подтвержденные доклады об американцах, которые видели сны, дающие им

подробнейшую информацию о далеких странах. Одному фермеру из Айовы снилось, что он тонет во время наводнения в Пакистане, и той же ночью в Пакистане было наводнение, погибло четыреста человек. Это можно объяснить лишь рассматривая волны мысли как сигналы. Фермер посредством своего подсознания перехватил сигнал какого-то тонущего несчастного из Пакистана. В это очень трудно поверить, но такое уже случалось.

Она с мольбой посмотрела на меня.

— Так как я могу узнать, о чем идет речь в моем сне? Вдруг это сигнал от кого-то, кто находится где-то далеко, кто нуждается в помощи, а я даже не знаю, кто это такой?

— Если ты на самом деле хочешь узнать, есть только один способ, — ответил я.

— Прошу... скажите мне, что нужно делать. Я на самом деле хочу. Я убеждена, что это имеет какую-то связь с опухолью, и хочу знать, что же это на самом деле.

— Хорошо, Карен, — я кивнул. — Так вот, тебе следует сделать следующее. Сегодня вечером ты ляжешь спать, как обычно, и если снова увидишь тот же сон, то попробуй запомнить столько подробностей, — физических подробностей — сколько сможешь.

Оглянись по сторонам, по острову, может, найдешь какие-то характерные особенности. Когда же дойдешь до реки, постарайся запомнить очертания береговой линии. Если есть какой-нибудь залив или что-то такое, попробуй сохранить в памяти форму залива.

Если есть что-то на другом берегу — пристань, гора, еще что-нибудь, — запомни это. И еще одно, и очень важное: постарайся присмотреться к флагу на корабле. Выучи его. Потом, как только проснешься, запиши все это так подробно, как только сможешь, и со столькими рисунками, сколько сумеешь сделать. Все, что ты видела. Эти записки принеси мне.

Она затушила окурок в пепельнице.

— Я должна быть в госпитале в восемь утра.

— В каком госпитале?

— Сестер Иерусалимских.

— Хорошо. Послушай, поскольку это очень существенно, я зайду туда. Можешь оставить эти записки для меня в гардеробе. Что скажешь?

— Мистер Эрскин... Гарри, это великолепно. Впервые я чувствую, что мы до чего-то доходим.

Я подошел к ней и пожал ей руку. По-своему она была красивой девушкой. Если бы я не был настолько профессионалом, относящимся к клиентам только профессионально, и если бы она не ложилась завтра на операцию, я бы наверняка пригласил ее на ужин, на дружескую поездку на моем «кугуаре», а в конце — опять в оккультный центр Эрскина на ночь неземных удовольствий.

— Сколько я вам должна? — спросила она, рассеивая мои мечты.

— Заплатишь на будущей неделе, — ответил я. Настроение людей, направляющихся в больницу, всегда улучшается, когда их просят заплатить после операции. У них неожиданно появляется надежда, что они ее переживут.

— Хорошо, Гарри. Большое спасибо, — сказала она и встала, чтобы выйти.

— Не обидишься, если я не буду провожать тебя до лифта? — спросил я, для объяснения помахивая своим зеленым мешком. — Понимаешь, соседи. Они думают, что я псих или что-то еще похуже.

Она улыбнулась и вышла, пожелав мне спокойной ночи. Интересно, действительно ли она будет спокойной, подумал я. Я сел в кресло и задумался. Что-то мне во всем этом не нравилось. Обычно, когда клиенты влетают в мое жилище, чтобы, дрожа от эмоций, рассказать мне свои сны, это оказываются обычные банальные истории, говорящие о фрустрации на почве секса и эротической неудовлетворенности. Например, кто-то идет на прием к Вандербильдам и неожиданно осознает, что его трусы сползли ниже колен.

Рассказывали мне и сны о полетах, и сны об обжираловке, и сны о несчастных случаях и неизвестных страхах. Но ни один из них не имел той ужасающей фотографиче-

ской точности и четкости, той логической последовательности, что сон Карен Тэнди.

Я поднял трубку и набрал номер.

— Алло, — произнес голос пожилой дамы. — Кто говорит?

— Миссис Карманн, это Гарри Эрскин. Извините, что беспокою вас так поздно.

— Ох, мистер Эрскин. Как мне приятно вас услышать. Я была в ванне, знаете ли, но теперь я уже надела халат.

— Мне крайне неудобно, миссис Карманн, но не соизволите ли ответить на один вопрос?

Она захихикала.

— Если только он не будет слишком личным, мистер Эрскин.

— Наверное, нет, миссис Карманн. Не припомните ли вы свой сон, о котором вы рассказывали мне два или три месяца назад?

— Какой сон, мистер Эрскин? Тот, о моем муже?

— Точно. О вашем муже, который просит вашей помощи.

— Сейчас, минутку... Если я хорошо помню, то я стояла на берегу моря, была середина ночи, и было ужасно холодно. Я подумала, что должна перед выходом надеть какой-нибудь плащ. Потом я услышала своего мужа, он шептал мне что-то. Он же всегда шепчет, вы знаете. Никогда не говорит громко и не кричит мне на ухо. Он шептал что-то, чего я не поняла, но я уверена, что он просил о помощи.

Я почувствовал, что мне стало не по себе. Не имею ничего против духов при условии, что они ведут себя достойно. Но когда они начинают фокусничать, то я чувствую легкий ужас.

— Миссис Карманн, — сказал я, — видели ли вы в вашем сне еще что-то, кроме берега моря? Может, на море был какой-то корабль или лодка? Может, на берегу какие-то дома или деревенька?

— Ничего больше я не помню, — заявила миссис Карманн. — А почему вы спрашиваете?

— Дело в статье по поводу снов, которую я как раз пишу в журнал. Ничего особенного, миссис Карманн. Я подумал, что, может, смогу добавить описание одного или двух ваших снов. Они ведь всегда так интересны.

Я почти видел, как почтенная старушка хлопает ресницами.

— Ох, мистер Эрскин, как мило с вашей стороны, если вы так считаете.

— Еще одно дело, миссис Карманн. И очень важное.

— Да?

— Прошу никому не говорить о нашем разговоре. Абсолютно никому. Понимаете?

Она громко засопела, как будто сплетни были последним делом в мире, которое могло прийти ей в голову.

— Никому даже не шепну. Клянусь.

— Благодарю, миссис Карманн. Вы очень мне помогли, — сказал я и повесил трубку более медленно и более старательно, чем делал это когда-нибудь в жизни.

Возможно ли, чтобы два человека видели идентичные сны? Если да, то, может, этот вздор о сигналах является истиной? Может, Карен Тэнди и ее тетка способны принимать сигналы откуда-то из глубин ночи и отражать их в своих умах?

Я не обратил ни малейшего внимания на заявление миссис Карманн о том, что это ее муж старался связаться с ней. Все дряхлые вдовы считают, что их мужья носятся вокруг них в эфире и занимаются только тем, что любой ценой пытаются им передать какие-то необычайно важные новости. Тем временем то, чем на самом деле занимаются их умершие половины в мире духов, — это игра в гольф, облапывание молодых душечек женского пола и радость от нескольких лет тишины и покоя, прежде чем к ним присоединятся их дражайшие половины.

Я подумал, что это одно и то же лицо пытается завязать с ними обеими контакт, чтобы передать неопределенную тревогу, которая его охватила. Я допускал, что это могла

быть женщина, хотя о духах трудно сказать что-то конкретное. Они же наверняка должны быть более или менее бесполоыми. Ведь вне всяких сомнений трудно заниматься любовью с привлекательной дамой-духом, не имея ничего более ощутимого, чем пенис из экзоплазмы.

Я сидел в своем жилище, пережевывая все эти фри-вольные мысли, когда неожиданно у меня появилось безумное впечатление, что кто-то стоит за мной, вне поля моего зрения. Я не хотел оглядываться, так как это означало бы признание в идиотском страхе, но одновременно чувствовал некий зуд на шее. Я не мог удержаться от того, чтобы не бросать быстрые взгляды по сторонам, чтобы проверить, не видно ли на стенах каких-то необычных теней.

Наконец я встал и молниеносно обернулся. Естественно, я ничего не увидел. Но я не мог избавиться от мысли, что кто-то или что-то еще секунду назад было здесь — кто-то мрачный и молчаливый, как монах. Громко насвистывая, я налил себе шотландского на три или четыре пальца. Если существовал какой-то «спиритус», который я полностью воспринимал, — так только этот. Резкий вкус солода и ячменя быстро вернул меня на землю.

Я решил раскинуть карты и проверить, что они могут сказать на эту тему. Из всего вздора на тему ясновидения и спиритизма лишь к Таро я питал невольное уважение. Не хочу в него верить, но каким-то образом он может точно определить, в каком состоянии вы находитесь, как бы сильно вы ни пытались это скрыть. И каждая карта пробуждает удивительное чувство, подобное воспоминанию о сне, который вы никогда не можете точно припомнить.

Я перетасовал карты и разложил их на сукне стола. Обычно я использую раскладку кельтского креста на 10 карт, так как она наилегчайшая... «Это в тебе, это ждет тебя, это под тобой, это за тобой...»

Я задал Таро один простой вопрос и согласно правилам твердо думал о нем все это время. Вопрос звучал так: «Кто говорит с Карен Тэнди?»

Выкладывая карты одну за другой, я не мог удержаться от того, чтобы не морщить брови. Со мной еще в жизни не случалось подобного — настолько необычный был расклад. Некоторые карты Таро почти никогда не открываются, а когда это случается, то бросаются в глаза сразу — настолько они особенные. Расклады большинства людей полны мелких, мало что говорящих карт или карт, указывающих на желание денег и ссору в доме — кубков, жезлов и денариев. Очень редко встречаются карты страшных катастроф, такие хотя бы, как Башня, на которой маленьких людей сбрасывает вниз зигзагообразная молния. Но ни разу мне еще не встречалась Смерть.

А на этот раз она открылась — в своем черном вооружении, на черном красноглазом коне, с кланяющимися ей жрецами и детьми. Так же открылся мне Дьявол с неприятным враждебным взглядом, бараньими рогами и голыми людьми, прикованными к его трону. Так же и Чернокнижник, перевернутый. Этой стороной карта означала врача или мага, психическую болезнь и беспокойство.

Я всматривался в эти карты почти полчаса. Что, к дьяволу, они могут значить? Может, Карен Тэнди психически больна? Возможно. Эта опухоль на затылке вполне могла повредить ей мозг. Проблема с этими проклятыми Таро состоит в том, что они никогда не дают конкретных ответов. Существует четыре или даже пять интерпретаций, и в них нужно самому просеять.

Чернокнижник? Я снова стасовал колоду и положил карту Чернокнижника как вопрос. Для этого нужно положить карту в центр, прикрыть ее другой картой и разложить кельтский крест с самого начала. Тогда карты должны дать мне более подробную информацию, что он значит.

Я разложил девять карт, после чего перевернул десятую. Я почувствовал позывы к рвоте, и мне снова показалось, что на меня кто-то смотрит. Десятой картой был тот же Чернокнижник.

Я поднял карту, прикрывающую мою карту-вопрос. Внизу лежала Смерть. Может, я и ошибся. Все равно я

был уверен, что положил сначала Чернокнижника. Я собрал карты, еще раз уверенно положил его на стол и прикрыл двумя магическими лозами, и дальше раскладывал карты, пока у меня не осталась только одна.

Но на ней ничего не было! Это была чистая карта!

Сам я, собственно, не верю в предсказание судьбы, но у меня появилось непреодолимое ощущение, что кто-то решительно велит мне не совать свой любопытный нос куда не надо.

Я посмотрел на часы. Была полночь. Самый подходящий час для духов и привидений. Самое время ложиться спать. Завтра я должен увидеть, что Карен Тэнди оставила для меня в конверте.

II

В темноту

На следующее утро, в субботу, примерно около половины одиннадцатого вышло апельсиновое солнце, и снег на улицах начал превращаться в коричневое болото. Все еще было пронзительно холодно, и мой «кугуар» по пути в Госпиталь Сестер Иерусалимских дважды отказывал в послушании. Прохожие, закутанные в шали и плащи, сновали, заляпанные, по грязным тротуарам, словно лишенные лиц фигуры, видимые из зимнего окна.

Я остановился перед воротами и вошел в холл. В нем было тепло и элегантно. На полу лежали толстые ковры, в горшках росли пальмы, слышался приглушенный шум разговоров. Все это больше подходило к какому-нибудь отелю на модном курорте, а не убежищу для больных. За стойкой стояла молодая девушка в белом накрахмаленном фартуке и с белыми, как будто тоже накрахмаленными зубами.

— Могу ли я вам как-то помочь?

— Считаю, что можете. У вас должен быть конверт для меня. Меня зовут Эрскин, Гарри Эрскин.

— Минуточку.

Она перелопатила кучу писем и открыток, пока, наконец, не вытянула маленький белый конверт.

— Невероятный Эрскин? — прочла она, приподнимая бровь.

Я немного озабоченно кашлянул.

— Такое прозвище. Знаете ли, бывает так.

— У вас есть какой-нибудь документ?

Я обыскал карманы. Водительские права я оставил дома вместе с кредитными карточками. Наконец я предъявил ей визитку. На ней было написано: «Невероятный Эрскин. Прочитываю будущее, объясняю предсказания, растолковываю сны».

— Да, пожалуй, это наверняка вы, — она улыбнулась и вручила мне письмо.

Я сдерживал желание открыть его, пока не вернулся домой. Я положил конверт на стол и внимательно пристроился к нему. Именно такого почерка я и ожидал от образованной девушки, вроде Карен Тэнди — четкого, уверенного и смелого. Особенно мне понравилось, как она написала «Невероятному». Я нашел ножнички для ногтей и отрезал краешек письма. Внутри я нашел три или четыре листика разлинованной бумаги, вероятно, вырванных из записной книжки. К ним было приложено краткое письмо, написанное рукой Карен Тэнди.

«Дорогой мистер Эрскин!

Сегодня ночью у меня был тот же сон, только намного более выразительный, чем раньше. Я старалась обращать внимание на все подробности. Две вещи я помню очень живо. Береговая линия имела довольно своеобразную форму, которую я нарисовала ниже. Я зарисовала также и парусник, и столько из его флага, сколько смогла запомнить.

Чувство страха было куда сильнее, как и желание убежать. Как только я приду в себя после операции, то свяжусь с вами, чтобы поговорить об этом.

*Ваша подруга,
Карен Тэнди».*

Я осмотрел листки из блокнота внимательнее. Нарисованная от руки карта побережья мало чем могла мне помочь. Это была всего лишь извилистая линия, могущая представлять любой из земных берегов. Но рисунок корабля оказался интересным. Он был достаточно подроб-

ным. Флаг тоже был не плох. В библиотеке наверняка должны были найтись книги о кораблях и флагах, так что я мог проверить, что это был за галеон. Если, конечно, это был настоящий галеон, а не только бред возбужденного опухолью воображения Карен.

Я долго сидел, обдумывая удивительный случай «моей подруги Карен Тэнди». У меня было большое желание выйти и проверить этот корабль. Но было уже почти 11:30, и вот-вот должна была явиться миссис Герц — еще одно милейшее ископаемое, имеющее намного больше денег, чем мозгов. Прежде всего ее интересовало одно: будут ли у нее какие-то хлопоты с сотнями ее родственников, которых она всех упоминала в завещании. После каждой встречи со мной она посещала адвоката и переписывала завещание. Адвокат на этом заграбастал столько, что на последнее Рождество прислал мне в виде благодарности целый ящик «Джонни Уокер Блэк Лейбел». Ведь, по сути, он и я работали в одном и том же деле.

Точно в 11:30 зазвенел звонок у двери. Я повесил в шкаф пиджак, напялил свой зеленый мешок, водрузил на голову треуголку и приготовился приветствовать миссис Герц своим обычным мистическим способом.

— Прошу, миссис Герц. Прекрасное утро для всего, что связано с оккультизмом.

Миссис Герц было около 75 лет. Она была всегда бледна и сморщена, имела куриные лапки вместо рук и очки, увеличивающие ее глаза до такой степени, что они выглядели плавающими в аквариуме устрицами. Она вошла, грясь и опираясь на трость.

Распространяя густой запах нафталина и лаванды, она с громким вздохом и со скрипом сложилась на стуле.

— Как вы себя чувствуете, миссис Герц? — спросил я вежливо, потирая руки. — Как чувствуют себя ваши сны?

Она не ответила, поэтому я пожал плечами и взял карты Таро. Тасуя их, я старался найти ту чистую, которая открылась мне вчера, но ее, казалось, и след простыл. Конечно, я мог ошибиться из-за усталости, но почему-то уверенности в этом у меня не было. Несмотря на свою

работу, я вовсе не любитель мистических переживаний. Я разложил карты и поощрил миссис Герц, чтобы она подумала о вопросе, какой она хотела бы мне задать.

— Мы уже давно не говорили о вашем племяннике Стенли, — напомнил я ей. — Может, взглянем, что творится в его скромном доме? А что с вашей родной сестрой Агнес?

Она не ответила. Даже не взглянула на меня. Она глазела в угол комнаты, погруженная в свои мысли.

— Миссис Герц! — сказал я, вставая. — Миссис Герц, я разложил для вас карты.

Я обошел столик и склонился, чтобы посмотреть ей в лицо. Казалось, что с ней ничего не случилось. Во всяком случае она дышала. Ну, уже это хорошо. Последнее, чего я мог бы пожелать, так это, чтобы эта археологическая древность испустила дух в ходе прочтения мной ее судьбы. Стань подобный факт достоянием гласности, я бы разорился. А может, и нет...

— Миссис Герц, — вновь заговорил я, взяв в руки ее сухие ладони. — Хорошо ли вы себя чувствуете? Может быть, рюмочку коньяка?

Ее глаза удивительно вращались под толстыми, как бутылка кока-колы, стеклами очков. Она смотрела в мою сторону, но вовсе не на меня. Казалось, будто она смотрит сквозь меня, куда-то назад. Я невольно обернулся, чтобы проверить, есть ли еще кто-то в комнате.

— Миссис Герц, — попытался я еще раз. — Может, вам нужно принять какое-то лекарство? Миссис Герц, вообще, вы слышите меня?

Между ее блеклых губ прорвался тихий, свистящий шепот. Мне казалось, что она пытается что-то сказать, но никак не может. Масляная лампа начала мигать и шипеть. Трудно сказать, вызваны были тени,двигающиеся на щеках миссис Герц, удивительным выражением ее лица или нет.

— Бооо... — сказала она еле слышно.

— Миссис Герц, — не выдержал я, — если это какая-то шутка, то прошу вас немедленно прекратить. Вы меня

перепугали, и если вы тут же не придете в себя, то я вызову скорую помощь. Понимаете ли вы меня?

— Бооо... — зашептала она снова. Ее руки задрожали, а большой перстень с изумрудом застучал о поручень кресла. Она дико вращала глазами, а нижнюю челюсть как будто заклинило в положении широкого вывиха. Я видел узкий язык и вставные челюсти стоимостью в 4000 долларов.

— Хорошо, — сказал я. — Как хотите. Я вызываю скорую помощь, миссис Герц. Вы сами видите, я подхожу к телефону, набираю номер. Миссис Герц, я звоню.

Неожиданно археологическая древность встала. Она неуклюже потянулась за тростью, с треском поворачивая ее на полу. Она стояла, шатаясь и переступая с ноги на ногу, так, как если бы танцевала под какую-то неслышимую для меня мелодию.

— Я весь внимание, чем могу помочь? — спросил телефонист, но я положил трубку и подошел к моей подпрыгивающей клиентке.

Я попытался обнять ее рукой, но она оттолкнула меня своей сморщенной лапой. Она тряслась и танцевала, все время что-то ворча и бурча, а я не знал, что, ко всем чертям, я должен с ней делать. Видимо, у нее был какой-то припадок, но я никогда не видел припадков, жертва которого в одиночестве отплясывала бы шейк посреди комнаты.

— Бооо... — проговорила она еще раз.

Я запрыгал вокруг нее, стараясь не выпасть из ритма ее неуклюжих движений.

— Что значит это «бооо...»? — спросил я. — Миссис Герц, может, вы сообразовоите сесть и объяснить мне, что, к черту, происходит?

Так же неожиданно, как она начала свой танец, она его закончила. Уровень ее энергии, казалось, падал в темпе лифта, спускающегося на первый этаж, в фойе и на улицу. Она протянула руку, чтобы опереться на что-нибудь, и я вынужден был схватить ее за руку, чтобы она с треском мумии не грохнулась на пол. Я осторожно усадил ее

негнущееся древнее тело в кресло и встал на колени рядом.

— Миссис Герц, я не люблю вынуждать своих клиентов к чему-либо, но я на самом деле считаю, что вас должен осмотреть врач. Не считаете ли вы, что это было бы разумно?

Она смотрела на меня, не видя, а ее губы снова раскрылись. Признаюсь, что я должен был отвернуться. Внешняя наштукатуренность и нанафталиненность древних дам мне не мешает, но я не имею особого желания заглядывать внутрь них.

— Боот, — прошептала она. — Боот.

— Бот? — переспросил я. — Что, ко всем чертям, имеют со всем этим общего какие-то «боты»?

— Боот, — сказала она дрожащим голосом, еще более пискляво. — Боот! БОООООООТ!!!

— О, Боже, — застонал я. — Миссис Герц, прошу вас успокоиться. Я немедленно вызываю скорую помощь. Прошу вас не двигаться, миссис Герц, все обойдется. Наверняка вы вскоре почувствуете себя намного лучше.

Я встал, подошел к телефону и набрал номер скорой помощи. Миссис Герц тряслась, дрожала и бормотала свое «боот», «боот». Мне показалось, что прошел век, пока кто-то не ответил мне:

— Алло?

— Наконец-то. Немедленно нуждаюсь в скорой помощи. У меня находится пожилая дама, у которой какой-то приступ. Она богата, как тысяча дьяволов, поэтому скажите тем, кто на машине, чтобы они не делали по пути объездов через Бронкс. Поспешите. Я боюсь, что она может умереть или что-то в этом роде.

Я продиктовал свой адрес, номер телефона и вернулся к миссис Герц. Она на минуту перестала дрожать и сидела удивительно спокойная, как будто в раздумье.

— Миссис Герц... — заговорил я.

Она повернула голову в мою сторону. Ее лицо было старым, неподвижным и застывшим. Водянистые глаза всматривались в меня.

— Де боот, минньер, — сказала она грубым голо-
сом. — Де боот.

— Миссис Герц, прошу вас ни о чем не беспокоиться. Скорая помощь уже в пути. Только сидите и постарайтесь успокоиться.

Миссис Герц схватила за поручень кресла и встала. Она с трудом удерживала равновесие, будто ходила по льду. Но наконец она выпрямилась и встала с опущенными по бокам руками, более высокая и сильная, чем я когда-либо ее видел.

— Миссис Герц, наверное, будет лучше...

Она игнорировала меня и заскользила по ковру. Никогда я еще не видел, чтобы кто-то так двигался. Ее ноги словно не касались пола. Она бесшумно добралась до двери и открыла ее.

— На самом деле будет лучше, если вы подождете, — заявил я довольно убежденно. Честно говоря, я начал чувствовать неприятную дрожь и совершенно не знал, что мне нужно говорить. Мне казалось, что она меня не слышит, во всяком случае, не обращает на меня внимания.

— Де боот, — хрипло проскрипела она, после чего выскользнула за дверь, в коридор.

Естественно, я побежал за ней. То, что я увидел, было так неожиданно и ужасно, что я едва не пожалел о своем решении. Только что она стояла за дверью, а я протягивал руку, чтобы схватить ее за плечо, и тут же она помчалась от меня по длинному светлому коридору так быстро, как будто от кого-то убегала. Но она не бежала. Она удалялась от меня, вообще не двигая ногами.

— Миссис Герц! — закричал я, но из моего горла вырвался сдавленный чужой писк. Я почувствовал нарастающую где-то внутри меня волну страха, как если бы посреди ночи неожиданно увидел мелово-бледное лицо за окном.

В конце коридора она обернулась еще раз. Она стояла на вершине лестницы. Казалось, она пытается кивнуть мне или поднять руку, или даже, скорее всего, что-то оттолк-

нуть от себя. Потом она исчезла, и я услышал, как ее высохшее мумиеподобное тело падает, гремя на ступенях.

Я побежал за ней. На всех этажах открывались двери, показывались обеспокоенные и любопытные лица.

Я посмотрел вниз. Миссис Герц лежала там, свернувшись, а ее ноги выступали из-под тела под удивительными углами. Я сбежал вниз, упал рядом с ней на колени и взял за твердую, как палка, руку. Ничего, ни следа пульса. Я поднял ее голову. Из рта вытекла струйка густой крови.

— Что случилось? — спросил один из моих соседей, остановившись наверху лестницы. — Что с ней?

— Упала, — ответил я. — Ей семьдесят пять лет. Передвигалась с трудом. Наверное, она мертва. Я уже вызвал скорую помощь.

— О, Боже, — взвизгнула какая-то женщина. — Я не могу смотреть на смерть.

Я встал, сдирая с себя зеленый мешок. Я не мог во все это поверить. Мне казалось, что я вот-вот проснусь и вокруг будет раннее утро, а я буду лежать в постели в своей апельсиновой атласной пижаме. Я посмотрел на миссис Герц, сморщенную, старую и мертвую, как воздушный шар, из которого выпустили воздух. Волна тошноты начала подниматься к моему горлу.

Лейтенант Марино из отдела по расследованию убийств был необычайно разумен. Оказалось, что миссис Герц оставила мне кое-что в завещании, но явно недостаточно для того, чтобы спихивать ее с лестницы.

Детектив сидел, выпрямившись, в моем кресле, вбитый в черный, тесный плащ, а его черные, коротко остриженные волосы торчали во все стороны. Он старался что-то прочесть на смятом клочке бумаги.

— У меня здесь записано, что вы наследуете две викторианские вазы, — он потянул носом. — Кто-то из наших сейчас проверяет их стоимость, но вы явно не похожи на типа, который убивает пожилую даму из-за двух vaz.

Я пожал плечами.

— Такие пожилые дамы для меня — как золотые жилы. Не сбрасывают же золотые жилы со ступеней.

Лейтенант Марино поднял голову. У него было широкое плоское лицо, и он напоминал освистанного оперного певца. Он задумчиво почесал пальцами голову и оглядел комнату.

— Значит, вы что-то вроде бабы-ворожеи, так?

— Точно. Карты Таро, кофейная гуща и прочее в таком стиле. Большая часть моих клиенток — это пожилые дамы, такие, как миссис Герц.

Он покивал головой, покусывая губу.

— Ясно. Вы говорили, что она вела себя неестественно все время?

— Да. Это значит, что, как только она вошла, мне показалось, что с ней что-то не в порядке. Она была очень старая и слабая, это факт, но обычно у нее было время, чтобы со мной поболтать и рассказать, что у нее нового. На этот же раз она вошла, села и все время молчала.

Лейтенант Марино всматривался в свою бумажку.

— Успели ли вы ей поворожить? Дело в том, что, может быть, была какая-то причина, которая склонила ее к самоубийству. Какие-то дурные известия на кофейной гуще?

— Это было невозможно. Я не успел даже разложить карты. Она только успела войти и сесть, и тут же начала бредить о «ботах».

— О «ботах»? Что вы имеете в виду?

— Сам не знаю. Она непрерывно повторяла: «боот». Не имею ни малейшего понятия, что это значило.

— Боот? — Лейтенант Марино наморщил лоб. — Каким образом она это говорила? Может, она пыталась сказать что-то о человеке по фамилии Бот?

Я задумался и потянул себя за нос.

— Наверное, нет. Это не звучало как фамилия. Но она казалась очень этим обеспокоенной.

— Обеспокоенной? — заинтересовался лейтенант Марино. — Что вы имеете в виду?

— Собственно, это трудно объяснить. Она вошла, села и начала с этими своими ботами, а потом вышла и побежала по коридору. Я пытался ее задержать, но она была для меня чересчур шустрой. Она помахала немного рукой, а потом грохнулась на самый низ ступеней.

Детектив сделал несколько записей, после чего сказал:

— Побежала?

— Прошу не спрашивать, как это возможно, — я развел руками. — Я сам не понимаю. Но она побежала по коридору, как пятнадцатилетняя девочка.

Лейтенант Марино нахмурил брови.

— Мистер Эрскин, этой мертвой женщине семьдесят пять лет. Она ходила с тростью. А вы пытаетесь мне внушить, что она бежала по коридору. Она бежала?

— Именно это я и сказал.

— Мистер Эрскин, не считаете ли вы, что вы слишком отпускаете вожжи у своего воображения? Не верю, что вы ее убили, но не могу поверить и в то, что она бежала.

Я опустил глаза. Я припомнил, как миссис Герц выскользнула из комнаты, как затем исчезла в перспективе коридора так, будто ехала по рельсам.

— Да, честно говоря, она не совсем бежала, — выдавил я.

— Так что она делала? — терпеливо выпытывал лейтенант Марино. — Она шла? Волочила ноги?

— Нет, ничего подобного. Она скользила.

Лейтенант Марино как раз хотел записать это, но неожиданно его ладонь застыла в половине сантиметра от бумаги. Он кашлянул, скривился и сунул смятый листок бумаги в карман плаща. Потом он встал и подошел ко мне со снисходительной улыбкой на лице.

— Мистер Эрскин, вид чьей-то смерти всегда вызывает шок. Обычно потом с памятью творится что-то удивительное. В конце концов, вы, наверное, знаете это, ведь мы работаем в смежных профессиях. Может, вам кажется, что вы видели что-то, что по сути дела выглядело совершенно иначе.

— Да, — тупо согласился я. — Это возможно.

Он положил мне на плечо свою толстую ладонь и дружески стиснул его.

— Мы должны будем произвести вскрытие останков, чтобы установить причину смерти, но не считаю, чтобы дело могло пойти дальше. Может, пришлю кого-нибудь, чтобы вам задали еще пару вопросов, но кроме этого вы чисты. Я просил бы вас, чтобы вы не покидали город в ближайшие день или два, но не считайте, что это арест или что-то такое.

— Хорошо, лейтенант, понимаю, — я покивал головой. — Благодарю, что вы появились так быстро.

— И говорить не о чем. Мне неприятно, что ваша клиентка... сами знаете, каким образом переправилась в иной мир.

Мне удалось бледно усмехнуться.

— Мы наверняка будем в контакте, — заявил я. — Ведь нельзя же сдерживать такого доброго духа.

Я уверен, что лейтенант Марино счел меня полным психом. Он натянул на свои короткие волосы шляпу и направился к двери.

— Пока, мистер Эрскин.

Когда он вышел, я подумал немного, потом поднял телефонную трубку и набрал номер телефона Госпиталя Сестер Иерусалимских.

— Добрый день, — сказал я. — Я хотел бы узнать о состоянии вашей пациентки мисс Карен Тэнди. Сегодня утром ей должны были сделать операцию.

— Немного подождите. Вы ее родственник?

— Да, — соврал я. — Я ее дядя. Я как раз приехал в город и узнал, что она больна.

— Одну минутку.

Я ожидал, барабанив пальцами по столу. Из трубки до меня доносились звуки больницы, я слышал чей-то крик: «Доктор Хьюз, прошу доктора Хьюза». Через пару минут другой голос попросил: «Подождите», и меня соединили с другим набором звуков.

Наконец какая-то женщина проверещала носовым голосом:

— Чем я могу помочь? Как я понимаю, вы хотите узнать о состоянии здоровья мисс Карен Тэнди?

— Точно. Я ее дядя. Я слышал, что у нее утром была операция, и я хотел проверить, все ли у нее в порядке.

— Мне очень неловко. Доктор Хьюз передал сообщение, что наступили определенные небольшие осложнения. Мисс Тэнди все еще находится под легким наркозом. Мы вызвали другого специалиста, чтобы он исследовал ее.

— Осложнения? — удивился я. — Какие еще осложнения?

— Извините, но я не могу давать такую информацию по телефону. Если бы вы захотели прийти, то я смогла бы помочь вам встретиться с доктором Хьюзом.

— Гмм... Нет, не надо так утруждаться. Я еще позво-ню, наверное, завтра и тогда узнаю, что с ней.

— Пожалуйста.

Я положил трубку. Может, не стоит нервничать, но легко так говорить. Удивительное поведение карт прошлой ночью, внушающий беспокойство случай с миссис Герц, не говоря уже о необычных снах Карен Тэнди и ее тетки. Все это приводило к тому, что я чувствовал себя неуверенно. А если на самом деле там что-то было, что-то ужасное, могучее и недружелюбное?

Я вернулся к столу, чтобы взять письмо и рисунки Карен Тэнди. Береговая линия, корабль и флаг. Три эскиза с границы ночи. Три мнимых указания к разрешению проблемы, которой, может быть, вообще не существует. Я сунул их в карман, нашел ключ от машины и поехал, чтобы все-таки проверить кое-что в библиотеке.

Я добрался туда почти перед закрытием и пристроил свой «кугуар» на маленькую парковочную площадку, в лужу тающего снега. Небо имело темный цвет позеленевшей меди, предвещая, что снега будет еще больше. Морозный ветер пронизал меня через мой плащ в елочку. Я запер машину и через глубокие, по щиколотку, лужи двинулся к теплым деревянным дверям библиотеки.

Дама за столом скорее напоминала хозяйку борделя на пенсии, чем библиотекаря. Обтягивающий красный сви-

тер и черные завитые волосы, а иметь такие зубы не постыдился бы и конь.

— Ищу корабли, — заявил я, топая ногами, чтобы стряхнуть с них снег.

— Почему бы вам не сделать это в доках? — совсем по-лошадиному она оскалила зубы. — Здесь же у нас только книги.

— Ха-ха, — холодно ответил я. — А теперь не соблаговолите ли мне сказать, где здесь корабли?

— Вверху, пятый или шестой ряд. Под буквами «Мо».

Я посмотрел на нее с легким удивлением.

— Не думали ли вы когда-нибудь, — спросил я ее, — что вам лучше выступать в водевиле?

— Водевиль слишком глуп, — зашипела она.

— Так же, как и ваши шутки, — заявил я и отправился на поиски кораблей.

Вот что я вам скажу. Я никогда не отдавал себе отчета в том, сколько есть разных видов кораблей. Я всегда полагал, что существует две или три разновидности — маленькие корабли, большие корабли и авианосцы. Когда я, однако, просмотрел пятнадцать книг, посвященных кораблестроению, то начал понимать величину задачи, которую перед собой поставил. Я нашел арабские дхоу, шебеки, бриги, баркентины, фрегаты, корветы, катера и шлюпки, длинги, караки, барки и ещё много чего другого. И каждый второй из них выглядел как смешной маленький кораблик, нарисованный Карен Тэнди.

Я попал как раз на тот, который мне нужен, совершенно случайно. Вытянутая мною кипа из шести или семи книг с шумом грохнулась на пол. Пожилой тип в очках, изучавший толстенный том о членистоногих, оглянулся и вбил меня своим взглядом в землю.

— Очень извиняюсь, — сокрушенно сказал я и собрал рассыпавшиеся книги. И нашел, под самым своим носом. Точно такой корабль. Для меня все старые корабли звались «галеонами» и выглядели одинаково, но в этом было что-то необычное — форма корпуса, способ уста-

новки мачт. Несомненно, это и был корабль из сна Карен Тэнди.

Подпись холодно информировала, что на рисунке изображен «голландский военный корабль, период около 1650 года».

Дрожь крайнего удивления пробежала по моему затылку. Голландский. А что же мне болтала старая миссис Герц в моем жилище? «Де боот, минньер, де боот».

Я сунул рисунок под мышку и зашел в отдел языков. Здесь отыскал голландско-английский словарь, перебрал в нем пару страниц. И нашел. Де боот. Корабль!

В принципе, я рассудителен и логичен, как все мы, но это было нечто большее, чем случайное стечение обстоятельств. Карен Тэнди снились кошмары о голландском корабле семнадцатого века, а потом у миссис Герц случились галлюцинации или черт знает что еще на ту же самую тему. Не имею понятия ни как, ни почему, но мне показалось, что раз этот психоз убил миссис Герц, то с Карен Тэнди может случиться то же самое.

Я вернулся и записал на свой номер книжки о кораблях. Старая дева с конскими зубами и черными волосами сардонически улыбнулась, отчего я не почувствовал себя лучше. Такой «красотки» вполне достаточно самой по себе, чтобы человеку снились ночные кошмары без всякой помощи таинственных парусников прошлых веков.

— Приятного чтения, — съехидничала она, и я скрикнул в ответ.

Снаружи я нашел телефонную будку, но должен был ждать на снегу и ветре, пока приземистая толстая баба наболтается со своей больной сестрой из Миннесоты. Разговор был из тех, что гонится за собственным хвостом, и когда человек думает, что уже его конец, разговор начинается сначала. Наконец я забарабанил в стекло. Баба бросила на меня взгляд василиска, но закончила эпический монолог.

Я вошел в будку, сунул десять центов, набрал номер Госпиталя Сестер Иерусалимских и попросил к телефону

доктора Хьюза. Я ждал четыре или пять минут, притопывая, чтобы разогреть кровь в замерзших ногах.

— Хьюз слушает, — наконец отозвалась трубка.

— Вы меня не знаете, доктор, — сказал я. — Меня зовут Гарри Эрскин, и я ясновидец.

— Кто?

— Ясновидец. Знаете ли, предсказания, ворожба и все подобное такого рода.

— Очень жаль, мистер Эрскин, но...

— Подождите, прошу, — прервал я его. — Послушайте. Вчера вечером меня посетила ваша клиентка Карен Тэнди.

— Да ну?

— Доктор Хьюз, мисс Тэнди сказала мне, что со времени появления этой опухоли она видит повторяющиеся сны, кошмарные сны.

— Это часто бывает, — нетерпеливо ответил Хьюз. — Многие мои пациенты подсознательно беспокоятся о своем состоянии.

— Это не все, доктор. Этот кошмар очень подробен и выразителен. Ей снился корабль. И не просто корабль. Она нарисовала его для меня, и оказалось, что речь идет об особенном корабле. О голландском военном корабле времен около 1650 года.

— Мистер Эрскин, — сказал Хьюз. — Я очень занятой человек, и я не знаю, как я мог бы...

— Просту вас, доктор, послушайте. Сегодня утром меня посетила другая клиентка и начала говорить о корабле по-голландски. Эта женщина не узнала бы голландца, пусть бы даже он пришел к ней в деревянных башмаках и вручил ей букет тюльпанов. Неожиданно она стала беспокойной, потом впала в истерику, и наконец с ней произошел несчастный случай.

— Какой несчастный случай?

— Она упала с лестницы. Ей было семьдесят пять лет, и она не пережила этого.

В трубке была тишина.

— Доктор Хьюз? — закричал я. — Вы еще слушаете?

— Да. Мистер Эрскин, почему вы все это мне рассказываете?

— Поскольку считаю, что все это существенно для Карен Тэнди. Днем мне сказали, что возникли какие-то осложнения. Этот сон уже убил одну из моих клиенток. Боюсь, как бы это не повторилось.

Снова тишина, на этот раз более длительная.

— Мистер Эрскин, — наконец заговорил Хьюз. — Я не говорю, что понимаю, что вы хотите мне сказать, но у вас, наверное, есть какая-то теория относительно состояния моей пациентки? Нельзя ли попросить вас приехать в госпиталь? Я хотел бы поговорить с вами. Это противоречит предписаниям и, наверное, лишено смысла, но, признаюсь вам, что в случае с Карен Тэнди мы очутились в полном тупике. Любая мысль, даже самая невероятная, может помочь нам понять, что же с ней, собственно, происходит.

— Теперь вы говорите рассудительно, — сказал я. — Прошу дать мне пятнадцать минут. Я буду в госпитале. Нужно ли спрашивать вас?

— Да, — измученно ответил Хьюз. — Спросите меня.

Прежде чем я успел доехать до госпиталя, грязь на улице начала подмерзать, а дорога стала предательски скользкой. Я припарковался в подземном гараже госпиталя и поднялся на лифте в вестибюль. За столиком сидела девушка с улыбкой, как на рекламе зубной пасты.

— Привет, — сказала она. — Невероятный Эрскин, не так ли?

— Точно. Я на встречу с доктором Хьюзом.

Она позвонила в его кабинет и направила меня на восемнадцатый этаж. Я поднялся бесшумным отопливаемым лифтом и вышел в коридор, устланный толстым ковром. Табличка на дверях передо мной гласила:

«ДР Д.Г.ХЬЮЗ».

Я постучал.

Доктор Хьюз казался невысоким мужчиной, явно измученным, и выглядел так, словно нуждался в немедленном отдыхе в горах.

— Мистер Эрскин? — спросил он, легко пожимая мне руку. — Садитесь. Кофе? Если желаете, могу предложить кое-что покрепче.

— С удовольствием выпью кофе.

Он попросил секретаршу сделать кофе, затем сел в большое черное вращающееся кресло и переплел руки на затылке.

— Я занимаюсь опухолями много лет, мистер Эрскин, и я видел все их виды. Я вроде даже являюсь экспертом по этой части. Но скажу вам честно, что я еще не встречался со случаем, аналогичным случаю Карен Тэнди. Я совершенно беспомощен.

Я закурил.

— Что в этом случае такого необычного?

— Эта опухоль — не обычная опухоль. Не вдаваясь в мельчайшие подробности, скажу, что она не имеет типичных особенностей ткани новообразования. У Карен Тэнди есть что-то, что является быстро растущим наростом, состоящим из кожи и хрящей. Собственно, можно даже сказать, что это очень похоже на человеческий эмбрион.

— Вы хотите сказать... ребенок? Что у нее ребенок на шее? Не очень понимаю.

— Я тоже не понимаю, мистер Эрскин, — Хьюз пожал плечами. — Существуют тысячи описанных эмбрионов, растущих не там, где им положено: в яйцевом, например, или в разных придатках матки. Но я не знаю случая, когда бы зародыш какого-либо типа развивался в шейной области. И уж наверняка не был описан ни один случай, когда бы зародыш развивался так быстро, как этот.

— Вы не оперировали ее сегодня утром? Мне сказали, что вы должны были убрать эту опухоль.

Хьюз покачал головой.

— Такое намерение у нас было. Она уже была на столе, и все было готово для операции. Но как только хирург, доктор Снайт, сделал первый разрез, ее пульс и дыхание нарушились настолько быстро, что стало необходимо прервать операцию. Еще две-три минуты, и ей бы пришел

конец. Так что пришлось удовольствоваться рентгеновскими снимками.

— Почему так произошло? — спросил я. — Почему ей стало так плохо?

— Не знаю, — ответил Хьюз. — Сейчас мы проводим ряд исследований, тогда мы, может быть, получим объяснение. Но я еще никогда не встречался ни с чем таким, и я сам удивлен так же, как и все.

Секретарша внесла две чашки кофе. Пару минут мы молча пили. Наконец я задал вопрос. Вопрос за шестьдесят четыре тысячи долларов.

— Доктор Хьюз, — сказал я. — Верите ли вы в черную магию?

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Нет, — ответил он. — Не верю.

— Я тоже, — уверил я его. — Но есть в этом деле что-то, что кажется мне абсолютно безумным. Знаете, тетка Карен Тэнди тоже является моей клиенткой, и у нее тоже был сон, абсолютно похожий на сон Карен. Не такой выразительный, не такой ужасающий, но наверняка такого же типа.

— Да? — заинтересовался Хьюз. — Какие вы из этого делаете выводы, ясновидец?

— Признаюсь вам здесь и сейчас, доктор, что я не настоящий ясновидец, — сказал я, опуская глаза. — Это моя профессия, если вы понимаете, о чем я говорю. Из принципа я крайне скептичен по отношению к духам и оккультизму. Но мне, однако, кажется, что какое-то влияние извне является причиной состояния Карен Тэнди. Другими словами, что-то приводит к тому, что ей снятся одинаковые сны. Может быть, даже это же самое влияет на опухоль и на состояние ее здоровья.

— Вы пытаетесь меня убедить, что у нее не все дома? — подозрительно спросил Хьюз. — Как в «Изгоняющем дьявола» или чем-то таком?

— Нет, не думаю. Не верю в таких демонов. Но верю, что одно лицо может овладеть другим лицом посредством ума. И мне кажется, что кто-то или что-то завладело Карен Тэнди. Мне кажется, что кто-то трансмутирует в

нее ментальный сигнал, сигнал достаточно сильный, чтобы она заболела.

— А что с ее теткой? И с той старой дамой, вашей клиенткой, той, которая сегодня упала с лестницы?

Я покачал головой.

— Не думаю, что кто-то на самом деле хотел ее обидеть. Но всегда, когда сигнал высылается на большое расстояние, его может принять другой приемник, который находится на его пути. Миссис Карманн и миссис Герц были близко к Карен Тэнди или к месту, где она бывала. Вот они и приняли эхо главной передачи.

Хьюз потер глаза и внимательно посмотрел на меня.

— Ну, хорошо. Скажем, кто-то посылает сигналы Карен Тэнди в целях вызвать болезнь. Тогда кто это и чего он хочет?

— У вас есть такой же шанс угадать это, как и у меня. Но, может, мы могли бы чего-то достичь, если бы поговорили с самой Карен?

Хьюз развел руками.

— Она в очень тяжёлом состоянии. Семейство Тэнди должно прилететь сегодня вечером на случай, если нам вдруг не удастся вытащить их дочь. Но ее шансы, наверное, не слишком ухудшатся, если мы попробуем.

Он поднял трубку и немного поговорил с секретаршей. Она позвонила через пару минут, информируя, что уладила наш визит к Карен Тэнди.

— Вам нужно надеть хирургическую маску, мистер Эрскин, — предупредил меня Хьюз. — Она очень слаба, и мы не хотим подвергать ее возможности дополнительной инфекции.

— Не о чем и говорить.

Мы спустились на десятый этаж, и Хьюз провел меня в раздевалку. Когда на нас надевали зеленые хирургические костюмы и маски, он сказал, что я должен буду немедленно выйти, если состояние Карен Тэнди хоть чуточку ухудшится.

— Позволяю вам ее увидеть лишь потому, что у вас есть теория, мистер Эрскин, а каждый, у кого есть теория,

может помочь нам. Однако предупреждаю, что все это неофициально, и я предпочел бы не давать объяснений, что вы здесь делаете.

— Ясно, — ответил я и направился за ним по коридору.

Карен Тэнди поместили в большую угловую палату. За окнами в двух стенах виднелись снег и ночь. Сами стены были цвета бледной больничной зелени. В комнате не было ни цветов, ни украшений, исключая маленькую олеографию, изображающую осенний день в Нью-Хэмпшире. Ложе Карен Тэнди обставили хирургическими приборами, к правому ее плечу была присоединена капельница. Она лежала с закрытыми подкрашенными глазами, изможденная и бледная, как ее подушка. Я с трудом узнал в ней ту самую девушку, которая накануне вечером приходила ко мне.

Но более всего шокировала опухоль. Она набрякла и разрослась вокруг шеи, бледная, огромная, покрытая сеткой жил. Она была, наверное, раза в два больше, чем вчера, и почти касалась плеча. Я посмотрел на Хьюза, а он только повертел головой.

Я пододвинул кресло к кровати и положил руку на ее плечо. Оно было очень холодным. Она задрожала и открыла глаза.

— Карен, — сказал я. — Это я, Гарри Эрскин.

— Привет, — прошептала она. — Привет, Гарри Эрскин.

Я склонился к ней.

— Карен, — сказал я, — я нашел этот корабль. Я пошел в библиотеку, покопался в ней немного и нашел его.

Она посмотрела на меня.

— Нашел?

— Это голландский корабль, Карен. Построен около 1650 года.

— Голландский? — переспросила она. — Не знаю, что это может значить.

— Ты уверена, Карен? Разве тебе никогда не встречался этот корабль?

Она попыталась покачать головой, но ей помешала набрякшая опухоль, вырастающая из шеи, как мерзкий трупно-бледный плод.

Хьюз положил руку мне на плечо.

— Не считаю, что этот разговор принесет какие-то результаты, мистер Эрскин. Наверное, нам лучше уйти.

Я крепче сжал руку девушки.

— Карен, — спросил я, — а, может, де боот? Что ты скажешь на фразу «де боот»?

— Де... что? — прошептала она.

— Де боот, Карен, де боот.

Она закрыла глаза, и я подумал, что она снова заснула, но она неожиданно задрожала и зашевелилась на ложе. Набрякшая белая опухоль заволновалась, как будто внутри ее сидело что-то живое.

— Иисусе... — заговорил Хьюз. — Мистер Эрскин, будет лучше...

— Ааааххх, — застонала Карен. — Ааааххх!

Она сжала пальцами край одеяла и попыталась откинуть голову назад. Опухоль пошевелилась снова, как будто хватала ее за затылок и сжимала.

— ААААААААХХХХХХХ! — уже кричала она. — ДЕ БОООТ!

Она завращала глазами, которые на одну неуловимую секунду показали мне глазами кого-то другого — налитые кровью, дикие, далекие. Но Хьюз уже трезвонил санитаркам и готовил шприц с успокоительным. Я должен был выйти из палаты в коридор. Я встал там, слыша, как она кричит и бьется на ложе. Я чувствовал себя одиноким и беспомощным, так, как никогда за всю свою жизнь.

III

Через тени

Через несколько минут Хьюз вышел в коридор и с выражением отрешенности стянул маску и перчатки. Я тут же подошел к нему.

— Мне очень жаль, — сказал я. — Я не имел понятия, что будет такой результат.

Он потер ладонью щеку.

— Это не ваша вина. И я тоже не знал. Я дал ей легкое успокаивающее. Оно должно ей помочь.

Мы вместе вернулись в раздевалку, чтобы снять халаты.

— Вот что меня беспокоит, мистер Эрскин... — заговорил Хьюз. — То, что она так резко отреагировала на ваши слова. До этого с ней все было в порядке, ну настолько, насколько можно ожидать в ее положении. Кажется, вы в ней что-то пробудили.

— Вы правы, — согласился я. — Но что это было? Почему нормальная интеллигентная девушка, какой является Карен Тэнди, так озабочена старым голландским галеоном?

Хьюз открыл двери и пропустил меня в лифт первым.

— Меня прошу не спрашивать, — ответил он. — Это вы — специалист по метафизике.

Он нажал кнопку восемнадцатого этажа.

— А что показал рентген? — спросил я. — Эти снимки, которые вы делали в операционной?

— Ничего, что оказалось бы нам полезным, — ответил он. — Когда я говорил, что в этой опухоли находится эмбрион, я, скорее, должен был сказать, что это что-то, подобное эмбриону, не просто ребенок в общепринятом смысле этого слова. Это нарост из плоти и кости, который разрастается по каноническому образцу, так же, как эмбрион. Однако я не знаю, зародыш ли это человека или нет. Я вызвал специалиста-гинеколога, но он появится здесь только завтра.

— А если завтра будет слишком поздно? Она выглядит... выглядит так, будто вот-вот умрет.

Хьюз заморгал в резком свете лампы.

— Это правда. Я бы очень хотел что-нибудь сделать, чтобы не допустить этого.

Лифт остановился на восемнадцатом этаже. Хьюз провёл меня в кабинет, подошел прямо к шкафчику для картотеки, вытянул бутылку виски и налил две большие порции. Мы сели и молча выпили.

— Кое-что я вам скажу, мистер Эрскин, — наконец заговорил он. — Это, конечно, чушь, а я, видимо, псих, но я верю, что этот кошмарный сон как-то связан с ее опухолью.

— Каким же образом?

— И очень близко связан. Вы, спириты, сказали бы, что кошмар является причиной появления опухоли. Я считаю, скорее, что наоборот, опухоль вызывает эти сны. Кто бы ни был прав, а мне кажется, что если мы узнаем что-то большее об этом сне, то точнее поставим диагноз Карен Тэнди.

Я сделал еще один большой глоток.

— Я сделал все, что мог, доктор. Я идентифицировал корабль, который вызывает у нее такую резкую реакцию. Что дальше — не знаю. Я говорил вам, что если брать истинный оккультизм, то я скорее шарлатан. Я не знаю, что я могу тут еще сделать.

Хьюз задумался.

— А если бы вы сделали, как я? Если бы и вы поискали помощи эксперта?

— Что вы хотите этим сказать?

— Ну, что ж, не все ясновидцы являются шарлатанами, как вы. У некоторых действительно имеются способности, делающие возможным изучение таких вещей.

Я поставил стакан.

— Вы говорите серьезно, доктор, не так ли? Вы верите, что творится что-то, имеющее связь с оккультизмом?

— Этого я не сказал, мистер Эрскин, — покрутил головой Хьюз. — Я хочу только использовать все возможности. Я уже давно научился тому, что в медицине оставлять какую-то часть неисследованной нельзя, это может оказаться фатальным. Нельзя иметь предубеждений, когда речь идет о человеческой жизни.

— Тогда что вы предлагаете?

— Именно это, мистер Эрскин. Если вы хотите оградить Карен Тэнди от того, что вызывает ее болезнь, то найдите настоящего ясновидца, который скажет вам, какое отношение, черт побери, к этому имеет чертов парусник.

Я немного подумал, а потом кивнул. Ведь, в конце концов, мне нечего было терять. По крайней мере, мне казалось, что мне нечего терять. И кто знает, может, в результате я приобрету немного истинных знаний по оккультизму.

— Хорошо, — заявил я, прикончив виски. — Я берусь за работу.

Я вернулся домой и сразу же соорудил себе приличную порцию гренков с сыром. Я не ел целый день, и меня уже водило. Я открыл жестянку пива и перенес еду в комнату. Сначала я невольно огляделся, чтобы проверить, не притаился ли где злой дух, овладевший миссис Герц. Но не нашел никаких его следов. Да и не верю я, чтобы духи оставляли следы.

Пережевывая гренок, я набрал номер моей подруги Амелии Крузо. Она владела крохотной лавчонкой с разными побрякушками в Вилледж, и я знал, что она разбирается в спиритизме и других делах такого рода. Она была высокой смуглой шатенкой с большими глазами и жила с бородатым типом по имени Макартур, который зарабаты-

вал на жизнь, исполняя именные таблички страховых агентств.

Именно он снял трубку.

— Кто это? — спросил он наглым голосом.

— Гарри Эрскин. Я хотел бы поговорить с Амелией. Это довольно срочно.

— Невероятный Эрскин! — завопил он. — Как там у тебя дела в доходной области облапошивания старых дур?

— Довольно неплохо, — ответил я. — А что слышно в ремесле гравера?

— Дела потихоньку идут. Может, это и не самая престижная карьера, но позволяет заработать на хлеб и кое-что еще. Подожди, Амелия уже идет.

Амелия заговорила своим обычным бесцветным голосом.

— Гарри? Вот уж действительно неожиданность.

— Увы, Амелия, речь идет о деле. Я подумал, что ты сможешь помочь мне.

— Дела? С каких это пор ты остепенился, занялся делами?

— Оставь иронию, Амелия. Это важно. У меня есть клиентка, которая очень больна. У нее постоянно кошмарные сны. Я разговаривал с врачом, и он считает, что это может иметь какую-то связь со спиритизмом.

— Врач? — она удивленно свистнула. — Я и не знала, что доктора верят в духов.

— Наверное, не верят, — объяснил я. — Они просто беспомощны и пробуют все, что может ее спасти. Послушай, Амелия, я ищу контакта с кем-то, кто действительно знает свое дело. Мне нужен истинный ясновидец, и притом хороший. Ты знаешь кого-нибудь?

— Это довольно трудное дело. Видишь ли, Гарри, есть сотни ясновидцев, но большая их часть более или менее твоего же уровня. А это значит, не обижайся, что они ни на что не годны.

— Я не обиделся. Я знаю свои возможности.

Амелия довольно долго хмыкала и ахала, просматривая свою записную книжку, но через пять минут поисков все

еще не могла дать мне ни одного имени. Наконец она прекратила это дело.

— Не могу тебе помочь, Гарри. Некоторые из этих людей хорошо ворожат или могут сконтактировать с твоим давно умершим дядей Генри, но к ним не стоит обращаться с чем-то серьезным.

Я прикусил палец.

— А ты? — спросил я.

— Я? Но я не эксперт. Знаю, что у меня есть кое-какие способности медиума, но я же не имею понятия о больших тайнах и всем остальном.

— Амелия, — заявил я, — этого должно хватить. По крайней мере, ты настоящий медиум. а это намного больше, чем я. Я хочу только, чтобы ты уловила сигнал, кошмар или что-то еще. Мне нужно какое-то указание, откуда это берется. Остальное я могу уладить сам обычными детективными методами.

— Гарри, я занята, — вздохнула она. — Сегодня вечером я выхожу на прием, завтра я обещала взять в парк детей Дженет, а в понедельник я должна открыть лавку. У меня на самом деле нет ни одной свободной минуты.

— Амелия, речь идет о жизни этой девушки. Сейчас она лежит в Госпитале Сестер Иерусалимских и умирает. Если мы не узнаем, в чем дело с этими снами, то это долго не протянется.

— Гарри, я не могу брать на себя ответственность за каждую умирающую девушку. Это большой город. В нем постоянно умирают какие-то девушки.

Я с силой сжал трубку в руке, будто этим мог вынудить Амелию мне помочь.

— Прошу тебя. Только сегодня вечером. Только пару часов. Это все, чего я хочу.

Она закрыла рукой трубку и что-то сказала Макартуру. С минуту они что-то бурчали и ворчали, пока, наконец, она не заговорила снова.

— Хорошо, Гарри. Мы согласны. Куда мы должны приехать?

Я посмотрел на часы.

— Сначала заезжайте ко мне. Потом мы пойдем домой к этой девушке. Мне кажется, что именно оттуда берут начало злобные сны. У ее тетки они тоже есть, только не такие страшные. Амелия, знаю, что пока это только слова, но я благодарен тебе.

— До свидания, — сказала она и положила трубку.

Немедленно я позвонил миссис Карманн, тетке Карен Тэнди. Наверное, она сидела на телефоне в ожидании известий из госпиталя, так как сняла трубку почти сразу.

— Миссис Карманн? Это Гарри Эрскин.

— Мистер Эрскин? Извините, я думала, что это из госпиталя.

— Послушайте, миссис Карманн. Я был сегодня у Карен. Она все еще очень слаба. Врачи считают, что ее шансы возрастут, если они узнают что-то большее о ней.

— Не понимаю.

— Помните, я звонил вчера, чтобы расспросить у вас о вашем сне. Том, что о пляже. Карен как раз была у меня и говорила, что видела похожие сны. Врачи считают, что в них может быть что-то, какое-то указание, которое поможет им вылечить Карен.

— Я все еще не понимаю, к чему вы клоните. Почему доктор Хьюз сам не позвонит мне?

— Он не позвонил, потому что не мог, — объяснил я ей. — Он специалист в медицине, и если бы кто-то из его начальства открыл, что он начинает впутываться в спиритизм, то он тут же был бы уволен. Но он хочет использовать все шансы, чтобы помочь Карен выздороветь. И потому мы должны узнать что-то большее о сне, который видели вы обе.

Миссис Карманн была сконфужена и обеспокоена.

— Но как же вы хотите это сделать? Как этот сон может вызвать опухоль?

— Миссис Карманн, известно множество документированных связей между умами людей и состоянием их здоровья. Я не хочу этим сказать, что опухоль имеет психо-соматическое происхождение, но не исключено, что связанное с этим психическое состояние затрудняет лече-

ние. Врачи не отваживаются оперировать, пока не узнают, чем является эта опухоль.

— Хорошо, мистер Эрскин, — тихо сказала она. — Что вы хотите сделать?

— Я уже связался с моей знакомой, которая является своего рода медиумом, — объяснил я. — Я хотел бы провести в вашем доме сеанс так, чтобы эта моя знакомая могла проверить, нет ли в нем каких-нибудь вибраций.

— Вибраций? Каких вибраций?

— Каких-то, миссис Карманн. Каких бы то ни было. Мы не узнаем, что ищем, пока не найдем этого.

Миссис Карманн немного подумала.

— Мистер Эрскин, — сказала она наконец, — Я сомневаюсь. Мне отчего-то кажется, что было бы неправильно делать такое, когда Карен тяжело больна. Не знаю, что бы сказали ее родители, если бы это узнали.

— Миссис Карманн, — заявил я. — Если родители Карен узнают, что вы сделали все, что только возможно, чтобы помочь их дочери, то какие они могут иметь претензии? Прошу вас, миссис Карманн. Это очень важно.

— Ну, хорошо, мистер Эрскин. В какое время вы хотели бы приехать?

— Где-то через час. Благодарю, миссис Карманн. Вы великолепны.

Она вздохнула.

— Это я уже слышала, мистер Эрскин. Я только надеюсь, что вы знаете, что делаете.

Не она одна надеется.

Было около половины одиннадцатого, когда мы все собрались у миссис Карманн на Восточной Восемьдесят второй улице. Дом был большой, теплый и богато обставленный. Большие набивные кресла и стулья, красные занавеси из плюша, инкрустированные столики, картины — все было пропитано запахом старых дам.

Сама миссис Карманн была хрупкой женщиной с седыми, тщательно причесанными волосами и сморщенным, наверное, когда-то красивым, лицом. Она любила длинные атласные платья и кружевные шали. Когда мы вошли,

она дала мне подержаться за ее мягкую, всю в перстнях, руку. Я представил ей Амелию и Макатуру.

— Я только молюсь, чтобы то, что мы делаем, не ухудшило положение Карен, — сказала она.

Макартур — широкоплечий, бородатый, в вытертых джинсах — обошел все жилище, усаживаясь в каждое кресло, чтобы проверить, все ли они мягкие. Амелия, одетая в длинный вечерний костюм с красными блестками, оставалась спокойной и замкнутой в себе.

У нее было худощавое, как будто вдохновенное лицо, большие темные глаза и бледные полные губы. Она выглядела так, будто в любой момент могла расплакаться.

— Есть ли у вас какой-нибудь круглый стол? — спросила она.

— Можно использовать обеденный стол, — ответила миссис Карманн. — Только не поцарапайте. Это настоящий антик, вишневое дерево.

Она провела нас в столовую. Стол был черным и блестел тем глубоким отблеском, в котором можно было утонуть. Над ним висела стеклянная люстра с плафонами. Темно-зеленые набивные драпировки покрывали стены комнаты, на них блестели картины маслом и зеркала в позолоченных рамах.

— Очень хорошо, сгодится, — заявила Амелия. — Думаю, мы должны начать как можно скорее.

Мы все вчетвером сели вокруг стола и посмотрели друг на друга с определенной озабоченностью. Макартур, хотя и привычный к спиритическим сеансам Амелии, все же оставался скептиком.

— Есть ли кто-то? Есть ли кто-то? — повторял он.

— Спокойствие, — сообщила Амелия. — Гарри, не можешь ли выключить свет?

Я встал и повернул выключатель. Комната погрузилась в полную темноту. Я нащупал свое кресло и вслепую нашел руки миссис Карманн и Макатура. Слева я касался твердой мужской руки, справа — мягкой ладони старой женщины. Темнота была настолько непроницае-

ма, что казалось, будто к лицу был прижат черный занавес.

— Прошу сконцентрироваться, — заговорила Амелия. — Сосредоточьте свои мысли на духах, которые пребывают в этой комнате. Думайте об их душах, об их потребностях и об их скорби. Попробуйте представить себе, как они крутятся вокруг нас, блуждая в своих духовных миссиях.

— Что, к дьяволу, означает «духовная миссия»? — вмешался Макартур. — Ты хочешь сказать, что у них есть и ужасные миссионеры?

— Успокойся, — тихо сказала Амелия. — Это будет трудно. Мы даже не знаем, с кем хотим войти в контакт. Я стараюсь найти дружественного нам духа, который скажет то, что мы хотим узнать.

Мы сидели в напряжении, соприкасаясь ладонями, а Амелия бормотала долгое заклятие. Я отчаянно пытался думать о духах, проплывающих через комнату, но это отнюдь не просто, когда на самом деле не веришь в духов. Я слышал рядом дыхание миссис Карманн, а пальцы Макартура сгибались и разгибались в моей ладони. По крайней мере, у него было достаточно рассудка, чтобы не отнимать руки. Из того, что я слышал, было ясно, что после начала сеанса разрывать круг опасно.

Постепенно я начинал сосредоточиваться все больше и больше, все легче мне становилось верить, что здесь есть кто-то или что-то, какая-то вибрация, которая соизволит нам ответить. Я чувствовал пульс всего нашего круга, проходящий через мои ладони, чувствовал, как все мы соединяемся вместе в единый круг тел и умов. Как будто ток раз за разом проходил вокруг стола, через наши руки, наши мозги и наши тела, все увеличивая свою мощь и напряжение.

— Калем эстрадим, скона пуриста, — шепнула Амелия. — Уэнора, венора, опти люминари.

Темнота осталась непроницаемой и я не ощущал ничего, кроме необычного чувства, возникающего между нами, пульсации, бьющей через наши руки.

— Спирита, халестим, венора суим, — продолжала Амелия. — Калем эстрадим, скон руриста венора.

Неожиданно мне показалось, что кто-то отворил окно. Я почувствовал как будто холодное дуновение, веющее мне на щиколотки. Оно было не особенно сильным, но вполне ощутимым.

— Венора, венора, опти люминари, — тихо пела Амелия, — Венора, венора, спирита халестим.

Понимание, что я вижу что-то в темноте, пришло постепенно и настолько медленно, что я сначала подумал, что мои глаза просто привыкли к темноте. Более серые среди черноты фигуры Амелии, Макартура и миссис Карманн приобрели четкие очертания. Я уже видел, как блестят их глаза. Поверхность стола лежала между нами, как бездонное озеро.

Потом я посмотрел вверх и увидел, что люстра светится слабым зеленоватым светом. Свет, казалось, полз и извивался, как светлячки летом. Но было прохладнее, чем летом, а таинственное дуновение напоминало, что становилось все холоднее и холоднее.

— Ты здесь? — спросила Амелия. — Я вижу твои знаки. Здесь ли ты?

Раздался удивительный шелест, как будто в комнате оказался кто-то еще, медленнодвигающийся. Я мог бы поклясться, что услышал дыхание — глубокое и ровное, не принадлежащее ни одному из нас.

— Ты здесь? — снова спросила Амелия. — Теперь я могу тебя слышать. Здесь ли ты?

Все молчали. Люстра светила все ярче, а дыхание стало более глубоким.

— Говори, — настаивала Амелия. — Скажи нам, кто ты. Приказываю тебе говорить.

Дыхание как будто изменилось, стало более хриплым и громким, а блеск люстры пульсировал и мигал в такт ему. Я видел ее зеленоватое отражение в черном озере вишневой поверхности стола.

Пальцы миссис Карманн впились в мою руку, но я этого почти не чувствовал. Пронизывающий холод воца-

рился в комнате, а дуновение уже неприятно оведало мне ноги.

— Отзовись, — повторила Амелия. — Заговори и скажи нам, кто ты.

— Иисусе! — не терпелось Макартуру. — Ведь это...

— Тссс, — утихомирил я его. — Подожди еще немного, Макатур, это идет.

И шло. Я смотрел на середину стола, и мне казалось, будто что-то дрожит в воздухе в нескольких дюймах над его поверхностью. У меня поднялись волосы на затылке, и я почувствовал холодную дрожь, когда воздух зашевелился и, плавая как дым, начал формировать какой-то силуэт.

Дыхание стало глубоким, громким и близким, как будто кто-то дышал мне прямо в ухо. Слабый свет люстры полностью погас, но извивающаяся воздушная змея блесла перед нами собственным светом.

Под ней деревянная поверхность стола начала вздвигаться буграми. Я прикусил язык так, что почувствовал во рту соленый вкус крови. Окаменев от страха, я не мог отвернуться, не мог не смотреть. Сила круга держала нас слишком крепко: мы могли лишь сидеть и смотреть на ужасающий спектакль, который разыгрался перед нами.

Блестящее черное дерево середины стола сформировало человеческое лицо — лицо мужчины с закрытыми глазами, как на посмертной маске.

— Боже! — простонал Макатур. — Что это?

— Тихо! — шепнула Амелия. В неестественном блеске воздуха я видел ее бледное, сосредоточенное лицо. — Предоставьте это мне.

Она склонилась к неподвижному деревянному лицу.

— Кто ты? — спросила она, почти ласкаясь. — Чего ты хочешь от Карен Тэнди?

Лицо осталось неподвижным. Это было полное сил лицо с дикими, резкими чертами, лицо мужчины лет сорока, с выдающимся крючковатым носом и широкими, полными губами.

— Чего ты хочешь? — снова спросила Амелия. — Что ищешь?

Я мог и ошибиться, но мне показалось, что я вижу, как черные деревянные губы искривляются в спокойной, полной удовлетворения усмешке. Лицо с минуту сохраняло это выражение, после чего древесина как будто выгнулась и разгладилась, очертания расплылись, и вскоре перед нами была лишь гладкая полированная поверхность стола.

Безумный блеск погас, и мы вновь все очутились в темноте.

— Гарри, — заговорила Амелия. — Ради бога, включи свет.

Я отпустил ладони Макартура и миссис Карманн. Я встал, и тут же раздался оглушительный треск, ярко блеснула ослепительно белая молния, а окна разлетелись как от взрыва бомбы, разбрызгивая повсюду осколки стекла. Затрепетали, заполоскались занавески, раздуваемые ледяным ветром, дующим из глубин зимней ночи. Миссис Карманн закричала от ужаса.

Я подошел к выключателю и зажег свет. В столовой повсюду валялись разбросанные предметы, как будто в ней безумствовал ураган. Стаканы и графины лежали на полу, картины висели криво, все кресла были перевернуты. Вишневый стол лопнул от края до края.

Макартур подошел ко мне, с хрустом ступая по осколкам стекла, покрывающим ковер.

— С меня достаточно, парень, баста! С сегодняшнего дня я занимаюсь только медными табличками для страховых компаний.

— Гарри! — вскричала Амелия. — Помоги мне перенести миссис Карманн в салон.

Мы вместе перенесли пожилую даму в соседнюю комнату и положили на диван. Она была бледна и дрожала, но наверняка с ней ничего не случилось. Я подошел к бару и налил большую рюмку бренди, а Амелия поднесла ее ко рту миссис Карманн.

— Уже все? — простонала миссис Карманн. — Что было?

— Боюсь, что кое-что разбито, — ответил я. — Окна выбиты, часть стеклянной посуды разлетелась. Стол также

развалился. К счастью, разрыв стола ровный, может, его удастся склеить.

— Но что это было? — прошептала она. — Это лицо...

Амелия повертела головой. Макартур нашел сигареты в серебряной шкатулке и подал одну ей. Она закурила дрожащими руками и выпустила длинную, неровную, острую струйку дыма.

— Не знаю, миссис Карманн. Я медиум, но не эксперт. Чем бы это ни было, имело оно необычайную мощь. Обычно дух должен выполнять то, что ему приказывают. Этот же просто показал, что он плевать на нас хотел.

— Амелия, — захотел узнать я. — Это он наводит кошмары на Карен Тэнди?

Она кивнула головой.

— Наверное, да. Понимаешь, это значит, что он так могуч, что мог вызвать какие-то вибрации в квартире. И думаю, что Карен Тэнди принимала их в своих снах. Во сне люди очень чувствительны к вибрации, даже слабой, а эта была самой сильной из всех, какие я только чувствовала в жизни. Это существо обладает истинной магической мощью.

Теперь я закурил сигарету и ненадолго задумался.

— Ты сказала магической? — уточнил я.

— Конечно. Каждый дух, который может отказаться выполнять приказания, должен быть духом кого-то, кто при жизни хорошо знал магию. Это даже может быть лицо, которое еще живет и которое способно в астральной форме отделиться от своего тела. Бывали и такие случаи.

— Для меня все это вздор, — заявил Макартур, — если бы я был миссис Карманн, то я взял бы этот стол и подал жалобу.

Я улыбнулся. Хорошо иметь рядом истинного скептика, даже если он не может как-то помочь.

— Амелия, — сказал я. — Если, как ты говоришь, мы увидели духа кого-то, связанного с магией, то тогда что-то начинает клеиться. Вчера вечером я раскладывал карты Таро, и постоянно выпадал Чернокнижник. Как я их ни перетасовывал, я всегда оставался с одной и той же картой.

Амелия откинула ниспадающие ей на лоб волосы.

— В таком случае, можно держать пари, что этот некто, живой или мертвый, чернокнижник. Или кто-то подобный.

— Африканский колдун, — сделал вывод Макартур.

— Возможно. Он даже был похож на африканца. Не потому, что столик был черным, а потому что его губы... Помните?

Миссис Карманн села, нервно сжимая в руке свой бокал бренди.

— Я скажу вам, кого он напоминает, — заговорила она слабым голосом. — Чертовски похож на индейца в сигарном ларьке.

— Точно! — Макартур щелкнул пальцами. — Индеец! Да, крючковатый нос, совпадает, и губы, и выступающие скулы. Это же колдун, это шаман!

Амелия посветлела.

— Послушайте, — сказала она. — У меня куча книг об индейцах. Может, мы поедem сейчас ко мне и поищем что-нибудь об индейцах? Миссис Карманн, считаете ли вы, что мы можем вас оставить?

— Не беспокойтесь обо мне, — успокоила нас пожилая дама. — Я останусь у соседки, миссис Рутледж, на противоположной стороне коридора, а потом приедут родители Карен. Если это может помочь бедной девочке, то чем быстрее вы поедете, тем лучше.

— Вы ангел, — заявила Амелия.

— Надеюсь, что еще какое-то время им не буду, — улыбнулась миссис Карманн. — Желательно подольше.

В джунглях вещей квартиры Амелии, в окружении книг, журналов, ковров, картин, старых шляп и запчастей к машине, мы просмотрели дюжину томов, касающихся индейцев. К моему удивлению, мы не нашли почти ничего о шаманах, кроме информации о магии бизонов, танцах дождя и военных заклетьях. В одиннадцати книгах мы не нашли ни малейших указаний, касающихся деревянной посмертной маски на столе миссис Карманн.

— Может, мы совершенно ошибаемся, — заявила Амелия. — Может, это дух кого-то, кто еще жив. Такой

крючковатый нос необязательно должен быть индейским. Он может быть, к примеру, семитским...

— Подожди чуть-чуть, — остановил я ее. — Есть у тебя еще что-нибудь по истории или вообще что-то, где можно найти хоть что-нибудь про индейцев или шаманов?

Амелия перерыла несколько кип книг, чтобы откопать историю раннего заселения Соединенных Штатов, и первый том трехтомной монографии о Нью-Йорке. Ища индейцев, я просмотрел указатели. Книга о раннем заселении содержала лишь несколько фраз об их цивилизации. В те дни у людей было намного больше желания грабить землю, а не изучать культуру аборигенов. Но том о Нью-Йорке содержал иллюстрацию, которая сильно продвинула нас вперед со времени, когда я в библиотеке нашел парусник из кошмара Карен Тэнди.

Я уже видел этот рисунок — в школьных учебниках и исторических книгах, — но лишь когда он попал мне в руки в ту ночь в квартире Амелии Крузо, я понял, какое большое значение он имеет. На нем эскизно были представлены мыс острова, небольшая кучка домов, ветряная мельница и укрепленный форт в форме лотарингского креста. У берега стояли парусные суда, а на переднем плане плавали лодки и каноэ.

Самый большой из парусников был идентичен кораблю из кошмара Карен Тэнди. Это подтверждала подпись под изображением: «Самое старое известное изображение Нью-Амстердама, датируемое 1651 годом. В этом небольшом, но важном поселении была штаб-квартира генерального директора голландского отделения Вест-Индской компании».

Я подал книгу Амелии.

— Посмотри на это, — сказал я. — Это точно такой же корабль, как тот, который снился Карен Тэнди. И посмотри, тут с полдюжины индейцев в каноэ. Так выглядел Нью-Йорк триста двадцать лет тому назад.

— Гарри, — ответила Амелия, старательно изучая рисунок. — Это, может быть, то. Именно то, что мы ищем. Допустим, был там какой-то индейский шаман в Нью-Йор-

ке или в Нью-Амстердаме столько лет назад. А Карен Тэнди воспринимает его вибрацию в месте, где он когда-то жил.

— Совпадает, — Макартур почесал свою бороду. — Здесь когда-то существовала индейская деревенька, как раз на месте нынешней Восточной Восемьдесят второй. Вы заметили, иногда создается впечатление, что она все еще находится там.

Я вытянулся во весь рост и потянулся.

— Весь этот «де боот» тогда начинает подходить. Если парень был шаманом в то время, когда голландцы поселились на Манхэттене, то единственные европейские слова, которые он знал, наверняка были голландскими. «Де боот» — это для него единственный способ сказать что-то о корабле. А судя по сну Карен, он боялся корабля. Она говорила мне, что парусник ей казался чужим, как пришелец с Марса. Допускаю, что именно таким он бы казался индейцу в то время.

Амелия закурила, взяв сигарету из помятой пачки.

— Но почему он был настолько недружелюбен? — спросила она. — И какую он имеет связь с опухолью? То есть, что вообще за дело связано с этой опухолью?

— Нашел, — неожиданно заговорил Макартур, который просматривал большой запыленный том энциклопедии. Он отметил нужную страницу и подал книгу мне.

— «Шаманы, — прочитал я вслух, — часто были могучими магами, якобы способными на необычные, неестественные поступки. Верили, что они бессмертны и что при угрозе они могут исчезнуть, выпив кипящего масла, а затем возродиться в произвольном месте, в будущем или прошлом, располагаясь в теле мужчины, женщины или даже животного».

Амелия смотрела на меня расширенными глазами.

— Это все, что пишут? — спросила она.

— Все, — подтвердил я. — Дальше начинается о танце дождя.

— Тогда это значит, что Карен...

— Беременна, — сказал я, закрывая книгу. — Можно сказать, что вскоре она родит примитивного дикаря.

— Но, Гарри, что, к черту, мы здесь сможем сделать? Макартур встал и подошел к холодильнику в поисках пива.

— Вы можете подождать, пока этот шаман не вылупится, — сказал он. — А потом подайте ему порцию кипящего масла. Так вы без труда от него избавитесь.

— Но это невозможно, — заявил я. — Карен умрет до того, как он будет готов родиться.

— Знаю, — хмуро ответил Макартур, медленно опускающая жестянку с пивом. — Тогда я не имею понятия, что тут еще можно сделать.

— Я позвоню в госпиталь, — я подошел к телефону. — Может, у доктора Хьюза появится какая-нибудь идея. Во всяком случае, теперь у нас есть теория, которая все объясняет, а это уже заметные успехи в сравнении с положением два часа назад.

Я набрал номер Сестер Иерусалимских и попросил Хьюза. Судя по голосу, он был совершенно вымотан. Было уже около часа ночи, а он наверняка не выходил из госпиталя целый день.

— Доктор Хьюз? Это Гарри Эрскин.

— В чем дело, мистер Эрскин? У вас есть какие-нибудь известия в вашем духе?

— Я нашел медиума, доктор, и сегодня вечером мы провели сеанс в доме Карен. Произошла демонстрация — лицо. Мы проверили в книгах по истории индейцев и в разных справочниках. Считаем, что это может быть индейский шаман семнадцатого века. В одной из книг, послушайте внимательно, написано следующее: «при угрозе они могут исчезнуть, выпив кипящего масла, а затем возродиться в произвольном месте, в будущем или в прошлом, располагаясь в теле мужчины, женщины, или даже животного». Не считаете, что это может подойти, доктор Хьюз?

На другом конце телефона наступила тишина. Наконец Хьюз заговорил:

— Мистер Эрскин, я не знаю, что сказать. Подходит, и даже. Но если это правда, то как можно уничтожить такое чудовище? Доктор Снайт провел после обеда дополни-

тельные исследования, и стало совершенно ясно, что если мы попытаемся каким бы то ни было образом убрать опухоль или убить этот эмбрион, то Карен Тэнди умрет. Это что-то стало интегральной частью ее собственной нервной системы.

— Как она себя чувствует, доктор? Она в сознании?

— Еле-еле. Не самым лучшим образом. Если плод и дальше будет расти в том же темпе, то могу только сказать, что она умрет в течение двух-трех дней. Доктор Снайт даже утверждает, что во вторник.

— А что специалист-гинеколог?

— Он так же удивлен, как и мы все. Он подтвердил, что эмбрион не является нормальным ребенком, но согласен со мной, что он обладает всеми чертами, характерными для быстрорастущего организма-паразита. Если вы верите, что это индейский шаман, то ваше мнение стоит столько же, сколько и те, которые я здесь слышал.

Амелия подошла ко мне и вопросительно подняла брови.

— Что с ней?

Я прикрыл ладонью трубку.

— Плохо. Врачи опасаются, что она не доживет до вторника.

— Но что с этим... шаманом? — спросила Амелия. — Считают ли они, что он будет расти и выживет? Иисусе...

— Доктор, — сказал я в трубку, — моя подруга спрашивает, что случится с эмбрионом шамана? Не будет ли он жить после смерти Карен Тэнди? Что вы собираетесь с ним делать?

Хьюз не колебался ни секунды.

— Мистер Эрскин, в этом случае мы сделаем то же, что и всегда. Если это ребенок, если он здоров и нормален, то мы сделаем все, чтобы его спасти. Если это чудовище... что ж, у нас есть уколы, которые позволяют избавиться от него быстро и без шума.

— А если это шаман? — осторожно спросил я.

— Что ж, — ответил он, помолчав. — Если это шаман, то не знаю. Но я не пойму, как это могло бы случиться, мистер Эрскин. Я не против того, чтобы сделать опреде-

ленные шаги в сторону оккультизма, но, ради Бога, как она может родить трехсотлетнего индейца? Так что будем серьезны.

— Доктор, вы же сами предложили, чтобы мы попробовали узнать, не происходит ли что-то сверхъестественное. И вы сами сказали, что мое мнение стоит столько же, сколько и любое другое.

— Знаю, мистер Эрскин, — вздохнул Хьюз. — Извините. Но и вы сами признайте, что все это звучит, как бред шизофреника.

— Псих я или нет, но я считаю, что мы должны что-то сделать.

— Что вы предлагаете? — мрачно спросил он.

— Однажды вы уже дали мне совет — обратиться к эксперту — и были правы. Я сделал это. Считаю, что пришла пора пригласить очередного специалиста, кого-то, кто больше нас понимал бы в индейской магии и мистике. Дайте мне немного времени, и я постараюсь кого-нибудь найти. В Гарварде или Йеле должен быть кто-то, кто разбирается в этом.

— Возможно, — согласился Хьюз. — Хорошо, мистер Эрскин. Благодарю за участие и помощь. Прошу вас не стесняться и звонить, как только буду нужен.

Я медленно положил трубку. Амелия и Макартур стояли рядом, такие же усталые, но желающие помочь и по-настоящему заинтересованные. Они видели лицо на вишневом столе и поверили. Кем бы ни был этот дух, древним индейским шаманом или злобным чудовищем современности, они хотели помочь мне бороться с ним.

— Лучше бы голландцы оставили себе эти двадцать четыре доллара и предоставили Манхэттен индейцам, — заявил Макартур. — Кажется, древние хозяева начинают за это мстить.

— Страшно похоже на правду, Макартур, — согласился я, протирая глаза. — Попробуем немножко поспать. У нас завтра целая гора работы.

IV

Через сумерки

Четыре часа у нас заняли поиски доктора Эрнесто Сноу. Подруга Амелии знала кого-то из Гарварда, тот знал кого-то другого, изучавшего антропологию, а студент, в свою очередь, привел нас к доктору Сноу.

Список его трудов был внушительным. Он написал пять монографий об индейских религиозных обрядах и магических ритуалах, а сверх того — еще и книгу «Обряды и магия хидачей». А самое важное, жил он совсем неподалеку, в Олбени, штат Нью-Йорк.

— Ну и что? — зевнул Макартур в полумраке хмурого, зимнего воскресного полудня. — Позвонишь ему?

— Пожалуй, да. Я только думаю, не идем ли мы сейчас по ложному следу.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Амелия.

— Всю эту историю с индейцами. У нас же нет ни малейшего доказательства. Только то, что то лицо на столике напоминает лицо индейца. Но это же совсем не означает, что оно точно индейское.

— Разве у нас есть какой-то другой исходный пункт, иная точка зрения? — пожала плечами Амелия. — Плюс вся эта жуть о возрождении. Успокойся, Гарри, мы должны именно это попробовать.

— Ну хорошо, уговорили, я звоню, — заявил я и поднял трубку. Я набрал номер доктора Сноу и с минуту слушал писк сигнала.

— Сноу слушает. — наконец отозвался резкий, жесткий голос.

— Доктор Сноу, прошу прощения, что звоню вам в воскресенье, но надеюсь, что вы извините меня, если я объясню вам причину. Меня зовут Гарри Эрскин, и я — профессиональный ясновидец.

— Кто вы? — заворчал Сноу. Казалось, что он явно не обрадован.

— Я предсказываю будущее. Я работаю в Нью-Йорке.

Наступила полная напряжения тишина. Затем Сноу сказал:

— Мистер Эрскин, очень мило с вашей стороны, что вы звоните мне в воскресенье и рассказываете мне все это. Но я только не понимаю, почему информация, что вы предсказываете будущее, так важна для меня.

— Но это так, доктор Сноу. У меня есть клиентка, которая сейчас находится в госпитале. Это молодая девушка, и она очень больна. У нее на шее какая-то опухоль, и врачи не очень хорошо знают, что делать.

— Мне неприятно это слышать, — ответил Сноу. — Но я все еще не очень понимаю, что это имеет общего со мной. Я доктор антропологии, а не медицины.

— Именно поэтому я вам и звоню. Видите ли, я верю, что моя клиентка является носителем воплощения индейского шамана. Я считаю, что ее опухоль является эмбрионом этого краснокожего. Вы слышали о подобном, не так ли? Что шаманы пили кипящее масло, чтобы возродиться в прошлом или в будущем.

На этот раз молчание затянулось. Наконец Сноу заговорил:

— Говорите ли вы серьезно, мистер...

— Эрскин.

— Мистер Эрскин, вы понимаете, что вы несете? Вы заявляете, что сегодня в Нью-Йорке живет кто-то, кто носит в себе возрожденного шамана?

— Именно так, извините.

— Разве это не шутка? Вы хотите меня надуть? Знаете, студенты любят таким образом издеваться.

— Я отдаю себе отчет. Но если вы посвятите мне полчаса для разговора, то я надеюсь убедить вас, что я не шучу. Если же вы хотите проверить меня, то прошу вас позвонить доктору Хьюзу в госпиталь Сестер Иерусалимских. Мы действуем с его разрешения и согласия.

— Мы?

— Я и пара друзей. Один из них медиум.

Я почти слышал, как на другом конце телефонного провода работает мозг доктора Сноу. Амелия и Макартур нервно всматривались в меня, пока я напряженно ждал ответа.

— Согласен, — сказал он наконец. — Думаю, что вы захотите увидеть меня еще сегодня?

— Как можно скорее, доктор. Знаю, что доставляю вам хлопоты, но девушка умирает.

— Это не хлопоты. Кстати, сегодня ко мне приезжает сестра моей жены, и чем меньше я ее буду видеть, тем лучше. Приезжайте тогда, когда вам это будет удобнее.

— Спасибо, доктор Сноу.

Я повесил трубку. Это оказалось так просто! Меня всегда удивляет, как быстро и легко принимают люди на веру то, что неестественно и магично, стоит сунуть им под нос доказательства. Доктор Сноу наверняка сотни раз читал о реинкарнации шаманов, не веря, чтобы подобное было возможно. Но едва кто-то сказал ему, что такое случилось на самом деле, он тут же был готов в это полностью поверить.

Как бы там ни было, я взял ключи от машины и надел свой плащ в «елочку».

— Кто едет в Олбени? — спросил я.

Амелия и Макартур встали по стойке «смирно», готовые в дорогу.

— Чертовски глупо признаться, — заявил Макартур, — но мне это куда интереснее, чем продавать медные таблички.

Небольшой низкий кирпичный домик, в котором жил доктор Сноу, стоял в пригороде Олбени. Его окружали темные траурные кипарисы, а в окнах висели желтые

занавески. Пока мы ехали по лужам грязи и льда, небо приобрело мрачную, стальную боевую окраску. С северо-востока свистел резкий, неприятный ветер. Вокруг же царила удивительная тишина, как в классе, ожидающем грозного учителя.

Мы стояли у порога, растирая замерзшие руки, и жали на кнопку звонка. Мы слышали его звук в глубине старого дома.

Двери открылись, и мы увидели Сноу. Он был высок и немного сутул, с седыми волосами и очками в золотой оправе. На нем была коричневая шерстяная тужурка с набитыми карманами и полосатые тапочки.

— Мистер Эрскин? — спросил он. — Лучше быстрее зайти внутрь.

Мы прошли в темный холл. Сильно пахло лавандовой эмульсией для чистки, а в углу медленно тикали шкафчик-часы. Мы сняли пальто, и доктор Сноу провел нас в холодную гостиную. Везде на стенах висели ужасающие индейские маски, контрастирующие с чисто английской деликатностью чучел птиц в стеклянных коробках и поблекшими маленькими литографиями.

— Садитесь, — пригласил Сноу. — Было бы хорошо, если бы вы все мне объяснили. Жена сейчас подаст кофе. Увы, в этом доме не пьют ничего более крепкого.

Макартур скривился. В автомобиле осталась фляжка бурбона, но он был достаточно хорошо воспитан, чтобы спросить, можно ли за ней сходить.

Сноу уселся на небольшом жестком табурете и скрестил руки на груди. Амелия и я заняли места на крайне низком и неудобном диване, а Макартур сел на его валик, отсюда он мог вволю разглядывать заснеженные деревья за окном.

Так внятно, как только мог, я рассказал о болезни Карен Тэнди и о вчерашнем вечернем сеансе. Сноу внимательно слушал, время от времени задавая вопросы о Карен, ее тетке и о лице, которое мы увидели на столе миссис Карманн.

Когда я кончил, он сплел пальцы и задумался.

— Из того, что вы рассказали, мистер Эрскин, — заявил он чуть погодя, — случай этой несчастной девушки мне кажется подлинным.

Считаю, что вы абсолютно правы. Известен только один случай, когда некое лицо стало носителем возрождающегося шамана. Дело происходило в 1851 году, поблизости от Форт Бертольд в Верхнем Миссури, в племени хидача.

У молодой индианки на плече образовалась опухоль, которая в конце концов настолько выросла, что она умерла. Из опухоли выскочил полностью сформировавшийся взрослый мужчина, по слухам — колдун племени, исчезнувший пятьдесят лет назад. В поддержку этой истории было мало документов, и до сегодняшнего дня ее считают легендой. Даже я сам назвал ее так в своей книге о хидачах. Но сходство с историей Карен Тэнди так велико, что я не вижу иной возможности, чтобы мы имели дело с чем-то другим. У кайов тоже ходят рассказы о том, что шаманы могут появляться в виде деревьев и разговаривать с членами рода. Чаще всего деревья имеют свою магическую жизненную силу, которую шаманы могут использовать в своих целях. Потому я верю в то, что вы говорили о столе из вишневого дерева. Я сначала думал, что вы хотели посмеяться надо мной, но ваши аргументы убедили меня.

— Значит, вы нам верите? — восторгалась Амелия, откидывая прядь волос с глаз.

— Да, — ответил доктор Сноу, поглядывая на нее из-за стекол очков. — Верю. Я также не поленился воспользоваться вашим советом и связался с доктором Хьюзом из госпиталя Сестер Иерусалимских. Он все подтвердил и сказал также, что состояние мисс Тэнди критическое и что важны любые действия, которые могут помочь спасти ее.

— Доктор Сноу, — спросил я, — Как мы можем бороться с этим шаманом? Как бы нам уничтожить его прежде, чем он убьет Карен Тэнди?

Сноу нахмурился.

— Вы должны понять, мистер Эрскин, что магия индейцев очень могуча и всестороння. Индейцы не проводили четкой границы между естественным и неестественным, и каждый из них считал, что находится в близком контакте с духами, правящими его существованием. Индейцы равнин, например, посвящали религиозным обрядам и магическим церемониям столько же времени, сколько совершенствованию своего охотничьего искусства.

Они считали важным умение охотиться на бизонов способом хитрым и эффективным, но одновременно полагали, что лишь духи дают им силу и храбрость, необходимые для удачной охоты. Индейцы разыскивали проявления таинственных сил, практиковали ритуалы, проводили церемонии, дающие им контакт с космосом. По существу, они были одним из великих магических обществ современности. Многие из их тайн для нас утеряны, но нет никаких сомнений, что они обладали реальной и большой силой.

Амелия подняла голову.

— Вы хотите сказать, доктор Сноу, что ни у кого из нас нет достаточных сил, чтобы выдержать поединок с этим шаманом...

Ученый кивнул головой.

— Опасаюсь, что вы, мисс, правы. К тому же, если ему на самом деле триста лет, то он пришел из времен, когда магия индейцев была еще удивительно могуча — чисто языческое искусство оккультизма, еще не ослабленное европейскими предрассудками, свободное от влияния христианства. Духи Северной Америки во время, когда туда прибывали первые поселенцы, были в миллион раз сильнее, чем все демоны или дьяволы Европы. Поймите, дух может магически действовать только при посредничестве людей, которые в него верят и его понимают. Правда, он существует независимо и не имеет материальной силы в нашем материальном мире, пока не будет вызван, сознательно или нет. Если никто не верит в конкретного духа или никто его не понимает, то его нельзя вызвать, поэтому дух и остается в бездне.

В сравнении с индейцами, — продолжил он после минуты раздумья, — европейские демоны — лишь жалкие карикатуры. Они были — или являются, если вы все еще в них верите, — лишь противоположностями добра и священных догм христианства. В «Изгоняющем дьявола» сценарист использует демона Пазузу, воплощение болезни и слабого здоровья. Для краснокожего такой демон был бы смешон — он пугал бы не больше, чем злой пес.

Аналогичный дух индейцев представляет собой всю концепцию жизни и здоровья, значение физического бытия. Это делало из подобного духа ужасающее существо с могучей силой. По-моему, настоящее падение индейской цивилизации было результатом не столько жадности и омерзительно предательской политики белых, сколько эрозии оккультной мощи шаманов.

Когда племена краснокожих узрели научные чудеса белого человека, их чрезмерное восхищение привело к тому, что они потеряли веру в собственную магию. Можно спорить, могла ли эта магия, использованная надлежащим образом, спасти их.

— Но что с шаманом Карен Тэнди? — прервала лекцию Амелия. — Как вы считаете, к чему он стремится? Почему он хочет в ней возродиться?

Доктор Сноу почесал за ухом.

— Трудно сказать. Основываясь на снах о голландском паруснике, которые вы мне изложили, я рискнул бы утверждать, что существованию шамана угрожало голландское поселение на Манхэттене. Может, он пытался удержать свой род от продажи острова так дешево. С помощью магических сил, которыми располагали шаманы, он наверняка мог предвидеть будущее значение этого для покорения Америки белыми. Возможно также, что голландцы как суровые кальвинисты признали влияние шамана происками зла и старались его уничтожить. Что бы ни случилось, он, видимо, пришел к выводу, что единственным путем бегства для него является оставить существование в семнадцатом веке и вновь появиться в другое время. Не считаю, что он сознательно выбрал Карен

Тэнди. Просто она случайно оказалась податливой к его реинкарнации и в нужное время оказалась в нужном месте.

— Доктор Сноу, — спросил я, — если мы не в состоянии с ним справиться, то кто сможет? Существует ли вообще кто-то, кто сумеет вызвать силы, способные уничтожить его навсегда?

Сноу задумался.

— Случай настолько необычный, что чисто по-человечески я жалею, что речь идет о жизни молодой девушки. Только подумайте, мистер Эрскин, через два или три дня мы можем встретиться с индейским шаманом, живым и жизнеспособным, из других времен, из далекого прошлого Америки. Мне кажется почти преступлением сама мысль о его уничтожении.

Макартур резко повернулся от окна.

— Мы все знаем о чудесах антропологии, доктор Сноу, — гневно сказал он. — Но здесь дело идет о жизни человека, которого мы пытаемся спасти. Карен Тэнди не просила этого колдуна, чтобы он рос на ее затылке. Считаю, что нам все же следует сделать все возможное, чтобы спасти ее. Более того — это наш долг.

— Да, я знаю это, — со вздохом признался Сноу. — Однако есть только один способ сделать это.

— Какой, — спросила Амелия. — Очень ли он труден?

— Достаточно. И опасен. Единственный человек, который может выйти на поединок с шаманом, — это другой шаман. Наверняка в какой-нибудь резервации еще живы один-два шамана. Конечно, ни один из них даже приблизительно не так могуч, как этот человек. Они знают, может быть, какие-нибудь старые обряды, но я не уверен, что они владеют умением и силами, сравнимыми с его силой. А если они не смогут его победить, если им не удастся его уничтожить полностью, то сами они наверняка должны будут погибнуть.

— Минутку, — вмешался я. — Этот шаман все еще не родился. Он еще не вырос до своих нормальных размеров, и наверняка он еще не так силен, как станет, когда

разовьется полностью. Если бы мы сейчас нашли другого шамана, то мы могли бы убить его прежде, чем он появится на этом свете.

— Это было бы очень опасно, — заявил Сноу. — И не столько для шамана, сколько для молодой девушки. Они оба могут погибнуть.

— Доктор, — прервал я его. — Она же и так скоро умрет.

— Что ж, наверное, вы правы. Но все же трудно будет уговорить какого-нибудь старого, спокойного индейца из резервации рисковать жизнью ради белой девушки, которую он даже не знает.

— Но мы подкупим его, — спокойно заявил Макартур.

— Как? — удивилась Амелия.

— Мы, наверное, должны поговорить с родителями Карен Тэнди, — предложил я. — Наверняка они уже в городе. Денег им, скорее всего, хватает, а несколько тысяч долларов наверняка решат дело. Доктор Сноу, в состоянии ли вы помочь нам найти такого шамана?

Сноу снова потер ладонью подбородок.

— С этим не должно быть хлопот. У меня есть приятель в Южной Дакоте. Он кого-нибудь найдет. Естественно, мы должны будем заплатить за перелет этого шамана в Нью-Йорк, конечно, при условии, что он согласится.

— Считаю, что пришло время поговорить с родителями Карен, — заявил я. — Они имеют право знать, что творится, а нам вскоре понадобятся средства. Доктор Сноу, вас можно попросить об услуге?

— Конечно. Это сверхъестественный случай, и я буду польщен возможностью сотрудничества.

— Тогда позвоните в Южную Дакоту и попросите вашего приятеля, чтобы он отыскал самого сильного шамана, которого только можно найти. Если родители Карен согласятся, чтобы его пригласили, то мы будем готовы. Вы можете это сделать?

— С удовольствием.

Мы покинули дом доктора Сноу около пяти часов вечера. На дворе уже была ночь. Мы ехали через необыч-

ной расцвеченный замерзший пейзаж, измученные и озябшие, но твёрдо решившие спасти Карен Тэнди от таинственного врага, который вторгся в ее тело. Первое, что я хотел сделать после возвращения в Нью-Йорк, это проверить, как она себя чувствует, и спросить Хьюза, сколько, по его мнению, ей осталось времени. Не стоило бы брать на себя заботы по приглашению индейского шамана из Южной Дакоты, если Карен была уже мертва или могла умереть в любую минуту.

— Знаете что, — заговорил Макартур, вытянув ноги на заднем сиденье «кугуара». — Думаю, что во всем этом есть что-то от общественной справедливости. Конечно, что мне жаль Карен, но ведь кто сеет ветер, тот пожинает бурю, не так ли?

Амелия оглянулась на него и неприятно улыбнулась.

— Макартур, — сказала она. — Обожаю твою бороду и люблю твоё тело, но твоя философия воняет.

Я посадил Амелию и Макарту в Вилледж, а сам поехал в госпиталь Сестер Иерусалимских, узнать, что с Карен. Но еще до того, как я добрался до места, я изрядно устал, поэтому мне пришлось зайти в туалет, чтобы вымыть руки и причесаться. Там я глянул на себя в зеркало. Я был бледен, измучен и выглядел так плохо, что начал задумываться, откуда у меня могут взяться силы для борьбы с шаманом из золотого века индейской магии.

Хьюза я нашел в его кабинете. Он просматривал под настольной лампой кучу бумаг.

— Мистер Эрскин, — приветствовал он меня. — Вижу, что вы вернулись. Как дела?

Я рухнул в кресло напротив стола.

— Считаю, что по крайней мере мы знаем, что творится. Другое дело, сможем ли мы с этим бороться?

Он внимательно выслушал мой пересказ того, что сообщил доктор Сноу. Я рассказал ему также, что мы ищем другого шамана, чтобы привести его сюда. Он встал, подошел к окну и засмотрелся на медленно ползущие

внизу огни машин и водовороты первых хлопьев свежего снега.

— Лишь бы только ничего из этого не попало в газеты, — буркнул он. — И так трудно сохранить тайну от остальных сотрудников, имевших отношение к нашему случаю. Только подумайте: второй или третий в мире эксперт по новообразованиям должен вызывать с равнин Южной Дакоты какого-то краснокожего специалиста по абракадабре, с амулетами и в военной раскраске, потому что сам он не может справиться с какой-то опухолью.

— Вы знаете так же хорошо, как и я, что это не обычный случай, — ответил я. — А с магической опухолью нельзя справиться обычными методами. Спасая Карен, мы докажем свою правоту.

Хьюз отвернулся от окна.

— А если не спасем? Что тогда я смогу сказать? Как оправдаться? Я привел индейского шамана, и он не помог, так?

— Доктор...

— Все в порядке, мистер Эрскин. Собственно, у меня нет никаких сомнений. Я видел в жизни достаточно опухолей, чтобы понимать, что эта действительно необычная. Верю в вашу теорию об индейцах. Сам не знаю почему, но верю. Не вижу другого рационального объяснения. Ни один из моих коллег не пытался даже угадать, что творится.

— Как она себя чувствует, доктор? — спросил я. — Растет ли постоянно опухоль?

— Хотите поглядеть? Она много хуже, чем вчера, когда вы ее видели.

Молча мы прошли к лифту. Молча надели хирургические халаты и маски.

Молча шли по коридору в палату Карен Тэнди и открывали двери.

Карен выглядела гротескно. Она лежала на животе, а ее лицо было белым как простыня. Раздувшаяся опухоль — большая бледная шишка, туго натянувшая кожу, — опиралась о ее спину. Нарост был величиной с

подушку и время от времени, казалось, двигался, растягиваясь и сжимаясь, — омерзительный отросток, живущий враждебной жизнью.

— Боже, — прошептал я. — Она огромна.

— И все время растет, — ответил Хьюз. — Подойдите. Попробуйте ее коснуться.

Я осторожно подошел к постели. Опухоль была настолько велика, что с трудом верилось, что она — часть лежащей под ней девушки, носящей этот нарост на затылке, как будто какой-то уродливый горб. Я осторожно коснулся его кончиками пальцев. Кожа показалась мне натянутой, но упругой. Я явно чувствовал под ней что-то скользкое. Честно говоря, впечатление было точно таким же, как если бы я коснулся живота беременной женщины.

— Вы не могли бы его просто убить? — обратился я к Хьюзу. — Сейчас он уже величиной с маленького ребенка. А если бы вы просто проткнули его скальпелем?

— Хотел бы я, чтобы это было возможно, — покачал он головой. — Если хотите знать, я с удовольствием бы отрубил эту мерзость тесаком для мяса.

Однако все снимки показывают, что нервная система этого чудовища нераздельно связана с системой Карен. Так что любая попытка хирургического вмешательства и удаления опухоли неизбежно убьет ее. Это скорее система не столько матери и ребенка, сколько сиамских близнецов.

— Может ли она говорить?

— Она не сказала ни слова за последнюю пару часов. Сегодня утром мы поднимали ее с постели для взвешивания, тогда она сказала пару слов, но ничего такого, что мы могли бы понять.

— Вы взвешивали ее? Ну и что?

Хьюз глубже сунул руки в карманы халата и печально посмотрел на свою умирающую пациентку.

— Она не потеряла в весе... но и не прибавила. Чем бы ни являлась эта опухоль, а питание она берет непосредственно от нее. Каждый грамм, на который она тяжелеет, она отбирает у Карен.

— Приехали ее родители?

— Приехали сегодня утром. Мать в отчаянии. Я сказал ей, что мы хотим попробовать операцию, хотя я, конечно, ничего не говорил ей об истории с шаманами. Они и так страшно злятся на меня, что я еще не прооперировал Карен. Если бы я начал им рассказывать о древних индейцах, то они наверняка бы сочли, что я полностью свихнулся.

Я еще раз посмотрел на Карен Тэнди, бледную и молчаливую под своим мерзким бременем. Затем мы вышли, чтобы вернуться в кабинет Хьюза на восемнадцатом этаже.

— Как вы думаете, ее родители позволяют себя убедить? — спросил я. — Вопрос в том, что на все это нам понадобятся деньги. Нужно заплатить шаману, нужно покрыть стоимость его перелета и отеля, я уже не говорю, что случится, если в битве он будет ранен. Я очень бы хотел помочь, но мы, ясновидцы, отнюдь не Рокфеллеры. Сомневаюсь, что мне удастся наскрести больше трехсот-четырёхсот «зелененьких».

Хьюз нахмурился.

— В обычных обстоятельствах госпиталь мог бы покрыть затраты, но я не представляю себе, чтобы власти дали деньги на шамана. Нет, считаю, что ее родители имеют право знать обо всем, что происходит. Пусть они сами принимают решение. В конце концов, речь идет о здоровье их дочери.

— Вы хотите, чтобы я с ними поговорил?

— Если угодно. Они остановились у тетки Карен, на Восемьдесят Второй. А если возникнут какие-то проблемы, скажите им, чтобы они позвонили мне. Я подтверждаю, что вы действуете с моего разрешения и при моей поддержке.

— Хорошо. А что бы вы сказали, если бы я предложил дёрнуть по одной?

— Неплохая идея, — Хьюз вытащил свою бутылку бурбона и налил две солидные порции. Я сделал внушительный глоток. Алкоголь жег горло и возбуждал после

мучительной поездки в Олбени и назад. Я сел поудобнее, и Хьюз угостил меня сигаретой.

С минуту мы молча курили. Наконец я заговорил:

— Доктор...

— Говорите мне просто Джек. Этот госпиталь требует очень важных форм обращения. У пациентов появляется больше доверия, если они все время слышат: «мистер доктор». Но я не думаю, что вы нуждаетесь в такого рода доверии.

— Спасибо, Джек. Я Гарри.

— Так лучше. Рад познакомиться, Гарри.

Я потянул еще глоток бурбона.

— Послушай, Джек, — начал я еще раз. — Думал ли ты когда-нибудь, что мы собственно делаем и зачем? Карен Тэнди я знаю немного лучше, чем тебя. Я иногда думаю, почему, черт возьми, я ношусь в Олбени и назад ради кого-то, с кем я только что познакомился.

Джек Хьюз улыбнулся.

— А как считаешь, не задает ли себе тот же вопрос каждый, кто помогает людям? Я сам ставлю себе этот вопрос раз по десять на дню. Относительно врачей люди считают, что это их долг. Они приходят к тебе, когда заболеют, и считают, что ты великолепен, но как только они себя почувствуют лучше, ты перестаешь их интересоваться. Некоторые пациенты чувствуют благодарность. Ежегодно получаешь от них открытки на праздники. Но большая часть пациентов не узнала бы меня, пусть бы мы даже столкнулись нос к носу на улице.

— Наверное, ты прав, — признался я.

— Знаю, что прав, — ответил Джек. — Но в этом случае речь, наверное, идет о чем-то другом. Меня он интересует и по другим причинам. По-моему, то, что растет в Карен Тэнди, представляет целый клубок проблем медицины и культуры.

— Что ты этим хочешь сказать?

Джек встал и подошел, чтобы сесть на стол рядом со мной.

— Посмотри на это дело с такой стороны, — сказал он. — Восхитительной чертой американцев является то,

что их всегда считали совершенно новым народом, свободным от угнетения, свободным от чувства вины. Но ведь с самой первой минуты, как белый человек здесь поселился, он носит встроенную в совесть бомбу с часовым механизмом. В «Декларации независимости» ты найдешь даже попытку заглушить эту вину. Помнишь? Джефферсон написал о «безжалостных индейских дикарях, у которых единственным средством боя является убийство без разницы людей любого возраста, пола и положения». С самого начала индеец считался индивидуумом, которому Создатель отказал в каких бы то ни было правах. Чувство вины постепенно затмевает чувство обладания и принадлежности к нашей стране. Это же не наша земля. Это земля, которую мы нагло украли. Рассказываем шуточки о Пэтере Миньюте, покупающем Манхэттен за 24 доллара. Сегодня такого рода договор считается кражей в прямом смысле слова, обманом чистой воды. Прибавь сюда и Вундед Ни, и все иные случаи резни индейцев. Мы ничего не можем с этим поделать и, наверное, даже и не должны пытаться, но, несмотря на все это, мы всё же все виновны.

Я еще ни разу не слышал, чтобы он говорил с таким воодушевлением. Он затянулся и стряхнул пепел со своих уже помятых брюк.

— Именно поэтому-то это дело так интересно. И ужасающе, — заявил он. — Если с этим шаманом все действительно так, то впервые в истории белые люди с хорошо развитым чувством вины встречаются с краснокожим из первых дней нашего поселения. Сегодня мы думаем об индейцах совершенно иначе. В семнадцатом веке они были дикарями и стояли на пути нашей потребности в земле и нашей жадности. Сегодня у нас есть все, что нам нужно, и мы уже можем себе позволить и жалость, и терпимость. Я вот заметил, что мы все время думаем только о том, как уничтожить этого шамана, как биться с ним. Неужели в нас нет к нему ни капли сочувствия?

Я раздавил окурок сигареты.

— Я сочувствую Карен Тэнди.

— Да, — тут же согласился Джек. — Это само собой разумеется. Она — наша пациентка, и ее жизнь оказалась в страшной опасности. Но разве к нему ты ничего не чувствуешь?

Удивительно, но Джек Хьюз был прав. Я чувствовал что-то. Маленькая часть моего ума хотела, чтобы этот шаман выжил. Ведь если бы существовал способ сохранить жизнь и Карен Тэнди, и ему, то я наверняка выбрал бы этот способ. Я боялся шамана, его могущество и владение магией наполняли меня страхом, но одновременно он был чем-то вроде героя из легенды, и его уничтожение означало бы уничтожение части американской истории. Он был последним живым памятником позорного прошлого нашей страны, и убить его значило растоптать последнюю искорку того духа, который дал Соединенным Штатам такие цветастые и мистические основы. Он был представителем, последним представителем истинной магии Америки.

Именно в эту минуту зазвонил телефон. Джек снял трубку.

— Хьюз слушает.

Кто-то в трубке очень взволнованно что-то говорил. Джек наморщил лоб и кивал головой.

— Когда? Вы уверены? Пробовали ли ее открывать? Что это значит? Да или нет?

Наконец он положил трубку на место.

— Что-то плохое? — спросил я.

— Не знаю. Дело в Карен. Маковой утверждает, что они не могут открыть дверь. Что-то творится в ее палате, а они не могут открыть дверь.

Мы выбежали из кабинета к лифту. Там уже были две санитарки со столиком на колесах, полным бутылочек и мисочек. Мы потеряли ценные секунды, прежде чем они сошли с дороги. Мы вошли, я нажал кнопку десятого этажа, и лифт начал спускаться.

— К черту, что там могло случиться? — напряженно спросил я.

— Кто знает... — Джек пожал плечами.

— Надеюсь только на то, что шаман еще не может полностью располагать своей силой, — сказал я. — Поэтому, что если может, то считай, что нас уже нет.

— Не знаю, — ответил Джек. — Идем, мы уже на месте.

Двери лифта с шипением раскрылись. Мы побежали по коридору к палате Карен. У дверей стояли доктор Макевой, два санитара и рентгенолог Селена.

— Что случилось? — закричал Джек.

— Она осталась одна всего на пару секунд, — объяснил Макевой. — Как раз менялись санитары. И когда Майкл пытался войти обратно, он не мог открыть дверь. Смотрите сами.

Мы заглянули внутрь через стекло двери. С удивлением я заметил, что на кровати Карен Тэнди осталась лишь смятая, сбитая в угол постель.

— Там, — шепнул Джек, — в углу.

Я изогнул шею и у противоположной стены увидел Карен. Лицо ее было ужасающе бледным, растянутые в гротескной улыбке губы приоткрывали оскаленные зубы. Она склонилась вперед под тяжестью огромного, раздутого пузыря на затылке, а ее длинная белая больничная рубашка, разодранная на плечах, приоткрывала иссохшие груди и торчащие ребра.

— Господи Иисусе, — вырвалось у Джека. — Она еще и танцует.

Он не ошибался. Карен медленно переступала с ноги на ногу в неслышном ритме, как недавно миссис Герц. Казалось, она прыгает в такт музыке беззвучного барабана или немой флейты.

— Мы должны попасть внутрь, — заявил Джек. — Она прикончит себя этим подпрыгиванием.

— Майкл, Вольф, — обратился Макевой к санитарам. — Надо выбить эту дверь. Справитесь?

— Попробуем, мистер доктор, — ответил Вольф, коренастый молодой немец с короткими, по-военному подстриженными волосами. — Очень жаль, что так произошло, но я не отдавал себе отчета в...

— Выбейте дверь, больше от вас ничего не требуется, — бросил Джек.

Оба санитара отступили на метр или два и дружно ударили плечами в двери. Двери треснули, полетели щепки, лопнуло стекло. В неровную дыру ворвался необычно холодный порыв ветра, похожий на тот, что дул во время нашего спиритического сеанса у миссис Карманн.

— Еще раз, — сказал Джек.

Майкл и Вольф снова отступили и опять крепко ударили по двери. На этот раз вырванные из петель створки криво повисли, открывая проход. Хьюз пересек его и двинулся прямо к дрожащей и подпрыгивающей на коврике Карен.

Огромный, набухший нарост вздрагивал и трясся при каждом ее движении. Выглядело это так омерзительно, что меня даже затошнило.

— Успокойся, Карен, — мягко сказал Джек Хьюз. — Вернись в постель.

Карен повернулась на босой пятке и посмотрела на него. Так же, как и в прошлый раз, ее глаза были чужие, дикие, покрасневшие, полные ощущения силы.

Джек подходил к ней, протягивая руки. Она медленно отступала, в ее глазах все еще горела ненависть. Нарост скрутился и дернулся, как мешок, в котором брыкается овца.

— Он... говорит... что... не... можешь... — запинаясь, сказала она своим собственным голосом.

Хьюз остановился.

— Он говорит, что я не могу — что, Карен?

Она облизнула губы.

— Говорит... что... не... можешь... его... касаться...

— Но, Карен, — не уступал Джек. — Если мы не побеспокоимся о тебе, то и он не выживет. Мы делаем все, что можем, для вас обоих. Мы уважаем его. Хотим, чтобы он жил.

Она отступила еще на шаг, сбросив на пол поднос с хирургическими инструментам.

— Он... тебе... не... верит.

— Но почему, Карен? Разве мы не сделали все возможное, чтобы ему помочь? Мы же не солдаты и не воины. Мы занимаемся лечением, как и он. Мы не хотим его обидеть.

— Он... страдает...

— Страдает? Отчего?

— У... него... болит... Он... страдает.

— Почему у него болит? Что с ним случилось?

— Он... не... знает... Страдает... Это... был... свет...

— Свет? Какой свет?

— Он... убьет... вас... всех...

Неожиданно она перестала дрожать. Она закричала. Крича, упала на колени, царапая и дергая свой затылок. Майкл и Вольф подскочили к ней и быстро перенесли в постель. Джек Хьюз приготовил шприц с успокоительным и не колеблясь всадил иглу ей в вену. Она постепенно стихла и наконец забылась в нервном сне. Все время во сне она металась и тряслась, а ее веки дрожали.

— Это облегчает дело, — заявил Джек.

— Какое дело? — удивился я.

— Идем прямо к ее родителям и без обвиняков объясняем им все, что происходит с их дочерью. Вызываем шамана из Южной Дакоты и бьемся с этой бестией, пока он не сдохнет.

— И никакого чувства вины? — спросил я. — Никакого сочувствия?

— Конечно же, я питаю живое сочувствие и мучаюсь чувством вины. Именно поэтому я и должен его ликвидировать.

— Не понимаю.

— Гарри, — сказал Джек. — Этот шаман страдает. Он не знает, почему, но утверждает, что это свет. Если ты что-то смыслишь в гинекологии, то, наверное, ты слышал, что мы никогда не делаем рентгеноскопию плода роженицы, пока нет уверенности, что он мертв или представляет угрозу для жизни матери. Все это потому, что при каждом просвечивании рентгеновские лучи уничтожают клетки в той области, на которую они направлены. Для взрослых

это не имеет никакого значения, поскольку они уже достигли полной зрелости и потеря нескольких клеток с последующим их восстановлением им нисколько не вредит. Если же дело касается эмбриона, то потеря одной-единственной клетки может значить, что палец или даже целая рука или нога могут вообще не развиться.

Я испуганно посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что мы залили его таким потоком рентгеновских лучей, что при нем можно видеть до Форт Нокса в день густого тумана.

Я посмотрел на покрытый сеткой жил нарост, извивающийся на затылке Карен Тэнди.

— Другими словами, — сказал я, — это уже монстр. Мы искалечили его.

Джек Хьюз кивнул головой.

На дворе снова падал снег.

V

Во мрак

Сам не знаю, чего я ожидал. Не имею понятия, как должен выглядеть современный шаман, но Поющая Скала скорее напоминал страхового агента, а не чернокнижника, владеющего древней магией индейцев. Когда утром он прилетел из Сиу Фоллс и я вышел навстречу ему на Ла Гуардиа, он был одет в светло-серый шерстяной костюм, его короткие волосы блестели так, будто были пропитаны маслом, а на его не совсем орлином носу торчали очки в толстой оправе. У него была светлая кожа, блестящие глаза и больше морщин на лице, чем можно было бы ожидать у пятидесятилетнего белого. В остальном он выглядел совершенно обычно и неинтересно, как любой путешествующий бизнесмен.

Я подошел к нему протягивая руку. Его макушка еле достигала моего плеча.

— Мистер Поющая Скала? Меня зовут Гарри Эрскин.

— Приветствую. Вы не должны обращаться ко мне «мистер». Одного Поющая Скала достаточно. Что за отвратительный полет, снежные бураны всю дорогу. Я уже думал, что мы будем вынуждены приземлиться в Милуоки.

— Мой автомобиль ждет нас у выхода, — сказал я.

Мы забрали багаж и вышли к парковочной площадке. Затуманенное солнце растапливало мягкий снег, а в воздухе ощущалось приближение весны. Ряд капель падал с

какого-то парапета на тротуар, и одна из них упала мне за шиворот.

Я посмотрел вверх.

— Как это получается, что они не падают на вас? — удивился я.

— Я шаман, — вежливо объяснил Поющая Скала. — Вы думаете, капля воды осмелилась бы по мне ударить?

Я сунул чемоданы в багажник, и мы сели в машину.

— Вам нравится ваш «кугуар»? — спросил Поющая Скала.

— Он очень удобен, — ответил я. — Да, нравится.

— У меня такой же, только зеленый, — заявил он. — Я езжу на нем на рыбалку по уик-эндам. Для работы же я использую «маркиз».

— О... — ответил я. Оказалось, что шаманские дела в резервации в последнее время идут совсем неплохо.

По пути из Ла Гардиа на Манхэттен я спросил Поющую Скалу, что ему известно о случае Карен Тэнди.

— Мне сказали, что какой-то древний шаман хочет возродиться вновь в ее теле, — коротко ответил он.

— И вы поверили в это без колебаний?

— Почему бы и нет... я видел и более удивительные вещи. Бегство в другое время — это сильные чары, но такие случаи известны. Если вы говорите, что это правда, и доктор Сноу говорит, что это правда, то и я склонен верить, что так оно и есть на самом деле.

— Вы понимаете, что все это дело надлежит хранить в строжайшей тайне? — спросил я, обгоняя какой-то грузовик и включая «дворники», чтобы очистить переднее стекло от капель, вылетевших из-под задних колес грузовика.

— Естественно. Я бы и сам предпочел это не разглашать. У меня в Южной Дакоте хорошо процветающее дело, и я не хотел бы, чтобы мои клиенты подумали, что я возвращаюсь к обычаям дикарей.

— Вы знаете также, что этот шаман чрезвычайно могуществен?

Поющая Скала покивал головой.

— Он и должен быть могущественным, если смог перебросить себя через три столетия. Я почерпнул немного информации на эту тему. Как оказалось, чем больше временной промежуток, через который шаман может себя перебросить, тем сильнее должна быть его магия.

— Может, вы узнали и что-то еще?

— Немного, но достаточно, чтобы сориентироваться, какие шаги я должен предпринять. Наверное, вы слышали о Гиче Маниту, Великом Духе? Так вот, здесь мы имеем дело с духом, или маниту, этого конкретного шамана. Видимо, он очень могуч, а это означает, что даже его предыдущая жизнь, в 1650 году, была четвертой или пятой реинкарнацией. Видите, при каждом появлении на земле в человеческом облике маниту обогащается силой и знанием. Когда же он достигнет седьмой или восьмой реинкарнации, то маниту уже готов, чтобы навсегда соединиться с Гиче Маниту в чисто духовной форме. Это как бы диплом.

Я сменил полосу движения.

— В европейском спиритизме существует подобная концепция. Но я хотел бы узнать, как можно победить такого маниту.

Поющая Скала выловил из кармана небольшую сигару и закурил.

— Не утверждаю, что это легко, — заявил он. — Собственно, техника заключается в методе проб и ошибок. Но основной принцип таков: каждое магическое заклятие можно обратить. Его нельзя сдержать. Оно имеет свою магическую инерцию, и стараться затормозить эту инерцию — все равно, что становиться перед несущимся экспрессом. Но этот поезд можно развернуть и послать назад тем же путем, каким он прибыл. Нужна лишь достаточная мощь, чтобы изменить его курс на сто восемьдесят градусов.

— Это может быть проще, чем вы считаете, — сказал я. — Врачи просвечивали рентгеном этого шамана, когда он был в стадии эмбриона, и вроде бы деформировали или искалечили.

— Это не имеет значения, — ответил Поющая Скала. — Чары были произведены тогда, когда он был еще цел и невредим, в расчет следует брать только это.

— На самом ли деле вы способны заставить его покинуть Карен Тэнди?

— Надеюсь. У меня недостаточно сил, чтобы отослать его назад в семнадцатый век. Для этого нужен очень могучий и опытный шаман — намного сильнее меня. Однако я смогу убрать его из ее тела, пустить вспять внутренний процесс развития и направить его кому-то другому.

Я почувствовал неприятный холод.

— Кому-то другому? Вы не можете этого сделать. Какой тогда смысл в спасении жизни Карен Тэнди, если в этом случае мы убьем другого человека?

Поющая Скала пыхнул сигарой, выпустив большое облако дыма.

— Очень жаль, мистер Эрскин. Я считал, что вы поняли связанные с этим проблемы. Иного способа не существует.

— Но к кому тогда перейдет маниту?

— Это может быть кто угодно. Вы должны отдавать себе отчет в том, что он будет биться за свою жизнь. И довольствуется любым, лишь бы тот был достаточно податлив и слаб.

Я вздохнул. Неожиданно я почувствовал, как ужасно я измотан. Ведь нелегко состязаться с кем-то, кто не знает понятия физической усталости и бьется за свою жизнь.

— Если то, что вы говорите, правда, Поющая Скала, то вам лучше сразу возвращаться в Южную Дакоту.

Поющая Скала нахмурился.

— Ведь вы наверняка не будете возражать, если мы переселим маниту в кого-нибудь бесполезного — какого-нибудь безнадёжного наркомана, или бродягу с Бауэри, или закоренелого преступника.

— Исключено, Поющая Скала. Все это случилось только потому, что одна раса относилась с предубеждениями к другой. Если бы голландцы не угрожали этому шаману тогда, в 1650 году, теперь он не угрожал бы нам. Нельзя

сотворить тот же самый грех безнаказанно. Это только усилило бы зло.

Индийский шаман в сером костюме с интересом посмотрел на меня.

— Забавно слышать такие слова от белого человека, — заявил он. — Мой отец и дед, а перед ними прадед — все оценивали белых людей одинаково: лишенные совести дьяволы с каменными сердцами. Сегодня, когда вы наконец научили нас быть такими же твердыми и безжалостными, сами вы теряете эти черты.

Шины «кугуара» шипели по мокрому асфальту. В машину снаружи попал желтый луч солнца.

— Что же, может быть, нам теперь легче, — заметил я. — У нас есть все, чего мы хотели, и теперь мы можем себе позволить быть милосердными. Однако, независимо от причин, я не могу позволить переносить маниту в кого-то другого, независимо от его расы и того, насколько он бесполезен. Это просто невозможно.

— Хорошо, — буркнул Поющая Скала. — Есть еще и другой выход. Но предупреждаю заранее, что он намного опаснее.

— Какой?

— Подождать, пока шаман не покинет тело Карен Тэнди.

— Ведь это же убьет ее! Она умрет!

— В общепринятом смысле — да. Но ее собственный маниту, или дух, все еще будет жить в этом шамане. Да, тогда ее еще удастся спасти.

Тем временем мы добрались до Манхэттена. Я замедлил ход и остановился на красный свет.

— Не понимаю.

— Действительно, это не так-то просто, — признал Поющая Скала. — Когда шаман появится на свет, появится и возможность физического контакта. Мы можем его задержать при помощи чего-нибудь типа решетки и воспользуемся заклятиями. Тогда его можно будет заставить вернуть маниту Карен Тэнди.

— Заставить его? — я был крайне удивлен. — Но как?

— Призывая мощь Гиче Маниту. Все менее важные маниту подчиняются мощи Великого Духа.

— Но разве он не может сделать то же самое... и убить вас, Поющая Скала?

Индеец задумчиво сосал конец сигары.

— Есть риск, на который я должен пойти.

— И вы пойдете?

— Если мне заплатят.

— А сколько вам обычно платят?

— За раз — двадцать тысяч долларов.

— Хорошо, — скривился я. — К вам трудно иметь претензии. Если бы я рисковал своей жизнью, то потребовал бы намного больше.

— В таком случае, — сказал Поющая Скала, выбрасывая в окно окуроч сигары, — пусть будет тридцать тысяч.

Решать предстояло родителям Карен. Никто другой не был бы в состоянии оплатить чары Поющей Скалы, и никто другой не имел права выразить согласие на их использование. Я отвез шамана к себе на Десятую аллею, чтобы он принял душ и выпил кофе, а сам позвонил к ним. Я объяснил, кто я, и они пригласили меня на ленч. У меня была лишь надежда на то, что кусок не станет им поперек горла, когда они услышат предложение Поющей Скалы.

В час дня мы доехали до квартиры миссис Карманн. Утром там уже побывал стекольщик и вставил выбитые во время спиритического сеанса стекла. В комнате теперь было тепло, уютно и элегантно, хотя в воздухе все еще висело напряжение.

Джереми Тэнди был сухопарым блондином лет пятидесяти. На нем был темный костюм в стиле Никсона и безукоризненно белая рубашка. В его лице было что-то от эльфа, как и у Карен, но оно было более зрелым, а черты — более твердыми и решительными.

Его жена, Эрика Тэнди, невысокая и стройная, обладала длинными каштановыми волосами и удивительно большими глазами. На черном платье от Диора контрастно

выделялись простые золотые украшения. Меня восхитили ее длинные блестящие ногти и часики «Пиже» за 5000 долларов.

Миссис Карманн вертелась вокруг и пыталась разрядить обстановку. Но она могла бы и не стараться. Атмосфера была слишком напряженной, чтобы любые вежливые разговоры могли хоть что-то изменить.

— Меня зовут Гарри Эрскин, — сказал я, пожимая руку Джереми Тэнди настолько энергично, насколько был на это способен. — А это мистер Поющая Скала из Южной Дакоты.

— Достаточно просто Поющая Скала, — вставил шаман.

Мы расположились в креслах и на диване, а Джереми Тэнди угостил всех сигаретами.

— Доктор Хьюз рассказал мне, что вы интересуетесь случаем с моей дочерью, — сказал он, — но он не объяснил, кто вы и чем занимаетесь. Не соизволили бы вы просветить меня в этом отношении?

Я кашлянул.

— Мистер Тэнди... миссис Тэнди. Многое из того, что я сейчас скажу вам, покажется высосанным из пальца. Могу только уверить вас, что и я сам вначале был так же скептичен. Но доказательства настолько убедительны, что каждый, кто ознакомится с ними, изучая случай болезни вашей дочери, вынужден будет согласиться, что ее причина вероятнее всего — не хочу сказать «навверняка» — именно такова.

Я рассказал, как Карен пришла ко мне пожаловаться на свои сны, как я нашел голландский парусник, как Амелия вызвала дух шамана. Я объяснил, в чем заключается реинкарнация шаманов и что мы узнали во время визита к доктору Сноу. Наконец я рассказал о Поющей Скале, о том, что он хочет попробовать, и сколько это будет стоить.

Тэнди бесстрастно слушал. Время от времени он отпивал глоток бренди из бокала и курил одну сигарету за другой, но его лицо не выдавало и следа эмоций.

Когда я кончил, он выпрямился и посмотрел на жену. Она казалась ошеломленной и шокированной. Я не мог иметь к ней претензий. Когда излагаешь все это холодно и спокойно, история звучит на самом деле фантастически.

Джереми Тэнди склонился ко мне и посмотрел мне в глаза.

— Хотите меня надуть, не так ли? — жестко спросил он. — Если это так, то скажите сразу, и на этом закончим дело.

Я покачал головой.

— Мистер Тэнди, я отдаю себе отчет в том, что все звучит неправдоподобно, однако если вы позвоните доктору Хьюзу, то он скажет вам то же самое. Ну, и у вас есть железная гарантия того, что это не афера. Вы не должны платить ни цента, пока Карен не выздоровеет. Если нет, то это будет означать, что Поющей Скале не повезло, тогда деньги ему всё равно нужны не будут. Если он проиграет, то это вероятнее всего — смерть.

Поющая Скала мрачно покачал головой.

Джереми Тэнди встал и заходил по комнате, как пума в клетке.

— Моя дочь тяжело больна, — фыркнул он. — Говорят, что она умирает. Потом говорят, что она должна родить трехсотлетнего шамана. А затем, что нужен еще один шаман, чтобы избавиться от первого, и все это будет мне стоить тридцать тысяч долларов.

Он повернулся ко мне.

— Чуть это или нет? — спросил он.

Я старался не терять терпения.

— Мистер Тэнди, знаю, что все это звучит как бред безумца. Но почему бы вам не поверить доктору Хьюзу? Он специалист по новообразованиям. Он знает об опухолях больше, чем я о метро в Нью-Йорке, а я пользуюсь им с тех пор, как стал ходить под стол пешком. Звоните. Проверьте. Но только не теряйте времени, потому что Карен умирает и никто не знает иного метода ее лечения.

Джереми Тэнди остановился и посмотрел на меня, склонив голову:

— Вы хотите сказать, что это не шутка?

— Я говорю совершенно серьезно. Спросите миссис Карманн. Она тоже видела это лицо на столе. Правда, миссис?

Миссис Карманн утвердительно кивнула головой.

— Это правда, Джерри. Я видела все это своими глазами. Я доверяю вам, мистер Эрскин. Поверь и ты ему, Джерри.

Миссис Тэнди протянула руку и взяла мужа за руку.

— Джерри, дорогой, если это единственный способ, то... мы должны это сделать.

Наступила тишина. Поющая Скала вытащил платочек и громко высморкался. Мне никогда не приходило в голову, что индейские шаманы могут использовать носовые платки.

Наконец Джереми Тэнди развел руками.

— Согласен, — сказал он. — Вы выиграли. Я хочу одного: видеть свою дочь живой и здоровой. Если сможете так сделать, я дам вам шестьдесят тысяч долларов.

— Тридцати тысяч хватит, — заявил Поющая Скала, и, наверное, именно тогда Джереми Тэнди поверил, что манит существовать на самом деле.

После ленча я отвез Поющую Скалу в госпиталь Сестер Иерусалимских на встречу с доктором Хьюзом. Карен все еще давали сильные успокаивающие средства, а у ее постели непрерывно дежурил санитар. Джек забрал нас с собой вниз к ней, и впервые Поющая Скала увидел, против чего он должен будет биться. Он остановился на надлежащем расстоянии и огорченно посмотрел поверх хирургической маски.

— Да-а, — присвистнул он. — Большая штукавина.

— Что вы об этом думаете, Поющая Скала? — нервно спросил Джек.

— Перефразируя цитату из старых вестернов, доктор, отвечу, что это чертовски сильная магия. Я видел много необычных вещей, но такого...

— Выйдем отсюда? — предложил доктор.

Мы вернулись в его кабинет и сели. Поющая Скала вытащил из коробочки на столе гигиеническую салфетку и старательно вытер лоб.

— Ну и? — начал Джек. — Каков будет план действий?

— Прежде всего, я считаю, что времени почти не осталось, — заявил Поющая Скала. — При таких размерах маниту мы должны быть готовы максимум завтра. Я должен буду начертить магический круг вокруг постели, чтобы этот шаман не мог его пересечь, когда выйдет. Это должно его сдержать на некоторое время, а я буду пытаться связать его своими чарами. По крайней мере у меня есть такая надежда. Очень может быть, что его мощь позволит ему перешагнуть любой магический круг, какой я в состоянии создать. Не знаю... и не буду знать, пока он не появится. Все зависит от того, насколько сильно излучение подействовало на его организм. Исходное заклятие, которое он использовал, чтобы возродиться, все еще так же сильно, как и тогда, в 1650 году. Но каждые новые чары, которые он попытается создать, могут быть ослаблены тем, что мы ему сделаем. Хотя, с другой стороны, возможно, и не будут. Нельзя на это надеяться. Не исключено, что он будет еще больше желать мести, а его магия будет еще более страшной.

— Вы не даете нам большой надежды, — вздохнул Джек.

— Не могу, — ответил Поющая Скала. — История та же, что у Давида с Голиафом. Если мне удастся попасть в него камнем из моей маленькой пращи, то при большом везенье я смогу его свалить. Если же я промахнусь, он раздавит меня.

— Что-нибудь еще вам будет нужно? — спросил я. — Может, магические предметы?

Поющая Скала покачал головой.

— Все необходимое я привез с собой. Если бы можно было достать мой чемодан из вашей машины, Гарри, то я начал бы немедленно с вычерчивания магического круга. Это даст нам по крайней мере хоть какую-то защиту.

Хьюз потянулся к телефону и попросил портье. Когда тот явился, доктор послал его вниз, в подземный гараж, принести чемодан из моей машины.

— Что бы ни случилось, — предупредил Поющая Скала, — ни в коем случае нельзя трогать тело Карен Тэнди, когда шаман покинет ее. Ни в коем случае нельзя трогать его. Если вы хоть чуть-чуть его сдвинете, то шанс, что ее маниту вернуться и она оживет, будет практически равен нулю.

— А что будет, если шаман сам его передвинет? — спросил я.

Поющая Скала сделал несчастное лицо.

— Если это случится, то мы наверняка зря теряем время.

— Не понимаю только, — вмешался в разговор Джек, — почему нельзя его просто застрелить? Ведь он, в конце концов, человек из крови и плоти.

— Это уничтожило бы все, что мы пытаемся сделать, — заявил Поющая Скала. — Если его застрелить, то его дух отправится в те края, что индейцы называют Страной Вечной Охоты. А также и дух Карен Тэнди, и все другие духи, которых он мог собрать в своих реинкарнациях. Если мы уничтожим его таким образом, то Карен Тэнди будет безвозвратно потеряна. Он овладел ее маниту, и только он может его освободить. Добровольно или под принуждением.

— И, скорее всего, нет шансов, что он сделает это добровольно?.. — спросил Джек.

— Именно так, — ответил Поющая Скала.

— А как вы оцениваете свои шансы вынудить его к этому?

Поющая Скала задумчиво почесал подбородок.

— Три процента, — ответил он. — И это — в самом лучшем случае.

Вошел портье с чемоданом. Поющая Скала положил его на стол и открыл. Насколько я мог видеть, он был полон старых волос, костей и пакетиков с порошком.

— Все в порядке, — сказал он. — Здесь есть все. Пойдемте чертить круг.

Мы снова опустились в отдельную палату Карен. Она лежала в том же положении, что и раньше, бледная, с раздутым наростом, уже достигающим талии. Поющая Скала теперь не стал смотреть на нее. Он начал вытаскивать из чемодана порошки и кости, ровно укладывая их на пол.

— Хочу, чтобы вы запомнили, — заявил он. — Когда я начерчу круг, его ни в коем случае нельзя ни касаться, ни нарушать. Вы можете его пересекать, но очень осторожно, чтобы за него не зацепиться и не прервать. Нарушенный хотя бы чуть-чуть, круг уже бесполезен.

— Отлично, — согласился Джек. — Я прослежу, чтобы все, кто сюда ходит, имели это в виду.

Поющая Скала опустился на колени и из бумажной коробочки начал сыпать красный порошок, создавая круговую полосу вокруг постели. Потом внутри этого круга он повторил операцию уже с белым порошком. На равных расстояниях он сложил побелевшие человеческие кости, бормоча над каждой из них какие-то заклинания. Затем разложил вокруг круга гирлянды человеческих волос — старые скальпы из исторического тотема его рода.

— Защити меня, Гиче Маниту, — молился он. — Гиче Маниту, услышь меня и защити.

Когда он произносил эти слова, я почувствовал, как холодная дрожь пробежала у меня по затылку. Карен в постели открыла один глаз и смотрела на Поющую Скалу с холодной враждебностью.

— Поющая Скала, — сказал я тихо, указывая пальцем.

Индеец обернулся и увидел полный ненависти взгляд. Он нервно облизал губы, а затем обратился к Карен спокойным, хотя и полным напряжения голосом.

— Кто ты? — спросил он. — Откуда идешь?

Карен помолчала, а потом хриплым шепотом заговорила:

— Я... намного... могущественнее... чем... ты... твои... чары... не... имеют... для... меня... значения... вскоре... я... убью... тебя... маленький брат...

— Но как же тебя зовут?

— Мое... имя... звучит... Мисквамакус... вскоре... я... убью... тебя... маленький... брат... с... равнин...

Поющая Скала нервно отступил, всматриваясь в открытый глаз. И даже тогда, когда глаз прикрыло веко, индеец все еще беспокойно вытирал руки о хирургический халат.

— В чем дело? — удивился я.

— Это Мисквамакус, — прошептал он, как будто боясь, что кто-то его подслушает. — Один из известнейших и сильнейших шаманов во всей истории индейцев.

— Вы слышали о нем?

— Каждый, кто знает что-то об индейской магии, должен был слышать о нем. Даже сиу знали о нем еще давно, до того, как пришли белые люди. Его считали величайшим из шаманов. Он поддерживал контакты с маниту и демонами, которых ни один другой шаман даже не осмелился бы вызвать.

— Что это значит? — спросил Джек Хьюз. — Разве вы не можете с ним биться?

Лицо Поющей Скалы под хирургической маской было мокрым от пота.

— Могу с ним биться, естественно. Но я не дал бы много за свою победу. Говорят, Мисквамакус мог навязывать свою волю древнейшим и грознейшим из индейских духов. Существовали маниту такие старые и враждебные, что, когда белые люди прибыли в Америку, большинство родов знали их только из легенд. Только Мисквамакус вызывал их регулярно, чтобы они ему служили. Если он сделает это сейчас, здесь, то я не представляю себе, что может случиться.

— Но что могут сделать духи? — удивился я. — Разве они могут обидеть людей, которые в них не верят?

— Конечно, — подтвердил Поющая Скала. — Если кто-то не верит, что тигр его может сожрать, это же не удержит тигра, не так ли? Вызванные в физический мир, маниту обладают физической силой и физически существуют.

— Господи Иисусе, — выдавил из себя Джек Хьюз.

Поющая Скала громко шмыгнул носом.

— Это бесполезно. Эти демоны не имеют ничего общего с христианством. Христианские дьяволы могут бояться креста и освященной воды, эти же будут смеяться над ними и плевать в освященную воду.

— Этот круг, — я указал на круг из порошка и костей. — Сдержит ли он его?

Поющая Скала отрицательно покачал головой.

— Не думаю. Во всяком случае, не больше нескольких минут. Может, это даст мне немного времени, чтобы наложить на него несколько заклятий. Однако Мисквамакус был одним из лучших специалистов по магическим кругам. Он мог создавать такие, которые сдержали бы страшнейших из духов. Этот круг — сильнейший, который я только мог создать. Он же наверняка разорвет его без малейших хлопот.

— Я беспокоюсь о Карен, — вмешался Джек. — Если здесь, в этой комнате, должна произойти великая битва чернокнижников, переживет ли она ее?

— Доктор Хьюз, — ответил Поющая Скала. — В этом положении мы можем выиграть все или ничего. Если выиграю битву я, она будет жить. Если нет, то нет никаких гарантий, что выживет хоть кто-то. Такой могучий шаман, как Мисквамакус, может без труда убить нас всех. Кажется, вы не понимаете, что такое демоны. Когда я говорю, что они могут, то это не значит, что они способны в честном бою победить человека. Выпущенные из бездны, без всякого контроля, они способны сровнять с землей этот госпиталь, этот квартал и даже весь город.

— Вы преувеличиваете, — не сдавался Джек.

Поющая Скала вместо ответа еще раз проверил свой магический круг и вывел нас из палаты. В коридоре мы сняли маски и развязали халаты.

— Могу сказать только одно: подождем и увидим, — подытожил Поющая Скала. — А сейчас я охотно увидел бы что-нибудь съедобное и пиво. Есть в этом госпитале какой-нибудь буфет?

— Идемте со мной, — предложил Джек. — Нам предстоит долгая ночь. Нужно подзаправиться, да поосновательней.

Я посмотрел на часы. 17:15. Завтра в это время мы уже будем знать, кто победил. Если же победим не мы, то я не мог себе даже представить, что будет твориться в 17:15 во вторник вечером.

Когда мы вернулись из буфета, в кабинете нас уже ждал лейтенант Марино из полиции Нью-Йорка. Он терпеливо сидел, сложив руки на коленях, а его подстриженные «ежиком» волосы торчали во все стороны, как у Микки Спиллейна перед еженедельным визитом к парикмахеру.

— Приветствую вас, мистер Эрскин, — сказал он, поднимаясь, чтобы подать мне руку.

— Что-нибудь стряслось, лейтенант? — недоверчиво спросил я.

— Да так, кое-что. А вы, наверное, доктор Хьюз? — обратился он к Джеку. — Лейтенант Марино, — он взмахнул своим удостоверением.

— Это Поющая Скала, — представил я индейца.

— Рад с вами познакомиться, — ответил лейтенант Марино. Все стали пожимать друг другу руки.

— Какие-то хлопоты, лейтенант? — спросил я.

— Да, и еще какие. Знаете ли вы Амелию Крузо и Стюарта Макатуру?

— Конечно. Это мои старые друзья. Что-то случилось?

— Они мертвы, — заявил лейтенант Марино. — Утром у них, в Вилледже, вспыхнул пожар. Оба они сгорели.

Я оцепенел. Весь дрожа, я нашел кресло и сел. Джек Хьюз вытащил свою бутылку бурбона и налил мне порцию. Я сделал большой глоток. Лейтенант Марино сунул мне в руку зажженную сигарету. Я чувствовал сухость во рту и с трудом владел своим голосом.

— Боже, это страшно, — с большим трудом выдавил я. — Как это случилось?

— Не знаем, — Марино пожал плечами. — Я думал, вы можете об этом что-то сказать.

— Как это? Что я должен знать? Я ведь только от вас и узнал.

Детектив склонился и спросил конфиденциальным тоном:

— Мистер Эрскин, в субботу утром пожилая дама по фамилии Герц упала со ступеней и умерла. Сегодня у нас понедельник. Еще два человека погибают от довольно необычного случая у себя дома. Все эти лица имеют между собой нечто общее: все они ваши друзья. Не считаете ли вы, что я поступаю неверно, проводя обычный сбор информации?

Я выпрямился в кресле. Мои ладони дрожали, как у паралитика.

— Вы правы. Но у меня есть свидетель, который может подтвердить, где я был сегодня утром. Я был в Ла Гардиа, встречал присутствующего здесь Поющую Скалу, прилетевшего из Южной Дакоты.

— Это так? — обратился лейтенант к индейцу.

Поющая Скала кивнул. Казалось, он о чем-то думал, и мне хотелось бы узнать, о чем именно.

— Хорошо, — Марино встал. — Это все, что я хотел бы знать. Сожалею, что принес плохие вести.

Он хотел выйти, но Поющая Скала схватил его за руку.

— Лейтенант, — спросил он, — можете ли вы сказать точно, что случилось с теми людьми?

— Затрудняюсь. Огонь вспыхнул моментально, скорее, как при взрыве бомбы, а не как при пожаре. Оба тела обуглены. Теперь мы проверяем, нет ли в золе следов каких-нибудь взрывчатых веществ, но наверняка ничего не найдем. Там нет никаких уничтожений, типичных для ударных волн. Может, какая-нибудь нетипичная авария с электропроводкой. Результаты мы узнаем дня через два-три.

— Ясно, лейтенант, — сказал тихим голосом Поющая Скала. — Благодарю.

Марино задержался у двери.

— Мистер Эрскин, я был бы вам очень признателен, если бы вы день или два не выезжали из города. Мне хотелось бы также знать, как можно с вами связаться — на случай, если появятся какие-нибудь новые проблемы.

— Естественно, — обещал я. — Я буду поблизости.

Едва он вышел, Поющая Скала положил мне руку на плечо.

— Гарри, — сказал он. — Мне неприятно. Но теперь мы точно знаем, против чего бьемся.

— Не думаешь же ты...

— Нет, не думаю, — заявил он. — Я знаю. Твои друзья рассердили Мисквамакуса, вызывая его во время этого вашего сеанса. Он появился, вероятнее всего, лишь для того, чтобы узнать, кто осмелился вызвать его из бездны. Призвать же огонь для него не составляет никакого труда. В магии равнин такой огонь называется «молниякоторая-видит», поскольку попадает только в тех, кого шаман хочет убить.

— Но ведь Гарри тоже участвовал в сеансе, — заметил Джек Хьюз, морща лоб. — Почему тогда Мисквамакус не поступил с ним так же, как с ними?

— Из-за меня, — объяснил Поющая Скала. — Может, я и не сильнейший шаман в истории, но амулеты защищают меня от таких простых чар. Так же, как и моих друзей или тех, кто находится поблизости. Можно еще допустить, что Мисквамакус не в состоянии пока использовать магию во всю силу, поскольку он еще не полностью возродился. Но это, конечно, только догадки.

— Невероятно, — заявил Джек. — Мы живем в век техники, а какие-то дряхлые трехсотлетние типы могут огненным взрывом поразить кого-то на расстоянии пары миль отсюда, в Вилледже. Что, черт побери, здесь творится?

— Творится магия, — ответил Поющая Скала. — Настоящая магия, создаваемая так, как человек использует свое окружение — скалы, деревья, воду, землю, огонь и небо. А также использующая духов, маниту. Сегодня мы уже забыли, как все это вызвать себе на помощь. Забыли,

как бросать истинные взгляды. Но ведь все это еще можно делать. Духи все еще там, где были, готовые прибыть по вызову. Столетие для них — то же, что для нас наносекунда. Они бессмертны и терпеливы, но они и могучи, и голодны. Нужно много сил и отваги, чтобы вызвать их из бездны. И еще больше сил, чтобы отослать их назад и закрыть ворота, через которые они проходят.

— Знаешь что, Поющая Скала, — буркнул Джек. — Когда ты так говоришь, меня всего настоящий озноб пробирает, я весь дрожу.

Поющая Скала спокойно и внимательно посмотрел на него.

— У вас есть все причины испытывать дрожь. Это, вероятно, сильнейший повод для дрожи, который когда-либо имел место.

VI

Над тьмой

Поющая Скала и я решили, что мы всю ночь по очереди будем бдить у палаты Карен Тэнди. Мы оба согласились, что Джек Хьюз должен остаться у себя и хорошо выспаться. Если нам удастся вернуть Карен Тэнди ее маниту, то он будет нужен нам как можно более свежий и отдохнувший, чтобы успешно справиться с возможными проблемами возвращения жизни девушке.

Мы заняли конурку рядом с палатой Карен, и, пока Поющая Скала спал, я сидел на столике в коридоре и наблюдал за всем через стекло в закрытой двери. Внутри дежурил санитар — на случай, если понадобится медицинская помощь. Но мы предупредили его, что, как только он увидит что-то необычное, он должен тут же начать колотить в дверь и звать меня.

Мне удалось найти в библиотеке госпиталя книгу доктора Сноу о хидачах, и я читал ее в холодном свете неоновых ламп. Текст был довольно сухо написан, но было видно, что автор является великолепным специалистом по магии шаманов.

Около двух часов утра мои веки начали слипаться. Я чувствовал, что не хочу больше ничего, кроме горячего душа, солидной порции виски и десяти часов сна. Я поерзал на столике, чтобы прогнать сонливость, но через минуту расслабился и начал видеть все как в тумане.

Наверное, я незаметно вздремнул. Мне приснился сон. Мне казалось, что меня окружает теплая, влажная тьма,

но она не душила и не вызывала страха. Мне было удобно, как в лоне матери, а тьма давала мне силу и питание. Я чувствовал, что я жду, пока что-то не случится, пока не придет нужный момент. Когда же он придет, то я должен буду выйти из этой теплой тьмы в холодное, неизвестное место, жуткое и чуждое.

Меня разбудил страх. Я тут же посмотрел на часы. Я спал, наверное, не более пятидесяти минут. Я встал, чтобы через стекло заглянуть в палату Карен. Она лежала в постели, укрытая покрывалом, скрывающим большую часть ее омерзительного горба. Она все еще была без сознания, а ее лицо напоминало череп. Фиолетовые тени окружали глаза, глубокие морщины бежали по щекам. Казалось, она уже находится на грани смерти. Только поблескивающие стрелки щитов контрольно-диагностической аппаратуры показывали, что в ее теле все еще теплится жизнь.

Майкл, санитар, сидел по-турецки, читая карманного формата научно-фантастическую книжку под названием «Девушка с зеленой планеты». Я охотно поменялся бы с ним, отдав ему академическую монографию о жизни хидачей.

Я вернулся на свой твердый столик. Поющая Скала должен был меня сменить в три часа утра. Я уже не мог дожждаться этого. Я закурил сигарету и начал крутить пальцами мельницу. В это время суток человеку кажется, что мир опустел, а он остался один в таинственный час, когда замедляется ритм сердца, а каждый более глубокий вдох затягивает его в глубь бездонного колодца ужасных снов и кошмаров.

Я докурил и погасил сигарету, затем снова взглянул на часы. Было 2:30. Вечер уже давно миновал, а утро было еще далеко. Не знаю почему, но перспектива встретить Мисквамакуса ночью ужасала меня намного больше, чем возможная схватка с ним днем. Ночью чувствуется, что злые духи охотнее отвечают на вызов, и даже обычная тень или одежда, странным образом сложенная на спинке кресла, может начать свою собственную, враждебную жизнь.

Еще ребенком я страшно боялся ходить ночью в ванную. Ведь это значило пройти мимо открытых дверей гостиной. Я боялся, что ночью, когда свет луны искоса падает через жалюзи, я увижу молчаливых людей, неподвижно сидящих у стола. Неморгающих, бессловесных. Предыдущих обитателей, давно уже умерших, неестественно рассаженных в креслах, которые когда-то им принадлежали.

И теперь у меня было такое же ощущение. Я поглядывал в обе стороны длинного пустого коридора, чтобы проверить, не двигается ли вдали какой-нибудь расплывчатый силуэт. Я присматривался к дверям, не открывается ли медленно какая-нибудь из них. Ночь — царство магии и чернокнижников, а карты Таро предостерегали меня от ночи, смерти и людей, которые наводят злые чары. Теперь же я как раз и стоял перед лицом этой троицы.

В 2:45 я закурил очередную сигарету и медленно выпустил дым в мертвую тишину пустого коридора. В эту пору даже лифты стояли, а толстые ковры глушили шаги ночной смены. В этот момент я чувствовал себя единственным, последним человеком в мире и вздрагивал от страха каждый раз, когда переступал с ноги на ногу.

Измученный, я начал думать, а реально ли все происходящее или, может, я только воображаю это все или сплю. Ведь если Мисквамакуса не существует, то откуда мне известно его имя и что, собственно, я здесь делаю, неся одиночную стражу в госпитальном коридоре? Куря, я попытался прочесть еще страничку книги доктора Сноу; но от усталости буквы расплывались у меня перед глазами.

Наверное, тихий скрип передвигающейся по стеклу кожи заставил меня посмотреть на двери палаты Карен Тэнди именно в эту минуту. Тихий, почти неслышный звук, как будто кто-то в отдалении чистил серебряные ложки...

Я так и подскочил. К стеклу в дверях было прижато страшно перекошенное лицо. Глаза выходили из орбит, а оскаленные зубы раскрывались в беззвучном вое.

Длилось это максимум секунду, потом я услышал глухой всплеск, и все стекло залилось кровью. Струйка густой красной жидкости брызнула даже из замочной скважины и потекла по дверям.

— Поющая Скала-а-а! — завопил я, вбегая в конуру рядом. Я ударил по выключателю. Заспанный шаман еще сидел на постели, но в его широко раскрытых глазах уже отражались ожидание и страх.

— Что случилось? — бросил он, молниеносно поднялся и выбежал в коридор.

— Там было лицо за стеклом, всего секунду. А потом уже ничего, только кровь.

— Он вышел, — заявил Поющая Скала. — Или вскоре выйдет. Через стекло ты наверняка видел санитаря.

— Санитаря? Дьявол! Но что?.. Что Мисквамакус с ним сделал?

— Это старые индейские чары. Вероятнее всего, он вызвал духов тела и вывернул его на левую сторону.

— Вывернул его?

Поющая Скала не обращал на меня внимания. Он быстро вернулся в нашу конуру и открыл чемодан. Он вынул свои амулеты и кожаный бурдюк с какой-то жидкостью. Один из амулетов — страшную медную рожу на ремешке — он повесил мне на шею. Затем посыпал каким-то красноватым порошком мои волосы и плечи и, наконец, коснулся меня в области сердца концом длинной белой кости.

— Теперь ты защищен. В границах разумного, — заявил он. — По крайней мере, не кончишь так, как Майкл.

— Поющая Скала, — сказал я. — Я считаю, что у нас должен быть пистолет. Знаю, что если мы застрелим Мисквамакуса, то Карен Тэнди умрет, но, в конце концов, у нас может и не быть выбора.

— Нет. — Поющая Скала решительно покачал головой. — Если мы его застрелим, то его маниту будет нас преследовать до конца нашей жизни, чтобы отомстить. Только магией его можно победить окончательно. Он никогда не будет в состоянии вернуться. И к тому же,

когда в дело замешаны чары, пистолет куда опаснее для стреляющего, чем для того, в кого стреляют. Идем, времени у нас уже нет.

Мы снова подошли к дверям палаты Карен Тэнди. Кровь уже частично схлынула со стекла, но мы видели только свет ночной лампы, алый после прохождения через залитое кровью стекло.

— Гиче Маниту, охраняй нас. Гиче Маниту, охраняй нас, — шептал Поющая Скала, нажимая на ручку двери.

За дверьми лежало что-то влажное и бесформенное. Поющая Скала, видимо, сильно толкнул двери, чтобы убрать это с пути. Кроваво-красный пузырящийся холмик, пронизанный артериями, жилами и кишками, — вот что осталось от Майкла. В комнате стоял тошнотворный запах блевотины и фекалий. Ноги скользили по полу. Я посмотрел только один раз и почувствовал, что мне становится дурно.

Везде была кровь — на стенах, на постели, на полу. Среди всего этого хаоса лежала Карен Тэнди, извиваясь под простыней, как большой белый червяк, пытающийся выбраться из кокона.

— Уже скоро, — прошептал Поющая Скала. — Наверное, она начала дергаться, и Майкл пытался ей помочь. Потому Мисквамакус и убил его.

Усилием воли успокаивая подкатывающий к горлу желудок, я — перепуганный, но и увлечённый зрелищем — наблюдал, как огромный нарост на шее девушки начинает извиваться и кидаться в разные стороны.

Он был так огромен, что тело девушки под ним казалось бесплотной тенью. Худые руки и ноги взлетали в воздух, сотрясаемые дикими рывками яростной бестии, рождающейся из шеи.

— Гиче Маниту, дай мне силы. Приведи ко мне духа тьмы и дай мне мощь. Гиче Маниту, услышь мой зов, — бормотал Поющая Скала. Своими магическими костями он рисовал в воздухе сложные фигуры и сыпал вокруг порошком. Запах сушеных трав смешивался с острой вонью крови.

Неожиданно меня охватило необычайно восторженное настроение, как будто я глотнул веселящего газа у дантиста. Все вокруг было удивительно нереальным, а я сам далеким и чужим, как будто смотрели только мои глаза, а сам я висел где-то в далекой тьме. Поющая Скала схватил меня за руку, и удивительное ощущение исчезло.

— Он уже наводит чары, — шепнул шаман. — Он знает, что мы здесь и что мы попытаемся с ним помериться силами. Он будет создавать много удивительного в твоём мозгу. Он может сделать так, что тебе почудится, будто тебя на самом деле нет. Он как раз только что сделал так. Он может возбудить чувство страха, отчаянного одиночества, желания самоубийства. У него есть мощь, чтобы сделать так. Но это только иллюзии. На самом деле нам нужно обращать внимание только на маниту, вызываемые им, поскольку они почти непобедимы.

Тело Карен Тэнди перемещалось с одного края постели на другой. Она уже мертва, подумал я. Время от времени её рот открывался и хватал воздух, но лишь потому, что корчащийся на её спине нарост сдавливал её легкие.

Поющая Скала сжал мою руку.

— Смотри, — тихо сказал он.

Белая кожа в верхней части нароста напряглась, как будто кто-то давил на неё изнутри пальцем — давил все сильнее, пытаясь пробиться наружу. Я стоял, как окаменелый, я не чувствовал ног, и мне казалось, что я через секунду рухну на пол. Я полубессознательно смотрел, как палец сгибается и тычется в безумной попытке выйти.

Наконец длинный ноготь пробил кожу, и из отверстия хлынула желтая водянистая жидкость, смешанная с кровью. Разнеслась резкая, острая вонь гниющей рыбы. Опухоль на затылке Карен уменьшилась и сморщилась, когда околоплодные воды Мисквамакуса изверглись наружу.

— Звони Хьюзу. Зови его сюда как можно скорее, — приказал Поющая Скала.

Я пошел к аппарату на стене, обтер кровь носовым платком и набрал номер. Голос телефонистки был настолько спокойным и равнодушным, как будто доносился из иного мира.

— Моя фамилия Эрскин. Не можете ли вы вызвать доктора Хьюза в палату мисс Тэнди? И как можно скорее. Прошу ему передать: уже началось, он нужен срочно.

— Конечно.

— Позвоните ему как можно скорее. Заранее благодарен.

— К вашим услугам.

Я снова посмотрел на мерзкую сцену, разыгрывающуюся на постели. Из отверстия в коже высунулась смуглая рука, все больше разрывая стенки опухоли, лопающиеся с треском раздираемого пластика.

— Нельзя ли *сейчас* что-то сделать? — шепнул я Поющей Скале. — Ты не можешь навести чары, прежде чем он выйдет наружу?

— Нет, — ответил он. Он был очень спокоен, хотя его напряженное лицо показывало, что и он тоже боится. Он держал наготове свои кости и порошки, но его руки дрожали.

Появился разрыв длиной в треть метра. Он начинался от затылка Карен. Ее лицо было теперь бледным и мертвым, покрытым засохшей кровью и липкой желтой жидкостью. Было трудно поверить, что ее, возможно, еще удастся вернуть к жизни. Она казалась настолько истощенной и искалеченной, насколько сильным и злым было создание, вылезающее из нее...

Из разрыва высунулась вторая рука. Потом из расширившегося разрыва медленно вынырнули голова и торс. Я почувствовал холодную дрожь страха, видя то же лицо, которое появилось на вишневой поверхности стола. Это был Мисквамакус, древний шаман, возрождающийся к жизни в новом мире. Его длинные черные волосы облепили череп. Глаза его были закрыты, а медная кожа блестела от вонючих родовых вод. Пленки облепили

выпирающий нос и высокие скулы, нити слизи свисали с губ и подбородка.

Поющая Скала и я, мы оба стояли, когда шаман сорвал сморщенную оболочку опухоли со своей обнаженной, блестящей груди. Потом поднялся на руках и освободил бедра. Гениталии его были набрякшими, как у младенца мужского пола, но был виден волосяной покров паха, прилипший к животу, покрытому шрамами.

С омерзительным хлюпаньем, с каким вытягивают галошу из грязи, Мисквамакус освободил одну ногу. Потом другую. Тогда мы увидели, какой вред нанесли ему рентгеновские лучи. Ноги его не были сильными и мускулистыми, а обе кончались ниже колен маленькими деформированными ступнями с бесформенными карликовыми пальцами. Современная техника искалечила шамана еще до того, как он покинул лоно.

Постепенно, все еще не открывая глаз, Мисквамакус отодвинулся от разорванного тела Карен Тэнди. Он схватился за поручень кровати и сел, опустив свои карликовые ноги. Он громко втянул воздух в легкие, еще полные родовых вод. Белая мокрота свисала у него с уголков губ.

Сейчас я жалел только о том, что у меня нет оружия, чтобы разнести эту пародию на куски. Но я знал о его магической мощи и знал, что это бы не помогло. Мисквамакус тогда преследовал бы меня до конца жизни, а после моей смерти его маниту страшно отомстило бы моему.

— Нуждаюсь в твоей помощи, — спокойно сказал Поющая Скала. — Во всяком случае, когда я произнесу заклятие, сильно сконцентрируйся и думай о нашей удаче. Нас двое, может, сможем его удержать.

Искалеченный Мисквамакус, будто услышав, открыл сначала один глаз, потом другой и посмотрел на нас с леденящей смесью любопытства, презрения и ненависти. Потом он посмотрел на пол, на магический круг из разноцветных порошков и костей.

— Гиче Маниту! — громко вскричал Поющая Скала, — Услышь меня теперь и пошли на помощь мне свою мощь, — он переступал с ноги на ногу, танцевал и чертил

костями фигуры в воздухе. Я старался сконцентрироваться на успехе заклятия, как он меня просил. Но мне тяжело было оторвать глаза от мстительно глядящей на нас мрачной, неподвижной фигуры на постели.

— Гиче Маниту! — взывал Поющая Скала. — Пошли своих посланцев с замками и ключами. Пошли своих стражников и надсмотрщиков. Сдержи этого духа, свяжи Мисквамакуса. Замкни его за решетку и закуй в цепи. Заморозь его ум и сдержи его чары.

Он начал декламировать длинную индейскую инвокацию, которой я не понимал, но я молился и молился, чтобы его заклятия сделали свое дело и магические силы связали возрожденного шамана.

Удивительное ощущение начало просачиваться в мой мозг — впечатление, что все, что мы делаем, глупо и бесполезно, что наилучшим выходом будет оставить Мисквамакуса одного, чтобы он делал, что захочет. Он был настолько же сильнее нас, насколько мудрее. Мне показалось, нет смысла продолжать борьбу, ему будет достаточно вызвать одного из своих индейских демонов, и мы оба, я и Поющая Скала, погибнем ужасной смертью.

— Гарри, — засопел Поющая Скала. — Не впускай его в свой мозг. Помоги мне... я нуждаюсь в твоей помощи!

С усилием я попытался оттолкнуть волны безнадежности, заливающие мой мозг. Я посмотрел на Поющую Скалу. Я увидел пот, струившийся по его лицу, прорезавшие его щеки глубокие борозды усилий и напряжения.

— Помоги мне, Гарри, помоги мне!

Я посмотрел на мрачное, ужасное создание, восседающее на ложе. Я попытался парализовать его, концентрируя всю свою волю, до мельчайших частиц. Мисквамакус поглядывал на меня своими стеклянными желтыми глазами, будто вызывая меня встать против него. Я старался игнорировать свой ужас и психической атакой сделать шамана неподвижным. «Ты беспомощен, — думал я, — ты не можешь двигаться, ты не можешь наводить чары». Но дюйм за дюймом Мисквамакус начал сползать с

постели. Все время он не спускал с нас глаз. Поющая Скала сыпал порошки и стучал костями, но что бы он ни делал, все это, казалось, не производило ни малейшего впечатления. Шаман тяжело упал на пол и присел на свои ужасные микроножки внутри магического круга. Его лицо было маской бесстрастной ненависти.

Медленно, по-обезьяньи используя руки, чтобы передвигаться, Мисквамакус приблизился к кругу. «Если это его не сдержит, — подумал я, — я смоюсь через эти двери и буду на полпути к канадской границе прежде, чем кто-то попытается обвинить меня в трусости».

Голос же Поющей Скалы становился все выше и пискливее:

— Гиче Маниту, удержи Мисквамакуса подальше от меня! — кричал он. — Не дай ему покинуть круг чар! Запри его там и закуй!

Мисквамакус застыл и враждебным взглядом смерил магический круг. На мгновение показалось, что сейчас он пройдет над ним и кинется на нас, но он застыл, присев на бедра, и вновь закрыл глаза. Мы молчали, с трудом восстанавливая дыхание. Наконец Поющая Скала заявил:

— Мы задержали его.

— Это значит, что он не может выйти?

— Нет. Он без труда может пересечь круг, но еще не сейчас. Он все еще слаб. Он отдыхает, чтобы набраться сил.

— Но сколько времени ему нужно на это? Сколько времени осталось нам?

Поющая Скала смерил Мисквамакуса внимательным взглядом.

— Невозможно представить. Может, пара минут. Может, несколько часов. Однако считаю, что я привлек сюда достаточно магических сил, чтобы иметь в запасе минут тридцать-сорок.

— Что теперь?

— Ждать. Как только появится доктор Хьюз, мы должны будем начать эвакуацию этого этажа. Он вскоре проснется. Разгневанный, жаждущий мести и почти непо-

бедимый. Я не хотел бы, чтобы пострадали невинные люди.

Я посмотрел на часы.

— Джек будет с минуты на минуту. Послушай, ты на самом деле считаешь, что нам не пригодится пара пистолетов?

Поющая Скала протер вспотевшее лицо.

— Ты типичный белый американец. Ты воспитывался на телевизионных вестернах и приключениях «Дорожного патруля», поэтому ты думаешь, что пистолет решит все проблемы. Ты хочешь спасти Карен Тэнди или нет?

— Ты серьезно считаешь, что ее еще можно спасти? Это значит... Только взгляни на нее...

Беспомощно скрюченное тело Карен Тэнди неподвижно лежало поперек кровати. Я с трудом узнавал в ней девушку, которая всего четыре ночи назад пришла ко мне, чтобы рассказать о своих снах про корабли и берега в лунном свете.

— Согласно принципам индейской магии, ее еще можно спасти, — серьезно заявил Поющая Скала. — И я считаю, что, пока есть шанс, мы должны пытаться.

— Тебе виднее. Шаман здесь ты.

В этот момент по коридору, громко топая, прибежали Джек Хьюз и Вольф — второй санитар. Они посмотрели на кровь, на неподвижное тело Майкла, на фигуру Мисквамакуса и отступили, перепуганные.

— Боже, что здесь случилось? — дрожащим голосом спросил Джек.

Мы вышли за ним в коридор.

— Он убил Майкла, — начал я. — Я сидел здесь, когда это началось. Все случилось слишком быстро, я даже не успел отреагировать. Потом он вырвался из тела Карен. Поющая Скала считает, что на определенное время, но ненадолго, мы задержали его в магическом круге.

Джек прикусил губу.

— По-моему, нам сначала следует вызвать полицию. Меня не волнует, из какого века взялось это чудовище. Он убил уже достаточно людей.

Поющая Скала решительно воспротивился.

— Если вызовем полицию, он убьет и их тоже. Пули не решают проблемы, доктор. Мы решили разыгрывать эту игру определенным образом, и теперь уже нельзя отступать. Нам может помочь только магия.

— Магия, — с горечью сказал Джек. — Кто бы мог подумать, что мне придется обращаться за помощью к магии?

— Поющая Скала считает, что мы должны эвакуировать этот этаж, — вмешался я. — Когда Мискамакус проснется, он использует все средства, чтобы нам отомстить.

— В этом нет необходимости, — сказал Джек Хьюз. — На этом этаже размещается только хирургия. Мы положили Карен здесь, чтобы она была поближе к операционной. На десятом этаже она была единственной пациенткой. Я только предупрежу обслуживающий персонал, чтобы они держались подальше.

Он вытащил в коридор несколько кресел. Мы сели, все еще не спуская глаз с неподвижной фигуры Мискамакуса. Вольф поехал наверх, в кабинет Джека. Он вернулся с двумя бутылками бурбона, которым мы немного подкрепились. Было 3:45, и впереди все еще была длинная ночь.

— Теперь, когда он вышел, — отозвался Джек, — что мы с ним сделаем? Как мы можем его заставить отдать маниту Карен Тэнди?

Я заметил, как ему неловко использовать это индейское слово.

— Я представляю себе это так, — начал Поющая Скала. — Мы должны как-то убедить Мискамакуса, что его положение безнадежно. Что соответствует истине. Несмотря на все свое могущество, он представляет собой анахронизм. Магия и чары могут быть грозными, но их применение очень ограничено в мире, где люди в них не верят. Даже если он убьет нас всех, даже если он убьет каждого в этом госпитале, что он будет делать потом? Физически он является калекой и не имеет понятия ни о современной культуре, ни о науке. Так или иначе, у него

нет шансов. Если даже не здесь, то где-то в другом месте кто-то рано или поздно всадит в него пулю.

— Но как ты это провернешь? — спросил я.

— Единственный способ — сказать ему это. Один из нас должен открыть свой ум и отправиться с ним на ментальную прогулку, чтобы он мог видеть, как на самом деле выглядит современный мир.

— Но не сочтет ли он это за блеф? — усомнился Джек. — За какую-то магическую ловушку?

— Очень даже возможно. Но я не знаю, что еще можно предложить.

— Минутку, — прервал его Джек, обращаясь ко мне. — Мне как раз кое-что пришло в голову. Помнишь, Гарри, как ты что-то говорил о сне Карен, о паруснике, морском берегу и всем остальном?

— Естественно.

— Что-то меня удивило в этом сне. Страх. Мисквамакус чего-то боялся. Что же это могло быть такое, настолько страшное, что он отважился на эту затею с питьем кипящего масла и новым рождением? Как вы думаете, что его могло так сильно перепугать?

— Хороший вопрос, — заявил я. — А ты что об этом думаешь, Поющая Скала?

— Сам не знаю, — ответил индеец. — Может, он просто боялся погибнуть от рук голландцев. Пусть после смерти маниту продолжает существовать, но ведь это же не значит, что шаманы любят, когда их убивают. К тому же существуют такие методы уничтожения шамана, что его маниту никогда не сможет возвратиться на землю. Может, голландцы знали, как это сделать, и грозили ему этим?

— И все же это не имеет смысла, — усомнился Джек. — Мы ведь уже видели, как Мисквамакус может защищаться. Ни один голландец не смог бы приблизиться к нему настолько, чтобы быть способным его ранить. Но, несмотря на это, он боялся. Почему? Что было в семнадцатом веке у голландцев, что так перепугало такого шамана, как Мисквамакус?

— Винтовки, — предположил Вольф. — Индейцы ведь не знали огнестрельного оружия, так?

— Это не то, — заявил Поющая Скала. — Мисквамакус достаточно могуч, чтобы смеяться над ружьями. Вы ведь знаете, что он сделал с друзьями Гарри «молниейкотораявидит»? Если бы кто-то направил на него ружье, то оно тут же взорвалось бы у него в руках.

— Голландцы были христианами, — размышлял я. — Может, в христианской религии есть что-то, чем можно изгонять демонов и маниту Мисквамакуса?

— Невозможно, — ответил Поющая Скала. — Христианство не располагает ничем, что могло равняться мощью с древними духами индейцев.

Джек глубоко задумался, наморщив брови, как будто припоминал что-то, о чем слышал давным-давно. Неожиданно он щелкнул пальцами.

— Знаю, — сказал он. — Есть нечто очень важное, что было в голландских поселениях. То, что угрожало индейцам, с чем они никогда еще не сталкивались и с чем не могли бороться.

— Что же это было?

— Болезни. Голландцы привезли целую кучу неизвестных болезней, неизвестных на североамериканском континенте вирусов. Особенно вирус гриппа. Целые роды вымирали от европейских болезней, поскольку у индейцев не было антител к ним и их организмы не могли справиться с простым катаром. Шаманы не могли им помочь. Они не знали чар против чего-то совершенно неведомого. Невидимая, быстрая, верная смерть. По-моему, именно этого и боялся Мисквамакус. Голландцы уничтожили его род магией, которой он не видел и не понимал.

— Великолепно, доктор Хьюз. — Поющая Скала воспрянул духом. — На самом деле, великолепно.

— Одно замечание, — вмешался я. — Мисквамакус уже наверняка защищен от гриппа. Если его появление на свет хоть немного напоминает обычные роды, то он приобрел соответствующие антитела из крови Карен.

— Нет, не думаю. Его нервная система соединялась с системой Карен, но их системы кровообращения не были связаны так, как плод соединяется с организмом матери. Питание, которое он от нее получал, было чисто наружным и поступало из клеток головного и спинного мозга. Не было смешения в обычном физическом смысле.

— Это значит, — заговорил индеец, — что мы можем преподнести нашему шаману порцию вируса гриппа. Или по крайней мере пригрозить ему этим.

— Естественно, — согласился Джек. — Подождите немного.

Он быстро подошел к телефону на стене и набрал номер.

— Соедините меня с доктором Уинсоном, — сказал он, когда отозвалась телефонистка.

Поющая Скала бросил взгляд на молчаливую фигуру Мисквамакуса, согнутую и грозную, на полу, залитом кровью. Заражение этой личности гриппом не казалось особенно эффективным, но кроме чар Поющей Скалы у нас не было ничего более сильного.

— Доктор Уинсон? — заговорил Джек Хьюз. — Извините, что я вас разбудил, но у меня есть неотложная важная проблема, и мне срочно требуется несколько доз вируса.

С минуту он слушал тихий голос, доносящийся из трубки.

— Да, доктор, я знаю, что сейчас четыре часа утра. Я не звонил бы вам, если бы положение не было отчаянным. Да, точно. Мне нужен вирус гриппа. Как быстро вы можете появиться?

Он послушал еще немного и со вздохом повесил трубку.

— Доктор Уинсон сейчас придет. У него в лаборатории есть достаточно вирусов гриппа, чтобы свалить в постель всех жителей Кливленда, штат Огайо.

— Может, ему стоит как-нибудь попробовать сделать это, — с неожиданным юмором заметил Поющая Скала.

Было уже 4:05, но Мисквамакус все еще не шевелился. Мы вчетвером ждали в коридоре, внимательно следя за

его темной, бесформенной фигурой. Мы все еле держались на ногах, а смрад от трупа Майкла становился невыносимым.

— Как там сейчас на улице? — спросил я.

— Холодно. Снова идет снег, — ответил Джек, — надеюсь, что у Уинсона не будет проблем по пути сюда.

Прошло еще полчаса. Близился рассвет. Мы сидели, съежившись, потирая веки и куря сигарету за сигаретой, только чтобы не уснуть. Лишь нервное напряжение не давало мне задремать. Я не спал с воскресенья, но и тогда проспал от силы четыре или пять часов.

В 4:45 мы слышали какой-то шелест в палате Карен Тэнди. Мы быстро пошли посмотреть. Мисквамакус все еще не открывал глаз, но начал шевелиться. Поющая Скала встал и взял свои кости и порошки.

— Наверное, он просыпается, — заявил он. Его голос дрожал. Он знал, что на этот раз древний чернокнижник уже почти полностью восстановил свои магические силы. Он тихо вошел в палату, а мы за ним, чтобы поддержать в случае необходимости.

Мисквамакус медленно вытягивал мускулистые руки, покрытые магической татуировкой. Он поднял голову так, что если бы открыл глаза, то смотрел бы прямо на нас.

— Он проснулся? — шепотом спросил Джек.

— Не знаю, — ответил Поющая Скала. — Но это уже скоро произойдет.

Неожиданно мы слышали со стороны постели как бы дыхание. Сине-белые губы Карен, казалось, шевелились, рот как будто выдыхал воздух.

— Она еще живет? — удивился Вольф.

— Нет, — сказал Поющая Скала. — Это Мисквамакус. Он, наверное, хочет через нее говорить. Использует ее как микрофон, поскольку не знает нашего языка.

— Но ведь подобное невозможно, — запротестовал Джек. — Он к ней даже не приблизился.

— С точки зрения науки это, конечно, невозможно, — спокойно согласился Поющая Скала. — Но это же не наука. Это индейская магия.

Мы окаменели. Из горла Карен со свистом вырывалось все более громкое дыхание. Наконец она начала шептать глухим голосом, который сразу же заморозил каждый нерв моего тела.

— Вы пробовали... мне... воспротивиться... шшш, — говорил голос. — Вы ранили... меня... и я... чувствую... ужасную боль... Я... покараю... вас... за... это... шшш...

Мертвые легкие опали, губы стали неподвижными. Мы посмотрели на Мисквамакуса. Он открыл желтые глаза и враждебно посмотрел на нас. На его лице появилась такая же усмешка, которую я видел на поверхности стола из вишневого дерева.

Поющая Скала начал напевать свои заклинания, мерно постукивая костями. Но можно было заметить, что его магия слаба против мощи Мисквамакуса. Неоновые лампы замигали и погасли, и в течение нескольких секунд мы погрузились в полную тьму.

Я вытянул руки, чтобы схватить чью-нибудь дружескую ладонь, но не мог ни на кого попасть. Я боялся, что могу коснуться все еще скользкого от слизи лица Мисквамакуса.

— Не двигаться, — прошипел Поющая Скала. В его голосе звучал ужас. — Пусть никто не двигается.

Но кто-то или что-то двинулось. Оно медленно и неотвратимо двигалось к нам.

VII

За тьмой

Вольф щелкнул зажигалкой, открывая приток газа до максимума. Высокий желтый язык пламени осветил комнату, приводя в движение карусель ужасающих теней.

Мисквамакус со звериной улыбкой на блестящем лице все еще сидел внутри магического круга. На полу перед ним рассыпанные Поющей Скалой разноцветные порошки дрожали и медленно раздвигались, словно железные опилки, притягиваемые магнитом.

— Он раздвигает круг! — вскричал Джек Хьюз. — Поющая Скала, ради Бога!

Индеец выступил вперед и остановился перед Мисквамакусом — от силы в нескольких футах от искаленного шамана. Их отделяли друг от друга лишь быстро сдуваемые порошки магического круга. Поющая Скала сыпал их все больше, рисовал в воздухе знаки магическими костями, но Мисквамакус только отклонялся и трясся, как будто отгонял комаров. От постели Карен Тэнди донесся тихий, страшный смех, который замер с громким шипением.

Последние остатки круга исчезли, и уже ничто не отделяло нас от демонического шамана. Я не знал, оставаться ли мне на месте или бежать как можно быстрее, но был уверен в одном: Поющая Скала нуждается в нас всех, чтобы мы помогли его чарам.

Поэтому я не двинулся с места, хотя и дрожал от страха.

Обнаженный Мисквамакус поднялся на своих искалеченных ногах так высоко, как только мог и широко развел руки. Из его рта вырвалось длинное, ритмичное заклинание, произносимое хриплым, горловым звуком. Он вытянул перед собой костистую руку.

Я последовал взглядом за его пальцами — он указал на окровавленные останки Майкла.

Поющая Скала поспешно отступил.

— Выходим немедленно! — буркнул он и подтолкнул нас в сторону двери.

Уже стоя в коридоре, я увидел что-то, от чего у меня залязгали зубы. Кровавая куча, когда-то бывшая Майклом, задвигалась: завибрировали открытые артерии, запульсировали обнаженные нервы, вырванные легкие, как два истекающих кровью баллона, снова наполнились воздухом.

Мы видели в слабом оранжевом свете зажигалки, как куски тела Майкла становятся на ноги. Глубоко посаженные в кровавую ткань вывернутого лица, на нас смотрели водянистые глаза осьминога из ужасного подводного кошмара.

Шаг за шагом, оставляя за собой полосу липкой слизи, тело Майкла двинулось к нам, пачкая кровью все, чего ни касалось.

— Иисусе! — прошептал Джек перепуганным, полным отчаяния голосом.

Но Поющая Скала не ждал в бездействии. Он вытащил из кармана кожаную бутылку, откупорил ее и налил на ладонь немного жидкости. Широкими взмахами чертя в воздухе магическую фигуру, он обрызгал кровавые останки.

— Гиче Маниту, забери жизнь у этого создания, — пробормотал он. — Гиче Маниту, одари смертью своего слугу.

Тело Майкла упало на колени, его обнаженные мышцы заскользили по открытым костям. Наконец оно мешком повалилось на пол и бесформенной массой застыло у двери.

В палате Мисквамакус снова взялся за работу. Мы не замечали его, так как огонек зажигалки Вольфа быстро слабел и уже еле светил. Но было слышно, как он поет, разбрасывая кости и волосы, которые Поющая Скала использовал для создания магического круга.

— Вольф, иди и принеси несколько фонарей, — попросил индеец. — Мы должны видеть, что там творится. Мисквамакус видит в темноте, и в ней ему легче вызывать демонов. Беги так быстро, как только можешь.

Вольф подал мне зажигалку с язычком слабеющего огня и побежал по коридору в сторону лифтов. Он почти добрался туда. Когда он сворачивал за угол, мы увидели ослепительный блеск бело-голубого огня. Он осыпал пол дождем искр и оставил у меня в глазах яркие, апельсинового цвета пятна.

— Вольф! — закричал Поющая Скала. — С тобой ничего не случилось?

— Все в порядке, — возвестил санитар. — Сейчас же бегу назад!

— Что это было? — спросил Джек Хьюз.

— «Молния, которая видит», — ответил шаман. — Именно то, что убило твоих друзей, Гарри. Я ожидал, что Мисквамакус попробует что-то такое, как только Вольф отделился от меня, поэтому и отклонил ее.

— Она все же ударила чертовски близко, — заметил Джек.

— Важно то, что она не попала, — заметил я. Зажигалка уже почти потухла, и я напрягал зрение, чтобы увидеть, что творится в палате Карен. Я слышал лишь какой-то шорох и стук, но ничего не видел.

Нас снова окутала тьма. Мы держали руки друг у друга на плечах, чтобы не отделяться. Это также помогало сконцентрировать наши мысли на успехе заклятий Поющей Скалы, которые он будет налагать. В полной тьме мы внимательно вслушивались даже в малейший шорох.

Через минуту мы услышали, что Мисквамакус начинает петь какое-то заклятие.

— Что он делает? — прошептал Джек.

— То, чего я боялся, — ответил Поющая Скала. — Он вызывает индейского демона.

— Демона? — даже не поверил Джек.

— Это скорее всего не демон в европейском смысле, а его индейский аналог. Один из древнейших.

— Знаешь ты, кого именно он вызывает? — спросил я.

Поющая Скала внимательно вслушался в хриплое, невыразительное пение.

— Не знаю. Он использует имена из языка своего племени. Во всей Северной Америке демоны одни и те же, но каждый род называет их по-своему. Имя того, который ему нужен, звучит скорее всего Кахала, или К'малах. Но я не слишком уверен.

— А ты можешь биться с демоном, если ты не знаешь, с кем имеешь дело?

Я представил себе мрачное, изборозженное морщинами лицо Поющей Скалы.

— Не могу, — ответил он. — Я должен подождать, пока он не появится. Тогда я определю его.

Прижавшись друг к другу, мы ожидали прибытия древнего чудовища. В темноте мы видели бледное мигание зеленоватого света из палаты Карен и извивающуюся струйку белого дыма.

— Там, случайно, не горит? — забеспокоился удивленный Джек Хьюз.

— Нет, — объяснил Поющая Скала. — Из этого дыма формируется маниту. Это что-то вроде эктоплазмы из европейского спиритизма.

Зеленый блеск исчез, и мы услышали доносящиеся из палаты звуки. Сначала как будто бы скрежет чьих-то твердых когтей, царапающих поверхность пола, а затем голос Мисквамакуса. Он говорил по крайней мере две минуты, а потом, к моему ужасу, кто-то ответил ему скрежещающим, неземным голосом, горловым и резким.

— Он приказывает демону уничтожить нас, — прошептал Поющая Скала. — Теперь, что бы ни случилось, держитесь поближе и не вздумайте пытаться убежать. Если

вы побежите, то выйдете из-под моей защиты. Он вас достанет.

В моем мозгу зазвучала строка из «Старого моряка» Колриджа — о человеке, который один раз оглянулся, а потом уже не поворачивал головы, «ибо знает он, что идёт за ним вида жуткого демон ужасный».

Скрежет когтей по полу приближался к нам. В темноте я заметил высокую черную тень, стоящую в дверях. Она казалась похожей на человека и одновременно совершенно непохожей. Я напряг зрение и разглядел что-то вроде чешуи и когтей.

— Что это? — прошипел Джек.

— Демон, которого мы называем «Ящерсдеревьев», — ответил Поющая Скала. — Это злой маниту лесов, боров и всех деревьев. Видимо, Мисквамакус выбрал именно его потому, что знает: я происхожу из равнин и, значит, не могу справиться именно с демонами лесов.

Мрачное существо двинулось в нашу сторону. Из его горла вырвалось тонкое змеиное шипение. Поющая Скала немедленно сыпанул порошком, брызнул магической жидкостью и затрещал костями.

Демон застыл в половине метра, может быть, в метре от нас.

— Удалось, — заявил Джек. — Вы задержали его.

— Он не убьет нас, так как моя магия для него слишком сильна. — Поющая Скала с трудом приводил дыхание в порядок. — Но он отказывается вернуться в бездну без жертвы.

— Жертвы? Чего же он хочет, черт побери?

— Кусок живого тела. Это все.

— Чего? — застонал я. — Как же мы можем дать ему его?

— Это может быть все, что угодно, — сказал Поющая Скала. — Палец, ухо...

— Но это же несерьезно, — заявил я.

— Без этого не обойтись. А я не смогу удержать его слишком долго. Или он получит то, чего желает, или разорвет нас на куски. Он не шутит. Это создание имеет

клюв, как у осьминога или птеродактиля. Оно может разорвать человека, как мешок фасоли.

— Хорошо. Я это сделаю, — спокойно сказал Джек.

Поющая Скала глубоко вздохнул.

— Спасибо, доктор. Это продлится лишь секунду. Вытяните руку в его сторону. Дайте ему лишь мизинец. Сожмите все остальные пальцы. Я постараюсь удержать остальную часть вашей руки внутри круга моих чар. Как только он грызнет, немедленно уберите руку. Вы ведь не хотите, чтобы он забрал гораздо больше.

Я чувствовал, как дрожал доктор, когда протягивал руку мрачному Ящерусдеревьев. Я слышал, как бритвенно-острые когти заскребли пол, когда он все дальше и дальше вытягивал ладонь, и тонкое дыхание-жужжание демона.

Что-то быстро зашелестело, когти заскользили по полу коридора. Потом раздался ужасный хруст. Не хотел бы я услышать его во второй раз.

— Аааааа!!! — закричал Джек и упал на пол между нами. Я чувствовал, как теплая кровь обливает мне ноги и руку, которую я протянул, чтобы помочь ему.

— Ааа! Черт возьми! — кричал он. — О, Боже, он отгрыз мне руку! — кричал он. — О, Боже, он отгрыз мне руку! Отгрыз мне эту чертову руку! Иисусе!

Встав на колени, я вытащил платок. Я нащупал в темноте искалеченную руку и обвязал ее настолько хорошо, насколько мог. Судя по тому, что чувствовали мои пальцы, клюв демона оторвал у Хьюза по крайней мере два, а то и три пальца и половину ладони. Боль наверняка была невыносимой. Джек Хьюз стонал и корчился.

Поющая Скала также встал на колени.

— Чудовище убралось, — просопел он. — Просто растаяло в воздухе и исчезло. Но я не знаю, чей дух теперь вызовет Мисквамакус. Этот был всего лишь малым демоном. Существуют маниту, которые намного хуже.

— Поющая Скала, мы должны увести отсюда доктора Хьюза.

— Мы не можем теперь отойти от Мисквамакуса. Не знаю, что он еще может вытворить, если мы не будем за ним следить.

— Он же ужасно страдает. Он умрет, если ему не сделать перевязку. Лучше уж потерять Карен Тэнди, чем его.

— Не в этом же дело, — сказал Поющая Скала. — Если мы оставим Мисквамакуса одного, то тем самым уничтожим весь город. Погибнут сотни людей.

— О, Боже! — стонал Джек. — О, Боже! Моя рука! О, Боже!

— Поющая Скала, я должен его отсюда вытащить. Не можешь ли пару минут сдерживать Мисквамакуса в одиночестве? Защити нас от его огня, когда мы пойдем по коридору. Я отведу Джека к врачу и немедленно вернусь.

— Хорошо, — сказал Поющая Скала. — Но только поспеши. Мне нужен здесь еще хотя бы один человек.

Я поставил Джека на ноги, забросил себе на шею его искалеченную руку, и шаг за шагом мы пошли по коридору в сторону лифтов. Он стонал от боли при каждом шаге, и я слышал, как его кровь капала на пол. Но я почувствовал свежий прилив сил и нес его без отдыха.

Не было никакой молнии, никакой попытки задержать нас, ничего. Может, именно этого хотел Мисквамакус — чтобы Поющая Скала остался с ним один на один. Но если речь шла обо мне, то я не мог поступить иначе. Джек был чересчур сильно искалечен, чтобы оставаться там, в коридоре. Я должен был вынести его.

Наконец мы добрались до лифта. Его красная лампочка поблескивала в темноте. Я нажал кнопку «ВВЕРХ», и через минуту, которую я с трудом пережил, приехал лифт, открылась кабина, и мы ввалились внутрь.

По сравнению с темнотой в коридоре свет был настолько ярко, что болели глаза. Я посадил Джека на пол, положил его изувеченную руку на колени и присел на корточки рядом. Мы быстро приехали на восемнадцатый этаж, где я помог ему выйти.

В кабинете Джека, куда я его дотащил, уже собралось много народу. Там был Вольф с группой санитаров, все с фонарями. У двоих были револьверы, остальные были вооружены ломami и ножами. Рядом с ними стоял лысеющий, краснолицый врач в белом халате и очках.

Они окружили меня, когда я вошел. Осторожно сняли Джека с моих плеч и положили на кушетку в угол. Вольф приказал принести аптечку первой помощи и антибиотик. Джеку сразу сделали укол новокаина, чтобы ослабить боль.

Краснолицый врач подошел ко мне и представился.

— Я Уинсон. Мы как раз собирались ехать вниз, чтобы вам помочь. Что там творится, черт возьми? Из того, что мне говорил Вольф, я понял, что у вас есть пациент-сумасшедший или что-то в этом роде.

Я стер пот со лба. Здесь, наверху, в холодном свете утра, все, что происходило в смрадной темноте десятого этажа, неожиданно показалось мне совершенно нереальным. Но Поющая Скала остался там, и я знал, что должен вернуться ему на помощь.

— Я рад, что вы смогли прийти, доктор. Сейчас я не могу вам всего объяснить... Действительно, внизу крайне опасный пациент, но вы не можете спуститься туда со всеми револьверами и этими людьми.

— Почему это не можем? В случае угрозы мы должны защищаться.

— Поверьте мне, доктор Уинсон, — уверил я его дрожащим голосом. — Если вы спуститесь туда с оружием, то пострадает много невинных людей. Мне нужен только вирус гриппа, ничего больше.

Уинсон гневно хмыкнул.

— Это смешно. У вас там какой-то дикарь, который нападает на врачей, а вы хотите вирус гриппа?

— Ничего больше, — повторил я. — Прошу вас, доктор. Как можно быстрее.

Он посмотрел на меня вытаращенными глазами.

— Не думаю, что вам дано право распоряжаться в этом госпитале. По-моему, наилучшим решением будет, если я

и присутствующие здесь джентльмены отправимся прямо на место происшествия и схватим этого пациента прежде, чем он попробует укусить еще кого-то.

— Вы ничего не понимаете!!

— Точно, — сказал Уинсон. — Совершенно не понимаю. Вольф, вы готовы?

— Готов, доктор, — ответил Вольф. — Расскажи же нам.

Санитар пожал плечами.

— Я знаю только, что доктор Хьюз искалечен пациентом. Мы должны спуститься вниз и разобраться с этим делом раз и навсегда.

Я не знал, как мне их убедить. Я огляделся, нет ли кого-то, кто мог бы мне помочь, но всех обуяла жажда штурмовать десятый этаж.

И тогда с кушетки заговорил Джек Хьюз.

— Доктор Уинсон, — прохрипел он. — Вам нельзя идти туда. Прошу вас поверить мне, что вам туда нельзя. Только отдайте ему этот вирус. Этот человек знает, что делает. Ни в коем случае вам нельзя спускаться туда.

Уинсон подошел к нему и наклонился.

— Вы уверены, доктор Хьюз? Мы все здесь вооружены и готовы к действиям.

— Нельзя. Отдайте ему вирус и отпустите его вниз. Прошу позволить ему улаживать дело так, как он считает необходимым.

Уинсон яростно зачесал свою багровую лысину.

— Доктор Хьюз отвечает за этого пациента, — обратился он к своей спасательной команде. — Мы должны уступить ему. Но на всякий случай все будьте готовы.

Он подошел к столику и из деревянной коробки вытащил узкую стеклянную пробирку, наполненную прозрачной жидкостью. Он подал ее мне на вытянутой ладони.

— Этот раствор содержит активный вирус гриппа. Прошу вас обходиться с ним с предельной осторожностью, иначе мы здесь получим эпидемию.

Я осторожно взял пробирку в руку.

— Хорошо, доктор. Понимаю. Поверьте мне, вы поступаете верно.

У меня было страшное желание взять с собой револьвер, хотя я и знал, что это было бы безрассудно и опасно. Но я взял с собой фонарик. Затем я поспешно вернулся к лифту, нажал кнопку десятого этажа и стал спускаться во тьму.

Когда дверь лифта раскрылась, я осторожно выглянул в темноту.

— Поющая Скала! — закричал я. — Это Гарри Эрскин! Я вернулся!

Никто не ответил. Я придержал ногой двери лифта, чтобы они не закрылись.

— Поющая Скала! — опять закричал я. — Поющая Скала, где ты?

Я зажег фонарик и посветил в глубь коридора, но я видел только короткий его кусок до поворота. Может, Поющая Скала не слышал меня из-за угла. Мне надо идти туда самому и оглядеться.

Я прислонился к стене, снял ботинки и заклинил ими двери. Мне лучше было бы не ждать вызова лифта с первого этажа, когда меня будет преследовать одна из ужасных бестий Мисквамакуса.

Светя себе под ноги, я пошел по коридору в сторону палаты Карен, к месту битвы шаманов. Было очень тихо, слишком тихо, чтобы я был спокоен. Не знаю, отважился бы я кричать еще раз. Я чувствовал почти страх перед тем, что кто-то мог мне ответить.

По мере того, как я приближался к палате, мои ноздри вновь наполнились резким, тошнотворным запахом крови и смерти. Я направил луч фонаря вдоль коридора, но не заметил и следа Поющей Скалы. Возможно, он внутри лицом к лицу сражался с Мисквамакусом.

А может, его вообще уже не было.

Тихо, осторожно я прошел последние несколько метров, направив фонарь на заляпанные кровью двери палаты Карен. Я слышал, что там кто-то есть и двигается, но я боялся думать о том, кто бы это мог быть. Я подходил все

ближе, держась противоположной стороны коридора, затем прыгнул вперед и осветил внутренность палаты.

Поющая Скала. Он полз на четвереньках по полу. Сначала мне казалось, что с ним ничего не случилось, но когда на него упал свет, он повернул ко мне голову, и я увидел, что Мисквамакус сделал с его лицом.

Ощущая в затылке дрожь ужаса, я провел лучом фонаря по комнате. Не было ни следа Мисквамакуса. Он убежал и скрывался теперь где-то среди смоляной черноты коридора десятого этажа. Мы обязаны найти его и уничтожить, вооруженные только фонарем и маленькой стеклянной пробиркой с зараженным раствором.

— Гарри? — прошептал Поющая Скала.

Я вошел и опустился перед ним на колени. Он выглядел так, будто кто-то проехал по его лицу семью полосами колючей проволоки. У него была рассечена кожа на щеке и полопались губы. Он обильно истекал кровью. Я вынул носовой платок и как можно осторожнее стер кровь.

— Очень болит? — спросил я. — Что случилось? Где Мисквамакус?

Поющая Скала отер кровь со рта.

— Я пытался его задержать — прошептал он. — Я сделал все, что мог.

— Он ударил тебя?

— Ему не надо было этого делать. Он магией бросил мне в лицо кучу хирургических инструментов. Если бы он мог, то убил бы меня.

В шкафчике у ложа я нашел немного ваты и пластыря. Обтертое от крови лицо Поющей Скалы не стало выглядеть лучше, лишь чище. Защитные чары отклонили большую часть скальпелей и зондов, которые Мисквамакус послал в его сторону. Несколько из них врезались в стену по рукоятъ.

— Взял вирус? — спросил Поющая Скала. — Немного подождём, пока я остановлю кровь, и пойдем за ним.

— Взял. Выглядит он не грозно, но Уинсон утверждает, что он может сделать своё дело с тысячекратным запасом.

Поющая Скала взял пробирку и внимательно изучил ее — Помолимся, чтобы действовало. Наверное, у нас не очень много времени.

Я поднял фонарь. Мы тихо подошли к двери и начали прислушиваться. Не было слышно ничего, кроме нашего сдавленного дыхания. Среди пустых мрачных коридоров нас ждало больше сотни комнат, в которых мог укрыться Мисквамакус.

— Ты видел, в какую сторону он пошел? — спросил я Поющую Скалу.

— Нет. Да и к тому же прошло уже пять минут. Он может быть где угодно.

— Сейчас совершенно тихо. Может ли это что-то значить?

— Не знаю. Не знаю и того, что он хочет делать.

Я кашлянул.

— А что бы ты сделал на его месте? Я думаю о чарах.

Поющая Скала задумался, прижимая к разорванной щеке окровавленный тампон.

— Я не совсем уверен, — заговорил он. — Нужно посмотреть на все с его точки зрения. Ему кажется, что он едва ли пару дней назад покинул Манхэттен семнадцатого века. Белый человек для него все еще чужак и завоеватель — враг неизвестно откуда. Мисквамакус же очень могуч, но, вероятнее всего, перепуган. Более того, физически он стал калекой, а это дополнительно отрицательно на него влияет. Думаю, он будет вызывать на помощь все, что только сможет.

Я блеснул фонарем в глубь коридора.

— Ты имеешь в виду демонов?

— Конечно. Ящерсдеревьев — это всего лишь начало.

— А что, в таком случае, мы сможем сделать?

Поющая Скала лишь беспомощно покачал головой.

— Нам на пользу только одно, — наконец сказал он. — Если Мисквамакус постарается вызвать демонов из глубочайшей бездны, он должен подготовить ворота, через которые они смогут появиться.

— Ворота? О чем это ты говоришь?

— Объясню тебе насколько смогу просто. Представь себе, что существует стена между миром духов и физическим миром. Если Мисквамакус желает вызвать демонов, он должен извлечь из этой стены несколько кирпичей и проделать отверстие, через которое пройдут духи. Нужно их еще как-то привлечь. Демоны почти всегда желают какой-то плоти за свои услуги, как Ящерсдеревьев — кусочка живого тела!

— Кусочка? Ха, хорош кусочек!

Поющая Скала сжал мне плечо.

— Гарри, — тихо сказал он. — Прежде чем это дело закончится, мы потеряем гораздо больше.

Я серьезно посмотрел на него. Впервые я отдал себе отчет в том, что мы очутились в ловушке и что из нее есть только один выход.

— Хорошо, — ответил я. Вообще-то, ничего хорошего в этом не было, но у нас выбора уже не оставалось. — Идем, поищем его.

Мы вышли в коридор и огляделись. Тишина угнетала. Я слышал движение частиц воздуха, ударяющих в мои барабанные перепонки, и удары своего собственного сердца. От подавляемого страха перед встречей с Мисквамакусом или одним из его демонов мы оба дрожали и обливались холодным потом. Поющая Скала лязгал зубами, когда мы обследовали первый коридор. Мы останавливались у каждой двери, светя фонарем через стекла, чтобы убедиться, что шаман не скрывается внутри.

— Эти ворота, — спросил я Поющую Скалу, когда мы сворачивали за первый угол. — Как они выглядят?

Индеец пожал плечами.

— Их много видов. Чтобы вызвать такого демона, как Ящерсдеревьев, достаточно круга на полу, соответствующих обещаний и заклинаний. Но Ящерсдеревьев не особенно могуществен. Он стоит довольно низко в иерархии индейских демонов. Чтобы вызвать более грозного демона, такого, как Стражник Шеста Вигвама или Водяной Змей, надо создать такие условия, чтобы физический мир показался им привлекательным.

— Проверь те двери, — прервал я его, светя фонарем в стекло. Он заглянул в зал и покрутил головой.

— Надеюсь, что он еще здесь, на этом этаже, — сказал он. — Если он куда-то перенесся, то у нас будут очень большие хлопоты.

— За лестницей следят, — заметил я.

Поющая Скала криво усмехнулся.

— Для Мисквамакуса нет ничего достаточно охраняемого.

Мы осторожно шли, задерживаясь через каждые несколько метров, чтобы исследовать комнаты, шкафы и разные углы. Я уже начинал думать, а существовал ли Мисквамакус вообще, не был ли он всего лишь иллюзией.

— Не пробовал ли ты сам когда-нибудь вызвать демона? — спросил я. — Может, мы могли бы собрать несколько демонов на нашей стороне. Если Мисквамакус собирает подкрепление, то почему бы этого не сделать нам?

Поющая Скала снова улыбнулся.

— Гарри, ты, наверное, сам не понимаешь, что говоришь? Эти демоны — не шутка, это не переодетые люди. Самые главные из них, наивысшие в индейской иерархии, могут принимать множество обликов. Некоторые постоянно изменяют облик и все свое существо. Сейчас они выглядят, как страшный бизон, а через минуту, как яма, полная змей. У них нет человеческих понятий, они не знают жалости. Или ты считаешь, что Ящерсдеревьев жалел Джека Хьюза, когда отгрызал ему ладонь? Если хочешь, чтобы какие-нибудь демоны были на твоей стороне, то ты должен требовать от них чего-то предельно жестокого и не жалеть о последствиях, если что-то пойдет не так, как нужно.

— Ты хочешь сказать, что они плохи? — спросил я. Я направил луч света в глубь коридора, чтобы проверить какую-то подозрительную тень.

— Нет, — ответил Поющая Скала. — Они не плохи, не злы в человеческом смысле этого слова. Но ты, однако, должен понять, что естественные силы этой планеты не

испытывают симпатии к человечеству. Мать-природа, независимо от того, что о ней пишут в катехизисе воскресной школы, вообще не добродушна. Мы срубаем деревья — и демоны деревьев лишаются крова. Мы строим шахты и каменоломни, беспокоя демонов земли и скал. Как ты думаешь, откуда берется столько историй о людях, обуженных злыми духами на одиноких фермах? Бывал ли ты когда-нибудь в Пенсильвании? Видел ли ты пентаграммы и амулеты, которые носят там фермеры, чтобы отгонять демонов? Эти фермеры разбудили духов деревьев и полей. Теперь они за это расплачиваются.

Мы свернули в очередной боковой коридор.

— Что это? — спросил я останавливаясь.

Мы всматривались во мрак. Прошло минуты две, пока глаза не привыкли к темноте и мы не увидели мигающий голубоватый отблеск, пробивающийся через двери какого-то из залов.

— Вот и он, — сказал Поющая Скала. — Мисквамакус там. Не знаю, что он делает, но явно что-то такое, что нам бы не пришлось по вкусу.

Я вынул из кармана пробирку с вирусом гриппа.

— У нас есть это, — напомнил я ему. — И что бы он для нас ни приготовил, это не будет хуже того, что мы припасли для него.

— Не переоценивай вирус, Гарри, — предупредил меня Поющая Скала. — Судя по тому, что нам известно, Мисквамакус может быть привит от гриппа.

— Великолепно! Придай мне храбрости! — попробовал пошутить я. Но я все время чувствовал дрожь, плывущую по всем нервам моего тела. Я многое бы дал за возможность принести облегчение моим кишкам.

Я погасил фонарь, и мы очень осторожно двинулись в сторону мигающего огонька. Он походил на язычок ацетиленовой горелки или отражение далекой молнии. Отличие было лишь в том, что в нем было что-то неземное, необычайный холод, что ли, который наводил на мысль о звездах, видных в одинокую зимнюю ночь — равнодушно мигающих, бесконечно далеких.

Мы добрались до дверей. Они были заперты. Свет падал через небольшое окошко и щель у пола.

— Сам заглянешь или это должен сделать я? — спросил Поющая Скала.

Я задрожал так, будто кто-то наступил на мой собственный гроб.

— Загляну. Ты сделал уже достаточно.

Я подошел ближе и прижался к стене возле двери. Она была удивительно холодна, а когда я приблизился к стеклу, то заметил, что стекло покрыто слоем изморози. Изморозь — в отапливаемом госпитале? Я указал пальцем, обращая внимание Поющей Скалы на иней. Он кивнул.

Я осторожно придвинул лицо к окошку и заглянул внутрь. От того, что я там увидел, всё мое тело покрылось гусиной кожей, а волосы встали дыбом, как иглы перепуганного дикобраза.

VIII

Над чернотой

Мисквамакус неуклюже сидел на полу посередине комнаты, подпирая рукой свое деформированное тело. Вся меблировка зала, видимо, операционной, была разбросана в стороны, будто сильным вихрем. Очищенный таким образом пол Мисквамакус пометил мелом. Я заметил большой круг, а внутри его десятки кабалистических знаков и фигур. Возрожденный чернокнижник вздымался над ними, опираясь на левую руку, и хриплым, настойчивым шепотом читал нараспев какие-то заклинания.

Но не круг и не наведение чар так ужасали, а туманное, полупрозрачное очертание, появляющееся и исчезающее в середине круга, — фигура из мигающего голубого света изменчивой формы. Когда я прикрыл глаза, мне удалось рассмотреть необычное, похожее на жабу существо, которое, казалось, дрожало и исчезало, изменяясь и расплываясь.

Поющая Скала тихо подошел и стал рядом со мной у окошка. Он взглянул только раз и зашептал:

— Гиче Маниту, защити нас, Гиче Маниту, прикрой нас от кривды! Гиче Маниту, сдержи наших врагов...

— Что это? — зашептал я. — Что там творится?

Поющая Скала прежде чем ответить закончил свою инвокацию:

— Гиче Маниту, помоги нам О, Гиче Маниту, спаси нас от ран. Пошли нам счастье и добрую судьбу на все луны нашей жизни!

— Поющая Скала, что это?

— Звездная Бестия, — ответил индеец, указывая на омерзительное, бесформенное создание, похожее на жабу. — Это лучшее толкование ее имени, какое мне приходит в голову. Я еще никогда ее не видел. Знаю ее облик только по рисункам и из рассказов старых шаманов. Я думал, что даже Мисквамакус не отважится ее вызвать.

— Почему? — прошептал я. — Разве она настолько опасна?

— Сама по себе Звездная Бестия не особо опасна. Она может уничтожить, даже не задумываясь об этом, но она не сильна и не важна. Она скорее слуга высших существ. Связной.

— Ты хочешь сказать, что Мисквамакус хочет ее использовать как гонца... чтобы вызвать других демонов?

— Что-то в этом роде, — ответил Поющая Скала. — Позже я тебе объясню. А пока разумнее всего будет обратиться отсюда.

— А вирус? Что с вирусом? Поющая Скала, мы должны по крайней мере попытаться использовать его.

Поющая Скала уже отходил от двери.

— Забудь о нем. Это была хорошая идея, но теперь уже поздно. По крайней мере, пока. Отойдем подальше.

Я застыл на месте. Я боялся. Но если и существовал какой-нибудь шанс уничтожить Мисквамакуса, то я хотел его использовать.

— Поющая Скала, мы можем пригрозить ему вирусом! Скажи, что если он не запрет эти ворота, то мы убьем его. Ради ран Христовых, ведь стоит хотя бы попробовать!

Поющая Скала развернулся и начал отталкивать меня от двери.

— Слишком поздно, — повторил он. — Разве ты не понимаешь, что такое эти демоны? Они сами по себе как форма вируса. Звездная Бестия посмеется над твоим вирусом и наградит тебя наихудшей смертью, какую ты только можешь себе представить.

— Но Мисквамакус...

— Мисквамакуса можно перепугать, Гарри. Но поскольку он вызвал демонов, уже слишком поздно. Убивать же его теперь еще более опасно, чем когда-либо. Если какая-нибудь из этих бестий пройдет через ворота, а Мисквамакус умрет, то не будет никакого способа отослать ее назад. Гарри, неужто ты хочешь выпустить это чудовище на Манхэттен?

Звездная Бестия дрожала и мигала ужасной флюоресценцией. Иногда она казалась жирной и прожорливой, иногда состоящей только из волнующихся туч. Она распространяла неопишемую атмосферу парализующего ужаса, как разъяренная, бешеная собака.

— Нет, Поющая Скала, — заявил я. — Я должен попробовать.

— Гарри, — попросил индеец, — будь рассудительным. Это же не имеет смысла.

Но я уже принял решение. Я взялся за холодную как лед ручку, готовый открыть дверь.

— Дай мне какие-нибудь чары или что-то еще для защиты.

— Гарри, чары — это не пистолет. Просто не ходи туда, вот и все.

Несколько секунд я раздумывал: а что, черт возьми, я вытворяю? Герой из меня никудышный. Но я располагал оружием, способным уничтожить Мисквамакуса. И мне представлялся для этого случай. Мне отчего-то казалось более легким и логичным попытаться убить его сейчас, чем позволить творить свои ужасы. Если существовало что-то хуже Звездной Бестии, то я не хотел бы этого видеть. А единственным способом сдержать дальнейшую материализацию было избавление от шамана раз и навсегда. Я сосчитал до трех и с размаха раскрыв дверь.

Я совершенно не был готов к тому, что застал внутри. Было так холодно, что я ощутил громаду темного ледника. Я хотел побежать вперед, но мои ноги могли двигаться только в замедленном темпе. Казалось, каждый шаг зани-

мал целые минуты, когда, широко раскрыв глаза, я брел через липкий воздух, поднимая руку со стеклянной пробиркой.

Но хуже всего был звук. Он напоминал жестокий, холодный ветер, воющий ниспадающей нотой. Стоял глухой, монотонный гул. В комнате не было ветра, но неощутимый ураган выл и рычал, подавляя все ощущения времени и пространства.

Мисквамакус обернулся и посмотрел на меня, медленно, как фигура из кошмарного сна. Он не делал ни малейших усилий, чтобы задержать меня или защититься. Звездная Бестия преобразалась, волнуясь, как тяжи жабьей икры или полосы густого дыма.

— Мисквамакус! — завизжал я. Слова стекали с моих губ, как густые капли растапливающегося воска, и, казалось, застывали в воздухе. — Мисквамакус...

Я остановился не далее чем в метре от него. Я должен был прикрыть рукой ухо, чтобы уменьшить оглушающий визг ветра, которого не было. В другой руке я сжимал пробирку с вирусом гриппа, вздымая ее вверх, как святое причастие.

— Мисквамакус! Вот невидимый дух, который пора-жал твой народ! Он у меня здесь, в этой бутылке. Закрой ворота, отошли Звездную Бестию... Иначе я выпущу его!

Какой-то фрагмент моего мозга регистрировал крик Поющей Скалы: «Гарри, вернись!» Но ураган ревел слишком громко, а мои надпочечники выделяли адреналин слишком быстро. И к тому же я знал, что если мы сейчас не прижмем Мисквамакуса к стене, то мы, возможно, никогда уже не избавимся ни от него, ни от демонов, ни от некоторой части ужасного населения магического прошлого.

Однако я ясновидец, а не шаман, и я не смог справиться с тем, что случилось потом. Я почувствовал в руке что-то холодное и шевелящееся — пробирка превратилась в черную извивающуюся пиявку. Еще немного, и я бы выбросил ее с омерзением, но в моем мозгу отозвалось

предостережение: это мираж, еще один фокус Мисквамакуса. Поэтому я только плотнее сжал пробирку в ладони. Но все же чернокнижник перехитрил меня. Пиявка взорвалась огнем, а мой мозг работал недостаточно быстро, чтобы понять, что это тоже мираж, и вовремя сдержать инстинктивное движение. Я отбросил ее. Пробирка медленно поплыла к полу — неестественно медленно, как камень, тонущий в прозрачном масле.

Перепуганный, я попытался обернуться и побежать к двери. Но воздух стал густым, и каждый шаг требовал огромных усилий. Я заметил в дверях Поющую Скалу, протягивающего ко мне руки, но он, казалось, находится в сотне миль — спаситель, стоящий на берегу, до которого я не мог доплыть.

Изменчивый, прозрачный силуэт Звездной Бестии притягивал меня с непобедимой силой. Я чувствовал, что, несмотря на мое сопротивление, какая-то мощь влечет меня все дальше от двери, все ближе к центру магических ворот. Я увидел, как пробирка с вирусом гриппа изменяет направление полета и плывет к демону, крутясь и вращаясь, как удаляющийся в пространство спутник.

Меня пронизывал ужасающий холод. Среди погребального стога неподвижного урагана я видел тучи пара, создаваемого моим дыханием, и звездочки инея, оседающего на моей одежде. Пробирка с вирусом превратилась в кристалл льда и стекла. Для Мисквамакуса она теперь была так же опасна, как пистолет без обоймы.

Я оглянулся — я не мог сдержаться, — чтобы посмотреть на Звездную Бестию за своей спиной. Хотя я и шел с усилием в сторону, противоположную воротам, я ничуть не приблизился к двери. Лишь несколько сантиметров отделяли мои ноги от начерченного мелом круга, в центре которого вращался страшный водоворот взбешенного воздуха, которым стала притягивающая меня все ближе Звездная Бестия. Мисквамакус опустил голову и, протянув левую руку вперед, оглушительно громко начал напевать длинное заклятие, которое, наверное, взбесило демона еще больше. Чудовище напоминало теперь рент-

геновское изображение желудка, дергающегося от перистальтики пищеварения.

Я боролся, но холод был настолько неприятен, что было трудно сосредоточить мысли на чем-то, кроме того, как бы согреться. Мышцы целенели от мороза, двигаться сквозь густой как масло воздух, среди воя вихря было почти выше моих сил. Я знал, что наверняка в конце концов сдамся и приму все, что уготовил для меня Мискамакус. Я упал на колени.

— Гарри! — кричал от двери Поющая Скала. — Гарри, не сдавайся!

Я попытался поднять голову, чтобы посмотреть на него, но мышцы шеи будто окаменели. Да и я мало что мог видеть сквозь толстый слой инея, выросший на ресницах и бровях. От снега мои волосы слиплись, лес ледяных иголок-волос вырос вокруг моего носа и губ, где замирало дыхание. Я чувствовал обесиливающий мороз, слышал ужасающий шум вихря.

— Гарри! — кричал Поющая Скала. — Двигайся, Гарри! Двигайся!

Я поднял руку. Я попытался снова подняться. Мне как-то удалось отодвинуться от ворот на несколько сантиметров, но Звездная Бестия была слишком сильна, а заклятия Мискамакуса держали меня, как сети.

Я заметил сброшенную на пол электрическую пишущую машинку с клавишами, покрытыми толстым слоем льда. Мне пришло в голову, что если я брошу чем-нибудь в Мискамакуса или даже в самую Звездную Бестию, то я, может быть, отвлеку их на несколько секунд и смогу освободиться. Ох, как мало я понимал природу демонов. Я все еще относился к ним, как к ковбоям и индейцам. Я вытянул перемерзшую ладонь и со страшным усилием поднял машинку с пола. На ней было столько льда, что она весила, видимо, в два раза больше, чем обычно.

Я изловчился, упал на спину и бросил машинку к магическим воротам и невыразительной фигуре демона, Как и все другое здесь, она летела по длинной дуге,

медленно вибрируя. Казалось, прошел век, прежде чем она пересекла границу круга.

Я не знал, что может случиться. Я лишь лежал, оледенев от холода, свернувшись в клубок, как эмбрион, ожидая минуты, когда вибрирующая машинка достигнет цели. Наверное, я даже прикрыл глаза и на секунду заснул. Когда человек замерзает, то он думает только о сне, тепле и отдыхе. Пишущая машинка коснулась пульсирующего силуэта Звездной Бестии, и тогда произошло необычное. Она взорвалась дождем металла и пластика, а я лишь на секунду заметил что-то в этом взрыве, что-то, будто бестелесную гримасу ярости. И хотя это не имело формы или очертаний и тут же исчезло без следа, оно оставило в памяти картину, как будто кто-то щелкнул фотовспышкой в темноте.

Звездная Бестия скорчилась. Тучи облаков свернулись внутрь, будто лепестки ужасного морского анемона. Траурный вой вознесся и упал удивительным, тревожным стоном. Я понял, что если я хочу отсюда выбраться, то это надо делать теперь или никогда. Я приподнялся и на четвереньках пополз к выходу, не оглядываясь.

Когда я пришел в себя, я сидел в коридоре у закрытой двери. Поющая Скала чертил вокруг нее защитные знаки, призванные, по крайней мере на определенное время, задержать Мискамакуса в помещении.

— Ты свихнулся! — сказал он. — Совершенно свихнулся!

Я сбросил с волос тающий иней.

— Я еще живой. По крайней мере я пытался добраться до Мискамакуса.

Поющая Скала покачал головой.

— Ты не имел ни малейшего шанса. Он бы тебя давно обработал, если бы не мои защитные чары.

Я закашлялся и поднял голову, чтобы посмотреть на него.

— Знаю, Поющая Скала. Благодарю. Но я должен был попробовать. Иисусе, ну эта Звездная Бестия и холодная же... Я чувствую себя так, будто прошел двадцать миль в снежный буран.

Поющая Скала встал на ноги и посмотрел через окошечко.

— Мисквамакус не двигается. Бестия исчезла. Считаю, что время убраться и нам.

— Что будем делать? — спросил я. Поющая Скала помог мне встать. — И, что еще более важно, как ты думаешь, что собирается делать Мисквамакус?

Индеец повел лучом фонаря назад, чтобы убедиться, что за нами никто не идет. Шепотом он медленно ответил:

— Мне кажется, что я знаю, к чему он стремится, и считаю, что самым разумным будет исчезнуть отсюда. Если он сделает то, что я предполагаю, жизнь в этих окрестностях станет решительно нездоровой.

— Но ведь мы же не можем его так оставить.

— Не знаю, что бы еще мы могли сделать. Хотя на самом деле он не творит свою магию такой цельной и могучей, как я ожидал, все равно он слишком силен, чтобы его двигать.

Мы быстрым шагом шли через мрачные коридоры в сторону лифта. На десятом этаже царили темнота и тишина, а шум наших шагов был приглушен, как будто мы шли по траве. Я запыхался, пока мы добрались до последнего поворота и увидели ожидающий нас лифт с раскрытыми настежь дверьми. Я вытащил свои ботинки из дверей и нажал на кнопку последнего этажа. С облегчением мы оперлись о стену. Мы чувствовали, как лифт несет нас вверх, к безопасности.

Когда мы вышли в яркое освещение восемнадцатого этажа, нас уже ожидала внушительная группа встречающих. Доктор Уинсон вызвал полицию, и восемь или девять вооруженных фараонов шастали между врачами и санитарями. Прибыла и пресса, а люди из «Коламбия Бродкастинг Систем» уже расставили свои камеры. Как только мы появились раздался крики и градом посыпались вопросы. Лишь применив силу я смог пробиться через все это в кабинет Джека.

Сам Джек под охраной санитаров восседал в углу с огромной повязкой на руке. Он выглядел бледным и

болезненным. Но, видимо, он отказался покинуть поле боя.

— Как там? — обратился он ко мне. — Что творится внизу?

Доктор Уинсон, еще более багроволицый, чем раньше, протиснулся вперед.

— Я должен был вызвать полицию, мистер Эрскин, — заявил он. — Я считаю, что положение угрожает жизни людей. Я сделал это ради безопасности всех заинтересованных лиц. Здесь находится лейтенант Марино, и, как я думаю, он хотел бы задать вам несколько вопросов.

За Уинсоном я заметил хорошо знакомое мне лицо, вынужденную улыбку и подстриженные ежиком волосы. Я махнул рукой, и Марино кивнул мне головой.

— Мистер Эрскин, — начал он, протискиваясь ближе. Пять или шесть репортеров собрались вокруг нас, доставая блокноты, а телевизионщики настроили свои камеры. — Я хотел бы узнать от вас некоторые подробности.

— Можем ли мы поговорить один на один? — спросил я. — Я не думаю, что здесь самое лучшее место.

Марино пожал плечами.

— Рано или поздно, но пресса все узнает. Я прошу только сказать: что творится? Доктор Уинсон уведомил нас, что имеется опасный пациент. Как я понимаю, он уже убил одного человека, ранил врача и не собирается на этом остановиться.

Я кивнул.

— Это правда. В определенном смысле.

— В определенном смысле? Что это должно значить?

— Собственно, он не является пациентом. И он не убивал этого человека так, как понимает закон, определяя убийство. Нет, я не могу здесь вам все объяснить. Давайте поищем пустой кабинет или что-нибудь в этом роде.

Марино посмотрел на репортеров, камеры телевидения, полицейских и санитаров.

— Хорошо, — согласился он. — Если так вам будет легче... Доктор Уинсон, найдется ли здесь свободная комната?

Журналисты застонали от разочарования и начали вопить о незаконном утаивании фактов, но лейтенант не уступил. Я кивнул Поющей Скале, и мы вместе с Марино и его заместителем, детективом Нарро, заперлись в кабине санитарки отделения. Репортеры столпились у дверей, но мы разговаривали быстро и тихо, чтобы они не могли нас подслушать.

— Лейтенант, — начал я. — Это очень трудное дело, и я не знаю, как лучше его объяснить.

Марино медленно положил ноги на стол и вынул пачку сигарет.

— Попробуйте, — сказал он, закуривая.

— Так вот: человек на десятом этаже — безумец, обуянный жадой убийства. Это индеец, и он желает мстить белым.

Лейтенант Марино кашлянул.

— Продолжайте, — терпеливо сказал он.

— Проблема в том, что он не является обыкновенным человеком. Он обладает определенными способностями и умениями, которых не имеют обыкновенные люди.

— Он может одним прыжком перескакивать через небоскребы? — спросил Марино. — Бежать быстрее, чем пуля?

Поющая Скала хмуро рассмеялся.

— Вы намного ближе к правде, чем вам кажется, лейтенант.

— Я должен это понять так, что внизу у вас супермен? Или скорее суперкраснокожий?

Я выпрямился в кресле, стараясь выглядеть человеком серьезным и достойным доверия.

— Это звучит смешно, лейтенант, но это почти полностью соответствует истине. Индеец внизу — это шаман, который использует свои магические силы, чтобы отомстить. Присутствующий здесь Поющая Скала сам является шаманом из племени сиу. Он помогает нам. Он уже спас несколько человеческих жизней. Думаю, что вы должны выслушать то, что он может об этом сказать.

Марино снял ноги со стола и посмотрел на Поющую Скалу. Он несколько раз затянулся сигаретой, потом заявил:

— Некоторые детективы любят сумасшедшие дела. Они из кожи лезут, стараясь разгадать какую-нибудь безумную загадку. А что люблю я? Я люблю простые, ясные убийства. Жертва, мотив, оружие, приговор. А знаете, что мне чаще всего попадается? Сумасшедшие дела. Вот что мне попадается.

Поющая Скала повернулся к нему разорванной щекой.

— Разве это выглядит безумно? — спокойно спросил он.

Лейтенант Марино пожал плечами.

— Скажу прямо, — сказал шаман. — У нас не слишком много времени, и если даже вы сейчас мне не поверите, то поверите, когда все это случится. Мой друг прав. Этот человек внизу — индейский шаман. Я не буду испытывать ваше терпение, объясняя, откуда он тут появился и что он делает на десятом этаже частного госпиталя. Однако, уверяю вас, что его сила очень даже реальна и крайне опасна.

— Вооружен ли он? — спросил детектив Нарро, молодой полицейский, одетый в элегантный голубой костюм и такую же рубашку в клеточку.

— Не револьвером, — ответил Поющая Скала. — Он не нуждается в нем. Его магическая сила намного более действенна, чем огнестрельное оружие. Более того, ваше оружие бесполезно против него и потенциально опасно для вас самих. Поверьте хотя бы этому. Прошу вас — никаких револьверов.

— Так что мы должны использовать вместо них? — поднял брови лейтенант Марино. — Луки со стрелами?

Поющая Скала нахмурился.

— Ваши шутки немного не к месту, лейтенант. Нет ничего смешного в том, что творится внизу. Вам же пригодится любая помощь, любой совет, который вам могут дать.

— Хорошо, — согласился Марино. — Так все же, что творится внизу?

— Это нелегко объяснить, — сказал Поющая Скала. — Я сам до конца не уверен. Но я считаю, что Мисквамакус, этот шаман, готовит магические ворота, чтобы вызвать индейских демонов и духов с противоположной стороны.

— Противоположной стороны чего?

— Противоположной стороны физического бытия. Из мира духов. Ему уже удалось вызвать Звездную Бестию, слугу и посланца наивысших в индейской иерархии демонов. Мистер Эрскин... что же, он сам видел Звездную Бестию и еле выжил.

— Правда ли это, мистер Эрскин? — заинтересовался Марино.

— Правда, — я кивнул. — Могу поклясться на Библии. Посмотрите на мои руки.

Детектив молча осмотрел синие пятна отморожений.

— Любому шаману нелегко вызывать существа из иного мира, — продолжал Поющая Скала. — Они безжалостны и могучи. Для самых грозных из них наш мир был закрыт чарами и заклятиями, наложенными еще до того, как первый белый человек ступил на этот континент. Шаманы, которые сделали это, были великими в своем искусстве. Но сегодня не осталось в живых ни одного из тех, кто смог бы с ними справиться. Именно поэтому эти маниту теперь настолько грозны. Если Мисквамакус освободит их, никто не сможет отослать их назад. Я даже не уверен, способен ли он сам на это.

Детектив Нарро ничего не понимал.

— Эти существа... — спросил он. — Вы хотите сказать, что они скрываются где-то здесь, в здании?

Поющая Скала покачал головой.

— Они есть везде вокруг нас. В воздухе, которым мы дышим. В лесах, в скалах, в деревьях. Каждая вещь имеет своего маниту, своего духа. Существуют естественные маниту неба, земли и дождя, существуют также маниту всех предметов, созданных человеком.

Каждый индейский вигвам имеет своего маниту, любое индейское оружие тоже. Почему из одного лука нельзя промахнуться, а другой все время стреляет мимо? Это зависит от веры человека, который его держит, и симпатии к нему маниту оружия.

Почему именно револьверы могут быть опасны? Револьвер тоже имеет своего маниту, сила которого зависит от желания и умения, вложенных в это изделие, но ваши люди в него не верят. Именно потому легко обратить против них духов их собственного оружия.

Лейтенант Марино терпеливо слушал, но с каждым словом Поющей Скалы выглядел все более и более несчастным. Детектив Нарро пытался понять, о чем идет речь, но понял, видимо, лишь то, что Мисквамакус является убийцей-психопатом, имеющим в здании банду прячущихся где-то сообщников. В его мире духи и нематериальные тени из прошлого обычно не существовали. Я хотел бы, чтобы они не существовали и в моем.

— А самый грозный и опасный из них, — продолжил Поющая Скала, — это Великий Старец. Я подозреваю, что именно его он сейчас и вызывает.

— Великий Старец? — переспросил его Марино. — А кто такой этот Великий Старец?

— Это аналог вашего Сатаны или Люцифера. Гиче Маниту — это великий дух жизни и создатель индейцев, а Великий Старец — его извечный враг. В древних сказаниях индейцев есть много ссылок на эту тему, но их авторы не согласны друг с другом по поводу того, как он выглядит и как его можно вызвать. Некоторые твердят, что он напоминает огромную жабу величиной в несколько свиней, другие — тучу с лицом, состоящим из змей.

— Трудно было бы объявить розыск на основании такого описания, — фыркнул Марино.

Поющая Скала покивал головой.

— У вас и не будет для этого случая, лейтенант. Великий Старец — это наиболее прозорливый и наиболее ужасный из демонов. Я уже сказал, что он как ваш Сатана, но Сатана рядом с ним показался бы джентль-

меном. Великий Старец — существо бесконечно злое и жестокое.

Наступила долгая тишина. Наконец лейтенант встал и поправил револьвер у пояса. Детектив Нарро закрыл записную книжку и застегнул пиджак.

— Благодарю вас за информацию и помощь, — сказал Марино. — Теперь, как я считаю, нужно идти и схватить убийцу.

— Лейтенант, — заговорил Поющая Скала. — Вы, конечно, не возьмете с собой пистолет?

Марино только улыбнулся.

— Ваш рассказ о демонах и духах был очень интересен, мистер Поющая Скала, но я являюсь офицером отдела по расследованию убийств. Госпиталь просил нас, чтобы мы обезвредили ошавевшего пациента, который уже убил одного из санитаров и ранил врача. Мой долг — спуститься вниз и вытащить его оттуда. Живым или мертвым, это как он предпочтет. Вы мне назвали его имя, Микки... как там еще?

— Мисквамакус, — спокойно поправил его Поющая Скала. — Лейтенант, предупреждаю вас...

— Вы не должны меня предупреждать. Опыт работы с такими делами у меня больше, чем вы себе представляете, и я знаю, как следует поступать в таких случаях. Не будет никаких хлопот и никакого замешательства. Вы должны только сидеть тихо, пока все не кончится.

Он открыл двери, и газетчики тут же ринулись внутрь. Поющая Скала и я стояли среди них, молчаливые, сложенные, перепуганные, в то время как Марино провозгласил короткое двухминутное резюме своих планов.

— Мы заблокируем весь этаж, — проинформировал он. — Затем обыщем все коридоры. В случае необходимости введем в действие снайперов и используем слезоточивый газ. Будем действовать по плану. Необходимо регулярно передавать этому типу предупреждения, что если он выйдет спокойно, то у него не будет настоящих хлопот. Я посылаю трех человек лифтом, чтобы отрезать ему путь к бегству.

Репортеры старательно записали его слова, чтобы немедленно забросать его градом вопросов. Марино поднял руки, прося тишины.

— Пока я ничего не могу больше сказать, — заявил он. — Можете смотреть, как мы его выкурим. Потом поговорим о подробностях. Все ли готовы?

— Готовы, сэр, — проблеял Нарро.

Мы смотрели, угнетенные, как восемь вооруженных людей исчезают, спускаясь по ступеням. Лейтенант с переносной рацией остановился напротив лифта, ожидая, когда его боевая группа добежит до десятого этажа. Трое полицейских — двое в мундирах и детектив Нарро — застыли рядом с ним, с оружием в руках, готовые спуститься вниз и несколькими выстрелами закончить дело.

Спустя девять или десять минут напряженного ожидания рация затрещала.

— Вы уже внизу? — спросил лейтенант.

Динамик трещал. Потом зазвучал чей-то голос.

— Здесь темно. Мы не можем зажечь свет. Вынуждены пользоваться фонарями.

— Дошли ли вы до коридора? — вопрошал Марино. — Видите ли что-то подозрительное?

— Мы как раз миновали двери. Мы готовы начать розыски. Пока никаких проблем.

Марино посмотрел на Нарро, поднимая руку с торчащим вверх указательным пальцем. Трое полицейских вошли в лифт. Детектив нажал на кнопку десятого этажа. Поющая Скала и я, мы не смотрели друг на друга, когда двери захлопывались и на табло зажигались по очереди цифры: 18 — 17 — 16 — 15 — 14 — 13 и так далее. Последняя цифра была 10.

— Как дела, ребята? — спросил Марино.

— Все в порядке, — донесся голос командира боевой группы. — Пока даже докладывать не о чем. Мы проверяем каждую комнату очень тщательно.

— Будьте поосторожнее, — попросил Марино.

— Здесь действительно очень темно, — услышали мы искаженный шумами голос детектива Нарро. —

Фонари не действуют здесь так, как им положено. Не мог ли кто-нибудь проверить, что творится с освещением?

— Уже проверяли, — просопел Уинсон. — Не нашли никаких повреждений.

— Говорят, что проверяли и что ничем не могут помочь, — передал лейтенант. — Будьте бдительны и держите фонари подальше от себя. Ведь вы не хотите быть слишком легкой целью.

— Иисусе! — шепнул я Поющей Скале, крутя головой. — Они все еще думают, что против них всего лишь псих с пистолетом.

— Есть затруднения, сэр, — донесся через рацию голос командира боевой группы. — Расположение коридоров не совпадает с планами. Мы уже дважды описали круг и похоже, что сейчас начинаем третий.

— Иллюзии, — тихо прошептал Поющая Скала.

Какой-то репортер с интересом поднял голову.

— Что? — переспросил он.

— Сообщите свое местонахождение, — говорил Марино. — Рядом с какой палатой вы стоите?

— Номер 1005, сэр.

Лейтенант поспешно проверил план этажа.

— В таком случае, — сказал он, — перед вами должен быть поворот влево, потом вправо, и вы попадете в следующий сектор.

С минуту царила тишина.

— Сэр... — наконец отозвался голос. — Тут нет никакого поворота. Не может быть. Мы стоим перед глухой стеной.

— Вздор, Петерсон. Поворот есть, он перед тобой.

— Поворота нет, сэр. Этаж, наверное, перестроили после вычерчивания плана.

Марино посмотрел на доктора Уинсона, но тот покачал головой.

— Люди из госпиталя утверждают, что нет, — передал он по рации. — Ты уверен, что рядом номер 1005?

— Абсолютно, сэр.

— Иди дальше. Наверное, произошла какая-то ошибка. Может, подозреваемый заменил номер палаты.

— Сэр?

— Точно не скажу! Ищите дальше!

Тут же отозвался детектив Нарро. Его голос удивительным образом казался хриплым и полным напряжения.

— И у вас есть проблемы? — проворчал Марино. — Вы локализовали подозреваемого?

— Сэр... тут есть что-то вроде...

— Нарро! Что вроде чего?

— Сэр... мы...

Рация трещала еще с минуту, потом смолкла. Всю эту минуту я слышал жалобный, монотонный стон несуществующего ветра.

Лейтенант Марино нервно нажимал на клавиши рации.

— Нарро! Детектив Нарро! Вы слышите меня? Нарро, что там творится?

Отозвалась боевая группа.

— Слушаю, — ответил лейтенант.

— Сэр, кажется, мы что-то нашли. Здесь страшно холодно. Мне никогда в жизни еще не было так холодно.

— Холодно? О чем это ты говоришь?

— Здесь холодно, сэр. Здесь так ужасно холодно. Мы, наверное, будем вынуждены вернуться. Фонари уже не действуют. Здесь очень темно и очень холодно, сэр. Мы не выдерживаем больше.

Лейтенант Марино ударил по кнопке вызова.

— Оставайтесь, где находитесь! — проревел он. — Черт возьми, ребята, что с вами творится? К дьяволу, что творится у вас внизу?

Наступила тишина. Впервые в комнате, полной репортеров, операторов и санитаров, стало абсолютно тихо. Мы ощутили, как почти незаметно приподнялся и опустился пол, будто сдвинутый проплывающей волной. Замигало освещение.

Лейтенант с трудом сохранял спокойствие.

— Вызови лифт, — зарычал он стоящему рядом с лифтом полицейскому. — Я спускаюсь вниз. Я сам посмотрю, что там творится.

Полицейский нажал на кнопку, и сигнализация начала зажигать номера этажей в обратном порядке: 10 — 11 — 12 — 13 — 14... Марино вытащил из кобуры полицейский револьвер с коротким дулом и стал перед дверью лифта, готовый прыгнуть внутрь, как только откроются двери.

Загорелась лампочка с цифрой «18». Зашумел двигатель, и двери раскрылись. Все в комнате перестали дышать, застыв от ужаса.

Внутренность кабины лифта выглядела как холодильник в лавке мясника. Порванные, разодранные останки всех посланных вниз полицейских лежали кровавыми, покрытыми ином кучами. Грудные клетки, руки, ноги, разорванные головы — все было покрыто толстым слоем белых кристаллов.

Поющая Скала отвернулся, а я смотрел на него и чувствовал, так же как и он, беспомощность и муку.

IX

Под тучей

Полчаса спустя мы сидели в кабинете Джека Хьюза с лейтенантом Марино и с доктором Уинсоном. Мы быстро курили и пили еще быстрее, пытаясь найти какой-то выход из ситуации. На этот раз Поющая Скала, Джек и я дождались чего-то большего, чем скептическое равнодушие. Мы рассказали все, что нам было известно о Мискамакусе и необычных снах Карен Тэнди. Я до сих пор не уверен, поверил ли нам лейтенант Марино или нет, но он был в ответе за изорванный на куски отряд полиции, так что его положению не благоприятствовали ссоры.

Какое-то время освещение мигало регулярно, удивительная дрожь пола повторялась все чаще. Марино вызвал подкрепление, но откуда бы оно сюда ни направлялось, оно явно не слишком спешило. Рация лейтенанта действовала все хуже, а по телефону постоянно был слышен треск помех. Молодой полицейский в мундире пошел за подкреплением пешком, но и он не подавал признаков жизни.

— Ну, хорошо, — кисло проскрипел лейтенант Марино. — Предположим, все это магия. Предположим, что весь этот вздор — истина. Что мы можем сделать? Как можно арестовать маниту?

Поющая Скала закашлялся. Он выглядел измученным физически и психически. Я не знал, сколько он еще выдержит. Пол поднимался и опускался, а свет мигал удивительным голубым светом. Далекий монотонный вой

Звездной Бестии еще более усиливал впечатление одинокого морского путешествия в неведомое.

— Не знаю, как бы мы смогли сейчас сдержать Мисквамакуса, — наконец выдавил Поющая Скала. — Чувствуете эти судороги? Это предшествует прибытию Великого Старца. Согласно легендам, перед появлением Великого Старца всегда бывают бури, появляются его омерзительные слуги. Доктор Хьюз может вам о них рассказать.

Джек молча подал нам черно-белый рентгеновский снимок своей искалеченной руки. Мы разбудили лаборантов госпиталя, чтобы они специально для нас сделали эти снимки. Лейтенант посмотрел на снимки без эмоций и молча отдал их назад.

— Как вы думаете, что могло нанести такие раны? — спросил Джек. — Это следы узких, острых зубов. Лев? Леопард? Аллигатор?

Марино посмотрел в потолок.

— Это мог бы быть любой из этих зверей, — продолжал Джек. — А сколько львов и аллигаторов вы можете найти в центре Манхэттена?

Лейтенант покачал головой.

— Не знаю, доктор, и мне это не особенно интересно. Сожалею, что так вышло с вашей рукой, но, поверьте, мне намного больше жаль одиннадцати мертвых полицейских, и я хочу с этим что-то сделать. Редферн!

Невысокий молодой полицейский с быстрыми глазами просунул голову, приоткрыв дверь.

— Так точно, сэр.

— Есть известия от группы подкрепления?

— Я разговаривал с ними по рации, сэр. Они твердят, что почему-то никак не могут проникнуть в здание.

— Что-что?

— С ними лейтенант Джергехан, сэр, из Семнадцатого. Он сказал, что, наверное, им придется выбить двери. Они не могут их открыть.

Я многозначительно посмотрел на Поющую Скалу. Казалось, Мисквамакус изолировал госпиталь от внешне-

го мира. Если я еще чего-то и боялся, то именно заключения в этом здании, когда появится Великий Старец. Больше всего мне хотелось в тот момент очутиться где-нибудь в Орегоне или в Калифорнии. Я вытащил из пачки последнюю сигарету и закурил ее дрожащими пальцами. Пол снова заколебался, а освещение потускнело так, что на мгновение наступила полная темнота.

— Вызови их еще раз, — гаркнул Марино. — Скажи, что мы в отчаянном положении и что для них же будет лучше, если они побыстрее притащат сюда свои задницы, пока не началась стрельба.

— Так точно, сэр.

Лейтенант отвернулся. Ему не нравилось происходящее, и он не пытался притворяться, что это не так. Он потянулся за бутылкой бурбона, налил себе солидную порцию и выпил одним глотком, ища взглядом храбреца, который усомнился бы, что это сделано в лечебных целях. Не найдя такового, он вытер губы краем ладони и заявил:

— Ну, хорошо. Я хочу знать все известные способы уничтожения Великого Старца. Все легенды, весь вздор, все-все.

— Я не могу вам их рассказать, лейтенант, — Поющая Скала покачал головой.

— Почему это?

— Потому что рассказывать нечего. Нет способа уничтожить Великого Старца. Если бы он был, то уже сотни лет назад его уничтожили бы старые шаманы, которые знали намного больше, чем мы. А между тем они сумели только закрыть ворота, которыми он выбирался в физический мир.

— И вы твердите, что этот тип, этот Мисквамакус, открывает их заново?

Поющая Скала пожал плечами.

— Вы чувствуете эту дрожь? Знаете, что это?

— Землетрясение? — предположил Марино.

— Нет, лейтенант. Это не землетрясение. Это начало аккумуляции огромного количества астральной энергии. Как я предполагал, Звездная Бестия уже провела перегово-

воры между Мисквамакусом и Великим Старцем и теперь готовит проход, врата. Такие врата требуют колоссального количества энергии и остаются открытыми лишь короткое время. Такое же количество энергии нужно для отсылки Великого Старца туда, откуда он появился. Даже больше, поскольку он не будет гореть желанием вернуться.

— Милая перспектива, — заметил с едким сарказмом Марино.

— Мы не можем терять надежды, — утешил нас Поющая Скала. — Ведь должен же быть какой-то способ овладеть положением, даже если мы не сможем полностью уничтожить Мисквамакуса.

Я загасил сигарету. У меня в голове как раз появилась определенная мысль.

— Эта пишущая машинка, которую я швырнул в Звездную Бестию, — сказал я. — Ты видел ее, Поющая Скала?

— Конечно. Она же спасла нам жизнь.

— Вот именно. Когда она взорвалась — скорее, когда она коснулась Звездной Бести, — я уверен, что я что-то видел. Это было не лицо и не что-то материальное. Скорее, как будто выражение лица, без тела.

Поющая Скала покивал головой.

— То, что тебе померещилось, было духом, маниту пишущей машинки. В стычке с маниту Звездной Бести он стал видимым, когда моментально использовал всю свою накопленную энергию. Ты можешь за него не переживать. Звездная Бестия уничтожила его полностью.

Я наморщил брови.

— Пишущая машинка имеет маниту?

— Естественно. Все имеет маниту. Ручка, рюмка, кусок бумаги. Во всем есть дух, более сильный или более слабый.

— Мы, наверное, отвлекаемся от темы? — прервал нас взбешенный Марино. — Мы же хотим узнать, как можно избавиться от Великого Старца.

— Минутку, — не уступал я. — Это может быть очень важно. Почему маниту машинки столкнулся с Звездной Бестией? За что они могли драться?

— Не имею понятия, — пожал плечами Поющая Скала. — Духи бьются между собой так же, как и человеческие существа. Например, духи скал бьются с духами ветра и деревьев. Допускаю, что в нашем случае речь может идти о конфликте между древней магией и техникой.

— Что ты имеешь в виду? — Джек Хьюз подался вперед, чтобы лучше слышать.

— Просто Звездная Бестия — это очень старый маниту, еще с незапамятных времен, — объяснил шаман. — Маниту же машинки — это часть великого маниту человеческой техники. Между ними неизбежен конфликт. Мир духов является поразительно точным отражением нашего мира.

— Допустим, что все технические маниту будут на нашей стороне, — сказал я после раздумий. — Но захотят ли они нам помочь? Вы считаете, что они предпочтут скорее поддержать нас, чем Мисквамакуса?

— Наверное, так, — признал Поющая Скала. — Но к чему ты клонишь?

— Подумай, если в каждой машинке, в каждом создании человеческой техники есть маниту, то ведь должен существовать и такой, который может нам помочь. Маниту пишущей машинки был мал и слаб, а если мы найдем другого, большого и могучего? Разве не сможет он победить самого Великого Старца?

Лейтенант Марино потер глаза.

— Для меня это уже чересчур, — сказал он измученным голосом. — Если бы я своими глазами не видел одиннадцать своих ребят, разорванных и замороженных, то я тут же отвел бы вас в психиатричку.

— Но мы будем нуждаться в машине огромной мощности, — раздумывал вслух Джек Хьюз. — В чем-то ошеломительную.

— Гидроэлектростанция? — предположил я.

Поющая Скала покачал головой.

— Слишком рискованно. Духи воды подчинятся приказам Великого Старца и отберут у нас энергию.

— Может, самолет или корабль?

— Та же проблема.

Так мы обсуждали вопрос несколько минут. Пол опять начал колебаться и так резко, что скрепки и бумаги слетели со стола. Освещение потемнело, погасло и зажглось снова. Пол подпрыгнул еще раз, и единственная карточка на стене, «валентинка», полученная Джеком, слетела со стены и упала под кресло лейтенанта Марино. Я все более явственно слышал монотонный вой ветра, а воздух стал настолько густым и спертым, как будто нас собирались убить удушьем. Может, отопление в госпитале перестало функционировать нормально, поскольку нам стало казаться, что в кабинете невероятно жарко.

Двери открылись, и в них появился Редферн.

— Они постоянно пытаются войти, сэр, — сказал он голосом, полным напряжения. — Мы связались с ними по радиации, и они говорят, что не прекращают пробовать. Лейтенант Джергехан утверждает, что ему кажется, будто здание шатается и виден какой-то удивительный голубой свет в окнах девятого и десятого этажей. Должен ли я приказать людям, чтобы они занялись эвакуацией?

— Эвакуацией? — фыркнул Марино. — Зачем?

— Сэр, ведь это же землетрясение, не так ли? На тренировках нас учили, что в таких случаях нужно провести эвакуацию из высотных зданий.

Марино яростно стукнул кулаком по столу.

— Землетрясение?! — с горечью повторил он. — Чертовски хотелось бы мне, чтобы это было землетрясение. Возьми двух или трех человек и посмотри, нельзя ли помочь этому идиоту Джергехану попасть внутрь. Идите по лестнице и будьте предельно осторожны на десятом этаже.

— Так точно, сэр. Еще одно, сэр.

— Слушаю, Редферн.

— Вам просили передать, что «модус операнди» этого убийцы был пропущен через УНИТРАК, но аналог до сих пор так и не найден. Так не убивает никто, сэр. Замораживанием.

Лейтенант Марино тяжело вздохнул.

— Благодарю, Редферн, — сказал он, потом добавил, обращаясь уже к нам. — Вот перед вами пример эффективности полицейских методов. Одиннадцать человек разрублено на куски и заморожено, а мы должны проверять на компьютере, не бегал ли кто-то раньше по городу и не делал ли таких же шуточек. Что, ко всем чертям, теперь творится с человеческой памятью?

Редферн быстро отдал честь и вышел. Пол снова дрожал, и Редферн наверняка был доволен, что его посылают на первый этаж. Более того, вихрь ревел все громче, и было труднее и труднее объяснить людям, которые его слышали, что никакого вихря нет, а ветер — это только ветер из иного мира, ветер зла.

— Минутку, — неожиданно заговорил Джек Хьюз. — А как ваш детектив соединился с компьютером?

— По телефону, — объяснил Марино. — УНИТРАК доступен всей полиции штата Нью-Йорк. Если кто-то нуждается в информации об украденных автомобилях, исчезнувших людях или методах совершения преступления, он получит ее в течение нескольких секунд.

— А это большой компьютер?

— УНИТРАК? Конечно. Один из крупнейших на восточном побережье.

Джек Хьюз выразительно посмотрел на Поющую Скалу.

— Наверное, мы нашли нужный нам технический маниту, — заявил он. — Этот компьютер. УНИТРАК.

— Звучит разумно, — кивнул Поющая Скала. — Есть у вас этот номер телефона, лейтенант?

— Сейчас, минуточку! — Лейтенант Марино был немного ошеломлен. — Но этим компьютером может пользоваться исключительно уполномоченный персонал полиции. Чтобы до него добраться, нужен код.

— У вас есть этот код?

— Есть, но...

— Никаких «но», — сказал Поющая Скала, — если вы хотите победить существо, которое убило одиннадцать ваших людей, то у вас нет иного выбора.

— О чем это вы говорите? — занервничал лейтенант. — Или вы хотите меня убедить, что сможете вызвать чертов дух компьютера департамента полиции?

— А почему бы и нет? — ответил Поющая Скала. — Я не утверждаю, что это будет легко, но маниту УНИТ-РАКа наверняка христианский, богобоязненный и преданный делу защиты порядка и закона. В конце концов, именно затем он и был создан.

Маниту машины не может противостоять основным принципам, ради которых она построена. Если мне удастся его вызвать, то все пройдет великолепно. История повторяется.

— Что значит: история повторяется?

Поющая Скала потер рукой затылок. Он был уже явно измучен.

— Этот континент и его индейские духи уже были когда-то побеждены белым маниту закона и христианства. Считаю, что это может повториться.

Лейтенант Марино как раз потянулся за своей кодовой картой, когда неожиданно воздух как бы застыл. Мы неуверенно посмотрели друг на друга. Пол перестал колебаться, зато начал вибрировать так, как будто кто-то многими этажами ниже начал сверлить туннель в земле. Далеко внизу, на улице, раздались вой сирен и сигналы пожарных машин. Мы слышали жалобный вой магического вихря.

Неожиданно свет погас.

— Не двигаться! Всем стоять на месте, иначе стреляю!

Мы замерли, будто группа каменных фигур, прислушиваясь и раздумывая, не атакованы ли мы. Я чувствовал капли пота, сбегające по щекам и шее. Помещение восемнадцатого этажа неожиданно стало душным и жарким. Кондиционеры явно вышли из строя.

Сначала я их услышал. Бегущих, ползущих по стенам, идущих сплошным потоком, как ужасная река. Я заметил, что лейтенант Марино поднимает свой револьвер, но не стреляет. Замороженный страхом, он всматривается в полумрак кабинета. И тогда мы их увидели. Они напоминали призрачных крыс... целые реки бегущих призрачных крыс,

переливающиеся по всем стенам. Они появлялись ниоткуда и исчезали в полу, как будто он был сделан из тумана. Их, наверное, были миллионы, шелестящих, царапающих со всех сторон, — омерзительная волна косматых тел.

— Что это? — хрипло спросил лейтенант Марино. — Что это такое?

— Именно то, чем оно кажется, — ответил Поющая Скала. — Это спутники Великого Старца. В духовном смысле он является вредным, а это его вредители. Кажется, Мисквамакус использует все здание госпиталя как врата к Великому Старцу. Потому они так и шмыгают по стенам. Я даже думаю, что все они собираются на десятом этаже. А что потом... кто может знать?

Лейтенант Марино не произнес ни слова. Он только подал кодовую карту Поющей Скале и указал пальцем на выбитый на ней номер. Он казался потрясенным и ошеломленным, как и все мы. Даже газетчики и телеоператоры молчали, напуганные. Мы смотрели друг на друга безумными глазами людей, заключенных в тонущей подводной лодке.

Пующая Скала прошел в первую попавшуюся пустую комнату и нашел телефон. Я остановился рядом с ним, когда он набирал номер, слышал зуммер телефона и треск «автоматической секретарши». Внимательно глядя на карту лейтенанта Марино, шаман прочитал ряд цифр и ждал, пока его соединят с УНИТРАКом.

— Как ты хочешь это сделать? — спросил я. — Как ты скажешь компьютеру, что нуждаешься в помощи его маниту?

Индеец закурил небольшую сигару и выпустил дым.

— Думаю, что это вопрос использования верного языка, — сказал он. — А также убеждения операторов, что я не псих.

В трубке опять треснуло, и деловой женский голос ответил:

— УНИТРАК. В чем дело?

Пующая Скала откашлялся.

— Я звоню по поручению лейтенанта Марино, Департамент полиции, Нью-Йорк. Лейтенант Марино хотел бы знать, обладает ли УНИТРАК духовной экзистенцией.

С минуту стояла тишина. Потом голос сказал:

— Что? Прошу повторить?

— Лейтенант Марино хотел бы узнать, обладает ли УНИТРАК духовной экзистенцией.

Снова минута тишины.

— Сейчас... что это за шутки?

— Прошу вас... передайте вопрос.

Мы услышали вздох.

— УНИТРАК не запрограммирован давать ответы на такие вопросы. УНИТРАК является рабочим компьютером, а не одной из этих ваших университетских игрушек для сочинения стихов. У вас все?

— Подождите, — сказал молящим тоном Поющая Скала. — Прошу передать УНИТРАКу один очень важный вопрос. Прошу спросить его, есть ли у него какие-то данные о Великом Старце?

— Великом?... Ком?

— Великом Старце. Это... кто-то вроде предводителя преступной банды.

— Какой раздел? Мошенничество, убийства, поджоги или прочее?

— Убийства, — ответил Поющая Скала после короткого раздумья.

— Хорошо. Подождите.

Мы слышали далекий стук и треск — на перфокартах набивали вопрос Поющей Скалы. Индеец беспокойно вертелся с сигаретой в руке. Страшный рев призрачного ветра не умолкал ни на секунду. Пол снова задрожал.

— Не верю, чтобы это удалось, — прошептал Поющая Скала, прикрывая рукой микрофон. — Уже скоро Великий Старец пройдет через ворота.

— А есть ли что-то еще, что можно сделать? — прошипел я. — Какой-то иной способ остановить его?

— Должен быть другой способ. В конце концов, смогли же древние чернокнижники запереть Великого Старца в бездне иного мира. Но даже если бы я знал как, то не уверен, что смог бы это сделать.

Мы молча ждали ответа УНИТРАКа, когда я неожиданно почувствовал как будто тошноту. Сначала я поду-

мал, что это следствие колебания и вибрации пола, но затем понял, в чем дело: причиной являлся запах. Пронзительный, мерзкий, тошнотворный запах, заставляющий вспомнить о кролике, которого я когда-то купил и который оказался тухлым. Я потянул носом, скривился и посмотрел на Поющую Скалу.

— Он идет, — в голосе его не было эмоций. — Великий Старец идет.

Я услышал снаружи какие-то крики, поэтому оставил его с трубкой в руке и вышел проверить, что случилось. Группа врачей и санитаров собралась вокруг оператора из КБС. Я протиснулся к Джеку Хьюзу. Он выглядел плохо. Он был бледен, и рука у него явно очень болела.

— Это репортер, — сказал он. — Он как раз снимал и неожиданно упал. Он трясся, как будто его ударило током.

Протиснувшись через толпу, я пробился к оператору, лежащему без сознания. Он был молод, светловолос, одет в джинсы и красную рубашку. Глаза его были закрыты, а лицо бледно и измучено. Его нижняя губа дрожала и кривилась в удивительной гримасе. Один из сотрудников госпиталя готовил шприц с успокоительным.

— Что произошло? — спросил я. — У него был какой-то приступ?

Сотрудник госпиталя старательно ввел в руку иглу и нажал на поршень. Через минуту гримаса с лица исчезла, дрожь почти прекратилась, ограничиваясь лишь редкими судорогами мышц лица.

— Не знаю, что с ним случилось, — ответил врач. Он был молод. Волосы его были тщательно прилизаны, а лицо было круглым, свежевыбритым. — Мне кажется, что у него резкий психический шок. Вероятнее всего — запоздавшая реакция на все, что здесь творится.

— Мы, наверное, должны забрать его отсюда и перенести туда, где его можно поудобнее уложить, — заговорил доктор Уинсон.

Трое или четверо побежали за носилками, а остальные, растерянные или перепуганные, разошлись, ожидая очередного духа, который даст нам знать о своем присутствии.

Я услышал голос лейтенанта Марино, он что-то раздраженно говорил по радиотелефону. Он разговаривал с группой, идущей к нам на помощь. Видимо, они все еще никак не могли пробиться в здание. Все больше сирен раздавалось с улицы, а по окнам передвигались пятна лучей прожекторов. Через час, может, два начнет светать, если мы доживем до того, чтобы увидеть рассвет. Мерзкий смрад Великого Старца наполнил воздух. Двоих или троих уже вырвало. Температура резко менялась от невыносимой жары до страшного холода так, будто все здание охватил приступ белой горячки.

Я вернулся к Поющей Скале. Он как раз записывал какие-то цифры на куске газеты. Он казался оживленным и воодушевленным.

— Думаешь, что-то из этого получится? — спросил я его, когда он кончил писать.

Поющая Скала внимательно присмотрелся к цифрам.

— Я не уверен. Но что-то все-таки есть. Оператор компьютера сказал, что нет никаких данных о ком-либо по прозвищу Великий Старец, после проверки всех данных о кличках преступников за последние 10 лет. Однако УНИТРАК передал одно сообщение и ряд цифр.

— Какое сообщение?

— Что ж... оператор проверил его для меня. Оно звучит так: ПОРЯДОК ПРОЦЕДУРЫ ВЫЗОВА. А потом еще и цифры.

— А поможет ли это? — спросил я, протирая лоб грязным платком. — Значат ли что-либо все эти цифры?

— Наверное, да. Во всяком случае, УНИТРАК ответил. А если так... то, может, он понял, чего мы от него хотим.

— Ты хочешь сказать, что эти цифры, — я указал пальцем, — информируют, как можно вызвать его ма- ниту?

— Возможно. Мы ничего не узнаем, пока не попробуем.

Я грохнулся в кресло. Даже для меня это было уже чересчур.

— Поющая Скала, все это мне кажется немного натянутым. Знаю, что я делал, и знаю, что я видел, но только

не говори мне, что построенный на общественные средства компьютер скажет нам, как вызвать его собственный дух. Это уже полное безумие.

Поющая Скала покачал головой.

— Понимаю тебя, Гарри. И у меня есть такие же сомнения. Могу только сказать тебе, что у нас есть сообщение от УНИТРАКа и что именно цифры соответствуют ритуалам вызова маниту объектов, созданных человеком. Честно говоря, это один из простейших ритуалов. Меня научил им шаман Сарара из племени паутов, когда мне было всего 12 лет. Я учился вызывать маниту ботинок, рукавиц, книг и разных других предметов. Я мог сделать так, что в книжке без прикосновения переворачивались страницы.

— Но книга — всего лишь книга, Поющая Скала. А здесь у нас есть компьютер стоимостью в пару миллионов. Он могуч. Он даже может оказаться грозным.

Шаман шмыгнул носом. Смерд Великого Старца вызывал тошноту.

— Не существует ничего более грозного, чем то, что мы вскоре испытаем, — заявил он. — Если уж нам суждено погибнуть, то по крайней мере смертью героев.

— Смерть меня абсолютно не прельщает. Даже героическая.

Поющая Скала положил мне руку на плечо.

— Но ты же не думал так, когда шел против Звездной Бестии.

— Нет. Но теперь я так думаю. Дважды за одну ночь — это чересчур много.

— А что это был за шум? — спросил шаман, меняя тему. — Разве уже кто-то ранен?

Я вынул сигарету из лежащей на столе пачки.

— Скорее, нет. Это один оператор из КБС. Лазил вокруг и снимал, пока неожиданно не упал. Наверное, у него эпилепсия или что-то в этом роде...

— Снимал? — Поющая Скала наморщил лоб.

— Точно. Думаю, что он хотел снять всех, кто тут собрался. Он упал, будто ему хорошо дали по черепу. Ничего больше не знаю, меня при этом не было.

Шаман на минуту задумался. Потом он быстрым шагом вышел в коридор и приблизился к репортерам из КБС. Их было пятеро или шестеро. Они беспокойно стояли, курили и раздумывали, что им делать дальше.

— Этот ваш коллега... — начал Поющая Скала. — С ним ничего не случилось?

— Наверное, нет, — ответил один из репортеров, невысокий коренастый мужчина в рубашке цвета сливы и в очках с толстыми стеклами. — Им занимаются врачи. Говорят, что все будет хорошо. Скажите, а что, собственно, здесь творится? Правда ли это насчет злых духов?

Поющая Скала игнорировал вопрос.

— Были ли у вашего коллеги раньше такие приступы? — продолжал он допрос.

— Никогда не слышал, — медленно повертел головой репортер. — Насколько мне известно, сегодня это было впервые. Он никогда не говорил нам о чем-то таком.

Индеец помрачнел.

— Кто-нибудь еще использовал тогда камеру? — спросил он.

— Нет. Она у нас только одна. Вы не знаете, что это за омерзительный смрад?

— Можно? — спросил Поющая Скала, вынимая из футляра переносную телекамеру. На ней была вмятина там, где она ударилась, но она была исправна. Кто-то из техников, хмурый мужчина в сером костюме, показал ему, как укрепить ее на плече и как смотреть через визир.

Пол задрожал, как собака в спазме оргазма или дрожащая от страха. Освещение снова погасло, а мрачный вой ветра зазвучал еще громче. Врачи, репортеры и полицейские, толпящиеся в помещении, что-то кричали в панике. Мы боялись думать, что творится в других кабинетах и комнатах. Да и в самом деле, мы ничем не могли им помочь. Лейтенант Марино все еще сидел у телефона, ожидая известий от группы подкрепления. Он уже потерял всякую надежду. Он прикуривал одну сигарету от другой, а на его лице было твердое, хмурое выражение.

Когда пол успокоился, Поющая Скала включил камеру, приставил глаз к черной резине визира и начал скрупулезно осматривать комнату. Он заглянул в каждый угол и за каждую дверь. Репортеры из КБС с беспокойством смотрели на него, когда он ходил кругом. Видимо, напряжение его тощего тела выдавало, как сильно он взволнован.

— Что этот тип вытворяет, черт возьми? — заговорил один из техников.

— Тихо, — успокоил его коллега. — Может, он пытается выяснить, откуда здесь так смердит.

Через несколько минут поисков Поющая Скала отложил камеру, кивнул мне и быстро и тихо зашептал, чтобы никто не мог подслушать.

— Наверное, я знаю, что случилось. Приходили демоны, которые всегда сопровождают Великого Старца. Теперь они уже прошли, должно быть, на десятый этаж, чтобы собраться вокруг Мисквамакуса. Оператор, наверное, их и видел.

— Видел их? Как?

— Есть старое поверье индейцев, что их нельзя фотографировать, поскольку фотоаппарат крадет души. В каком-то смысле это правда. Объектив, хоть и не способен выкрасть маниту человека, может его зафиксировать. Поэтому-то и существует так много фотографий, на которых духи, невидимые в момент фотографирования, необъяснимым образом проявляются, когда делаются фотографии.

Я кашлянул.

— Ты хочешь сказать, что оператор увидел этих демонов через визир? И потому у него был приступ?

— Я так думаю. Но лучше всего пойти поговорить с ним, если он в состоянии. Если бы он нам сказал, каких демонов он увидел, то мы могли бы предвидеть, когда появится Великий Старец.

Мы позвали Джека Хьюза и объяснили, что творится. Он на это ничего не сказал, но согласился, когда Поющая Скала попросил разрешения поговорить с оператором. Он обменялся несколькими словами с доктором Уинсоном, после чего провел нас в лечебный кабинет.

— Будьте осторожны, — сказал один из тех, кто был в кабинете. — У этого человека было сильное потрясение, и он не выдержит длинного разговора.

Поющая Скала не ответил. Он склонился над белым как мел оператором и прошептал:

— Ты слышишь меня? Ты слышишь, что я говорю?

Больной только сжался в клубок.

— Ты слышишь, что я говорю? — повторил Поющая Скала. — Ты знаешь, где ты находишься?

Никакой реакции. Врачи пожали плечами, а кто-то из них сказал:

— Он в глубоком шоке. Мы не знаем, что с ним случилось, но его сознание будто провалилось в пропасть и не реагирует на раздражители. Типичный признак в клинических случаях. Дайте ему немного времени.

— Времени уже нет, — буркнул себе под нос Поющая Скала. Он вынул из кармана пиджака ожерелье из удивительного цвета камешков и осторожно положил его на голову оператора. Какой-то врач попытался протестовать, но умолк, утихомиренный Джеком.

Поющая Скала закрыл глаза и начал декламировать заклятие на языке сиу. Так мне, по крайней мере, показалось. Я не лингвист, и с моей точки зрения он с тем же успехом мог говорить по-французски.

Сначала я думал, что заклятие не подействовало. Оператор лежал бледный и только время от времени сжимал пальцы, бесшумно шевеля губами. Но, когда Поющая Скала вычертил в воздухе над его головой магический круг, больной неожиданно открыл глаза. Они были стеклянными и бездумными, но открытыми.

— Теперь скажи мне, друг, — ласково заговорил индеец, — что ты видел в своей камере.

Репортер задрожал, и в уголках его рта появились пузырьки слюны. Он выглядел больным на последней стадии сифилиса или бешенства. В его сознании отразилось что-то столь ужасное, что он не мог заставить себя забыть это. Он не мог даже умереть от этого.

— Это... это... — заикался он.

— Говори, друг, — повторил Поющая Скала. — Я приказываю тебе говорить.¹ Тебе вреда уже не причинят. Гиче Маниту будет защищать тебя.

Репортер закрыл глаза. Сначала я даже подумал, что он снова потерял сознание, но через несколько секунд он заговорил, изливая быстрый, почти непонятный поток слов:

— Это плавало, плавало, проплыло через комнату и поперек комнаты, и я поймал его только на мгновение, самый краешек; как будто осьминог, осьминог с колеблющимися щупальцами, он был такой большой, не знаю, какой большой, я так перепугался, что это что-то в моей голове, как будто кто-то украл у меня мозг. Только краткий кадр, совсем краткий, как в полете.

Поющая Скала послушал еще немного, но оператор больше не проронил ни слова. Потом он осторожно снял с головы оператора ожерелье.

— Ну, вот, — утвердительно заявил он. — Это именно то.

— С ним ничего не случилось? — спросил я. — Это значит, что он, наверное, не...

— Нет, — подтвердил шаман. — Он не умрет. Он никогда уже не будет таким, каким был прежде. Но он не умрет.

— А этот чертов осьминог? Знаешь, что это была за дьявольщина?

— Да, — ответил, помедлив, Поющая Скала. — Этот человек был отмечен возможностью увидеть что-то, что века назад было изгнано с земли. Он не видел его полностью, и наверняка так для него лучше. Великий Старец снова среди нас.

Х К свету

Я вышел из операционной в коридор, следуя за Поющей Скалой. В его черных глазах снова заблестел огонь оптимизма, который медленно угасал в течение этой долгой, мучительной ночи.

— Это *ОНО*, Гарри, — заявил он. — Ты идешь помогать мне?

— Что — *оно*? Что, чёрт побери, творится?

Поющая Скала облизал губы. Он был разгорячен и с трудом дышал.

— Великий Старец прибыл. Сразиться с ним... понимаешь, что это значит для шамана? Это — как христианину получить шанс помериться силой с Сатаной в его истинном облике.

— Поющая Скала...

— Мы должны сделать это. У нас уже очень мало времени. Мы должны спуститься вниз и биться.

— Куда спуститься? Ты хочешь сказать, на десятый этаж?

Поющая Скала словно бы вырос, наполненный магическим ветром. Он был весь напряжен и полон страха и одновременно решителен в желании рисковать жизнью в бою с наибольшим злом мифической Америки. Когда я промолчал, он просто повернулся и двинулся в сторону лестницы так быстро, что я с трудом его догнал.

Он оглянулся, когда я схватил его за рукав.

— Поющая Скала, — начал я убеждать его. — Ради Бога, там уже погибли одиннадцать вооруженных людей. Ты же сам видел, что с ними случилось.

— Уже слишком поздно, — ответил индеец. — Великий Старец уже здесь. То, что нас ожидает, будет намного хуже.

— Поющая Скала...

Он вырвал у меня руку и открыл дверь на темную лестничную клетку.

— Ты идешь со мной? — спросил он. — Или останешься здесь?

Я слышал страшные стоны безветренного урагана, отражающиеся эхом от стен, и волосы вставали дыбом у меня на затылке. Мерзкая вонь Великого Старца висела в воздухе. Снизу доносились звуки, приводящие на память рисунки Доре, представляющие ад, демонов, бестий и безымянных чудовищ, кружащих среди ночи, — чудовищ, вид которых доводил человека до безумия, чудовищ скачущих, ползающих и извивающихся во мраке перепуганного воображения.

Я проглотил слюну. Неважно как сильно я боялся, но я не мог отпустить его одного.

— Я иду, — сказал я, протискиваясь рядом с ним на бетонный пол. Я чувствовал, что еще минута — и моя отвага пройдет.

Как только за нами закрылись двери, нас охватила душная темнота. Мы осторожно спускались, ощупывая ногой каждую ступень и предусмотрительно держались за поручни. Каждая тень вызывала у нас дрожь страха, от каждого шелеста сердце выскакивало из груди. Я мог бы поклясться, что слышу шаги под нами, уже вне поля зрения, но не было времени остановиться и прислушаться.

— Поющая Скала, — прошептал я. — Что ты хочешь делать?

— Пытаюсь что-то придумать, — тихо ответил индеец. — Мне трудно оценить ситуацию, пока я сам всего не увижу. Я только надеюсь, что смогу в нужную минуту

вызвать маниту УНИТРАКа. И еще, не настроен ли он против нас так же враждебно, как и против Великого Старца. Ведь и с этим нужно считаться.

Я кашлянул.

— А если просто сдаться? Это могло бы спасти множество людей. Ведь если мы будем биться, то один Бог знает, сколько из них может пострадать.

Поющая Скала покачал головой.

— Все это не бой в том смысле, к какому ты приучен. Это акт мести индейского колдуна во имя всех страданий, измен, убийств, которые испытал его народ от рук белого человека. Ты не можешь сдаться кому-то, кто ищет мести. Мисквамакус уступит только тогда, когда мы все погибнем. А что касается Великого Старца...

— Что касается Великого Старца?..

— Не знаю, какой договор заключил с ним Мисквамакус, — пожал плечами Поющая Скала. — Но Великий Старец известен в культуре индейцев пуэбло под именем Великого Обжоры. А род пайутов называет его: Тоткото-рыйпожираетвбездне. Выводы можешь сделать сам.

Мы спускались в темноте все ниже и ниже. Жалобный вой и стоны ветра становились все более громкими и все более гнетущими. Я начал чувствовать пульсирующую боль в голове и с трудом мог сосредоточить взгляд. Моя кожа свербела так, будто вся моя одежда была полна блох. Если бы я мог теперь выбирать, то я убежал бы и позволил Великому Старцу, Томукоторыйпожираетвбездне, творить любые мерзости, какие он только пожелает.

— Мы приближаемся, — заметил Поющая Скала. — Потому ты и чувствуешь себя так плохо. Держи, надень это ожерелье. Это не очень много, но должно защитить тебя от самых простых фокусов и иллюзий.

Оглушенные ревом вихря, мы добрались до десятого этажа. Поющая Скала вынул кусок бумаги, на котором записал переданные утром УНИТРАКом цифры, и внимательно посмотрел на них. Он выставил указательный палец вверх, потом осторожно толкнул дверь, ведущую в коридор, где таился Мисквамакус и где материализовался

Великий Старец, этот страшный, враждебный маниту из давно забытых веков.

Смрад делал невозможным дыхание. Коридоры были пусты, но отовсюду слышалось пронзительное царapanье, которое не заглушал даже вой вихря. Казалось, что вокруг полно крыс, стекающихся на смрад гнили, распространяемый Великим Старцем.

Поющая Скала оглянулся, как будто хотел убедиться, что я все еще с ним, затем двинулся в сторону палаты Карен Тэнди — туда, где впервые появился Мисквамакус.

Рык астрального урагана Звездной Бестии мучил и раздражающе действовал на нервы. Он нарастал по мере приближения к цели. Я чувствовал себя так, будто кто-то пилил мне нервы заржавленной пилой. Все время мы слышали царapanье крыс, как будто нас сопровождал ужасный эскорт невидимых грызунов. Однажды мне показалось, что один из них вскочил мне на спину, и я долго с омерзением отряхивался.

Поющая Скала начал свои напевные заклинания. Он призывал духи племени сиу, чтобы они защитили нас от всепоглощающего зла Великого Старца; он взывал к маниту воздуха, скал и глубин, демонам болезни и заразы, чтобы они поразили Мисквамакуса. С трудом я распознавал его голос среди воя неземного ветра. Но я все же почувствовал, что эскорт крыс начинает относиться к нам с определенным вынужденным уважением.

Мы свернули за угол, и неожиданно темноту прорезали вспышки яркого света, появляющиеся из воздуха вокруг нас. Поющая Скала воздел руки к небу, и свет сосредоточился в них, чтобы стечь на бетонный пол. Это была молния, которая являет, первый знак, что Мисквамакус уже знает о нашем присутствии.

Мы добрались до разветвления, непосредственно ведущего к палате Карен Тэнди. Молния, которая являет, разогнала большую часть призрачных крыс, но вой вихря не прекращался. Появился также и настоящий ветер, сильно дующий нам прямо в лицо. Поющая Скала махнул рукой, и мы, согнувшись, пошли дальше, навстречу неизбежной

стычке с Мисквамакусом и Великим Старцем. Вой и стон урагана делали невозможным разговор. Через двери палаты Карен Тэнди мы заметили отблески астрального света — холодной энергии, создающей ворота для самого могучего и самого ужасного из легендарных существ.

Наконец, преодолевая ураган, мы добрались до самых дверей. Поющая Скала заглянул первым и тут же отпрянул с ужасом. Он закрыл лицо руками, как будто его ударило током. Ужас и страх парализовали и меня до такой степени, что я думал, что уже никогда не смогу сдвинуться с места.

Зло наполняло комнату — вонючий дым струился от двух огней, которые Мисквамакус разжег в металлических мисках по обе стороны астральных ворот. На полу был вычерчен круг самых удивительных и наиболее зловещих фигур, которые я видел в жизни, все они были начерчены очень старательно и покрашены чем-то, что, наверное, было кровью полицейских лейтенанта Марино. Были среди них необычные козлы, какие-то ужасные создания, похожие на огромных червей, и обнаженные женщины, рожающие ужасных бестий.

Рядом с кругом восседал деформированный и искалеченный, плохо видимый в клубах дыма Мисквамакус. Но не он возбуждал наибольший ужас, а то, что мы неясно видели в самых густых клубах дыма, — водоворот зловещей тени, разрастающейся во мраке, похожей на осьминога или на клубок змей, ящеров и чудовищ.

Самым ужасным было то, что я узнал Великого Старца — я понял, что он всегда был рядом со мной. Он был страхом перед удивительными формами, замечаемыми в складках занавесок и драпировок; ужасом лиц, появляющихся в слоях дверец шкафов; страхом, притаившимся на темных ступенях и в еле заметных отражениях в зеркалах и оконных стеклах. Здесь, в извивающихся, изменчивых формах, я открыл, откуда происходят мои давно забытые страхи и беспокойства. Каждый раз, когда слышишь ночью в спальне бестелесные шаги и дыхание, каждый раз, когда небрежно брошенная на кресло одежда кажется превра-

тившейся в мрачную монахоподобную фигуру, каждый раз, когда тебе чудится, что ты слышишь шаги за собой на ступенях, — все это враждебное присутствие Великого Старца, с ненавистью атакующего замки и печати, которые не выпускают его с того света.

Мисквамакус поднял руки и победно завыл. Глаза, звериные и безумные, пылали зловещим блеском, а тело блестело от пота. Руки он по локоть измазал в крови, когда вырывал из трупов полицейских кости, чтобы чертить ими магические знаки. За ним, почти невидимая среди дыма, извивалась и вертелась омерзительная, ужасающая фигура Великого Старца.

— Время, Гарри! — закричал Поющая Скала. — Помоги мне теперь! Время! Сейчас!

Он закрыл лицо руками и начал цитировать цифры и слова, бесконечное напевное воззвание к его собственным духам и к великому духу техники белых. Я крепко обнял его и сконцентрировал все силы своего перепуганного ума на одном только вызове: УНИТРАК...

УНИТРАК... УНИТРАК... Рев ветра приводил к тому, что я не слышал слов Поющей Скалы, но я старался поддержать его, прикрыть собой, когда он попытается победить Мисквамакуса и туманную фигуру Тогокото-рийпожираетвбездне.

Было мгновение, когда казалось, что мы преуспеем. С ошеломляющей скоростью он выбрасывал слова, пел и кланялся все быстрее и быстрее, увеличивая мощь вызова технического маниту УНИТРАКа. Но все это время и Мисквамакус речитативом произносил заклęcia и указывал на нас рукой, как будто хотел поощрить Великого Старца проглотить нас. Я заметил движение в клубах дыма, какие-то фигуры, ужасающие, выше всякого человеческого воображения, — формы более ужасные и страшные, чем я видел в своих самых жутких ночных кошмарах. Из мрачной тучи Великого Старца начали высовываться туманные щупальца. Я знал, что нам остались только секунды. Напряжение парализовало мне мышцы, и я чуть было не отгрыз себе язык.

И тогда Поющая Скала неожиданно ослабел и осел на колени. Я встал на колени рядом с ним, сбросил с глаз перепутанные ураганом волосы и закричал, желая биться дальше.

Он посмотрел на меня. Его лицо выражало только страх.

— Не могу! — закричал он. — Я не могу вызвать УНИТРАК! Не могу! Это маниту белых! Он не послушает меня! Он не придет!

Я не мог поверить. Я посмотрел через плечо на Мисквамакуса, обеими руками указывающего в нашу сторону, на темных змей Великого Старца, развевающихся над головой шамана. Я знал, что это конец. Я вырвал из рук Поющей Скалы помятый кусок бумаги и прочитал его в призрачном свете астральных ворот.

— Спаси меня, УНИТРАК! — кричал я. — Спаси меня! — и раз за разом выкрикивал цифры. — УНИТРАК! УНИТРАК! Ради Бога, Унитраааккк!

Поющая Скала застонал, перепуганный, прячась в моих объятиях. Мисквамакус, с лицом, искаженным звериной гримасой, плыл ко мне по воздуху, вытягивая руки и поджимая деформированные ноги, а вокруг него вырастали переменчивые, ужасающие обличья Великого Старца.

С минуту я молчал. Потом, поскольку ничего другого я не мог придумать, я воздел руки так, как это делал Мисквамакус, и прокричал то, что считал заклятием:

— УНИТРАК, вышли своего маниту, чтобы уничтожить этого чернокнижника. УНИТРАК, охрани меня от ран. УНИТРАК, закрой ворота в великую Бездну того света и выгони этого мерзкого духа.

Мисквамакус подплыл ближе и в ответ начал декламировать инвокацию к Великому Старцу. Его слова, тяжелые и мрачные, пробивались сквозь вой урагана, как хищные бестии.

— УНИТРАК! — закричал я. — Приди, УНИТРАК! Приди!

Мисквамакус был уже почти рядом со мной. Его дьявольские глаза горели сумасшедшим огнем на темном,

блестящем от пота лице. Он кривил губы в гримасе боли, усилия и ненависти. Он чертил в воздухе круги и невидимые диаграммы, притягивая зловещий водоворот Великого Старца, готовя своими чарами ужаснейшую смерть, какую только мог для меня выдумать.

— УНИТРАК, — беззвучно прошептал я среди рева вихря. — О Боже, УНИТРАК!

Это случилось так неожиданно и резко, что я сначала даже не понял. Я думал, что Мисквамакус поразил меня молнией, которая видит или что все здание распадается на куски. Это был оглушительный шум, более громкий, чем вой урагана, электрический треск миллионов вольт, рык как бы тысячи одновременных стычек. Яркое свечение раскаленных сетей озарило комнату: ослепительные симметричные ряды блестящих контуров, по которым бегали белые и желтые искры.

Мисквамакус рухнул на землю, почерневший, обугленный, залитый кровью. Он падал с закрытыми глазами, как бездушный кусок мяса, прижимая руки к телу.

Пульсирующие блеском сети создали стену между мной и темным силуэтом Великого Старца. Я видел, как демоническое создание корчится и вертится, удивленное и запуганное. Напряжение сети было таким огромным, что я мог смотреть только через полуприкрытые глаза и все равно с трудом замечал дрожащую тень демона.

У меня не было ни малейших сомнений относительно того, чем было это ослепительное явление. Это был маниту, дух, внутренняя сущность компьютера УНИТРАК. Мое заклятие — инвокация белого человека — вызвало ответ духа белых людей.

Великий Старец кипел, расточал вокруг могучие круги тьмы. Он издал вопль страдания, который переродился в яростный рев, вздымающийся до боли, поглощающий меня своей оглушающей, вибрирующей силой, туннелем бешеной ярости, от которой дрожали стены и трясся пол.

Блестящая сетка маниту УНИТРАКа потемнела и замигала, но лишь затем, чтобы через мгновение засиять

еще ярче — уничтожающий взрыв технической мощи, затмевающий все видения и все звуки. Я чувствовал себя так, как будто падал в котел с жидкой сталью, утопая в блеске и увязая в шуме.

Я слышал только одно — голос, которого не забуду до конца жизни, голос кого-то, кричащего в ужасающих муках, непрерывно, переходящий границы моей выдержки. Это был голос вырываемых нервов, раздвоения рассудка, пытаемой души. Это был Великий Старец. Его материальная часть буквально выжигалась безграничной, непонятной ему мощью УНИТРАКа. Священный огонь современной техники выталкивал его назад, к туманным, хмурым лежбищам древних астральных плоскостей.

Раздались шум, хлюпанье, бульканье, и ворота, которые нарисовал на полу Мисквамакус, начали втягиваться внутрь себя, всасывая туманную фигуру Великого Старца, как вентилятор всасывает дым. Мощь засияла еще раз ужасным блеском, и воцарилась тишина.

Минут пять, а то и десять я лежал, ослепленный, не имея сил двигаться. Когда же мне наконец удалось встать, зеленые сетки контуров все еще плавали у меня перед глазами. Я волочил ноги, как старец, спотыкаясь о мебель и ударяясь о стены.

Через минуту зрение вернулось в норму. Рядом, среди останков кресел и шкафов, лежал Поющая Скала. Он моргал, медленно приходя в сознание. Скорченное, сожженное тело Мисквамакуса осталось там, где упало. Стены комнаты выглядели как после пожара, а пластиковые жалюзи потекли и висели длинными полосами.

Но больше всего меня потрясла бледная, худенькая фигура, тихо стоявшая в углу, — изможденная, скорее похожая на дух, чем на девушку, которую я знал. Я ничего не говорил, я только протянул к ней руки, чтобы снова приветствовать ее в мире, который она чуть не оставила навсегда.

— Гарри, — прошептала она. — Я жива, Гарри.

И как раз в эту секунду с револьвером в руке в комнату влетел ищущий нас лейтенант Марино.

Мы сидели с Поющей Скалой в аэропорту Ла Гардиа под бронзовым бюстом самого Ла Гардиа. Мы курили последнюю сигарету перед отлетом. Шаман выглядел как всегда элегантно, в блестящем костюме и в очках в роговой оправе. Лишь пластырь на щеке был единственным свидетельством минувших событий.

Мы слушали шум разговоров и гул двигателей на взлетной полосе, а апельсиновое послеполуденное солнце блестело на зимнем небе.

— Мне немного грустно, — сказал он.

— Грустно? — удивился я. — Почему?

— Из-за Мисквамакуса. Если бы только он дал нам шанс объяснить все, если бы только мы могли с ним договориться...

Я глубоко затянулся сигаретой.

— Но теперь все-таки немного поздно. Помни, он убил бы нас, и не колеблясь. Потому мы и должны были его уничтожить.

Поющая Скала кивнул.

— Может, когда-нибудь мы и встретимся с ним в более благоприятных обстоятельствах. Тогда и поговорим.

— Но он ведь мертв... ведь так? Что ты имеешь в виду, говоря, что мы встретимся с ним?

Поющая Скала снял очки и протер их чистым белым платочком.

— Тело его умерло, но мы не можем быть уверены, что и маниту был уничтожен, — объяснил он. — Может, он лишь перенесся на более высокий уровень существования, может, он готов присоединиться к тем, кто существует только вне материального бытия. Но не исключено, что он снова вернется на землю, чтобы жить в чем-нибудь теле.

Я наморщил лоб.

— Ты ведь не хочешь этим сказать, что все это может повториться? — обеспокоенно спросил я.

— Кто знает... — индеец пожал плечами. — Есть во Вселенной тайны, о которых мы и понятия не имеем. То,

что мы можем познать за время нашего бытия, является лишь малым фрагментом целого. Существуют необычные миры в мирах, а в них — еще более удивительные. Стоит об этом помнить.

— А Великий Старец?

Поющая Скала встал и взял чемодан.

— Великий Старец всегда будет среди нас — до тех пор, пока существуют темные силы и необъяснимые страхи, рядом с ними всегда будет Великий Старец.

Больше он ничего не сказал. Мы только крепко пожали друг другу руки, и он направился к самолету.

Лишь три недели спустя мне удалось выбраться в Новую Англию. Я поехал на своей машине. Снег все еще прикрывал поля и дома, небо было цвета розы, а апельсиновое, бледное солнце скрывалось за деревьями.

Я добрался до места перед сумерками и остановил свой «кугуар» перед парадным входом элегантного белого дома в колониальном стиле. Двери открыл Джереми Тэнди, как всегда трезвый и холодный. Он вышел приветствовать меня и забрать багаж.

— Мы так рады, что вы наконец посетили нас, мистер Эрскин, — сказал он со всей сердечностью, на какую только был способен. — У вас, наверное, было трудное путешествие.

— Было совсем не так уж плохо. Я люблю вести машину в трудных условиях.

Мы вошли. Миссис Тэнди повесила мой плащ на вешалку. Было тепло, уютно и мило. Гостиная была полна антиквариата — и глубокие колониальные кресла, и диваны, и латунные лампы, и украшения на стене, и картины из деревенской жизни.

— Скоро подадут горячее, — сказала миссис Тэнди, и мне захотелось поцеловать ее за это.

Потом мы сели у камина. Джереми Тэнди налил мне внушительную порцию виски, а его жена хлопотала на кухне.

— Как себя чувствует Карен? — спросил я. — Ей уже лучше?

Он кивнул.

— Она еще не ходит, но настроение у нее уже намного лучше. Позже можете зайти поговорить с ней. Она всю неделю не могла этого дожидаться.

Я медленно тянул виски.

— Я тоже, — заявил я чуть усталым голосом. — Представьте, что я до сих пор плохо сплю с того времени, как все это закончилось.

Джереми Тэнди опустил голову.

— Знаете... честно говоря... мы тоже.

Мы поболтали ни о чем, а потом миссис Тэнди внесла блюдо рыбы. Рыба была горячая и вкусная. Я поел с аппетитом, всматриваясь в весело трещащий в камине огонь.

Затем я пошел наверх, к Карен. Она лежала бледная и исхудалая. Но ее отец был прав — она поправлялась, и теперь возврат к полному здоровью был только вопросом времени. Я присел на краю застланной узорчатым покрывалом постели. Мы разговаривали о ее хобби, о ее планах на будущее, обо всем, за исключением Мисквамакуса.

— Доктор Хьюз сказал мне совершенно конфиденциально, что ты держался очень храбро, — заявила она спустя какое-то время. — Он сказал: то, что случилось на самом деле, не имеет ничего общего с тем, о чем писали газеты, и что никто бы не поверил, если бы ему сказали всю правду.

Я взял ее руку.

— Правда сейчас не особенно важна. Я и сам не могу в нее поверить.

— Я только хотела тебя поблагодарить, — она дружелюбно улыбнулась. — Я считаю, что обязана тебе жизнью.

— Ну что ты. Может, однажды, когда-нибудь ты ответишь мне тем же.

Я встал.

— Мне пора. Твоя мама просила, чтобы я тебя не мучил. Тебе сейчас нужно как можно больше покоя.

— Хорошо, — ответила она со смехом. — Мне уже начинает страшно надоедать бесконечное лежание в постели, но, наверное, нужно это перетерпеть.

— Скажи, может, тебе что-нибудь нужно? Книги, журналы, фрукты? Достаточно одного твоего слова.

Я открыл дверь, чтобы выйти, и тогда Карен сказала с какой-то странной интонацией:

— Будь паинькой, милый.

Я замер. Мне показалось, что кто-то положил мне на плечи холодные как лед ладони.

— Что ты сказала?

— Будь паинькой, — ответила Карен, по-прежнему улыбаясь. — Только это. Будь здоров, мой дорогой.

Я закрыл за собой дверь ее комнаты. Коридор за ней был тих и темен. Старый колониальный дом трещал под тяжестью внушительного снежного покрова.

— Именно так я и подумал. — буркнул я сам себе, начиная спускаться.

КОЛОДЦЫ АДА

День был холодным и бодрящим, как это часто случается в Коннектикуте, листья на деревьях пожелтели, а небо было чистым и нежно-голубым. Мой выдавший виды и пропыленный «кантри сквайр» ехал, подпрыгивая на ухабах, по подъездной дороге дома Бодинов.

Осеннее солнце слепило, заставляя щуриться, хотя моя красная бейсболка была надвинута на самые глаза. В задней части автомобиля погромохивали запчасти и другие причиндалы, а на пассажирском месте справа от меня, с аккуратно сложенными лапами и розовыми на просвет ушами, сидел мой верный кот Шелли.

Подъехав к парадному входу, я вышел из машины.

— Ты идешь? — спросил я у кота, но тот в ответ закрыл глаза с видом человека, симулирующего головную боль. Это означало, что, на его взгляд, на улице чертовски холодно и он уж лучше посидит в машине и послушает радио. «Вот ленивец!» — подумал я, пожелал ему не скучать и направился к дому мимо куч съездившихся и хрустящих листьев. Дом Бодинов был большим, в викторианском стиле. Он был построен на возвышенности неподалеку от поворота на Рут с шоссе номер 109, что на полпути от Нью-Милфорда к станции Вامينгтон. Это была спокойная сельская местность, по большей части леса да небольшие деревушки, и сейчас, когда туристы и отдыхающие вернулись в Нью-Йорк, народу здесь было не больше, чем в старые колониальные времена. Близилась зима, и все потихоньку начали устраиваться поуютнее, чувствуя ее приближение.

Джимми Бодин сгребал листья на заднем дворе. Ему было около двадцати пяти лет, и он был на целых десять лет моложе меня. Вьющиеся светлые волосы, торчащие зубы и дополняющая комплект толстая шерстяная куртка, как у лесорубов, придавали ему сходство с персонажами одной из старых картин Нормана Рокуэлла.

— Здорово, Мейсон, — сказал Джимми и оперся на грабли.

— Как дела? — спросил я.

— Порядок. Сыровато сегодня, а?

Я потянул носом морозный, пахнувший дымом воздух.

— Да уж. В домпустишь?

— Конечно. Элисон как раз поставила кофе.

Он прислонил грабли к перилам задней веранды, и мы прошли на кухню. Внутри было тепло, вкусно пахло, на вбитых в стену крючках висела медная утварь, а все подоконники были заставлены охлаждающимися пирогами. Элисон Бодин вынимала противень с очередным яблочным пирогом, щедро посыпанным корицей, и я утешился мыслью, что после смерти, наверное, мои мучения будут куда больше, чем когда я задыхаюсь от пирогов Элисон, занимаясь при этом любовью с Ракель Уэлш на матрасе с выпирающими пружинами.

Элисон на вид была старше, чем Джимми; вероятно, она пошла в мать. У нее были темные волосы, стянутые сзади в пучок, и узкое дружелюбное лицо с широко посаженными карими глазами. Она была небольшого роста и принадлежала к типу крошечных женщин, которых невозможно обнять за талию, не встав на колени. Иначе все время получается, что обнимаешь ее за шею.

— Как дела, Мейсон? — поздоровалась она и стала наливать кофе в большие керамические чашки.

Мы сели за старый, тяжелый кухонный стол и принялись есть пироги. Слабые лучи осеннего солнца с трудом пробивались в окна кухни.

— У вас какие-то проблемы с колодцем? — спросил я.

Джимми в этот момент ухитрился поймать кусок пирога, который развалился, когда он откусывал от него.

— Да, — кивнул он, подбирая крошки. — Сравнительно недавно. Последние два или три дня. Но я беспокоюсь, как бы не пришлось с ним повозиться зимой, когда земля подмерзнет.

— Да, ты правильно сделал, что позвонил, — сказал я ему, — а что конкретно не в порядке?

— Не все время, но частенько вода идет странного цвета. Что-то вроде зеленовато-желтого. Цвет, конечно, слабый, вроде оттенка, да и на вкус ничего, но впечатление от такой воды не очень.

Элисон тоже кивнула.

— Я вроде как сомневаюсь, пользоваться ей или нет. Слышала я всякое об утечках, химических удобрениях, они частенько попадают в водоснабжение.

— Вода становится чистой, если вентили оставлять открытыми?

Джимми кивнул.

— Да, если спустишь немного, минут десять—пятнадцать поддержишь их открытыми.

— А что с накипью? Остаются разводы на посуде? Осадок остается?

— Нет, ничего такого. Просто вода подкрашенная.

Я потягивал кофе. На первый взгляд ничего серьезного не было. Существовало множество причин, которые могли повлиять на качество холодной воды. Почва, минералы, просачивание чего-нибудь сверху. Единственное, чего следовало бояться Бодинам, это попадания нечистот в подземный водный резервуар. Год был дождливым, и поэтому почва пропиталась влагой. Если уровень подземных вод был таким же высоким, как сейчас, они могли запросто залить чье-нибудь отхожее место, но вероятность этого была слишком мала. Из того, что я услышал от Бодинов, следовало, что, скорее всего, вода встретила на своем пути какой-нибудь минерал или что-нибудь растительного происхождения. Это и окрасило ее в столь странный цвет.

— Все, что я могу сделать, это взять пробу и отвезти ее в Нью-Милфорд, — сказал я им. — Если Дэн Керк

сделает экспресс-анализ, я привезу результаты завтра в это же время. Помню, пару лет назад, в Кенте, старик повернул вентиль, а вода пошла цвета крови. Оказалось, в почве был калий, и нам пришлось просто углубить колодец на несколько футов.

Элисон слабо улыбнулась.

— Это, конечно, успокаивает. А я уж думала, вода отравлена.

— Но вы чувствовали себя нормально? — спросил я ее.

— Да, вполне. Никто не жаловался.

— Малыш Оливер в порядке?

— Да, все хорошо. Бодр, как обычно.

Допив кофе, я поднялся.

— Одолжите-ка мне стеклянную банку или что-нибудь в этом роде, если хотите, чтобы я взял пробу.

— Конечно, о чем речь, — сказала Элисон и принесла мне банку из буфета. Стащив еще один кусочек пирога с корицей и засунув его в рот, я последовал за Элисон туда, где она мыла посуду. Не удивительно, что на талию у меня не было и намека. Человеку нужно пробежать трусцой мили три, прежде чем сгорит один такой вот пирожок.

— Сначала я подумал, что это ржавчина из трубы, — сказал Джимми, когда мы собрались вокруг раковины.

— Правда? — сказал я в ответ, отряхивая с себя крошки пирога.

— Сначала казалось, что это самый логичный ответ, но потом, когда такая вода пошла из всех кранов, я подумал, что тут что-то другое. Я уже говорил, нет никакого осадка, да и ржавчины не заметно.

Я открыл кран. Сначала вода шла чистая, но немного погодя я заметил, что она начала слегка окрашиваться. Ничего ужасного, вроде цвета крови, как в Кенте, не было, всего лишь бледно-желтый, но неприятный оттенок. На первый взгляд вода походила на мочу. С торжественным видом я налил немного в банку и посмотрел воду на свет.

— Ну и что это, по-твоему? — спросил Джимми.

Я пожал плечами.

— Вроде бы ничего серьезного, по крайней мере, сейчас; похоже на какой-то минерал. В общем, достаточно чистая.

Я понюхал воду, но никакого особенного запаха не было. Я дал понюхать Джимми и Элисон. Джимми лишь пожал плечами, а Элисон, понюхав дважды, произнесла:

— Рыба.

— Что? — переспросил я.

— Может, я сошла с ума, но мне кажется, что вода пахнет рыбой.

Я еще раз поднес банку к носу и понюхал.

— Я ничего не чувствую, — сказал я ей, — а ты, Джимми?

Джимми попробовал еще раз, но отрицательно покачал головой.

— Мне кажется, ты выдумываешь, дорогая. И вообще, я надеюсь, в нашем колодце не водится рыба, во всяком случае пока не водилась, а?

Я надел на банку крышку и запихнул ее в карман своего каракулевого пальто.

— Что бы там ни было, Дэн Керк найдет это. Однажды он нашел отраву для насекомых, просачивавшуюся через слой известняка в подземный источник, который давал питьевую воду на расстоянии семи миль от этого места. Я хочу сказать, на исследовании питьевой воды он собаку съел.

— А ты кого съел на водопроводном деле, что тебя теперь не поймать?

Я ухмыльнулся.

— То, что меня поймать трудно, не означает, что поймать меня невозможно. Я много работаю, не так ли? В данный момент я должен был бы прокладывать отопительные трубы неподалеку от Харрисонов. Вы в курсе, что они меняют отопление?

— Сара говорила мне, — кивнула Элисон. — Сплетни посвежее нет?

— Парень Кацев вылетел из колледжа, если тебя это интересует.

Джимми удивленно поднял брови.

— Правда? Давид Кац?

— Это я тоже знала, — сказала Элисон. — Венди Птишан из Норвильского универмага рассказывала мне.

— Норвильский универмаг, — заметил я, когда мы возвращались через кухню на заднее крыльцо, — такое место, где утверждают, что если у них чего-нибудь нет, то вам это не нужно. Это касается и даже тех сплетен, которые рассказывают только шепотом.

На улице было слишком уж свежо, и я крепче натянул на голову свою бейсболку. Солнце уже скрылось за линией деревьев, окружив их верхушки ореолом оранжевого света. Из рта шел пар, и мы потирали руки, чтобы сохранить тепло. Где-то в соседнем дворе залаяла собака.

— Я позвоню вам завтра, как только что-нибудь узнаю, — сказал я Джимми. — Но я не вижу здесь ничего серьезного, и вам не стоит беспокоиться. Вы ведь пили эту воду и до сих пор живы и едите пироги, поэтому, что бы это ни было, ничего страшного здесь нет.

— Тебе положить с собой выпечки? — спросила Элисон.

— Нет уж, спасибо. Я не хочу растолстеть. Недавно мне пришлось ползти вдоль труб с горячей водой, и я еле дополз. Не хочу умереть, проверяя трубы с горячей водой.

Джимми и Элисон прошли вместе со мной за угол дома.

— По крайней мере, это лучше, чем утонуть, — заметила Элисон.

— Утонуть? — спросил я. — А при чем здесь утопленники?

— Спроси у Джимми, — сказала Элисон. — Всю прошлую неделю ему снилось, что он тонет.

— Наверное, тебе не следует наполнять ванну до краев. Джимми, похоже, смутился.

— Глупости, это просто один из тех снов.

— Каких это тех снов?

Джимми повернулся к Элисон.

— Зачем тебе нужно было все выбалтывать ему? — спросил он. — Просто дурацкий сон, ничего больше.

— Я большой специалист по снам, связанным с водой, — сказал я ему. — Давай выкладывай, я ведь водопроводчик и вдобавок кое-что смыслю в психологии. Кто лучше меня истолкует сон об утопленниках? И я скажу тебе, в чем твоя проблема: есть ли у тебя скрытая потребность отправиться вслед за «Титаником», усугубленная тем, что он затонул более шестидесяти пяти лет назад, или же, быть может, дело в том, что твоя мать слишком жидко разводила тебе детское питание, когда ты был маленьким, и ты страдаешь от окончательного разжижения.

Джимми засунул руки в карманы своей куртки лесоруба и пожал плечами.

— Просто один из этих дурацких снов, вот и все. Мне снится, что я под водой, какой-то чудной водой, и что я хочу выбраться и не могу.

— Это длинный сон?

— Не знаю, может, несколько секунд, но просыпаюсь я в холодном поту. В очень холодном. И все время такое чувство, будто проглотил много галлонов ледяной воды.

Я обошел свой «кантри сквайр» спереди и открыл дверь. Шелли сидел там же, слушая Долли Партон, и когда я открыл дверь, он надменно взглянул на меня. Иногда мне страшно хотелось надрать ему задницу, настолько заносчиво он себя вел. Иногда я спрашивал себя, кто управлял фирмой «Мейсон Перкинс: подряды по водопроводу и отоплению» — я или этот чертов кот Шелли? Надо было все-таки надрать ему задницу.

Джимми вытер нос тыльной стороной ладони и сказал:

— Что доводит меня, так это чувство, что у воды нет поверхности. Я хочу сказать, меня пугает не сама вода, а то, что она под землей, под тоннами непроницаемого камня. Так что даже если бы я и добрался до поверхности, я не смог бы дышать.

Я дружески потрепал его по плечу.

— Похоже, последнее время вы с водой не ладите. Может, ты беспокоишься о колодце?

— Я ему то же самое говорила, — сказала Элисон.

Я залез в машину и опустил стекло.

— Если именно это тебя волнует, — сказал я Джимми, — то я позабочусь о том, чтобы доставить тебе результаты анализов так скоро, насколько это в человеческих силах.

— По-моему, ему нужно поменьше работать, — встала Элисон, — может, это сон одержимого стремлением к успеху человека, и в этом все дело?

— Послушай, — сказал я Джимми, — я неплохо занимался на усиленных курсах психологии, и мы изучали такие сны вполне обычных людей, что у тебя бы волосы дыбом встали. Твои сны — это чепуха. Просто ты чем-то озабочен. Принимай по паре снотворных таблеток на ночь, и больше снов у тебя не будет.

Джимми улыбнулся.

— Ты берешь деньги за медицинскую консультацию, как за водопровод?

— Я беру деньги за все. Как бы иначе, по-твоему, я так разбогател?

Отъехав от дома Бодинов, я погудел на прощание и помахал рукой, когда поравнялся с почтовым ящиком. Затем я повернул на запад по шоссе-109 в направлении Нью-Милфорда и включил фары, чтобы видеть дорогу впереди — опускались сумерки. Я ехал вверх-вниз по дороге, петляющей по холмам и долинам, вздымая кучи сухих листьев позади машины.

Я заинтересовался снами Джимми Бодина, но к какому-либо анализу я относился с подозрением. Именно поэтому (если не брать в расчет беременную сокурсницу) я плохо воспринял курс Фрейда, Юнга и Иста и пришел к некоему незрелому заключению о психоанализе в общем. Может быть, я недостаточно серьезно относился к жизни. Может быть, я не был создан для всей этой бодяги с кушетками, коллективным самогипнозом и разыгрыванием каких-то дурацких ролей. Может быть, я был слишком эгоистичен и не очень-то хотел спасти мир от фобий и комплексов. Как бы там ни было, я ушел из колледжа с половины семестра, ошарашенный атмосферой тупости

и тем, как там ее лелеяли. Сев на автобус, я приехал домой и сбрил бороду в знак того, что я больше не студент. Моя мать, маленькая и добрая женщина, подтянутая, в домашнем халате, расшитом цветами, расплакалась. Отец, выше ростом, но не менее добрый, пожал мне руку и заметил, что самое время заняться чем-нибудь полезным. Тогда-то я и занялся водопроводным делом и остаюсь по сей день тем, чем я стал, — Мейсоном Перкинсом, водопроводчиком.

По правде говоря, я и похож-то больше на водопроводчика, чем на психиатра. Во мне шесть футов один дюйм, у меня темные вьющиеся волосы и вытянутое лицо с выражением постоянной отрешенности, которое присуще всем водопроводчикам.

Если бы я занялся психоанализом, то, наверное, пациенты проводили бы большую часть времени ожидая, когда же я вытащу инструменты, чтобы силой поставить их голову на место. Мой стиль всегда был ближе к ванне, чем к кровати, если вы понимаете, куда я клоню.

Я был женат. Это длилось недолго, хотя по-своему она была даже ничего. Ее звали Джейн, и ей хотелось иметь очень аккуратный домик в пригороде, телевизор и остальное в том же духе, хотя мне ничего такого совсем не хотелось и не хочется. Мы молча просидели вместе три года, уставившись на обои на стене, а потом она вернулась домой в Дулут. Похоже, надо очень постараться, чтобы быть женатым на девушке из Дулута.

Как бы то ни было, в данный момент я занимался водопроводным бизнесом в Коннектикуте, со мной был Шелли, а дополнительно при этом я занимался официанткой из ресторана «Кэтл Ярд», что вниз по дороге Дэнбери. Не могу сказать, что я сильно в этом преуспел, — мы добрались лишь до расстегивания пуговиц на кофточке. Жизнь была нормальной, не слишком тяжелой, и, по-моему, я справлялся.

Я подъехал к окраине Нью-Милфорда. Это был немногочисленный маленький городок на Хьюсатонике, с несколькими десятками живописных домиков в колониаль-

ном стиле и главной улицей с парком и эстрадой. Я припарковался неподалеку от Нью-Милфордского банка и выключил двигатель. Шелли, который до сего момента спал, пригревшись и мурлыча, потянулся и зевнул.

Я вынул банку с водой из кармана и проверил, не течет ли она. Может, из-за темноты, но вода выглядела темнее, чем раньше. Я отвернул крышку и потянул носом. В этот самый момент Шелли застыл, затем ошетинился и зашипел. При этом он фыркал так, что у меня самого волосы встали дыбом. Он выгнулся таким образом, что почти сложился вдвое, а хвост его вытянулся и распушился. Глаза кота расширились, выражая ненависть, смешанную со страхом.

— Шелли, ради Бога... — начал я.

Кот оставался на месте, рыча и царапая когтями обивку сиденья. Я двинулся к нему, но он только зафыркал сильнее и замяукал тем самым дурным голосом, который заставляет людей вскакивать посреди ночи и швырять в окно свой левый ботинок.

Я навернул на банку жестяную крышку. Тут же шерсть кота опустилась, и он начал расслабляться. Он смотрел на меня подозрительно, с таким видом, какой умеют напускать на себя кошки, чтобы заставить человека почувствовать вину за пережитое ими огорчение и перенесенные неудобства.

Нахмурившись, я посмотрел на него, затем на банку. Вроде простая вода, а так свела кота с ума. Может быть, Элисон была права и вода действительно пахла рыбой или чем-то вроде этого. Ведь и я, и Джимми любили иногда выкурить сигару, и, может быть, это притупило наше обоняние. Но ведь Шелли не сходил с ума по рыбе. Дело в том, что его любимым блюдом были остатки пиццы, и я сомневался, чтобы что-нибудь еще могло заставить его выкидывать такие номера.

Я выбрался из машины, закрыл ее, снял крышку с банки и понюхал воду еще раз. Приходилось признать: чувствовался какой-то слабый запах, какой-то холодный, тягучий аромат, больше металлический, чем рыбный.

Было впечатление какого-то странного открытия, как будто я прикоснулся к чему-то враждебному, и посреди Нью-Милфорда я вдруг почувствовал себя необычно одиноко. За эстрадой играли с мячом дети, и мне это показалось ужасно тоскливым, их смех был похож на крики птиц.

Я пересек лужайку и поднялся по ступеням, ведущим ко входу в Нью-Милфордский отдел здравоохранения. В окнах на втором этаже еще горел свет, и я рассудил, что Дэн Керк с помощниками сегодня работают допоздна. Я вошел через высокие черные двери и направился по широкой старомодной лестнице на второй этаж. Помещение было ярко освещено флюоресцентными лампами и покрашено в занудный зеленый цвет. Я подошел к двери с табличкой «Отдел здравоохранения, посторонним вход воспрещен» и открыл ее.

Миссис Вордел сидела за своим столом в передней части помещения; казалось, ее лицо состоит сплошь из очков с поднятыми кверху уголками оправы и губной помады.

— Привет, Мейсон, — сказала она. — Что это тебя сюда принесло?

Я поднял банку с водой.

— Колодцы отравлены, — сказал я голосом героя мелодрамы. — Дэн здесь или улизнул пораньше?

— Улизнул пораньше? Шутить? Дэн считает, что уходить на рассвете называется улизнуть пораньше. Они разбираются с каким-то заболеванием у свиней в Шермане.

— Я могу войти? — спросил я у нее.

Я постучался и прошел прямо в лабораторию Дэна Керка. Он был там и сидел на лакированной рабочей скамье, что-то высматривая в микроскоп. Он был молод, но необычайно лыс, и в белом халате походил в лучшем случае на сумасшедшего профессора, а в худшем — на вареное яйцо. Я заметил там Рету Воррен, а это всегда было для меня хорошей новостью. Она была помощницей Дэна, и это было ее первое место после окончания

Принстонского биологического колледжа. Из всей студенческой шатии-братии она была самой соблазнительной. У нее были длинные белокурые с темноватым оттенком волосы, широко посаженные карие глаза и фигурка, которую явно не следовало скрывать накрахмаленным лабораторным халатом.

Я помахал ей более чем дружественно и прошел через всю лабораторию, чтобы поговорить с Дэном.

— Второе пришествие водопроводчика, — сказал я и поставил на стол банку.

Дэн оторвался от микроскопа и злобно взглянул на него, прежде чем посмотрел на меня.

— Звезды говорят мне, что неделя будет дурной, — поведал он мне.

— Что ж такого дурного? Это просто подкрашенная вода, скорее всего, загрязненная. Проверь-ка ее.

Он приподнял банку и уставился на нее выпуклыми близорукими глазами.

— Где взял? — спросил он наконец.

— В доме Джимми Бодина. Говорит, вода идет подкрашенная уже два или три дня. Элисон Бодин готова поклясться, что она пахнет рыбой, и Шелли, похоже, тоже так думает.

— Шелли? Твой кот Шелли?

— Точно. Когда я снял крышку, он буквально взбесился. Когда я закрыл банку, он вернулся в свое обычное состояние абсолютного безделья и лени.

Дэн выключил яркий свет над микроскопом и потер глаза.

— Как ты думаешь, Шелли согласился бы поработать у нас? Мне нужен помощник с хорошим нюхом.

— Я серьезно, Дэн. Мне очень нужно, чтобы ты сделал анализ.

Дэн Керк устало улыбнулся и покачал головой.

— Ты же знаешь, что мне некуда деваться. Если хочешь, сделаем прямо сейчас. На сегодня с меня хватит свиной лихорадки.

— Дело плохо?

— Хуже некуда. Бедняге старику Иену Фолларду пришлось перерезать всех свиней на ферме. Запах горелого бекона чувствуется даже в Роксбери.

Я достал платок и высморкался. Это был результат того, что я вошел в перегретую лабораторию с холодной улицы.

Пока Дэн занимался центрифугой, я смотрел на Рету поверх платка и поминутно моргал. Это не было очень уж романтично, но я считаю, что надо использовать каждую маленькую возможность.

— Ты мне ничего не скажешь об этой пробе? — спросил Дэн, включая лампы вокруг центрифуги, выкрашенной в серый цвет. — Из какого крана брали воду? Какие-нибудь особенности?

— Прямо из крана на кухне. Джимми говорит, что то же самое идет из всех кранов.

Дэн снял крышку и понюхал. Подождал, обдумывая то, что почувствовал, понюхал снова.

— Может быть, Шелли был прав, — сказал он мне.

— По-твоему, пахнет рыбой?

— Можно сказать, что рыбой.

— А как еще можно сказать? Черепаховым супом?

Дэн опустил палец в воду, а затем облизал его. Нахмурившись, он проделал то же самое еще раз.

— Определенно, вкус необычный, да и запах тоже. Сложно сказать. На вкус не похоже на обычные соли или минералы, которые распространены здесь. Не похоже и на калий или марганец.

Он оторвал кусочек лакмусовой бумаги и погрузил его в воду. Промокнув, бумага сначала стала фиолетовой, а затем покраснела.

— Так, — сказал Дэн. — Это указывает на присутствие кислот.

— Каких кислот?

— Не знаю. Придется провести полный анализ. Начнем с центрифуги и посмотрим, можно ли выделить какие-нибудь твердые вещества. Ты видел какой-нибудь осадок в раковине у Бодинов или на посуде?

— Никакого осадка. Не забывай, это длится два-три дня — маловато для каких-либо следов или пятен.

Дэн устало помассировал шею.

— Я просто уже заработался. Полночи проверял эти чертовы удобрения.

Рета прошла через лабораторию с охапкой записей и отчетов. Вблизи она была красива странноватой красотой. Нос у нее был коротковат, а губы широковаты, но недостаток симметрии с лихвой возмещался заразительными улыбкой и смехом.

— Я люблю людей, у которых на первом месте работа, — сказала она притворно серьезным голосом, будто представляла нас к награде. — Это говорит об ответственной, высокоморальной натуре.

— Это обо мне, — откликнулся я. — Сначала трубы, потом удовольствия.

Дэн закончил с центрифугой и понес воду к спектро스코пу. Он работал медленно и тщательно, и я знал, что прежде чем он закончит анализ, пройдет три-четыре часа. Когда электронные часы на стене лаборатории показывали половину восьмого, мой первоначальный энтузиазм начал затухать и я заскучал и проголодался; больше же всего мне хотелось пива.

На улице было так темно, что я видел свое размытое отражение, сидящее на лабораторном стуле и опирающееся подбородком на кулак.

Рета почти завершила уборку и мытье пробирок и пипеток, и я догадался, что на сегодня ее работа закончена.

— И такой девушке, как ты, нравится эта работа? — спросил я ее, когда она отложила в сторону шланг. — Занялась бы лучше чем-нибудь поинтереснее, например, танцами. С твоей внешностью ты могла бы работать в «Плейбое».

— Поверь мне, — сказала Рета, закрывая стенной шкаф, — анализировать пробы свиной лихорадки чертовски интересно, интереснее, чем подавать коктейль таким развратникам, как ты.

— Это кто развратник? Если я представляю тебя себе в облегающем атласном обмундировании с большим вырезом сзади, то это еще ничего не значит. Короче, как насчет ужина сегодня вечером?

— Ужина? — спросила она, расстегивая лабораторный халат.

Я пожал плечами.

— Можно заняться еще чем-нибудь, если хочешь. Мы могли бы съездить в Глейлордсвил и поесть рыбы с вином в ресторанчике «Фриц и Фокс». Или можно направиться в молочный бар Конна и поесть гамбургеров с молочным коктейлем.

— Ты умеешь жить, не так ли? — спросила она у меня с беззлобным сарказмом. — Спасибо, но уж лучше я пойду на свидание с Кенни Пэкером в девять часов.

— Кенни-футболист? Поросенок Пэкер?

— Он самый.

— Он же как Большой Увалень, только розовый.

— Эй, вы двое, — сказал Дэн, — хватит там препираться.

Не отрывая глаз от микроскопа, он поманил нас пальцем.

— Подойдите-ка посмотреть на это.

Мы подошли, и Дэн отодвинул свой стул, чтобы дать нам посмотреть в окуляры. Я взглянул и увидел только какие-то неясной формы существа, плавающие в море слепящего света. Но когда очередь дошла до Реты, она провела около микроскопа две или три минуты, хмурясь и молча регулируя фокусировку и двигая предметное стекло. В конце концов она выпрямилась и вопросительно посмотрела на Дэна с озабоченным выражением лица. Дэн тоже посмотрел на нее и покачал головой, будто не зная, что сказать.

Я нетерпеливо спросил:

— Вы меня в свою пантомиму не хотите посвятить? Я видел только маленькие скрученные гадости.

— В любой воде есть маленькие скрученные гадости, — кивнул Дэн. — Микроорганизмы, которые не

удаляются при фильтрации и очистке. В общем-то они безобидны. Ты выпиваешь миллионы таких существ каждый день.

— Что ты пытаешься сделать? Отбить охоту обедать?

— Совсем нет. Но все эти существа уже давно должны были отбить всякую охоту есть у Бодинов.

— Так что это? Что-нибудь серьезное?

Дэн пригладил несуществующие волосы.

— Трудно сказать. На первый взгляд они не более чем обычные микроскопические организмы. Но при ближайшем рассмотрении они оказываются посложнее обычных микробов. Кажется, у них есть зачаточная дыхательная система и они выделяют какое-то вещество, смешивающееся с водой.

Я сел верхом на один из стульев.

— Оно и подкрашивает воду?

— Да, наверное. Скорее всего.

— Но что это за организмы? Ты видел когда-нибудь такие?

Дэн взглянул на Рету.

— Ты видела? — спросил он ее.

Она отрицательно покачала головой и ничего не сказала.

Дэн произнес:

— Мне они тоже незнакомы. Это не те букашки, которых обычно находишь в воде, и из того, что я о них знаю, даже без исследования их жизненного цикла, мне ясно, что они ведут необычный образ жизни. Это желтое или зеленое вещество, которое они производят, выделяется ими в огромных количествах, точнее, сравнительно огромных. Посмотри на них еще раз. Если бы мы с тобой производили столько вещества, получалось бы по восемь-десять литров в час.

Я изобразил на лице отвращение, но Дэн сказал:

— Давай, посмотри еще разок.

Я согнулся и уставился в окуляры на пробу воды.

Теперь, зная, что я ищу, я мог идентифицировать организмы, о которых говорил Дэн. Они были прозрач-

ными и напоминали тени, но имели вполне определенную форму и походили на морских коньков. Я даже мог видеть, где расположена их дыхательная система. Казалось, они вбирают в себя воду через жабры на шее и пропускают ее через свое прозрачное тело. Когда вода выходила сзади, она была желтой. Может быть, сравнивая воду с мочой еще у Бодинов, я был не так уж далек от истины.

Форма этих организмов почему-то меня беспокоила. Если забыть, что они чертовски малы и невооруженным глазом их не увидеть, они производили чудовищное впечатление. Спереди, на том, что я принял за голову, располагались выступы в виде закругленных рогов, а тела были чешуйчатые. Все время, пока я за ними наблюдал, существа эти дергались, прыгали, плавали, в общем, не стояли на месте. Вдруг я вспомнил, что пробовал воду на палец, и меня затошнило. Я выпрямился и посмотрел сперва на Дэна, а затем на Рету.

— Ты можешь выяснить, что это? — спросил я. — Я хочу сказать, это вообще возможно?

Ответила Рета.

— Нельзя ничего сказать, но попробуем. Существуют тысячи разных видов микроорганизмов, и для того, чтобы проверить сходство всех, нужно время. Это моя специальность, и я слежу за открытиями, но не помню, чтобы сообщали о чем-либо подобном.

Я вынул из кармана пальто сигару и вставил ее пластиковый кончик в зубы.

— Но какие-нибудь идеи все-таки есть?

Дэн опять склонился над микроскопом. Он фокусировал линзы еще и еще раз, но потом сел и покачал головой.

— У меня сейчас нет никаких предложений. Это смешно, но я бы сказал, что они больше всего напоминают какую-то форму морской жизни.

— Я то же самое подумал, — вставил я. — Они похожи на морских коньков.

— Не заблуждайся насчет их внешности. Они могут быть похожи на морских коньков, но водятся в колодце

за много миль от моря. Скорее всего, в биологическом смысле это вовсе не морские коньки.

— А их опасно пить с водой? — спросил я у Дэна. — То есть, что мне сказать Бодинам?

Дэн вздохнул.

— Береженого Бог бережет, и им не надо бы пить эту воду, пока мы не исследуем ее. Думаю, мне удалось выделить немного азотной кислоты и какое-то вещество с серной основой, но сложно сказать, связано ли это с организма и. Что бы ни плавало в этой воде, это сложное и необычное вещество.

Я встал.

— Отлично. Я позвоню Бодинам и попрошу их подождать. Сколько нужно времени, чтобы определить, что это? Они захотят знать.

— Кто знает. Иногда такой анализ занимает месяцы, может случиться, и годы.

Я вынул спички и прикурил.

— Скажу им, неделя или две. Не стоит их пугать, а?

Дэн кивнул.

— Хорошая идея. Я сам съезжу туда и возьму несколько проб. Предупреди Джимми, что я подъеду завтра, хорошо?

— Ладно. А сейчас, не присоединишься ко мне попить пивка?

Дэн взглянул на часы.

— Хорошо. Может, я еще перехвачу бутерброд. Не думаю, что я ел после завтрака. Но мне надо будет вернуться и закончить анализ свиной лихорадки.

Я застегнулся.

— Можешь делать после, что хочешь. Сейчас мне необходимо промочить горло холодным «Шефером».

Мы вышли из лаборатории вместе, и Дэн закрыл дверь. Миссис Вордел тоже собиралась домой: надела серый пластиковый чехол на пишущую машинку и убирала на своем столе. Во всем здании уже выключали свет. Снаружи доносился звук заводимых моторов и пожелания спокойной ночи.

— До свидания, Джина, — сказал Дэн миссис Вордел.

— До свидания, доктор Керк. Вы поставили мышеловки?

— Потом поставлю. Я вернусь проверить пробы свиной лихорадки по пути домой.

Дэн повернулся ко мне и сказал:

— Никогда не работай в старых зданиях, они полны мышей. Рета поймала одну на прошлой неделе — она доедала ее обед. Чертовка проела даже пластиковый пакет.

Мы отошли от здания и пересекли зеленую лужайку, уже стемнело, а изо рта шел пар. Звезды сияли ярко, обещая морозное утро. Впрочем, морозы были хорошим подспорьем в моем деле — я знал, что большую часть утра проведу, откручивая промерзшие краны и чиня прорванные трубы.

Дэн сказал:

— Трудно понять, что эти организмы вообще делают в воде. Никакой цели их существования я не вижу. Всасывают воду, выделяют желтую жидкость, а смысл?

— А есть ли вообще смысл в существовании чего-либо? — спросил я у него. — Люди пьют воду, выделяют желтую жидкость, и никто не бежит и не жалуется на отсутствие цели.

Дэн покачал головой.

— Ты меня неправильно понял. Если бы эта желтая жидкость была просто водой, это бы объяснило многое. Но судя по тому, что я увидел, кажется, что краска — это вещество, которое добавляется к воде по прохождении через тела существ, может быть, с помощью каких-то внутренних желез, если железа — не слишком громкое название для части тела этих крошек. А ведь эти существа совершенно явно тратят большое количество времени и энергии, выделяя эту субстанцию. Так много времени и энергии, что, похоже, это единственная цель их существования.

Мы шли втроем мимо старой железнодорожной станции. Рета попрощалась и пошла забирать свой «фольксваген» со стоянки на другой стороне улицы, и я послал ей

вслед сердечный, но холодный воздушный поцелуй. Затем мы с Дэном пошли дальше, к «Отелю Стенеш», зелено-красному зданию, где можно было перехватить приличный бифштекс и сносное виски с содовой. Толкнув дверь, мы прошли по коридору, устланному старым пыльным ковром, в тускло освещенную комнату. Это был небольшой бар, прокуренный, но пустой, с беззвучно мерцавшим над полками телевизором.

— Добрый вечер, Генри, — сказал я опрятному маленькому человеку за черным виниловым прилавком. — Профессор и я хотим два больших стакана пива и побыстрей, неси, как нальешь.

— Чертовски холодно на улице сегодня, а? — сказал Генри, накачивая два стакана «Шефера». — Хотите по маленькой для тонуса?

— Я на работе, — сказал Дэн, — и хочу, чтобы голова была ясной, но все равно спасибо.

— А я расслаблюсь, — сказал я. — Дай-ка мне стаканчик «Джека Дэниела».

— Вы слышали о мальчишке Дентонов? — спросил Генри, наливая бурбон.

Я покачал головой.

— Что он там натворил?

— Не то чтобы натворил, просто пропал. С сегодняшнего утра его не видели. Полиция все обшаривает.

— Жалко, — сказал я.

Я знал Дентонов. Они были тихой, бедной семьей и жили недалеко от Бодинов. Их сын Пол всегда болтался по округе с заплатами на коленках, но был весьма вежливым и приятным мальчиком. Ему было всего девять лет, и я надеялся, что с ним ничего не случилось. Было слишком холодно, чтобы пропадать в такое время года.

— Он ехал на велосипеде, когда его видели в последний раз, — сказал Генри. — Его велосипед нашли в миле вверх по дороге, в деревьях, но Пола не было и следа. Я думаю, его родители сейчас в панике.

Я подавленно пил пиво. Дэн тихо сказал:

— Давайте выпьем за то, чтобы его нашли, а?

Мы еще немного поболтали с Генри, а потом вернулись к разговору о воде Бодинов и микроорганизмах. Дэна явно раздражала загадка желто-зеленых выделений этих созданий; он перепробовал кучу вариантов, когда цели у этих существ не могло быть, и еще столько же вариантов, когда цель быть могла, но все равно ничего не прояснилось.

Я сказал:

— Я не знаю, что ты так беспокоишься. Ты же ведь, черт побери, знаешь, что тебе в конце концов придется все выяснить. Несколько месяцев терпеливых исследований — и ты обнаружишь, что они делают себе кофе ко второму завтраку. Первые микроорганизмы, которые сами собой подкрепляются.

— Ты вообще когда-нибудь бываешь серьезным? — спросил Дэн. — Эти микроорганизмы — одно из самых захватывающих открытий последних лет, и я могу себе сделать имя на них.

— Я не думал, что ты ученый в этом смысле слова, — сказал я ему. — Подожди немного, и у тебя начнутся фантазии о том, как ты получаешь Нобелевскую премию за исследование удобрений.

Дэн слегка порозовел.

— У всех свои амбиции, — сказал он, явно смущенный.

— У меня нет, — отрезал я. — Были, когда я был молодой. Я дам тебе бесплатный совет. С амбициями ты потратишь всю жизнь на то, чтобы чего-то достичь, а затем обнаружить, что тебе не особенно-то этого и хотелось.

— Это так наполовину психиатр обосновывает то, что он водопроводчик? — спросил он у меня.

Я устремил взгляд вдаль.

— Может быть, так человек в полном смысле этого слова обосновывает свою тихую и счастливую жизнь.

Дэну хотелось разузнать побольше.

— Ты действительно так счастлив и гармоничен? — спросил он.

— А ты действительно хочешь увидеть свое имя в учебниках истории? — парировал я.

— По-моему, тебе нужно влюбиться, — изрек он и сделал большой глоток.

Мы взяли еще по пиву и понаблюдали несколько минут за баскетболом по телевизору. Затем я положил на прилавок доллар, и мы вернулись в ночь. Я проводил Дэна до лужайки, и мы немного постояли на углу, обсуждая проблему этой воды.

В конце концов Дэн сказал:

— Слушай, я пойду проверю эти пробы и, наверное, позвоню тебе завтра, как только съезжу к Джимми.

Я сунул руку в карман за сигарой. К моему огорчению, пачки в кармане не оказалось. Я чертыхнулся. Наверное, я оставил их у Стенли, а может, наверху в лаборатории.

Я спросил у Дэна:

— Ты не помнишь, я у тебя сигары на столе не оставлял?

— Можешь подняться и посмотреть, если хочешь.

Он открыл дверь ключом. Внутри было мрачно, и шаги и голоса гулко разносились по всему зданию; все уже разошлись. Мы поднялись по лестнице и направились к двери лаборатории.

— У тебя мурашки по коже не бегают, когда работаешь так поздно? — спросил я у Дэна.

— Не больше, чем в своей собственной квартире, — ответил Дэн. — Моя хозяйка подглядывает в замочную скважину — проверяет, не вожу ли я женщин.

— А ты водишь?

— Секрет фирмы, Мейсон.

— Ясно, а я-то думал, что такой ученый, как ты, изобретет какой-нибудь порошок, чтобы пользоваться успехом у женщин.

Дэн открыл дверь основного помещения лаборатории, и мы прошли мимо пустого стола миссис Вордел к комнате Дэна. Открыв дверь, мы вошли. Лампы мигнули пару раз, а затем включились.

— По-моему, ты оставил сигары где-то около микроскопа, — сказал Дэн. — Я буду около холодильника с пробами свиной лихорадки; если понадобится, позови.

Я оглядел полированные скамьи и обнаружил сигары рядом с кучей использованной бумаги для распечаток. Я достал одну, прикурил и стал ждать возвращения Дэна, чтобы попрощаться. В лаборатории было тихо, только негромко гудели флюоресцентные лампы. Я кашлянул и принялся наблюдать за своим отражением в окне, подумывая, не поздновато ли будет перехватить бифштекс перед тем, как идти домой. Мне нужно было что-нибудь существенное в придачу к двум стаканам пива и двум бурбонам.

Именно в этот момент я услышал шорох. Сначала я не обратил на него внимания. Я думал, что это шуршит бумага для распечаток, принимая исходное положение после того, как я ее сдвинул. Но затем я опять услышал шорох, громче и отчетливей, и, хотя он действительно исходил от бумаги, это явно не было шуршание движущейся бумажной ленты. Звук был слишком ритмичным для шороха и походил на поскребывание. Под ворохом бумаг что-то было, и, похоже, это была мышь.

— Дэн, — позвал я.

— Иду, — откликнулся он.

— По-моему, я поймал пожирателя обедов, — сказал я.

Я видел, что бумага шевелится, и на цыпочках стал подбираться к столу. Наконец я быстро прижал руками то место, откуда исходил шорох. После минутной паузы животное сдавленно пискнуло, а я отшвырнул с силой урагана бумагу, и извивающееся тело зверька оказалось у меня в ладонях. Животное опять взвизгнуло и попыталось проделать зубами дырку в моих ладонях, но я сумел зажать его крепко и надежно.

Дэн подошел ко мне, держа в руках поднос с предметными стеклами и пробами, и поставил его на скамью.

— Вот он! — торжественно объявил я. — Обгрызатель бутербродов собственной персоной.

— Ты поймал его? Странно, что тебе это так легко удалось. Ну и что ты будешь делать с мышью?

Я взглянул на сомкнутые ладони.

— Не знаю, наверное, раздавлю.

Дэн моргнул.

— Ты действительно сможешь это сделать?

Я потряс головой.

— Конечно, нет.

— Тогда отпусти ее, все равно рано или поздно попадется в ловушку.

— Может быть, мне следует отвезти ее к канадской границе и отпустить?

Дэн засмеялся.

Я присел на корточки и медленно разжал руки. Я увидел маленький розовый нос, коричневые бакенбарды и пушистую спинку. А потом я увидел нечто, заставившее меня отдернуть руки так быстро, что я чуть не потерял равновесие и упал плечом на шкаф рядом со скамьей.

— Дэн, Господи! — только и сумел я выдать из себя.

Дэн повернулся и посмотрел вниз, туда, где я выпустил мышь. Сначала до него не доходило, а потом он, замороженный, с ужасом в глазах уставился на жалкое, трясущееся создание, которое стояло на полированном паркете и то ли не испытывало ни малейшего желания, то ли просто не могло двинуться с места.

— Что за черт! Что с ней? — спросил он, с трудом переводя дыхание.

Он опустился на колени рядом с мышью и принялся рассматривать ее поближе. Мышь слабо пискнула, но не попыталась бежать. Она, впрочем, и не могла. Начиная с середины спины, вся вторая половина тела мыши была покрыта каким-то темным чешуйчатым наростом, придававшим ей сходство с большим черным жуком. Даже задние ноги были поражены и напоминали когти с шероховатой поверхностью. Каждая чешуйка на спине и боках мыши зеленовато-черно поблескивала, а по краям была неровной.

Я поднялся на ноги и пошел к раковине помыть руки; мои колени тряслись от страха и отвращения. Я чувствовал эти чешуйки, когда поймал мышь, но подумал, что это просто острые коготки. Выпитое пиво зашевелилось в

желудке и поднялось к горлу, и мне пришлось глубоко вздохнуть, чтобы уговорить его вернуться на место.

Дэн стоял на четвереньках и подталкивал мышь пластиковой линейкой.

— Ты когда-нибудь такое видел? — спросил он у меня. Я покачал головой.

— Надеюсь, больше я такого не увижу.

Дэн перевернул мышь на спину, и она лежала и дрыгала ногами в воздухе, попискивая время от времени. Под ребрами ее тело пошло складками, как у улитки или мокрицы. Когти на задних лапах были похожи на зубья пилы, а сами лапы конвульсивно подергивались.

— Что же нам с тобой делать, малышка? — сказал Дэн. Мышь пискнула и завертела головой.

— Ты не подашь мне вон ту проволочную клетку с подоконника? — попросил Дэн. — Я присмотрю за нашим другом, а то еще убежит.

— Никакой он мне не друг, — сказал я, идя через лабораторию.

На обратном пути я взглянул на блюдце с пробой воды Бодинов, стоявшее на столе Дэна. Рядом был мышиный кал, и из плошки было порядком отпито.

Я вручил клетку Дэну. Я не знал, что сказать. Но когда он аккуратно поднял мышь и на конце линейки просунул ее, почти безжизненную, сквозь дверцу клетки, я кашлянул и сказал:

— Дэн?

II

Я набирал номер Бодинов четыре раза, но в ответ слышал лишь длинные гудки. Я взглянул на стенные часы. Был уже десятый час, и в доме должен был кто-нибудь быть. В конце концов, в это время Оливер спит, и, если Джимми и Элисон куда-нибудь ушли, они должны были оставить с ним няню. Я подождал некоторое время, потом положил трубку на рычаг и встряхнул головой.

— Или их нет, или они не подходят к телефону.

Дэн все еще занимался чешуйчатой мышью, пристально наблюдая за тем, как она пыталась передвигаться по клетке. Выглядело это достаточно омерзительно, так что мне пришлось отвернуться, но я все равно слышал, как ее чешуя и насекомоподобные когти скребли по проволоке.

— В таком случае, — сказал Дэн, — нам лучше, по моему, поехать и предупредить их лично. Я не уверен, что причина тому, что ты видишь, — вода. Может быть, она тут и ни при чем. Но рисковать нельзя. Особенно, когда это касается жизни людей.

— Я отвезу тебя, — сказал я ему.

В последний раз взглянув на мышь, вид которой вызывал тошноту, мы закрыли лабораторию и спустились вниз. Мы пересекли лужайку быстрым шагом, перешедшим в рысь, когда мы приблизились к автомобилю. Было так холодно, что ветровое стекло покрывал морозный узор, а капот тускло отливал зеленью в свете уличных ламп.

Я открыл дверь, и мы забрались внутрь. Шелли с надменным и обиженным видом перебрался на заднее сиденье.

— У тебя воняет кошкой, — сказал Дэн, когда я заводил мотор. — Как ты переносишь это?

— По крайней мере, это натуральный запах, — ответил я, подав назад и выезжая на основную дорогу.

— А что, по-твоему, ненатуральный? — спросил Дэн.

Я проехал к углу лужайки, повернул направо и выехал на дорогу 202, миновав угол кладбища, могильные камни которого выглядели белее и холоднее, чем обычно.

Я свернул налево и взял курс на север. Дэн достал блокнот и принялся писать неразборчивыми каракулями тупым обгрызенным карандашом.

— А если это вода? — спросил я его.

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом.

— Если — что?

— Ну, если вода сделала такое с мышью, что будет с людьми?

— Не имею ни малейшего представления. Иногда химикаты или микробы действуют на маленькие существа, такие как крысы или мыши, но на людей не действуют. Возьмем сахарин. Он вызывал рак у лабораторных крыс, но нет доказательств, что на людей он действует так же. То же самое и со многими микробами, которые калечат и убивают грызунов, но не представляют опасности для людей.

Я свернул на 109-ю дорогу. Темное шоссе было усыпано мертвыми листьями и покрыто белым, сверкающим, похожим на сахар инеем.

— Лучше бы они подошли к телефону, — сказал я. — Я был бы уверен, что с ними все в порядке. Я хочу сказать, что им нужно было бы подойти к телефону.

Через пять—десять минут езды в холодной темноте мы приблизились к дому Бодинов. Я нажал пару раз на гудок, когда мы свернули на подъездную дорогу, но дом казался заброшенным. В окнах не горел свет, лишь одиноко светила лампа на веранде и занавески были отдернуты. Я остановил автомобиль, и мы вылезли. Шелли с благодарностью вернулся на переднее сиденье, наслаждаясь теплом, которое осталось от Дэна.

— Джимми! — позвал я. — Элисон!

Ответа не было. Дом оставался безмолвным, и такое же безмолвие царило вокруг, лишь иногда похрустывали листья. Я прошел на задний двор, но там тоже не было ни души. Грабли Джимми стояли там же, где он оставил их днем, у коричневых перил. Дверь на кухню, открытая, поскрипывая, хлопала на ветру.

— Они могли куда-нибудь уехать на вечер, — предположил Дэн. — Может быть, они где-нибудь заночевали.

— Они мне ничего не говорили.

— Не все обязаны спрашивать твоего разрешения, чтобы куда-нибудь поехать. Ты ведь просто водопроводчик.

Я не был настроен спорить. Что-то странно пугающее было в безмолвии дома Бодинов. Окна походили на пустые глазницы, в проводах гудел ветер. Дэн сзади кашлянул и поворошил ногой сухие листья.

Я поднялся по ступеням и, открыв противомоскитную сетку, потянул за ручку двери. К моему удивлению, она была не заперта. Я приоткрыл ее и выкрикнул имена Бодинов в холодную темноту кухни.

Дэн сказал:

— Ты зря тратишь время, Мейсон. Их здесь нет. Может, они сейчас у Кларка в Вэмингтоне.

Напрягая глаза, я всматривался в темноту. Я увидел край кухонного стола, но не было похоже, чтобы там кто-нибудь был.

— Джимми? — позвал я громче, но ответа не было. — Не похоже на Джимми. Он не оставляет дом открытым, — заметил я.

Дэн пожал плечами.

— Может быть, он забыл. Подумал, что закрыл, а оказалось, что нет.

— Не знаю, — медленно сказал я. — На Джимми совсем не похоже.

Я открыл дверь полностью и вошел. Кухня была погружена в темноту, и в углах шевелились неясные тени. Я слышал скрип и замер, думая, уж не чешуйчатые ли это мыши, но скрип повторился, и я понял, что это просто

доски пола. Кран на кухне был приоткрыт, из него с тихим бульканием капала вода. На цыпочках я прошел через комнату, по дороге наткнувшись на стол, и закрутил кран. Все водопроводчики не переносят звук капающей воды.

На мгновение я замер, весь обратившись во внимание и слух. Дэн вошел через кухонную дверь, противомоскитная сетка с шумом захлопнулась за ним.

— Т-с-с, — сказал я.

— А что такое? — хрипло прошептал он.

— Я не уверен. Ты что-нибудь слышишь?

— Нет, вроде. Почему ты не включишь свет? Любишь пугаться?

Я повернулся и, нахмурившись, посмотрел на него.

— Это кто пугается?

Мы стояли в тишине и ждали. Мы простояли так целую минуту, — кто когда-нибудь стоял в тишине, знает, как это много. Я был уверен, что где-то в доме капает вода.

Я сказал Дэну:

— Ты слышишь, как капает вода?

— Вода? — удивился он. — Что ты имеешь в виду?

— Слушай.

Мы напряженно вслушивались, и оба слышали одновременно: где-то мерно, с резким звуком капала на ковер вода. Звук подсказал мне, что ковер промок насквозь.

— Что ты скажешь об этом? — спросил я у Дэна.

— Я не знаю. Здесь ты специалист. Может, прорвало трубу?

Я пересек кухню и нашарил выключатель. Я щелкнул им, но лампы тускло помигали и погасли. Веер голубых искр затанцевал на выключателе, и в нос ударил запах горелой пластмассы. Вода, вероятно, закоротила провода.

— У меня есть фонарь в бардачке, — прошептал я Дэну. — Пойди принеси его, а я проверю, откуда идет вода.

— Конечно, но ты будь поосторожней. Судя по звуку, тут все промокло.

Дэн скрылся за дверью, и сетка опять хлопнула. Я мгновение подождал в одиночестве, а затем направился

в холл. Холл был погружен в темноту. Только голубой отраженный свет от замершей снаружи зелени пробивался в окна около парадной двери. Античной формы напольная ваза отливала голубовато-медным светом, и на стене смутно угадывалась картина Лейка Кэндивуда. Крадясь к лестнице, я дотронулся до охапки какой-то колючей травы, и меня чуть не хватил удар. Наконец я достиг подножия лестницы из мореного дуба и посмотрел вверх.

Уже более робко я позвал:

— Джимми? Ты наверху? — чертовски хорошо зная, что его там не было.

Наверное, мне просто хотелось услышать свой голос. Из темноты, однако, не было слышно ни ответов, ни шепотов, ни так успокаивающих приветствий. Только капанье и плюханье воды и звук ее поглощения пористым ковром. Я поставил ногу на первую ступеньку и услышал плеск. Я наклонился — ковер промок насквозь. Похоже, вода лилась сверху маленьким водопадом, а значит, вся лестница была затоплена. В этот момент из кухни появился Дэн с фонарем.

— Посмотри-ка сюда, — сказал я ему. — Похоже, у нас наводнение.

Он посветил фонарем на красный лестничный ковер. Он сверкал и был темным от воды, и пятно распространилось на пол холла.

— Это не прорыв трубы, — сказал он. — Это больше похоже на Ниагарский водопад.

Я огляделся. Скоро вода зальет холл и доберется до гостиной, а значит, вся мебель Бодинов будет испорчена.

— Хотел бы я знать, где носит Джимми и Элисон, — сказал я. — Если все-таки прорвало трубу, то это продолжается уже не первый час. И не говори мне, что они уехали и оставили дом, залитый водой. Это чушь.

Дэн с тревогой посмотрел вверх.

— По-моему, лучше пойти и посмотреть, что там творится.

Мгновение мы колебались, кто пойдет первым.

— Водопроводчик ты, — сказал Дэн, вручая мне фонарь; я оказался добровольцем. Я осторожно пошел наверх по промокшему ковру, из-под ног при каждом шаге лилась вода. К тому времени, когда я достиг конца лестницы, ноги у меня промокли.

— Есть там кто-нибудь? — спросил Дэн принужденным шепотом.

— Пара китов-убийц, — сказал я ему. — Воды как раз достаточно.

Я посветил фонарем на панельные стены, на писанные маслом сценки коннектикутской жизни, на маленький полукруглый стол в дальнем конце коридора со стоящей на нем медной вазой с засушенными цветами. В коридоре было пять дверей — три налево и две направо. Двери справа были приоткрыты. Все выглядело вполне обычно. Только осветив мерцающее озеро под ногами, я осознал всю необычность ситуации. Свет фонаря отражался в медленно текущей по полу воде, и я видел в ней свое подрагивающее отражение, как будто я был моряком, утонувшим в закрытом помещении.

— Откуда идет вода? — спросил Дэн. — Похоже, стены сухие.

Я посветил на двери. Насколько я понимал, вода шла из крайней двери справа, которая была приоткрыта. Вода там была менее спокойной, и слышно было, как внутри что-то капает и плещется.

— Может быть, прорвало бак, — сказал я и прошлепал через коридор. Вода стояла примерно на дюйм, но мои ботинки все равно уже промокли, поэтому меня это мало волновало.

Я сказал себе, что в последний раз покупаю модные ботинки с цепочкой спереди за тридцать один доллар. Лучше пусть они будут немодные, но кожаные.

Я подошел к последней двери. На ней висела керамическая тарелка с нарисованным на ней автомобилем. Еще на ней было написано: «Комната Оливера». Я посветил, чтобы Дэн смог прочитать надпись, и лицо Дэна приняло озабоченное выражение.

Осторожно, светя перед собой фонарем, я толкнул дверь. И снова свет фонаря лишь отразился от чего-то в темноте передо мной.

Капало здесь громче, но еще здесь присутствовал другой звук. Услышав его, я замер, почувствовав, как волосы зашевелились у меня на голове.

Кто-то или что-то булькало в комнате.

— Дэн, — прошипел я. — Дэн, там кто-то есть.

— Шутишь, — сказал он. Его лицо напряглось.

— Я слышу это. Послушай, ради Бога, Дэн! Ты слышишь?

Он прислушался. Кроме нескончаемого капания и плеска, ничего не было слышно.

— Тебе показалось, — сказал он с нервной улыбкой, которая выдавала, что он так не думал.

Я перевел дух и открыл дверь пошире.

Комната была живой и наполненной отражениями и тенями. Я посветил фонарем в дальний конец комнаты, где стояла кровать, но на ней никто не лежал. Я осветил плинтус, шкаф, а затем опять кровать.

— Что я тебе говорил? — сказал Дэн. — Это просто вода.

Я прошел вброд на середину комнаты. Невозможно было определить, откуда идет вода. Единственным отличием было то, что стены здесь промокли почти до потолка. Клетчатые обои отсырели и сморщились, и чуть выше рамки картины виднелась метка, указывающая, докуда добралась вода. Смешно, но казалось, что комната побывала под водой.

В этот момент Дэн сказал:

— Мейсон.

Я обернулся. В лице Дэна определенно было что-то странное. Он показал на пол и повторил:

— Мейсон. Посмотри вон туда.

Я посветил вниз. Кровать была пуста, но я забыл заглянуть под нее. В бледном овале света я увидел, как под кроватью шевелилось что-то белое и странное. Мои руки тряслись, когда я наклонился посмотреть, что это.

— Боже, — сказал Дэн. — Это нога.

Мы схватились за ногу и вытащили ее из-под кровати вместе с тем, что за этой ногой шло. Я уронил фонарь, но он еще работал, когда я поднял его и направил свет прямо в лицо мальчика. Его щеки были бледными, а губы синими; глаза невидяще уставились вверх.

Дэн нажал ему на грудь в безнадежной попытке вдохнуть в него жизнь, но изо рта и носа пошла вода, и стало ясно, что он мертв.

Я его, конечно, узнал, хотя и давно не видел. Это был Оливер Бодин, сын Джимми и Элисон, и он утонул.

— Нам лучше позвонить Картеру, — сказал Дэн. — Теперь это дело полиции.

Я поднялся. Пальцами я еще ощущал кожу Оливера — холодную и мягкую. Казалось, вода шевелится, и тело Оливера, одетое в дорожную пижаму, тоже шевелилось.

— Господи, — сказал я. — Это слишком много для одного дня. Слишком много, черт возьми. Посмотри на этого беднягу.

Дэн тоже встал и кивнул.

— Я не знаю, что здесь произошло. Мальчик явно утонул. Хотя как, черт возьми, можно заполнить спальню водой, я себе не представляю. Медленно это не сделаешь. Окно не запечатано, а дверь открыта.

— Давай лучше проверим остальные комнаты, — сказал я без энтузиазма. — Что если Джимми и Элисон — я имею в виду, может, с ними что-нибудь случилось, а?

— Хорошо, — сказал Дэн. Чувствовалось, что ему хочется идти искать другие тела так же сильно, как и мне.

— Думаю, тебе лучше принести фонарь.

Мы оставили тело бедняжки Оливера Бодина на месте и прошлепали обратно в коридор.

Первой на нашем пути оказалась хозяйская комната. Если не считать мокрых пятен на ковре там, куда сумела добраться вода, все было сухо и пусто. Латунная старомодная кровать с розовым покрывалом была аккуратно застелена, и видно было, что на ней никто не спал. На

темном сосновом трюмо лежали нетронутыми щетка для волос, ручное зеркало и парфюмерия Элисон. На стене, рядом с резной сосновой дверью в чулан, висела цветная фотография Джимми и Оливера на пляже в Кейп Код. Я посветил на нее, посмотрел на Дэна и пожал плечами.

Мы сунулись еще в две комнаты. Обе были пустые, достаточно сухие и нетронутые. Мы бегло и нервно осмотрели их, открывая двери шкафов, будто ожидали найти там таящихся чудовищ. Потом мы вернулись в промокший насквозь коридор. Вода спадала, и было ясно, что это не прорыв трубы.

— Мне кажется, что только комната Оливера наполнилась водой, — сказал я. — Теперь вода вылилась, вот и все. Нет ни утечки, ни треснувшего бака, ни поврежденного бака, ни поврежденного крана — ничего.

Дэн повернулся ко мне с таким лицом, как будто он был озабоченным чем-то министром.

— Кто это сделал, в таком случае? — спросил он у меня. — И, что ближе к делу, как им это удалось? Я не представляю, как кто-нибудь мог заполнить водой комнату. Это невозможно.

— Мы еще не были в ванной, — напомнил я ему. — Может, там какая-нибудь хитрая система труб.

— Ты веришь в это не более чем я.

Я достал сигары и предложил Дэну. Он потряс головой.

— Мне надо когда-нибудь начать рассуждать, — сообщил я ему, доставая спички. — Я решил, что можно начать прямо сейчас.

Мы открыли дверь ванной. Внутри было довольно холодно, не так, как это бывает зимним вечером; там было промозгло. Я потянул носом, и, хотя я курил сигару, меня охватила уверенность, что я почувствовал тот самый странный неприятный запах, который исходил от пробы воды, взятой в этом доме сегодня днем.

— Ты чувствуешь? — спросил я у Дэна.

Он кивнул.

— Что он тебе напоминает? — спросил я опять.

Дэн долго думал. Наконец он сказал:

— «Рыбачья пристань» в Сан-Франциско. Мой последний отпуск. Запах моллюсков, смешанный с запахом дизельного горючего.

— Мне он напоминает то же самое, — сказал я ему.

Занавеска в душе была задернута. Она была из мутного пластика, разрисованного бирюзовыми рыбками. Я посветил в душ фонарем, но там на первый взгляд никого не было. Я шагнул к душе по кафельному полу и отдернул занавеску. В ванной комнате лежало что-то похожее на узкий шлем с выступами. Эта вещь была больше, чем шлем — на самом деле ваша голова должна была быть раза в два больше нормального размера, чтобы вы могли носить такой шлем. Но она тускло и ровно мерцала, что наводило на мысли о шлеме.

— Дэн, — сказал я осторожно. — Как ты думаешь, что это?

Он наклонился и уставился на «шлем». Посмотрев немного, он протянул руки и поднял его.

— Он легкий, — сказал он. — Что-то вроде раковины или кости. На, посмотри.

Он поднял его к свету фонаря и показал мне, что «шлем» состоял из двух половинок, как раковина мидии. Посередине половинки были скреплены каким-то чешуйчатым, но гибким материалом наподобие целлулоида. По всей окружности «целлулоид» был усеян шершавыми иголочками — короткими, жесткими и острыми.

— Это настоящее? — спросил я Дэна.

— Настоящее? Ты хочешь сказать, продукт ли это реального существа?

— Да, если тебе хочется поставить вопрос таким образом.

Дэн постучал по «шлему» и оглядел его со всех сторон.

— На вид настоящее. Похоже на панцирь какого-то довольно большого бронированного насекомого.

Я не понимал, хочется ли мне рассматривать дальше или убежать из этого дома к чертовой матери. Я смотрел на эту чешуйчатую, бугристую часть неизвестного создания, и мне казалось, что я нахожусь посреди одного из

тех ночных кошмаров, которые совсем не пугают, пока не проснешься один в мрачной спальне и не услышишь шум и шорохи, которых быть не должно, и не увидишь тени, которые не могут существовать.

— Это... это насекомое? — спросил я у Дэна. — Ты хочешь сказать, часть чего-то, что бегало?

— Может быть. Может, это просто разрывы. Но я не думаю, что у того, кто утопил мальчика в его собственной спальне, может быть чувство юмора, как ты считаешь?

Я в ужасе уставился на панцирь.

— Ты хочешь сказать, что это мог быть панцирь омара, краба или чего-нибудь в этом роде? Ты думаешь, что говоришь?

Дэн положил чешуйчатый «шлем» обратно в ванну. «Шлем» покатался там немного туда-сюда, издавая противный скрежещущий звук, пока не занял устойчивое положение.

— По правде говоря, я даже не знаю, что и сказать, — с несчастным видом отозвался он. — Похоже на панцирь омара или какого-либо насекомого, но размер абсолютно ненормальный. По-моему, я вообще ничего не понимаю.

Снаружи капало. Я был уже достаточно заведен и не хотел оставаться в доме, обсуждая проблему нападения какого-то ужасного насекомого на Оливера.

Я сказал:

— Может, нам лучше позвонить Картеру? По крайней мере, у них есть какой-то порядок расследования такой жути. Я пасую перед вещами, которые нельзя спать, заклепать или затянуть гаечным ключом.

Дэн провел рукой по лысой голове. В его глазах была тревога.

Он сказал:

— Все это полнейшая бессмыслица. Посмотри-ка: это панцирь или хорошая подделка под панцирь, но размер, Мейсон, совершенно жуткий размер.

— Давай позвоним Картеру, а? — повторил я. — Знаешь, как поступают в фильмах те, кто пытается

сражаться с гигантскими омарами? Зовут полицию, полиция обращается в Федеральное Бюро Расследований. ФБР сбрасывает на омаров атомную бомбу. Давай так и сделаем.

— Ради Бога, хватит шуток на этот счет, — зло бросил Дэн. — В соседней комнате мертвый мальчик.

— Я не шучу, — настаивал я. — Все это выводит меня из себя. Лучше убраться отсюда. Мы идем или нет?

Он задумчиво взглянул на панцирь еще раз и кивнул.

— Хорошо. Но я попрошу Картера сделать несколько фотографий.

Мы вышли из ванной и похлюпали обратно к лестнице. Замерев на мгновение и прислушавшись, мы не услышали ничего, кроме капанья. Осторожно ставя ноги на мокрый ковер, мы спустились по лестнице в гостиную. Там был телефон, и я надеялся, что его вода не испортила. Я поднял трубку. Телефон потрескивал, но гудок был.

Картер Уилкс долго не подходил к телефону. Наконец он поднял трубку и устало сказал:

— Контора шерифа. Картер Уилкс. Подождите немного, пожалуйста.

— Картер, — торопливо сказал я, — это я, Мейсон Перкинс.

— А, Мейсон. Как дела? Подожди немного, а то я занят с отчетом по делу Дентона, осталось совсем немного.

— Картер, это хуже, чем дело с мальчишкой Дентонов.

— Ты это о чем?

— Я у Бодинов на дороге 109, — сказал я. — Здесь несчастный случай или что-то вроде этого. Оливер Бодин утонул.

— Утонул? Где?

— В доме, точнее, в своей спальне.

— В спальне? — недоверчиво переспросил Картер хриплым голосом. — Ты уверен, что по дороге домой не заезжал в норвильский магазин алкогольных напитков? Ты уверен, что трезв, Мейсон?

— Картер, это правда. И есть еще кое-что, так что тебе придется приехать и посмотреть самому.

Картер убрал трубку от уха, и я услышал, как он говорил что-то приглушенным голосом одному из своих заместителей. Потом он сказал в трубку:

— Джимми и Элисон с тобой, Мейсон? Что с ними?

— Они пропали. Мы здесь уже более получаса, и никаких следов хозяев не видели.

— Хорошо, — сказал Картер. — Я сейчас приеду. Оставайся там и жди меня, и ничего не трогай, черт побери.

Он бросил трубку. Я продолжал держать трубку в руках. Я сидел, тупо уставившись на телефон, когда Дэн повернулся ко мне и спросил:

— Ну?

— Картер едет. Судя по тому, как он ездит на машине, это не должно отнять у него больше десяти минут.

— Что он сказал?

Я пожал плечами.

— Подумал, что я напился. А мне уже хочется это сделать.

— Велел подождать?

— Давай подождем снаружи, а? От этого места у меня голова кругом идет. Представляю себе встречу с гигантской устрицей; я ведь всегда верил в привидения.

— Ты веришь в привидения? — поинтересовался Дэн, когда мы осторожно пробрались по мокрому холлу на кухню, а потом наружу.

— Конечно. А ты нет?

— Я думаю, нет. Я никогда их не видел. Моя мать, бывало, готова была клясться, что видела привидение, но я никогда не видел живое привидение, разгуливающее по дому. А ты?

— Я раньше снимал комнату на самом конце Десятой улицы, — сказал я, — и я уверен, что слышал, как кто-то шептался в моей спальне по ночам.

Дэн открыл сетку. Мы вышли на ночной морозный воздух.

— Что же они говорили? — спросил он меня.

— Не знаю. Меня учили, что подслушивать чужой разговор невежливо. Но если серьезно, это продолжалось несколько месяцев. Позднее швейцар сказал мне, что в

той комнате каким-то насильником-шизофреником были убиты две девушки.

Мы обошли дом и подошли к тому месту, где стоял с включенными фарами мой автомобиль. Я залез на место водителя, а Дэн тактично сел сзади, чтобы не беспокоить Шелли. Я завел мотор, чтобы погреться.

— В конце концов, насильник есть насильник, — заметил Дэн. — Но не спрашивай меня, что это за штука в ванне и откуда она взялась.

— Слушай, я вспомнил, — сказал я. — Когда я был здесь днем и разговаривал с Джимми, он сказал мне, что ему снится, как он тонет.

— Да? И что он сказал еще?

Я задумался. Джимми говорил что-то о подземелье, о каком-то подземном водоеме.

«Меня доводит чувство, что вода находится под тоннами непроницаемого камня. Так что, даже если бы я и добрался до поверхности, я не смог бы дышать».

Я сказал:

— Кажется, он думал, что вода была под землей. Затопленная шахта или что-то в этом роде.

— Под землей? Бессмыслица какая-то.

Я кивнул головой в направлении дома Бодинов, темного и молчаливого в холодной ночи.

— То, что случилось с Оливером, тоже кажется бессмысленным. Но это случилось.

— Сон Джимми мог быть чем-то вроде предчувствия, — предположил Дэн. — Я не верю в привидения, но есть данные о случаях чистейшего ясновидения.

— А как насчет панциря насекомого, или омара, или кого бы там ни было? — спросил я его.

— Есть во всем этом кое-что такое, что беспокоит меня больше всего, — сказал Дэн. Его лицо было слабо освещено зеленоватым светом приборной доски. — Это слишком уж напоминает нашу чешуйчатую мышку. Сложно сказать, не имея под рукой мыши, чтобы сравнить, но, кажется, есть некое сходство между наростом на теле нашей пациентки и панцирем наверху.

Я выключил мотор «кантри сквайра», чтобы не задохнуться от выхлопных газов. Было достаточно тепло, чтобы продержаться до приезда шерифа.

Шелли зевнул, потянулся, а затем опять свернулся в пушистый полосатый шар. Чтобы быть таким ленивым, действительно нужен талант.

Я вынул сигару. Это была последняя. Я засунул ее в рот и сказал:

— Думаешь, если животное покрупнее, чем мышь, напьется этой воды, с ним случится то же самое?

— Если виновата действительно вода, то все странности можно списать на нее, я бы так сказал, — ответил Дэн. — Может, это собака. Ведь у Бодинов была собака, а мы так ее и не заметили.

— Бодинов мы тоже что-то не заметили, — напомнил я. Он отвернулся.

— Я об этом тоже думал. Но пока мы не уверены, что дело в воде и она так же действует и на людей, я бы воздержался от подобных догадок.

Я достал спички.

— По крайней мере, на Оливера она не подействовала. Я хочу сказать, он утонул, но он пил колодезную воду так же, как и Джимми с Элисон, однако чешуи на нем не было заметно.

Дэн потер глаза.

— Я не думаю, что Джимми и Элисон разгуливают по округе в виде живой рекламы «Продуктов Мори Швона». А ты?

Я чиркнул спичкой, и в этот момент мне показалось, что я увидел, как кто-то пересек лужайку. Оранжевое пламя спички, отразившись от ветрового стекла, помешало мне увериться в этом, и, быстро задув спичку, я уставился в темноту.

— Что такое? — спросил Дэн.

— Не знаю. Похоже, там кто-то есть. Подожди-ка немного.

Я открыл дверь машины и вылез. На мгновение мне показалось, что рядом с дальней изгородью я увидел

человека, идущего прочь от меня. Было слишком темно, и я не мог разглядеть его получше, но похоже, он горбился и был довольно грузным. Шел он странно, слегка покачиваясь.

Я окликнул:

— Джимми! Это ты?

Казалось, человек повернулся ко мне, но это произошло так быстро, что я не понял, кто это, а он уже скрылся в неровных тенях.

— Джимми! — крикнул я и побежал через траву к ограде. Позади меня открылась дверь, и Дэн припустил за мной вприпрыжку, быстро догоняя меня. От холодного воздуха у меня перехватило дыхание; пульс в ушах и шуршание моей одежды, похоже, были самыми громкими звуками в мире.

Я добежал до края ограды. За ней были густые колючие кусты, которые невозможно было миновать, не исцарапавшись в кровь. Остановившись и тяжело дыша, я подождал Дэна, который с шумом бежал за мной, и мы оба стояли и смотрели на живую изгородь, сбитые с толку.

— Ты видел, кто это? — спросил Дэн.

— Не знаю, это мог быть кто угодно. Может быть, это просто тени. Я не вижу, как кто-нибудь мог пробраться через эти кусты.

Мы прошли немного вдоль изгороди в обе стороны, но проходов в ней не было. Если бы тут кто-нибудь побывал, то он бы проделал в изгороди здоровенную дыру. Может быть, он просто пробежал вдоль нее в тени. Хотя мне думалось, что в этом случае я бы увидел его. Когда я побежал, он был метрах в сорока от меня. Только бегунолимпиец мог пробежать вниз по дороге и скрыться из вида за то время, пока я добирался сюда, а из того, что я видел, было ясно, что человек был тяжелым и неповоротливым.

Мы стояли и слушали. Холодный ветер слабо дул сквозь изгородь, и сухие листья, насаженные на шипы, шевелились со звуком, который был очень похож на поскребывание клешней гигантского омара.

— Не понимаю, что мы, черт побери, так нервничаем, — сказал Дэн, сердясь на самого себя и в равной степени на меня. — Нам ничего не известно, нет никаких свидетельств чего-либо, а мы скачем вокруг, как два школьника в публичном доме.

Я пошел обратно к машине, и Дэн поплелся за мной. Я не знал, слишком ли я бурно реагирую или нет. Я знал, что часть адреналина в крови находится там из-за моего воображения. В данных обстоятельствах было сложно отвлечься от образов Джимми и Элисон, постепенно превращающихся во что-то чешуйчатое. Но я знал, что видел кого-то или что-то, и, учитывая то, что маленький Оливер утонул несколько часов назад, я думаю, мне можно было простить то, что я был на пределе. Я не трус. Если надо, я могу без колебаний заехать по голове гаечным ключом кому угодно. Но я не чувствую себя таким уверенным с тем, что шепчется в темноте или шляется по саду в полночь, и уж тем более я теряюсь в спальнях, которые совершенно ненормально заливаются водой до потолка.

Мы уже почти достигли машины, когда услышали полицейскую сирену. Машина шерифа Уилкса с включенными сигнальными огнями свернула на подъездную дорогу и подъехала вплотную сзади к моему автомобилю. Шериф и три помощника открыли двери и выбрались наружу.

— Следователь тоже едет, — поведал нам шериф. — Где тело?

— Наверху, вторая спальня направо.

Картер — высокий человек, шесть футов и четыре дюйма, с дополнявшим общее впечатление животом. У него широкое суровое лицо, решительные темные глаза и косматые брови. Форма на нем всегда безукоризненно чиста, обувь сияет. Он обладатель великолепных белоснежных зубов. Женат на хорошенькой китаянке, и у них есть сын, который играет в баскетбол за Хатфорд.

— Вы не хотите, ребята, пойти с нами и показать, что нашли? — спросил Картер.

— Если ты считаешь, что это так необходимо, — сказал я. — Мне там не нравится.

— Смерть не приносит ничего хорошего в обстановку дома, — заметил Картер.

— Я тоже так думаю, — сказал я ему.

Мы провели Картера с помощниками через кухню в холл, устланный промокшим насквозь ковром. Он хотел знать, когда мы приехали, что нам было здесь надо и что показалось нам подозрительным. Видели ли мы следы на мокром ковре лестницы? Слышали ли подозрительные звуки? Откуда, по моему мнению, лилась вода? Почему я сразу же не закрутил запорный кран?

Мы вшестером прошлепали наверх, и я показал спальню Оливера. У двоих помощников были тяжелые аккумуляторные фонари, и они осветили всю сырую и грустную обстановку сразу. Оливер лежал с синим лицом и открытыми глазами там, где мы его оставили. Шериф опустил на корточки рядом с ним и долго смотрел, не прикасаясь к телу. Потом он поднял глаза и оглядел слезающие обои, мебель, с которой капало, и отметку уровня воды около рамки картины.

— Ты водопроводчик, — сказал он, поворачиваясь ко мне. — Что здесь, по-твоему, произошло?

— Я не знаю, — признался я. — Комната даже не была закрыта, поэтому, наверное, нужно было как-то резко и сразу затопить ее. Но я не знаю, откуда взялась вода, равно как и затрудняюсь определить, как можно залить ее водой так быстро. В комнату такого размера вмещается тонн двадцать воды.

— Двадцать тонн? — переспросил Картер.

— Запросто. Может, больше.

Картер поднялся и поправил на поясе ремень с кобурой.

— Не похоже, что в коридор вылилось двадцать тонн воды, а? Двадцать тонн смыли бы дом, тебе не кажется?

— Да, пожалуй. Я об этом не подумал.

— Итак, вода появилась, залила комнату, а затем почти вся исчезла? — спросил Картер.

— Я полагаю, так. Я не знаю, как это получилось.

— А я тебя об этом и не спрашиваю. Я спрашиваю тебя, по-твоему, случилось так, как ты сказал?

Я кивнул.

— Да, так все и произошло.

— Так, согласия мы достигли, — сказал Картер. Он переступил через тело Оливера и прошел в другой конец комнаты. — Комната наполнилась двадцатью тоннами воды. Потом вода ушла так же быстро, как и появилась. Теперь скажи мне, какое снаряжение нужно, чтобы проделать такое. Насос какой-нибудь, или, может быть, брандспойт?

Об этом я уже думал. Существовали пожарные брандспойты, которые качали по несколько тонн воды в минуту, но они были оснащены такими мощными и шумными насосами, что мысль о предполагаемом убийце, приезжающем на такой вот машине к дому Бодинов пораньше вечером, устанавливающим эту махину и включающем ее, была абсурдной. Кроме того, как могли эти тонны воды исчезнуть так быстро? Я не знал ни одного нестационарного насоса, который мог бы всосать двадцать тонн воды за считанные секунды.

Убийство Оливера казалось бессмысленным, бесцельным и проделанным с помощью чего-то абсолютно невозможного.

Я сказал шерифу Уилксу:

— Сожалею, но я не могу даже догадываться, как это проделали. Я бы сказал, что такого не может случиться, если бы не видел своими глазами.

Картер потер подбородок. Снаружи раздался вой сирены машины следователя и скрип покрышек, когда она затормозила. Захлопали двери, и мы слышали шаги и голоса.

— Есть еще одна странная вещь, — сказал Дэн Картеру. — Мы нашли ее в ванной.

— По-твоему, эта комната недостаточно странная? — спросил Картер.

— Да, странноватая. Но то, что мы нашли, еще более необычно.

Картер взглянул на одного из помощников и сказал:

— Хорошо, показывай дорогу.

Пройдя по коридору, мы оказались в ванной. Дэн отдернул занавеску и произнес:

— Вот. Что ты скажешь об этом?

Картер, нахмурившись, смотрел в ванну. Помощник тоже наклонился, затем он выпрямился и посмотрел сначала на Дэна, а потом на меня.

— Это ванна, — сказал он, подозрительно глядя на меня.

— Не ванна, — сказал я, проталкиваясь вперед, — а...

Ванна была пуста. Никаких следов чешуйчатого панциря. Я отдернул занавеску дальше, но за ней ничего не оказалось. Я посмотрел за унитазом, но там тоже ничего не было.

— Вы мне не скажете, что вы ищете? — потребовал Картер. — Или это настолько странно, что вы не знаете, что это было?

— Это был панцирь, — объяснил Дэн, пытаясь обрисовать руками в воздухе его форму.

— Что-что?

— Защитный панцирь насекомого, если проще. Роговой и жесткий, из двух половинок, соединенных как бы хребтом.

Шериф Уилкс понаблюдал за попытками Дэна обрисовать форму панциря, затем выставил вперед большой палец, а потом попытался указать размер с помощью большого и указательного пальца.

— Когда ты говоришь о панцире насекомого, ты ведь хочешь сказать, что он был маленьким? Не думаешь же ты, что он был таким большим, как ты показываешь.

Дэн опустил глаза на свои руки, между которыми было чуть меньше метра. Потом он посмотрел на шерифа.

В какой-то момент я не знал, что он скажет, но потом он опустил руки и изобразил на лице полную капитуляцию.

— Да, — сказал он устало, — я действительно не хотел сказать, что панцирь был таким большим.

— Тогда что же в нем такого странного? — спросил его Картер. — Ты сказал, что это будет необычнее, чем двадцать тонн воды в спальне, или нет?

— Кто, я?

Я положил руку на широкое и крепкое плечо Картера.

— По-моему, Дэн в шоке, Картер. Может быть, это просто игра воображения.

— Что — это?

— То, что, как он думал, было панцирем.

— Мне кажется, ты тоже сказал, что видел панцирь.

Я выдавил из себя улыбку.

— Все мы ошибаемся, Картер. У нас с Дэном был трудный день.

Уперев руки в толстые бока, Картер молча смотрел на нас почти целую минуту.

— Хорошо, — сказал он наконец. — На этот раз вам сойдет это с рук. Но если кто-то утаивает вещественное доказательство, у него будут большие неприятности. Вы меня поняли?

— Никто ничего не утаивает, Картер, — заверил я его. — Просто нам так же, как и тебе, хочется выяснить, что здесь произошло.

— Хорошо. Но помните о наказании за утаивание вещественных доказательств. Наказание — тюрьма. Понятно?

Мы все вместе вышли из ванной и пересекли коридор. Помощник следователя Лоренс Дан, худой, с серым лицом человек в очках, в коричневом с отливом костюме, поднимался по лестнице со своим старым коричневым саквояжем.

— Как дела, Ларри? — спросил Картер. — Ты готов расследовать дело об утонувшем в своей спальне?

Лоренс Дан фыркнул и моргнул.

— Что бы там ни было, Картер, я к этому готов. Привет, Дэн. Привет, Мейсон. Как я понимаю, вы — те двое несчастных, которые все и обнаружили. Бедняга Оливер, да?

— Точно, — сказал Картер. — Эролл только что объявил розыск Джимми и Элисон.

— А что, они пропали?

Картер отвел Лоренса в спальню утонувшего мальчика.

— Их не было, когда приехали Мейсон и Дэн, а это случилось больше часа назад.

Лоренс встал на колени на мокрый коврик рядом с телом Оливера и открыл свою сумку. Посветив в глаза мальчику специальным фонариком, он принялся проверять другие признаки жизни — сердце, дыхание, рефлексы. Все это было формальностью. Смерть Оливера не подлежала сомнению.

— Мне нужно померить его температуру, — сказал Лоренс. — Кто-нибудь, помогите мне перевернуть его.

Шериф наклонился, и они с Лоренсом перевернули мальчика на живот. При этом у мальчика полилась вода из носа и рта, и шериф быстро выпрямился, с несчастным видом взглянув на следователя.

— Если что-либо пугает людей больше, чем обнаружить, что кто-то, кто раньше жил, умер, так это случаи, когда обнаруживаешь, что кто-то, кто умер, оживает, — сказал Лоренс.

Он разорвал пижаму Оливера на спине и стал рыться в сумке в поисках термометра.

— Ларри? — произнес шериф.

— А? Чертов термометр где-то здесь?

— Ларри, — повторил шериф Уилкс. — Что со спиной ребенка? Она поранена, что ли?

Лоренс Дэн поправил очки и посмотрел на обнаженную спину и ягодицы Оливера. Прищурившись, он наклонился, чтобы рассмотреть поближе, а потом дотронулся до кожи мальчика, очень нежно, одними кончиками пальцев.

— Дайте фонарь, — сказал он.

Дэн и я подошли ближе, когда один из помощников дал Лоренсу свой фонарь.

— Не толпитесь, — сказал шериф, протискиваясь вперед и нагибаясь, чтобы посмотреть, что делает Лоренс.

Помощник прокурора поднял пижаму Оливера повыше, и от того, что нам открылось при ярком театральном свете фонаря, у меня свело желудок.

Один из помощников прошептал:

— Господи Иисусе, — что это, черт возьми?

Кожа вокруг поясницы, ягодиц и верхней части бедер Оливера покрылась твердым, похожим на скорлупу наростом: ягодицы вместо того, чтобы быть мягкими и круглыми, были похожи на зеленовато-серые роговые наросты, а вдоль позвоночника начали формироваться темные выступы. В том месте, где бедра переходили в ягодицы, теперь были хрящевые соединения, похожие на сочленения у моллюсков.

Лоренс трясущимися руками перевернул тело на спину, и мы увидели, что на месте гениталий у мальчика была покрытая шиповатыми наростами масса голубых и зеленых зароговевших волокон.

Мы молча стояли вокруг тела Оливера в круге света полицейских фонарей, которые выхватывали из темноты промокшего дома маленький кусочек пространства, и никто из нас не знал, что сказать. Наконец Лоренс поднялся, одергивая мокрую ткань на коленях и снимая очки.

Снаружи мрачно завывал ветер, а внутри ковры и половики впитывали воду, издавая легкое ритмичное чмокание.

Шериф Уилкс прочистил горло.

— Я думаю, нам ясно, что здесь произошло, — сказал Дэн тихим, почти неслышным голосом.

Лоренс Дан взглянул на него, но Картер не мог оторвать взгляд от тускло поблескивающей чешуи на теле Оливера.

— Если тебе все ясно, давай выкладывай, — сказал Картер.

— Именно поэтому мы приехали сюда, — начал объяснять Дэн. — Бодины жаловались на изменение цвета воды, и Мейсон привез мне пробы на анализ. Я нашел в этой воде некие организмы, каких-то микробов, которые выделяли зеленовато-желтую жидкость.

— Ты идентифицировал их? — спросил Лоренс.

Дэн покачал головой.

— Не было времени. Случайно мышь выпила немного этой воды, когда нас с Мейсоном не было, и с ней случилось то же самое, что с бедняжкой Оливером.

— Поэтому ты думаешь, что он пил эту воду и из-за нее покрылся скорлупой? — спросил Картер.

— Явных доказательств нет — пока нет.

— Думаешь, то же самое могло случиться с водой из других колодцев? — поинтересовался Лоренс.

— Без малейшего понятия, — ответил Дэн. — Но чтобы не рисковать, я бы на вашем месте сделал предупреждение и велел бы людям пить пока воду из бутылок. Пока я не выясню, что это за организмы и почему они так влияют на людей, до тех пор, я полагаю, нам придется считать, что округ в опасности.

Картер посмотрел на ороговевшие бедра Оливера и медленно покачал головой.

— Черт меня побери, если я видел когда-нибудь такое раньше.

Один из помощников, Эраш, молодой человек с еще редкими усиками, поднялся наверх, чтобы передать сообщение от добровольцев, занятых поисками мальчика Дентонов. Войдя в комнату, он сказал:

— Боже, ну и запах!

— Запах? — удивился Картер.

— Запах тухлой рыбы. Вы разве не чувствуете?

III

Я временно жил в летнем домике для отдыхающих в пригороде Нью-Милфорда по дороге в Нью-Престон. Дом принадлежал моему юристу, тому самому, который устроил мне развод, но он редко здесь появлялся, особенно после того, как порвал со своей любовницей. Раньше я жил над магазином плетеных и керамических изделий, прямо напротив продовольственного магазина в центре Нью-Милфорда, но срок аренды истек, и хозяину понадобилось жилье для своей немолодой сестры.

Особенно не возражая, мы с Шелли упаковали вещи и съезжали, забрав с собой все краны и отрезки труб.

Шелли пока нравилось здесь. Напротив нас располагалась небольшая ферма, где в густых осенних туманах паслись пегие коровы, а это означало, что здесь полно мышей, с которыми можно поиграть. А еще здесь было тихо. Так тихо, что, выйдя из задней двери ночью и вдохнув полной грудью студеной воздух, вы ничего, кроме шуршания листьев, не услышали бы.

До дома я добрался только к рассвету. Проехав по покато́й дороге, я припарковался и устало выбрался из машины. Шелли, вытянувшись как резиновый, вылез вслед за мной. Я назвал его Шелли по имени поэта, который написал:

*«О, как прекрасна Смерть!
Лишь Сон один, что брат ей
Так прекрасен может быть!»*

Не надо быть гением, чтобы пояснить это.

В коридоре было холодно, когда я открыл входную дверь.

Камин давно потух, и в очаге ничего, кроме серого пепла, не было.

Не снимая бейсболки и пальто, я сгреб золу и положил новые дрова на прутья в очаге. Сыскав старый номер «Нью-Милфорда», я поднес спичку. Шелли наблюдал за мной с дивана с видом высокомерного нетерпения.

Затем я сходил на кухню, выходявшую окнами на покатый задний двор, и поставил чайник.

Мне было необходимо выпить кофе с вдовой «Джека Дэниела». Стоя у окна, я смотрел на серый недружелюбный рассвет и думал о бедном Оливере и его пропавших родителях.

Картер Уилкс забил тревогу по поводу пропавших Джимми и Элисон и распространил их описание среди добровольцев, занятых поисками Пола Дентона. Он также отдал своим сотрудникам распоряжение обойти и проинструктировать всех в округе насчет употребления колодезной воды. Готовилась информация для радио и ТВ, хотя в своем сообщении газетчикам Картер ограничился упоминанием о мифическом прорыве канализации. Что касается смерти Оливера и исчезновения Джимми и Элисон, тут он был полностью откровенен. Оливер умер «в результате несчастного случая у себя дома», а Джимми и Элисон разыскиваются, чтобы «прояснить некоторые моменты, непонятные полиции».

Картер никак не коснулся в разговоре с прессой коркообразных наростов на спине и бедрах Оливера и не сказал ни слова об исследованиях Дэна.

— Меньше всего я хочу, чтобы здесь, черт побери, началась паника и боязнь летающих тарелок, — заметил он.

В офисе следователя, где собирались провести полное вскрытие тела Оливера, тоже все держали рот на замке. Медицинский эксперт был спокойным, с сединой в волосах человеком по имени Джек Ньюсом, который всегда выра-

жал неприязнь ко всякого рода шумихе и пиротехническим эффектам. Лоренс Дан думал так же, а значит, вопрос о смерти Оливера останется закрытым, пока шериф Уилкс не решит сделать всеобъясняющее полное заявление.

А заявление было бы сильным. Новость о том, что вода превращает людей в крабов, могла подорвать дух общест-венности Нью-Милфорда. Заявление такого рода было максимумом, на что был бы способен я, чтобы заставить самого себя поверить во все это. А ведь я стоял рядом с телом Оливера и все видел.

Чайник закипел, и я поставил кофейник. Когда кофе сварился, я достал бутылку «Джека Дэниела» и налил в чашку на два пальца. Залив его кофе, я перемешал все это и прошел в гостиную, чтобы посидеть рядом с Шелли и посмотреть, как догорает полено. Я замерз и устал и был уже готов последовать примеру Шелли и поспать, когда зазвонил телефон. Я зевнул и поднялся.

— Кто это? — спросил я и набрал полный рот кофе с виски.

— Это Дэн, — сказал Дэн. — Я вернулся в лабораторию и провел опыты с водой.

— А ты вообще спишь?

— Да ну этот сон. Это важнее.

Я опять зевнул.

— Хорошо, это важнее. Что ты там нашел?

Дэн сказал:

— Я поставил опыт на определение возраста воды и организмов. Тут Рета, она мне помогает, и мы уже сделали двадцать или тридцать анализов, чтобы быть уверенными.

— Ну? Что там такое?

— Анализы говорят о возрасте органики в воде, и это дает представление о глубине, с которой достали воду. Если, к примеру, органике семь-восемь тысяч лет, то вода из пласта с листовенным лесом, который можно найти на глубине шесть метров. Понимаешь?

— Конечно, — сказал я. — Чем старше, тем глубже источник. Так сколько лет существу в воде Бодинов?

Последовала пауза.

Наконец он сказал:

— Ты поверишь, если я скажу, что около двух миллионов лет?

— Два миллиона? То есть вещества в воде доисторические?

— Точно. Мы перепроверили много раз — ошибки быть не может. Вода идет из подземных источников на глубине более полутора миль.

Я допил кофе с виски и кашлянул.

— Это смешно. Их колодец глубиной не больше тридцати метров.

— Анализы убедительные.

— Хорошо, пусть убедительные. Но что они доказывают? Бодины пили какую-то старую воду. Что это нам дает?

— По-моему, до тебя не дошло, — терпеливо объяснил Дэн. — Существом в воде тоже два миллиона лет.

— Прошу прощения?

— Этим гадким существом два миллиона лет. Я проверил жидкость, которая из них выходит, и их собственную органическую основу. Результат тот же. Я послал пробу в лабораторию в Уайт Плейс на радиохимический анализ, чтобы быть вдвойне уверенным, но, по-моему, сомневаться нечего. Им два миллиона лет.

Я закрыл глаза. Это уж слишком.

— Слушай, Дэн, — сказал я устало, — как можно жить два миллиона лет и не умирать? У них даже бороды нет.

— Все равно, это так. Это живые ископаемые. Рета сейчас проверяет, можно ли их отнести к какому-нибудь известному доисторическому виду.

Я долго молчал. Разговаривая с Дэном, я вдруг почувствовал себя усталым, одиноким и замороженным всем тем, что произошло за последние двенадцать часов. Если как на духу, то я еще и испугался. Из головы не шли мысли о чешуе Оливера, бугристом панцире в ванне, о качающейся неповоротливой фигуре, которая сбежала от меня через изгородь Бодинов.

— По-моему, — сказал Дэн, — нам придется сделать еще несколько анализов и даже покопаться в самом

колодце. Откуда-то же вода должна идти, и для того чтобы защитить город, мне надо знать откуда. Может быть, ты поедешь сегодня попозже днем вместе с нами, чтобы помочь? Я советовался с Картером, он обещал, что поможет, чем может.

— Во сколько мне надо там быть? — спросил я его.

— Поспи сначала. Я поеду, как только закончу здесь в лаборатории. Давай договоримся на полтретьего у дома.

— Хорошо, — сказал я и повесил трубку.

Я взглянул на Шелли — тот смежил веки, будто все эти дела его утомили.

— Не напускай на себя такой вид, — сказал я, отправляясь в спальню. — Целая банда ископаемых обосновалась в городской воде, и пока похоже, что от них у людей появляется рыба чешуя. Ты, как кот, хочешь покончить с рыбой чешуей или нет?

Я разделся, расправил скомканную, как я оставил ее утром, постель и залез под одеяло. Я был так утомлен, что через пять минут уснул.

Когда я спал, я видел престранный сон, а может, сны. Я стоял на берегу моря, ночью, и луна проливала свой свет на поверхность воды. Потом я плыл, качаясь на волнах, и вода подо мной была соленой и ужасно холодной. Луна пропадала и появлялась, как далекий чужой маяк.

Скоро я стал погружаться под воду. Мне не было страшно и почему-то не надо было дышать. Вода каким-то образом заменяла воздух, и я чувствовал холодный освежающий поток, проходящий через мои легкие. Вокруг ничего не было видно, вода была темной, и я чувствовал, как прохожу сквозь течение, сквозь холодные сверкающие косяки селенок и окуней. Но вот что придавало необычность сну, так это то, что я знал, куда направляюсь, знал совершенно определенно. Я знал, что если я поплыву налево, то наткнусь на подводную гряду камней. Достигнув ее, я буду в миле от конечной цели моего плавания.

Прямо перед собой я видел бледные лучи луны, играющие в воде. Затем я увидел возникающие из глубины скалы и заторопился, и поплыл быстрее. По ночам плавать

в океане было опасно, и я это знал. Там было полно стремительных хищников. Я уже почти достиг вершины скалы, когда почувствовал вибрацию воды. Я набрал в рот побольше воды и поплыл так быстро, как мог. Кто-то почувствовал мое присутствие и уже гнался за мной. Кто-то злобный вышел на охоту, чтобы уничтожить меня. Я попытался нырнуть поглубже, извиваясь в воде и пытаясь избежать его челюстей, но почувствовал, как что-то больно и с дикой силой схватило меня за ногу.

Я проснулся. Сначала я не мог понять, где я. Я не понимал, что я на суше и дышу воздухом, а не водой. Я сел на кровати, весь в холодном поту. За окном было холодное бледное утро, и коровы мирно паслись на холмистых склонах фермы. Я вышел из спальни и пошел в гостиную, где, потрескивая, горел камин. Стоя голым посреди комнаты, я проглотил еще одну порцию «Джека Дэниела».

Закашлявшись, я вернулся в спальню. Но кровать меня больше не привлекала. Я не отдохнул, но смятые простыни были слишком похожи на поверхность неприятного и вселяющего ужас ночного океана.

Я позвонил в лабораторию. Дэн ушел поспать, поэтому к телефону подошла Рета — она еще работала с пробами воды. Она удивилась, что я не сплю.

— Когда я один, я плохо сплю, — сказал я ей. — Если надумаешь, приходи — поможешь мне отдохнуть. Во имя безопасности общества, конечно.

Она мягко рассмеялась. Она могла бы быть независимей и холодней, чем Шелли, да и в три раза умней нас вместе взятых, но опускалась до ответов на такие вот не вполне приличные предложения. Мне это нравится в девушках. Особенно, когда они ловят меня на слове. Но Рета, конечно, этого не сделала. Она была занята спасением мира от племени доисторических омаров. Она сказала:

— Дэн очень беспокоится насчет того, что происходит. Он думает, что это заболевание, которое долгие годы было законсервировано. Как в Лондоне, когда там раскопали

массовые захоронения умерших от черной смерти три столетия назад и двое рабочих заболели чумой.

— Он так думает? — спросил я ее.

— Он не уверен. Мы проведем еще несколько анализов с мышью, но уже ясно, что это больное животное.

Я потер глаза.

— Об этом заболевании кто-нибудь раньше слышал?

— Я проверяю, — сказала Рета, — но сложно прийти к какому-либо заключению. Однако кое-что я обнаружила.

— Например?

Она полистала блокнот.

— Ну, например, я звонила сегодня знакомому палеонтологу. Он сказал, что экспедиция Курье в 1954 году нашла в Центральной Африке семь или восемь окаменевших животных и что двое из них, хотя были раньше млекопитающими, родичами оленей, имели черепа и передние конечности, как у ракообразных. Было впечатление, что они превратились из млекопитающих в ракообразных или, возможно, наоборот.

— Доказано было что-нибудь?

— Ничегошеньки. Были какие-то незначительные споры в Уэндельском институте, но в конце концов африканскую находку определили как мистификацию или абсолютно случайную мутацию. На самом-то деле она просто не подводилась ни под одну из известных теорий развития млекопитающих, и проще было ее опорочить и забыть.

Я отпил немного виски и поинтересовался:

— Это все?

— Еще одно, — сказала Рета. — В Катеке, в Индии, в 1925 году была вспышка так называемой проказы, но английский доктор, который лечил большинство пациентов, написал отчет, в котором говорилось, что это была вовсе не проказа. Он писал, что это была форма окостенения, — ну, ты знаешь, что-то вроде костяных наростов. Он решил узнать, что вызывает это окостенение, и в конце концов решил, что источник болезни — местная питьевая вода. В том году были сильные муссо-

ны, и реки вышли из берегов и залили колодцы и систему каналов.

— Как он описал это окостенение? — спросил я. — В какой форме это проявлялось?

— Он сделал больше, — ответила Рета. — Он приложил чудесное описание с рисунками.

— Он сделал рисунки?

— Конечно, — сказала она. — И что самое ужасное, его отчет потеряли лет двадцать назад. Взяли из библиотеки Гарвардского университета и не вернули.

Я потянулся за сигарой и закурил.

— Какая жалость, черт возьми! Я бы хотел посмотреть эти рисунки, даже если это не то, что было у Оливера Бодина.

— Знаешь, я тоже посмотрела бы, — сказала Рета. — Но мне все-таки удалось достать кое-что. Я позвонила своему преподавателю, он на пенсии и живет в Майами. Он видел этот отчет, когда был студентом. Он думал, что этот врач, Остин, сошел с ума, и не уделил отчету особого внимания. Но он помнит один необычный отрывок.

— Какой? — спросил я.

— Из описания пациента, к которому Остин ездил на реку Маханади в 1925 году. Остину пришлось проехать пятьдесят миль сквозь стену дождя и грязи, прежде чем он нашел эту деревню, и он сильно устал, когда все-таки добрался туда. Так что его впечатления могут быть искажены из-за усталости. Какая-то старуха отвела его в отдельно стоящую хижину на краю деревни. Хижина была погружена в полумрак, окна занавешены, а на двери висел полог. На кровати кто-то лежал, но Остину сложно было что-нибудь разглядеть, а старуха настаивала, чтобы он не приближался к больному и не осматривал его. Остин писал, что различил в темноте тяжелую заостренную голову и руку, которая в сечении была скорее овальной и имела тускло отсвечивающую кожу. Также он писал, что голос пациента был хриплым и его сложно было понять.

— Продолжай, — сказал я ей. Описание ракообразного пациента вызывало у меня беспокойство. Прикрывая гла-

за, я видел перед собой заостеневшие бедра и ягодицы Оливера Бодина и панцирь в ванной.

— А больше ничего и нет, — сказала Рета, — за исключением того, что Остина затошнило от «вони гниющей рыбы, которая была так сильна, что я думал, что задохнусь».

— Точно, — тихо сказал я. — Точно то же самое сказала Элисон о воде, которую я взял из их колодца, и то же почувствовал помощник Картера в доме Бодинов. А затем и я это почувствовал. Сильный, забивающий все запах рыбы.

Рета сказала:

— Я не знаю. Я думаю, здесь есть какая-то связь. Но мы не должны приходить к незрелым заключениям. Только потому, что Остин почувствовал запах рыбы в 1925 году и Элисон Бодин учуяла рыбу вчера, мы не должны думать, будто установили научную связь, которая не подлежит сомнению. Множество вещей пахнет рыбой, в том числе и сама рыба. Ты знаешь, как пахнет перегревшаяся штепсельная вилка?

— Я знаю, что в доме Бодинов не было перегревшихся вилок, — сказал я ей. — И не думаю, что у пациента Остина на берегах реки Маханади была перегревшаяся вилка, если только, конечно, на голове у него не было электрических пробок.

Рета не засмеялась. Вместо этого она сказала:

— Я знаю, что есть соблазн сделать из этого вывод, однако следует воздержаться. Ситуация слишком серьезная, чтобы можно было ошибаться. Надо сделать еще не один десяток анализов, прежде чем что-нибудь прояснится.

— А что рисунки Остина? — спросил я. — Твой преподаватель помнит, что на них было?

— Так, местами. Это были просто наброски рук и суставов. Детали вырисованные и аккуратные, но не очень запоминающиеся.

— Какая жалость, что отчет потеряли, — повторил я.

— Я понимаю, — сказала Рета. — Я даже звонила в библиотеку и заставила их поискать, кто их взял. Но архив не простирается до 1925 года. Они списали отчет Остина как украденный.

Я допил виски.

— Я думаю, сейчас это все, что есть. Пока, конечно, не получили отчета о вскрытии и не слазили в колодец. Как насчет пообедать?

— А ты не пойдешь спать?

— Не-а. У меня плохие сны. И не люблю спать один, я уже говорил. Как насчет «Айрон Кети» в час?

— Хорошо, — согласилась Рета. — Только не давай мне слишком много вина.

— Конечно, не буду, — заверил я ее. — Мне нет нужды опаивать девушку, чтобы произвести на нее впечатление.

— А я об этом и не думала, — парировала Рета. — Просто мне сложно работать под парами алкоголя.

— Доверься мне, ученый ты человек, — сказал я. — Увидимся позже.

«Айрон Кети» — это ресторан в колониальном стиле, расположенный в элегантном белом здании в нескольких милях к северу от Нью-Милфорда. Это такое место, где часами можно обедать в окружении престарелых матрон из Коннектикута, которые носят эластичные чулки и белые волосы которых уже редеют. В это время туда-сюда носят тарелки с аккуратно разложенными и хорошо приготовленными салатами, авокадо, и вообще царит спокойная аристократическая атмосфера.

Рета и я сидели за столиком у окна, потягивая белое вино, и смотрели на багряные склоны осеннего сада.

Рета была привлекательна как никогда. В сером свете осеннего неба ее карие глаза стали полупрозрачными, а почти белые волосы сияли мягко и притягательно.

Я сказал:

— Не могу себе представить, как ты встречаешься с Поросенком Пэкером.

— Ты ревнуешь?

— А что, нельзя?

— Ну, — сказала она, мягко улыбнувшись, — ревность — это самое разрушительное чувство. Оно разрушает и того, кто ревнует, и того, кого ревнуют.

— Я не сгораю от ревности, — сказал я, глядя на нее сквозь край бокала, — просто немножко ревную. И удивлен. Я не понимаю, чего не в состоянии дать я, что может дать этот болван. Не говоря, конечно, о пятидесяти фунтах выпирающих отовсюду мышц.

Она опять улыбнулась и отвела глаза.

— Может, меня привлекают выпирающие мышцы, — сказала она. — В конце концов, привлекает же многих мужчин выпирающая ткань на груди.

— А что такого есть в выпирающей на груди ткани? — поинтересовался я, и, наверное, несколько громче, чем следовало. Старая леди в фиолетовой шляпе повернулась и уставилась на меня сквозь пенсне. Я одарил ее успокаивающей улыбкой и прошипел:

— Пэкер — жуткий болван и в придачу совершенно необразованный. Он говорит фразами из мыльных опер: восклицательный знак после каждого предложения.

Рета пожала плечами.

— По крайней мере, он неопасный.

— Неопасный? Что это означает?

Подошла официантка с порцией бифштекса для меня и запеченной рыбой для Реты. Я бы в такой момент не смог есть рыбу, но, похоже, ученые менее щепетильны, чем обычные люди. Посыпав рис перцем, я откусил кусочек бифштекса с помидором, все еще ожидая ответа Реты.

— Понимаешь, — сказала Рета, протягивая руку за куском хлеба, — безопасность есть противоположность опасности.

— А я опасен, так?

Она кивнула.

— Для меня, наверное, да.

— А что во мне такого опасного? Я самый мирный человек во вселенной.

Она выдавила лимон на рыбу и начала есть.

— Я думаю, ты привлекателен, — сказала она, не поднимая головы. — Но еще мне кажется, что ты заиклен исключительно на своей жизни. Ты занят собой и легко

мог бы ранить кого-нибудь вроде меня, ранить сильно, даже не осознав, что ты сделал это.

Я не отвечал долгое время, пережевывая бифштекс. Затем я отпил еще немного вина и тихо сказал:

— Тебя я бы не обидел ни за что на свете.

— Ты можешь не хотеть этого, но все равно выйдет так. Я знаю твой тип мужчины. Ты как будто не воспринимаешь ничего серьезно. Сначала все хорошо — каждая девушка любит посмеяться. Но приходит время, когда ей хочется быть уверенной, что, относясь к жизни несерьезно, ты хотя бы ее воспринимаешь всерьез. Чувствуешь, куда я клоню?

Я перегнулся через край стола и положил свою руку на ее.

— Я могу серьезно к тебе относиться, — сказал я просто. — Какие доказательства тебе нужны?

— Не знаю. А какие у тебя есть?

Старая леди в фиолетовой шляпе явно подслушивала наш разговор с растущим интересом. Я выпрямился на стуле и холодно уставился на нее. Она наклонилась над тарелкой и принялась с преувеличенным энтузиазмом ковыряться в ней вилок.

— Заканчивай обед, — сказал я Рете. — И поехали домой. У меня горит огонь, и в морозилке лежит бутылка «Шабли». Единственно, чего я не сделал, — не убрал постель.

Она долго смотрела на меня. Серые тучи немного рассеялись, и в помещении стало светлее; солнце пробивалось через сухие листья на березах. От нее пахло духами «Гуччи», и она выглядела так тепло и восхитительно, что мне захотелось перегнуться через стол и поцеловать ее прямо здесь.

— У тебя встреча с Дэном в половине третьего, — сказала она.

— Ну, и?.. Я успеваю. Это вверх по дороге, тут близко. Она облизала губы кончиком языка.

— Мне нужно вернуться в лабораторию и закончить анализы. Дэн с меня шкуру спустит, если я не сделаю этого.

— Я улажу это с Дэном, — сказал я. — Это важнее, чем анализы воды.

Она положила вилку.

— Ты разве не устал? — поинтересовалась она.

— Ты пытаешься отговорить себя от этого?

— Нет, — сказала она. — Я так не думаю.

— Тогда, — сказал я ей, — заканчивай обед и поехали.

Мы почти не разговаривали, доедая рыбу и бифштекс и допивая вино. Мы смотрели друг другу в глаза, все взвешивая, подсчитывая, проверяя. Потом, закончив обед, мы пошли к выходу, и я заплатил, забрал спички и сунул в рот конфету-холодок. Выйдя из ресторана, мы пошли к машине, как два любовника во французском фильме, проверяя силу ветра и свои чувства.

Рета приехала на своем «фольксвагене», бежевом и весьма помятом.

Я сказал:

— Поехали на моей машине. Я привезу тебя сюда позже, и ты поедешь прямо в город.

— Хорошо, — кивнула она. По-моему, ей не хотелось портить эти мгновения, так же как и мне. Мы оба знали, что ей нужно будет вернуться в лабораторию, а после — встретиться с Поросянкой Пэкером; но сейчас мы жили в своем волшебном мгновении, где нет правил и все дозволено.

Шелли неохотно подвинулся, Рета села, а я завел мотор и выехал с парковочной площадки «Айрон Кети». Я включил радио, чтобы заполнить тишину. Иногда мы бросали взгляды друг на друга и улыбались, но, по-моему, не догадывались, какой хрупкой была атмосфера и как мало надо было, чтобы закончить все, не начав. По радио передавали «Медленный танец» Нильса Лофгрена.

Время, пока мы ехали в Нью-Престон, мелькнуло, как на просмотре слайдов: норвильская пожарная станция, деревья, камни, белые летние домики. Круто спускающаяся вниз боковая дорога, видная сквозь дождь осыпающихся листьев. Моя подъездная дорога. Моя парадная дверь. Моя гостиная.

Мы стояли около камина. Я расстегнул ее пальто. Я поцеловал ее лоб, кончик носа, губы. Она поколебалась и тоже поцеловала меня. Ее пальто упало на пол.

Я посмотрел на нее и сказал тихо:

— Это тот момент, которого я ждал.

Она тоже взглянула на меня. Огонь, потрескивая, ярко пылал в очаге, и комната была наполнена теплом нашей неожиданно зацветшей буйным цветом привязанности.

Я освободил от петельки первую пуговицу ее блузки и заметил кусочек бюстгалтера телесного цвета.

— Мистер Перкинс? — раздался голос.

Моя голова от неожиданности дернулась. Рета отскочила от меня и застегнула пуговицу на блузке. В дверях кухни, в рваной рубашке, джинсах, с поцарапанным лицом и всклокоченными волосами, стоял Пол Дентон, пропавший девятилетний паренек, которого со вчерашнего дня искал Картер с целой армией помощников. Он трясся и был бледен, и похоже было, что он ничего не ел и не пил с тех пор, как пропал. Он моргнул, покачнулся и грохнулся прямо на столик с бутылками, которые каскадом посыпались на ковер.

Я встал на колени рядом с ним и поднял ему голову. Он был в сознании, хотя дышал с трудом. Его веки дергались, как при сотрясении мозга.

— Пол? — сказал я. — Что с тобой?

— Мистер Перкинс, — прошептал он.

— Рета, — сказал я. — Позвони Картеру. Скажи, что понадобится «скорая». Парень ужасно выглядит.

— Мистер Перкинс, — повторял Пол. — Мистер Перкинс.

— Тише, — сказал я ему. — Рета пошла звонить в полицию.

Пол отчаянно затряс головой.

— Не надо полиции, пожалуйста, пока не надо, пожалуйста!

Рета уже набирала номер. Я сказал:

— Все волнуются, Пол. Мы должны сообщить полиции.

— Нет! — закричал он. — Я обещал, что не скажу полиции!

Подняв руку, я окликнул Рету.

— Подожди-ка, Рета. Не звони им пока. Пол — что значит пообещал?

Пола трясло. Каждый его мускул напрягся и подрагивал, и говорил он сквозь стиснутые зубы. Он напомнил мне женщину, которую я однажды отвез в больницу после аварии на дороге Дэнбери. Находясь в шоке и почти потеряв дар речи, она все равно пыталась рассказать, что случилось.

Я спросил:

— Кому ты пообещал, Пол, кому? Кто сказал, что ты не должен звонить в полицию?

Он дико уставился на меня.

— Никакой полиции, мистер Перкинс, пожалуйста, никакой полиции. Я обещал.

— Я не буду звонить в полицию, Пол. Но ты должен сказать, что случилось. Где ты был? С тобой кто-нибудь был?

Он кивнул.

— Я видел их — обоих.

— Кого? Кого ты видел?

— Они прятались в лесу. Было темно. Я не знаю, что я там делал.

Рета принесла подушку, и я приподнял голову мальчика, чтобы подsunуть ее в изголовье. Уложив его, я мягко спросил:

— Скажи мне, кого ты видел, Пол. Мне нужно знать. Кто прятался в лесу, кто?

— Им нужны были вы, мистер Перкинс, — сказал он, не слыша меня. — Я слышал, как они зовут, и пошел узнать, чего им нужно. Я не поверил своим глазам, когда увидел их. Я ничего не понимал. Но они говорили со мной и сказали, что им нужно увидеть вас. Они сказали, это вопрос жизни и смерти. Они так сказали. Жизнь или смерть.

— Пол, — настаивал я. — Кто это был? Кто сказал «вопрос жизни или смерти»? Я не могу помочь, не зная, кто это.

Глаза Пола закатились, и стали видны только белки. Прерывающимся шепотом он сказал:

— Это были Джимми и Элисон Бодин. Они сказали так.

— Они так сказали? — спросила Рета. — Ты ведь их вполне достаточно знаешь, чтобы быть уверенным.

— Было темно, — прошелестел Пол. Его веки дернулись, и появились зрачки. — Я не знаю, что я там делал, но было так темно.

Я сел прямо, покусывая ноготь на большом пальце. Пол лежал среди битого стекла и сломанных соломинок для коктейля, все еще трясясь.

Я сказал Рете:

— Я думаю, надо позвонить Картеру. Что бы он там ни обещал, ему нужна медицинская помощь.

Рета кивнула и пошла к телефону. Я слышал, как она говорила с Филом Мором, одним из помощников Картера. Потом она вернулась и сказала, что полиция и «скорая» уже едут. Пол содрогался уже потише, его глаза открывались и закрывались, как будто неуправляемые, и мне подумалось, что у него тяжелый шок.

— Не пытайся говорить, — тихо сказал я. — Все скоро будет в порядке.

Пол что-то бормотал, а потом сказал тихо и отчетливо, но с какой-то любопытной бесстрастной интонацией.

— Я потерялся, понимаете? Я ехал на велосипеде, и я знал, что мне нужно в лес. Но когда я оказался в лесу, я уже не знал, где я.

— Хорошо, хорошо, Пол, — успокаивал я его. — Не надо говорить. Просто отдыхай, скоро приедут и помогут тебе.

Но Пола невозможно было остановить. Он говорил, как под гипнозом, как будто каждое слово было заучено в каком-то трансе. Высоким детским голосом он сказал:

— Я чувствовал, что это место близко. Я не был уверен. Но чувствовал. Это такое место, о котором пишут в книгах. Я боялся, но не очень. Я услышал что-то, чего не слышал раньше, — громкие звуки и крики.

— Крики? — спросил я, но, опять проигнорировав меня, он шептал:

— Я знал, что должно случиться. Мне надо было ждать. Уже темнело. Я ждал и ждал, а потом понял, что мне надо идти. Далеко. Было темно, и я падал четыре или пять раз. Я расцарапал лицо о деревья.

— А потом ты увидел Джимми и Элисон?

Пол кивнул.

— Они позвали меня из кустов. Сказали, что я не должен к ним приближаться. Они сказали, что я должен пойти и найти вас и привести в лес. Меня заставили пообещать, что я не позвоню в полицию. Если вы пойдете с полицией или кем-нибудь другим, то никогда их не найдете.

— Ты их видел? — спросила Рета.

Пол потряс головой.

— Было слишком темно. Казалось, у них на голове простыни. Я не понял зачем.

Я наклонился.

— Голоса, — спросил я, — ты слышал их голоса отчетливо?

— Голоса были глухими, наверное, они говорили сквозь простыню. Как будто они рычали. Мне это не понравилось.

— Ты знаешь, где они — где я могу их найти? — спросил я.

— Никакой полиции, — слабо сказал Пол. — Они не выйдут, если будет полиция.

— Я обещаю, не будет никакой полиции.

— Хорошо. Тогда они будут ждать тебя, как стемнеет. Они в старом сарае на ферме Паско, это три минуты ходьбы через лес. Вот что они мне велели рассказать. Но только когда стемнеет.

Рета пощупала пульс Пола и сказала:

— Он очень слаб. Я надеюсь, «скорая» приедет быстро. Ему нужен кислород.

Я встал и подошел к окну. Вдалеке слышалось слабое завывание сирены «скорой помощи»; я знал, что они приедут минуты через две. Остался лишь один момент, который мне хотелось выяснить.

— Пол, — мягко сказал я, опять опускаясь на колени. Рета нахмурилась, но я должен был это узнать.

— Пол, ты слышал какой-нибудь запах в лесу? Был запах, который ты запомнил?

Пол трясся и подрагивал, но не отвечал.

Минуту я колебался, а потом пошел на кухню, открыл шкаф и стал рыться в поисках банки тунца. У меня оставалась одна маленькая банка «Цыплят моря», и я, быстро дернув за ключ, открыл ее.

— Что ты делаешь? — спросила Рета, когда я шел обратно через столовую с открытой банкой.

— Сейчас увидишь, — сказал я ей. — Я не хочу этого делать, но это может все прояснить. Для Джимми и Элисон, и для меня тоже.

Я сунул банку тунца Полу под нос. Потом убрал ее и стал ждать. На мгновение он перестал трястись, прижав руки к груди в слабой попытке защититься. Вдруг его глаза широко раскрылись, превратившись в огромные побелевшие зрачки, и он издал долгий, душераздирающий крик ужаса и страдания. Он начал крутиться и извиваться на ковре и, отбросив банку в сторону, я прижал его к полу. Больше я ничего не мог сделать, хотя он был всего лишь девятилетним мальчиком, и пока Рета не начала его успокаивать и просить замолчать, он не прекращал орать, дергаясь и трясаясь.

Затем во дворе послышался утихающий звук сирены. Я сел прямо, потрясенный, и посмотрел на Рету; казалось, с того времени, как мы вместе приехали сюда, прошли столетия.

Она сказала:

— Это правда. То, что случилось с мышью, с теми людьми в Индии — это повторяется.

Я встал. Снаружи торопливо затопали, и зазвонил дверной звонок.

— Я не знаю, — только и сказал я. — По-моему, надо подождать, пока мы не увидим самих Джимми и Элисон. Пока же — ради Пола — нам не нужно говорить Картеру, где они.

Подумав секунду, Рета кивнула. Я пошел к двери и впустил врачей, которые быстро вошли в гостиную с носилками и капельницей.

Один из них спросил:

— Это ваш сын?

Я отрицательно покачал головой.

— Нет. Я думаю, это просто пропавший мальчик.

Когда я приехал к дому Бодинов, Дэн ждал уже пятнадцать минут. Он сидел на перилах веранды и читал номер «Сайентифик Америкен». На нем было бежево-голубое шерстяное пальто и того же цвета шапка, прикрывавшая лысину, и, если бы я был двадцатипятилетней простушкой из Миннесоты, я бы, наверное, им увлекся.

— Привет, — сказал я. — Извини, что опоздал. У меня есть кое-что интересненькое.

— Да? — кисло сказал он. Он был занятым человеком и не любил, когда у него отнимали время попусту.

— Мы нашли мальчика Дэнтонов. Он был в моем доме, искал меня. Он появился в таком виде, будто побывал на том свете. Он в больнице, его лечат от шока и истощения.

— Что с ним случилось? — спросил Дэн, складывая журнал и засовывая его в карман пальто. Он был человеком, который вот так просто может ходить с журналом в кармане.

— Ну, он... Короче, с ним все в порядке. Заблудился, вот и все.

Мы прошли за дом, к источнику.

— Заблудился? — переспросил Дэн.

— Может быть, просто упал с велосипеда. Ударился головой, амнезия, ты знаешь.

Дэн взял меня за руку.

— Подожди-ка, Мейсон. Я знаю, когда ты говоришь правду, а еще мне известно, как ты заливаешь баки. Я с тобой достаточно давно знаком.

— Дэн, — сказал я ему. — Я просто водопроводчик и занимаюсь тем делом, которое знаю.

— Говнюк ты, а не водопроводчик. Давай выкладывай, что случилось с Полом.

Я вздохнул и посмотрел на далекие холмы. На западе небо стало угрожающе свинцовым, и похоже было, что часа через два пойдет дождь. Ржавого цвета деревья качались и скрипели на ветру.

— Пол нашел Элисон и Джимми, — сказал я.

Дэн моргнул.

— Он их нашел? Что ты имеешь в виду? Где они?

— Говорит, в лесу, позади дома старика Паско. Он говорит, что наткнулся на них случайно. С ними случилось что-то плохое, Дэн. Они накрылись простынями и никого не подпускают.

Дэн смотрел на меня широко открытыми глазами.

— Есть еще кое-что, — сказал я ему. — Может, это ложная догадка, но я помахал открытой банкой тунца перед носом Пола. Он буквально сошел с ума. Он орал, как будто за ним гнались черти. Так что, по-моему, что бы ни случилось с Элисон и Джимми, это как-то связано с запахом рыбы.

Дэн кашлянул. Затем испуганно сказал:

— Допустим, я верю тебе. Если ты не отпускаешь каждую минуту по шутке, то, думаю, тебе можно верить.

— Ты говоришь прямо как Рета, — сказал я.

Но он не понял и продолжал напряженно размышлять, хмурия брови.

— Рета говорила тебе об Остине? — спросил он. — Вспышка эпидемии в 1925 году?

— Конечно. И об экспедиции Курье.

Дэн кивнул.

— Она смогла добыть эту информацию уже сегодня утром. По-моему, если хорошенько покопаться в истории медицины, можно выудить гораздо больше. Однако нужно время. А я не уверен, есть ли оно у нас.

— Что это должно означать? — спросил я его.

— А ты подумай. Джимми и Элисон жаловались на воду утром во вторник. К вечеру они уже были поражены тем, что было в этой воде. Оливер тоже. Я не знаю, во сколько

утонул Оливер, но скоро патологи из полиции дадут нам отчет, и мы узнаем, как скоро возникла чешуя на его теле. Сейчас же я знаю одно. Это происходит чертовски быстро. Если эта гадость распространилась и все колодцы заражены, то у нас совсем нет времени. Мы на грани открытия, что весь Милфорд, черт его побери, покрывается чешуей, а когда это случится...

Послышалось отдаленное ворчание грозы. Между холмов сверкнула молния.

— Опять дождь, — сказал Дэн. — За последнее время пролилось больше дождя, чем за столетия. Уровень подземных вод такой высокий, что мы уже почти плывем.

Я сказал:

— Тебе не кажется, что надо пойти посмотреть на колодец, если уж мы здесь. Взять для убедительности еще пару проб.

После секундной паузы Дэн кивнул. Мы сошли с веранды и обошли дом. Опять послышались раскаты грома, и на какой-то миг мне показалось, что земля под ногами шевелится. Я посмотрел на Дэна и спросил:

— Ты почувствовал?

— Сотрясение? Как во время землетрясения?

— Точно.

Он стоял, подставив лицо ветру. В дальнем конце двора сарай был освещен каким-то неестественным сиянием солнца из-за обрывков облаков. Мне показалось, что я шагнул в одну из картин Эндрю Уайета, где краски были бледными, но резкими, а обыденность обстановки пугала.

— Я не знаю, — сказал он. — По-моему, это просто гром.

Мы подождали немного, но сотрясений больше не было, и пошли дальше по заднему двору. Москитная сетка дрожала и дребезжала на ветру, и в воздухе витало запустение, которое по необъяснимым причинам подавляло меня.

Мы остановились опять. Я был уверен, что слышу что-то. Это было потрескивание или звук чего-то лопа-

ющего. Я не мог понять что. Дэн уже собрался подняться по ступеням на кухню, но я схватил его за руку и сказал:

— Т-с-с. Послушай.

Он слушал. Потом сказал:

— По-моему, это вода. Но откуда, черт подери, она может идти?

Мы обогнули дом. За ним было даже темнее из-за нависающих деревьев и кружащихся вокруг сухих листьев. Первые тяжелые капли дождя застучали по крыше крыльца и зашумели в кронах деревьев. Но звук чего-то пузырящегося был громче, и было ясно, что это вода, и мы пошли на звук через отлогую лужайку к старому садовому ручному насосу, ржавому викторианскому реликту, выкрашенному красным суриком.

— Посмотри на это, — сказал Дэн. — Вода бьет фонтаном.

В основании насоса была дыра в дюйм шириной, и оттуда бил поток воды, которая уже пробила себе русло через лужайку к канаве, отмечающей границу земли Бодинов с восточной стороны. Напор был таким сильным, что вода вырывала землю комьями, переворачивала камни и расширяла русло.

Дэн опустился на колени и достал банку для проб. Он взял воду прямо из пробоины, встал и закрыл банку.

— Из-за чего может быть такая пробоина? — спросил он меня. — В колодце ведь нет такого давления, а?

— Нет, сэр, — сказал я. Нагнувшись и подставив руку под струю, я попробовал напор. Вода была ледяной, и ее напор, казалось, увеличивался с каждым мгновением.

— Есть какие-нибудь предположения? — спросил меня Дэн.

Я пожал плечами.

Такой напор может возникнуть по сотне причин. Один подводный резервуар мог переполниться и пролиться в другой. Или под землей могло произойти маленькое извержение вулкана.

— Это то сотрясение, которое мы почувствовали?

— Может быть. Я не знаю.

Я еще обдумывал все это, когда увидел человека, медленно идущего к нам из-за угла дома. Похоже, это был сосед, краснолицый человек в выцветшей и в пятнах масла бежевой шляпе. Он был коренастым и шел, засунув руки в карманы. Подойдя ближе, он остановился и посмотрел на нас, как фермер, заставший парочку в своей пшенице.

— Я видел ваши машины и подумал, что могу подойти и посмотреть, в чем дело, — сказал он.

— Рад видеть, что соседи Бодинов интересуются, как у них дела, — сказал я, вставая и вытирая руку платком. — Я Мейсон Перкинс, водопроводчик, а это Дэн Керк из районного отдела здравоохранения.

— Я видел вас в Нью-Милфорде, — кивнул сосед. — Меня зовут Грег Мак-Алистер. Я поселился в соседнем доме несколько недель назад.

— Грег Мак-Алистер? — спросил Дэн. — Вы не сын Уильяма Мак-Алистера, который жил здесь раньше?

— Точно. Дом — фамильная собственность, а я уехал, когда умер отец, и поехал на ферму в Айове. Теперь я продал там ферму и приехал сюда. Слишком стар, чтобы жить вне дома, понимаете ли.

Дэн сказал:

— Вы слышали предупреждения о колодезной воде в округе: Вы ведь ее не пили?

— Нет, сэр, — сказал Грег Мак-Алистер. — Я никогда в жизни не пил колодезной воды, ни я, ни мой отец, ни его отец.

— Никогда? Почему же? — спросил Дэн.

Грег, не вынимая рук из карманов, неопределенно пожал плечами.

— Может, это глупость, — сказал он нам, — но в моей семье есть поверье, что все колодцы здесь прокляты. Мой дедушка называл их Колодцами Ада.

IV

С холмов в районе Кента опять слышались раскаты грома, как будто рычал динозавр. Грег Мак-Алистер посмотрел вверх и сказал:

— Сейчас польет как из ведра.

— Нам лучше убраться под навес, — сказал я. — Ты взял пробы, Дэн?

Тот кивнул, и мы быстро пошли к дому. Дождь пошел стеной, когда мы достигли крыльца, стуча по черепице над нашими головами и проливаясь потоками воды на лужайку.

— Год определенно был сырым, — сказал Грег, доставая пачку «Кэмела» и закуривая. — Нижняя часть моего четырехакрового поля почти затоплена.

— Вы еще занимаетесь фермой? — спросил Дэн.

— У меня две коровы, и все. Да и те больше как декорации.

Я прислонился к стене дома, обшитой деревянными планками, и снял свою бейсболку.

— Я ничего не слышал о проклятиях, — сказал я Грегу.

— Проклятиях на колодцах? — спросил Грег Мак-Алистер, пуская струи дыма из волосатых ноздрей. — Это очень старая история, которую рассказывали еще старики, а сейчас забытая. Некоторые склеротики ее еще помнят, но большинство уже нет. Нью-Милфорд изменился с тех пор, как я был ребенком.

— Что это было за проклятие? — спросил Дэн.

Грег Мак-Алистер фыркнул.

— Ну, это было что-то вроде стихотворения, это все, что я знаю. Папа читал мне его на ночь, когда я был маленьким. Он говорил, что никто вокруг не пил местную воду, они всегда ездили к Непогскому водохранилищу с цистернами и привозили воду с собой, а еще раньше, может быть, и к Сквантскому пруду. Но никто не пил колодезную воду, только мыли ею посуду, стирали, поливали поля или поили животных.

Я достал сигару и прикурил. Меня подташнивало, и я подумал, не слишком ли быстро я проглотил бифштекс. Я вообще нервничал. Мне бы не мешало выпить чего-нибудь.

— Вы курите эти штуки с пластмассовыми наконечниками? — спросил Грег Мак-Алистер. — Я слышал, от них развивается рак зубов.

— Рак зубов? — удивился Дэн.

— Точно. Пластик, должно быть, чаще всего вызывает рак, не считая сыра.

Я взглянул на Дэна. Похоже, в вопросах медицины на Грега нельзя было положиться. Но Дэн изобразил на лице фразу: «это наш единственный свидетель». Вслух он сказал:

— Расскажите нам этот стишок, Грег. Как он звучал?

Грег улыбнулся, отчего его лицо пошло морщинами, а рот растянулся, как старая ткань.

— Мой отец столько раз рассказывал мне его, что я, наверное, буду помнить его на смертном одре.

Он затаился, выпустил дым и продолжал:

— Звучал он так:

*«Не пей водицы,
Пей вино.
И не падет тебе на голову
Проклятье Понтанпо.*

*Мы не глотали воду
Из колодцев в Престоне,
Чтобы проклятой чешуе
Не завестись на коже».*

Дэн поднял брови.

— Ваш отец рассказал вам этот стишок? Сколько вам тогда было?

Грег задумчиво потер подбородок.

— Лет одиннадцать.

— Он говорил, что значат эти слова?

Грег, казалось, был озадачен.

— Что значат эти слова?

— Да. Он говорил, что это за проклятье Понтанпо, например? И что это за «проклятая чешуя»?

Дождь стучал по карнизу крыльца.

Грег медленно покачал головой.

— Я не помню, чтобы он говорил. Может, когда я был совсем малышом. Но значения слов я не помню. Мне и в голову не приходило думать об этом. Это значит то, что значит, и все.

— Но, может, вы постараетесь догадаться? — настаивал я.

— Ну, это запросто, — сказал он мне. — «Пей вино» — значит, не пей колодезной воды, а Понтанпо, наверное, какой-нибудь, краснокожий. Похоже ведь на индейское имя, а? Может быть, краснокожие наложили проклятье на воду; какое-нибудь племя алконианцев, наверное. А может, и не так, кто может знать? В любом случае, во втором стишке сказано не пить воду в районе Нью-Престона, чтобы не было чешуи на коже.

— Но вы знаете, что это значит? Можете догадываться? Может быть, кто-нибудь вам говорил?

Грег сильно затаился, и кончик сигареты зажегся оранжевым светом. Подумав некоторое время, скребя в задубевшем затылке над морщинистой красной шеей, он отрицательно покачал головой.

— Я спрашивал отца раз, — сказал он, — но он сказал лишь, что это связано с людьми-коленями.

— Люди-колени? Вы имеете в виду вот это место посреди ноги?

— Да, точно. Он больше ничего не знал. Он только сказал, что стих был предназначен для предостережения

простых людей от людей-коленей. Больше он ничего не знал. Местные старики знали, а он нет, да и не думал спрашивать. Он говорил, что такие вещи лучше не знать.

Дэн вынул пробу воды и поднял ее на серый свет дождливого дня. Даже не сходя с места, я видел, что у нее тот самый желтоватый оттенок, хотя это могло быть вызвано отчасти той грязью, которая находилась в бьющем из насоса фонтане. Только полный анализ покажет, что в воде.

Дэн спросил у Грега Мак-Алистера:

— Вы видели колодезную воду? Вот такого желто-зеленого цвета?

Грег, прищурившись, посмотрел на пробу и покачал головой.

— Я не помню случая, чтобы вода не была бы чистой. Это вода с грязью, ведь так?

— Нет, — сказал Дэн. — Если бы это была грязь, она бы осела, а вода окрашена ровно по всей высоте банки.

— Это яд? — спросил Грег.

— Возможно, — сказал Дэн. — Это я и постараюсь выяснить.

Попыхивая своей канцерогенной сигарой, я вставил:

— Вот почему мы интересовались насчет стихов. В легендах может быть какая-нибудь подсказка.

Грег посмотрел на Дэна, потом на меня.

— Вы действительно хотите побольше разузнать о старых историях?

— Конечно. Вы знаете еще какие-нибудь?

— Не я. Но у моего деда была книга, где, как он говорил, были старые предания Нью-Милфорда, Вамингтона и вообще всей округи. Она называлась «Легенды Литчфилда».

Я посмотрел на часы. Было уже начало четвертого, а дождь не кончался. Я подумал о Джимми и Элисон, которые прячутся в лесу, ожидая темноты. Это мало успокаивало. Больше, наверное, пугало. С Джимми и Элисон, наверное, произошло что-то ужасное. Кожа пошла чешуйей, и почему-то им была нужна именно моя

помощь. Наверное, потому что я был единственным, кто не стал бы сначала стрелять, а потом смотреть, кто это.

Дэн спросил Грега Мак-Алистера:

— Эта книга еще у вас? Мы бы очень хотели на нее посмотреть.

— Она в ломбарде. Все пошло с молотка, когда умер отец, и мы сдали дом в аренду. Все, что не продали, сейчас на складе в Кедивуде. Если вы так хотите ее заполучить, я могу вам дать письмецо к старику Мартину. Он разрешит вам поддержать ее немного.

— Вот это по-соседски, — сказал Дэн. — Что бы там ни случилось с Бодинами, эта вода и старые истории помогут нам вытащить их из этой передраги.

Грег выбросил окурочек под дождь. На западе появилась полоса чистого неба, и дождевики на траве засверкали.

Грег тихо сказал:

— Я слышал, что малыша Оливера убили. Утопили в ванной или что-то в этом роде. Это правда?

— Нет, — сказал я. — Мы пока не знаем, что случилось. Мы даже не нашли Джимми и Элисон. Картер Уилкс говорит, что дело дрянь.

— Я просто повторяю, что слышал, — сказал Грег Мак-Алистер. — Я не имел в виду ничего плохого.

— Я не знаю, — сказал я. — Но вы можете передать тому, кто вам это сказал, что это неправда, и проследить, чтобы они разнесли правильную версию так же, как разнесли вранье.

— Конечно, я так и сделаю. Теперь вам, наверное, нужно письмо к старику Мартину. Если вы не откажетесь подвезти меня на мою ферму, я напишу ему прямо сейчас.

— Спасибо. Это будет очень кстати.

Грег Мак-Алистер опять улыбнулся своей морщинистой улыбкой.

— Я рад этому. Видите ли, я сосед и хочу помочь всем, чем могу.

Дэн вздохнул.

— Спасибо, мистер Мак-Алистер. А теперь пойдете, пока дождь утих.

К тому времени, как мы вернулись в лабораторию Дэна, небо почти почернело и в воздухе пахло еще одним ливнем. Мисс Вордел уехала домой с мигренью, но Рета была на месте, работала с микроскопом над препаратами кожи ракообразной мыши. Она в одиночестве сидела в ярком полукруге света лабораторной лампы.

Сама мышь лежала на дне клетки, тяжело дыша. Она была все такой же чешуйчатой, но окостенение вроде бы не распространялось. Быстро взглянув на мышь, я отвел глаза. Она слишком напоминала мне беднягу Оливера и то, что я, возможно, увижу, встретившись с его родителями. Чешуя, хрящевые суставы и костяные панцири.

Дэн повесил на вешалку свое мокрое пальто и сказал:

— Ну, как дела? Тест Хирсмана прошел успешно?

Рета выпрямилась на стуле и потерла глаза. Дэн наклонился и уставился в микроскоп.

— Как будто обычная ткань, как у ракообразных, — сказал он.

Рета кивнула.

— В строении клетки действительно ничего необычного. Чешуйчатая часть тела мыши имеет такое же строение, как и панцирь краба, а ее «мышинная» часть абсолютно нормальна и ничем не примечательна.

— Ты пробовала давать мыши еще воды Бодинов?

— Нет. До этого я еще не добралась. И я не уверена, что у нас есть оборудование для такого эксперимента. По крайней мере, нам нужен мортонский рефрактор.

Дэн пригладил несуществующие волосы.

— Думаешь, нам надо отослать это в Хатфорд?

Она слезла со стула и пошла к клетке мыши. Уставившись на маленькое чудовище сквозь прутья клетки, она сказала:

— Перемена очень интересная. Мягкие ткани мыши превратились в роговую оболочку, как у краба, и все это произошло, не убив ее и даже не вмешавшись в работу организма. Я сделала рентген двадцать или тридцать раз, и он показывает, что внутри у мыши все в порядке. Смотрите.

Мы окружили светящийся изнутри стол в конце лаборатории, и Рета открыла конверт со снимками. Она разложила их на столе, и мы тщательно рассмотрели все до одной.

— Вот самый удачный снимок, — сказала Рета, показывая рукой. — Вы видите, что скелет растворился и кальций каким-то образом вышел наружу. Мы видим животное, которое вывернулось наизнанку и развило наружный скелет.

Я уставился на снимок с опаской.

— Что-нибудь указывает на то, что это из-за воды? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Ничего определенного. Но я выяснила, что эти мерзкие жучки выделяют какой-то фермент, который действует как катализатор всего процесса.

— Ясно. Итак, дело в воде?

— С вероятностью 98 процентов.

Дэн проглядел все фотографии, а потом выключил светящийся стол.

Помолчав минуту, он сказал:

— Что меня донимает, так это вопрос «почему?»

— Почему — что?

Он поднял глаза.

— Почему эти двухмиллионнолетние микробы все еще живут и почему они так странно действуют на людей и животных? Сначала я думал, это вирусы, но они не ведут себя, как вирусы, и то, от чего страдает мышь, не есть болезнь в моем понимании. Мышь находится каком-то вполне нормальном состоянии, которое, похоже, часть жизненного цикла этих микробов или чего бы то ни было еще.

— Ты должен признать, — сказала Рета, — что мы не видели этот цикл полностью. Мышь наполовину окостенела, так же как и Оливер Бодин. Мы не знаем, что случается, когда все тело оказывается в раковине.

Я кашлянул.

— Сегодня вечером, может быть, узнаем. Когда пойдем повидать Элисон и Джимми.

Рета натянуто улыбнулась.

— Если честно, то я надеюсь, что ты не пойдешь. Для них самих будет лучше.

— А если предположить, — сказал я, — что они, как москиты, просто переносят ферменты от одного хозяина к другому?

— Теоретически это возможно, — сказал Дэн. — Но какой хозяин может быть под Литчфилдскими холмами, на глубине полутора километров? Где, прежде всего, взялись условия для их образования?

Я пожал плечами.

— Может, под нами доисторический труп. Мертвый троглодит или что-нибудь вроде того.

Дэн поднял брови.

— Звучит, конечно, дико, — сказал я ему. — Но последнее время все вокруг сплошная дикость, так что надо искать дикие ответы.

Дэн посмотрел на Рету, а та в ответ одарила нас ободряющей мягкой улыбкой. Мне ужасно захотелось провести еще несколько минут вместе с ней у меня дома, но это, по-моему, была судьба. Мы могли бы встретиться в другой жизни или даже в следующую пятницу, если бы я сумел убедить ее порвать с Поросянком Пэкером.

— Хорошо, — сказал Дэн. — Давайте придумывать дикие ответы. У тебя есть что-нибудь?

Я сел на край лабораторной скамьи.

— Я не уверен, но мне кажется, что за всем этим есть какая-то цель. Посмотри, как утонул Оливер. Что бы это ни сделало, что бы ни подстроило утопление, это существо не было слабым и глупым. Может, это был человек. Если бы мне дали недели две и справочник по гидроинженерии, я бы выяснил, как это сделать. Но ход мыслей за всем этим не похож на человеческий. Я хочу сказать, что человек использует простейший способ добраться до жертвы. Зачем топить мальчика, наполняя комнату водой, когда можно запросто утопить его в китайской вазе? Зачем вообще топить, когда можно заколоть? Зачем закалывать, можно просто застрелить.

Для человека нет смысла убивать мальчика, затапливая всю комнату.

Рета провела рукой по волосам.

— Что ты хочешь сказать? Что это был не человек?

Я развел руками.

— Если применить психологический закон, согласно которому все создания используют простейшие средства, чтобы сделать что-нибудь, то можно заключить, что, затапливая комнату, его убийца использовал простейший доступный ему способ.

Дэн вздохнул.

— Что же за создание, черт побери, которое находит такой способ простым? Кит?

— Я не знаю. Я просто размышляю.

— Заметно. Итак, ты думаешь, что Оливера убил кит. А как насчет микробов в воде? И в чем еще ты не уверен? — ответил Дэн с сарказмом. — А то уж я испугался, что мне не остается материала для исследований.

Я достал сигару и прикурил. Выпустив облако дыма, я сказал:

— Объяснение, которое удовлетворяет фактам, обстоятельствам, психологии?

— Не знаю. Но ты заведомо предполагаешь, что это какое-то создание, которое способно перенести двадцать тонн воды на два этажа дома Бодинов, а потом обратно. Ты предполагаешь, что есть существо, которое имело бы желание это сделать?

— Да, кому-то или чему-то захотелось это сделать, — парировал я, — потому что он — или она — сделал это.

Дэн долго не отвечал, а затем сказал:

— Хорошо, оставим этот вопрос. Может быть, Картер сообщит какие-нибудь детали. Как насчет жучков? Какая у тебя теория?

Ответила Рета:

— Может быть, их поместили в воду намеренно. Может быть, это бактериологическое оружие.

— Верится с трудом, — сказал Дэн, качая головой.

— А почему? — спросила Рета. — У Советов есть нервно-паралитический газ, ботулит, вирусы. Почему у них не могло быть жучков, превращающих людей в чудовищ?

— Потому что это дурь, — бросил Дэн. — Советам надо убивать людей, а не превращать их в чудовищ, а кроме того, вряд ли Нью-Милфорд является стратегическим пунктом.

— Я думаю, что утопленник и жучки в воде — проявление одной проблемы, — вставил я. — Нам нужно думать о них, как о ключах к разгадке.

— Я знаю, — сказал Дэн. — Гигантский кит с наклонностями убийцы.

Я посмотрел на грозовое небо. Было уже почти темно, а темнота означала randevu с Джимми и Элисон. У меня странно покалывало ладони, и я вдруг осознал, что почти разжевал пластиковый наконечник.

— Одно ясно, — сказала Рета. — У нас недостаточно свидетельств, чтобы сделать какой-нибудь разумный вывод. Нам придется подождать, пока Джек Ньюсом придет с медицинским отчетом и пока мы закончим опыты с мышью.

Я спросил у Дэна:

— Ты пойдешь со мной на ферму Паско? Мне может понадобится помощь.

— Конечно, если я не отпугну их.

Я криво усмехнулся.

— Я думаю, что отпугнуть могут они нас. У тебя фонарь здесь есть? Мой, по-моему, дома. А камера есть. Даже если мы не увидим их хорошо, хоть снимки сделаем.

— У меня есть инфракрасная камера. Рета, там осталась пленка?

Рета пошла проверить в морозилке. Пленка чувствительна к теплу, а не свету, поэтому ее хранят в холоде. Пока она копалась в ящике, мы, трезвые до безобразия, смотрели на задыхающуюся мышь и думали, во что мы вляпались.

Снаружи оглушительно гроыхнуло, и дождь застучал по крыше лаборатории с такой силой, будто хотел пробить ее и пролиться на наши головы.

— У тебя Библия есть? — спросил я у Дэна. — На случай, если нам надо будет построить ковчег.

До фермы Паско ехать было недолго, но дорога вилась между холмов по направлению к Шерману, а дождь превратил ветровое стекло в калейдоскоп бликов, теней и отражений. Шелли рассудил, что на заднем сиденье холодно, и перебрался на колени к Дэну и с несчастным видом сидел там, вонзая когти в ноги Дэна каждый раз, когда нас заносило на повороте.

Мы особо не разговаривали, пока ехали. Дэн не был настроен размышлять, а я сильно нервничал. Может быть, Дэн тоже нервничал. Я думаю, каждый бы занервничал, имея в перспективе встречу с людьми, превратившимися, по всей видимости, в ракообразных.

Но меня удивляло, что мы относительно спокойно воспринимали ситуацию. То, что происходило, было пугающе нелогичным, и все же мы встречали это без паники и с практической точки зрения. Стоит отметить, что смелость наша происходила от незнания. Мы не знали, против чего пошли, и это нас не пугало.

Ферма старика Паско всегда закрывалась на зиму. Он был ведущим молочником в округе Шермана, но после того, как умерла его жена, а сыновья выросли и уехали, он потихоньку превратился в дряхлого старика. Он по-прежнему приезжал в Коннектикут летом и сидел на крыльце под гордо развевающимся звездно-полосатым флагом, махая или окликая всех, кто шел или ехал на велосипеде, но зимой было слишком холодно для его костей, и он улетал в Майами и жил с сыном Уилфом, который занимался страховым делом.

Мы добрались до почтового ящика с надписью блестящими буквами «Паско» и внизу готическим шрифтом — «Нью-Милфорд Трибьун». Потом я направил

машину через стену берез, в гулкую темноту замусоренной дороги, к призрачному белому дому с зелеными верандами. Развернувшись, я выключил двигатель, а фары оставил включенными. Дождь стучал и стекал с крыши по ветровому стеклу, и мы сидели, как в шлюпке посреди моря.

— Сарай в семидесяти—восемидесяти ярдах вглубь, насколько я помню, — сказал я Дэну. — Лучше, если я проверю, а потом позову тебя.

— Ты возьмешь камеру? — спросил Дэн.

— Я не умею фотографировать даже автоматическим фотоаппаратом, — сказал я ему. — Подожди, пока я не позову, и выходи с камерой наготове.

— Хорошо, но поосторожней. Если я не услышу тебя через пять минут, я пойду следом.

Я взял Дэна за руку.

— Дэн, — сказал я, тронутый. — Это тебе не вестерн, эти люди мои друзья.

Дэн отвел глаза.

— Может быть, когда-то они и были твоими друзьями, — сказал он тихо. — Прежде чем спешить, проверь, что они сейчас из себя представляют.

Подержав руку Дэна еще немного, я отпустил ее и сказал:

— Хорошо, пусть будет пять минут. Сзади есть большой ключ, если тебе захочется что-нибудь взять с собой.

Я потянулся за своим заляпанным и мятым плащом, который обычно лежал на заднем сиденье. Затем я открыл дверь и вышел на дождь и ветер. Как можно быстрее натянув плащ, я поднял воротник, но все равно промок. Пришлось стряхивать воду с ресниц и вытирать капли с носа, а потом я крикнул Дэну.

— Фонарь, дай фонарь!

Он открыл дверь и быстро передал его мне. Я посмотрел на фонарь — это был детский фонарик с изображением Микки Мауса, и света от него было не больше, чем от свечки на торте. Я, нахмурившись, посмотрел на Дэна сквозь стекло, но он только пожал плечами.

Застегнувшись поплотнее и ссутулившись, я перешел дорогу и осторожно пошел вдоль дома на задний двор.

Из того, что я мог видеть сквозь дождь, было ясно, что сарай был в ста метрах от меня, если идти через мокрую траву и неистово размахивающие ветками деревья. Я вытер лицо рукой и пошел через задний двор, держа фонарь перед собой. Один раз я споткнулся о ржавый и заброшенный плуг, порвав носок. Я поднял голову и прислушался, но кроме шума деревьев и дождя ничего не было слышно. В небе надо мной с дикой скоростью неслись тучи, похожие на сборище призраков. Послушав еще немного, я пошел к сараю Паско.

Скоро я уже стоял перед дверьми сарая. Они были старыми, полусгнившими и блестели от дождя. Я поднял миккимаусовский фонарь и с опаской оглядел все здание. Старик Паско, видно, не ухаживал за сараем. Крыша еле держалась и была покрыта плесенью, а многие окна разбиты. Стоял пыльный и в то же время сырой запах запустения.

Я прочистил горло и тихо позвал:

— Джимми, Элисон?

Ответа не было. В миле от этого места, в штате Нью-Йорк, опять загромыхало, и я увидел молнию. Дождь хлестал по лицу и волосам, и я почувствовал себя больным котенком, которого выбросили на улицу замерзать.

Я услышал скрип внутри, и мои нервы напряглись. Подождав немного, я позвал опять:

— Джимми? Элисон? Вы здесь? Это я, Мейсон.

Я подождал опять. Дождь блестел на мочках моих ушей, как бриллиантовые серьги. Миккимаусовский фонарь начал мигать и тускнеть, и мне лишь оставалось надеяться, что он еще немного продержится. Мне расхотелось встречаться с кем бы то ни было в темноте и мокроте, какими бы друзьям мы ни были раньше. По полу прошуршала мышь или крыса, и я подпрыгнул на месте.

Похоже, Элисон и Джимми тут не было, но ведь Пол Дентон сказал, что они были позади сарая, а не внутри.

Три, четыре минуты ходьбы, сказал он. Наверное, потому, что шел дождь, я решил, что они скрываются от него здесь.

Но — если предположить, что им не нужна крыша над головой? Что, если они умерли или прекрасно себя чувствовали под дождем?

Я потряс фонарик, вдыхая в него тем самым немного жизни, а потом голову, стряхивая капли. Лес в такую ночь был негостеприимным. Вблизи он издавал такие звуки, словно там пряталась целая банда чудовищ. Под деревьями царила тьма.

Я глубоко вздохнул и пошел прочь от сарая, углубляясь в лес. Земля была устлана мокрыми листьями, сломанными ветками и еловыми шишками. Запах еловых веток смешивался со свежим запахом дождя.

Здесь было тише, и дождь был не такой сильный, хотя стучал по листьям над моей головой, словно невидимые ноги полуэтажом выше.

Я шел, вытянув руки, чтобы защититься от выступающих веток, и был похож на слепого, тычущегося туда-сюда.

— Джимми? Элисон? — позвал я опять. — Я здесь. Вы меня слышите?

Ответа не было. Я подождал немного, решив про себя, что подожду так еще с минуту и если к тому времени на них не наткнусь, то повернусь и унесу отсюда ноги как можно быстрее. Несмотря ни на что, я боялся, я был один, и каждая капля, падающая на листья, казалась мне гигантским чудовищем. Мое сердце громко бухало в груди, и кровь стучала в ушах.

Я пошел дальше. Под ногами скрипели ветки, как будто это были конечности крабов. Я кашлянул, кашлянул слишком натянуто и громко. Я не особенно-то и хотел кашлять.

Прошла минута. Я остановился и прислушался. С замиранием сердца я позвал:

— Джимми? Элисон? Вы здесь?

Я стоял, учащенно дыша от страха и надеясь, что никто не ответит. Я знал, что Джимми и Элисон — мои друзья.

Я знал, что должен постараться помочь. Но среди темного и полного шорохов леса, во время магнитной бури, с перспективой встретить двух отвратительных и необъяснимых монстров я не был уверен, что мои нервы выдержат это.

Я позвал еще раз, чтобы удостовериться, что их там нет. Ответа все не было, поэтому я повернулся и пошел обратно к сараю.

Миккимаусовский фонарь даже удостоил меня неожиданной чести и разгорелся посильнее, как будто его активность зависела от уровня адреналина в моей крови.

Я уже вышел на окраину леса, когда мне что-то послышалось. Что-то похожее на низкий хрип, как будто рычало животное. Холодная рука страха схватила меня за горло, и я замер, вслушиваясь.

Я услышал звук более отчетливо. Это был низкий, густой, гортанный рык. Вряд ли его издавал человек. Но он был рожден человеческим разумом, потому что дважды, болезненно и невнятно, повторилось единственное слово:

— Мейсон. М-э-э-й-с-о-о-н-н.

Я застыл. Я был так напуган, что не знал, бежать мне или стоять на месте. Я никого и ничего не видел сквозь темноту качающихся деревьев, но, по-моему, я кое-что слышал. Может быть, это была игра воображения, подогретого страхом, но звук был слишком отчетливый, заунывный, необычный.

Это был стук дождя, падающего на твердую, пустую внутри скорлупу.

— Джимми? — спросил я прерывающимся голосом. — Это ты?

— Мееейсссоонн, — повторился звук, — пппооом-моооггии ммне.

— Джимми? — позвал я. — Джимми, где ты? Я тебя не вижу.

Последовало молчание. Затем послышалось:

— Не — подходи — ближе. Оставайся — на — месте. Я нахмурился и вперился в тени дождя.

— Джимми, если я тебя не вижу, я не могу тебе помочь. Это ты? Элисон с тобой?

— Что-то — случилось — мы — не — можем...

— Джимми! Где ты? Мне нужно тебя видеть!

Опять повисла тишина, и я услышал тяжелый переваливающийся звук в районе кустов. Я тихо стал подкрадываться к кустам, поднимая фонарь и пытаюсь посветить сквозь темно-зеленые листья.

— Ты здесь, Джимми? Ты видишь фонарь?

Пауза. Затем:

— Ддаа, Мейссоонн. Я — его — вижу. Не — подходи — ближе.

— Джимми, что с тобой? Мы нашли Оливера. Мы приехали предупредить тебя насчет воды, и нашли Оливера.

— Мы — знаем — про — Оливера. Он — не — успел.

— Что не успел? Что там произошло, Джимми? Как утонул Оливер?

— Он — не — успел. Не — успел — достаточно — выпить. Ему — не — осталось — времени...

— Не осталось времени для чего? Чтобы обрасти чешуей? Уйти от воды? Как туда попала вода? Как заполнилась комната?

Все время, пока Джимми говорил рычащим гортанным голосом, я медленно обходил кусты, проверяя, видно ли что-нибудь сквозь них. Они были чертовски толстые и колючие, казалось, невозможно пробраться внутрь, не разодравшись в кровь. Но ведь Джимми пробрался. Если бы он был уже в оболочке, то он проделал бы дыру в ближайшем месте и не почувствовал ничего. Я надеялся и молился, что это не так. Я надеялся и молился, чтобы в нем осталось хоть что-то человеческое.

— Где Элисон? — спросил я. — Она с тобой?

— Я — не — могу — сказать...

— Ты не знаешь или не скажешь?

— Она — ушла.

— Ушла? Что ты хочешь сказать? Куда ушла?

— Я — не — могу — сказать.

— Ну, а зачем я был тебе нужен? — спросил я. — Пол пришел ко мне перепуганный до смерти и сказал, что тебе нужна моя помощь. Я здесь! Я хочу знать, чем я могу тебе помочь.

Последовало молчание. Я потянул носом сырой воздух, и я был уверен, что чувствую тот самый томительный запах разлагающейся рыбы. Прошел еще немного вокруг кустов и с каждым шагом понимал все лучше, что они непроницаемы. По крайней мере для позвоночных, вроде меня.

— Это — случилось — так — быстро... — раздался резкий голос Джимми.

Я остановился.

— Что случилось быстро?

— Перемена — так — быстро...

— Джимми, — настаивал я, — мне нужно видеть тебя, если я собираюсь помочь тебе?

— Мы — настолько — сильнее...

— Сильнее? Что общего это имеет со всем случившимся?

— Мы — всегда — должны — были — быть — такими...

Я поднял фонарь. Я был уверен, что увидел в кустах что-то темное и шевелящееся. Я вглядывался вперед, но было сложно что-нибудь разобрать. Я вытер воду с глаз и волос и подался как можно дальше вперед.

— Мы — раньше — не — знали — где — настоящая — сила, — сказал Джимми. — Мы — не — знали — как — долго — она — спала...

— Джимми, о чем ты? — нетерпеливо спросил я. — Я не могу ничего для тебя сделать, если ты не выходишь и не показываешь, что случилось. Мне просто нужно видеть, насколько плохи дела.

— Ты — не — понимаешь — ты — не можешь — понять — величие — древнего — мира...

Я кашлянул. Нервы. Я сказал осторожно:

— Джимми, я хочу, чтобы ты сделал кое-что для меня. Я знаю, что ты в кустах, и, по-моему, я понимаю, как ты туда забрался, не поранившись. Но я не могу этого

сделать, ты понимаешь? Высунь руку, я посмотрю, как она выглядит. Как ты думаешь, ты сможешь сделать мне такое одолжение?

Дождь с новой силой застучал по листьям, и я вздрогнул от страха. Набрав полные легкие воздуха, я принялся успокаивать себя, но скажу без вранья — я был готов повернуться и бежать из этого чертова леса со всех ног.

— Ты — не — понимаешь, — скрипел Джимми. — Ты — ничего — не — понимаешь.

— Джимми, — умолял его я. — Я не могу стоять здесь вечно, а скоро сюда заявится Картер Уилкс. Если ты сам не выйдешь, он заставит тебя. Я говорю серьезно. Вы оба подозреваетесь в смерти Оливера, и они так или иначе до вас доберутся. Ты же не можешь прятаться в лесу всю оставшуюся жизнь!

Джимми, казалось, игнорировал меня. Он продолжал своим мерзким голосом:

— День — назначен — тысячи — лет — назад — день — был — назначен...

Я уже промок и начал паниковать.

— Джимми, — сказал я. — Джимми, хватит говорить все это, просто послушай меня! Просто послушай. Я хочу, чтобы ты вышел оттуда, иначе тебя убьют.

В кустах что-то зашевелилось, ломая ветки вокруг себя, и я в беспокойстве отступил. Если могло быть что-нибудь хуже игнорирования моих просьб выйти, так это — если Джимми и вправду решил показаться. Я слышал, как он говорил своим глухим голосом что-то про то, как ему плохо, но самым устрашающим был звук ломающихся кустов. Я сделал два, три шага назад и остановился на солидном расстоянии, ожидая, когда выйдет мой бывший друг. Я не слышал ни поскрипывания хрящевых соединений, ни хруста веток позади себя. Я не слышал шуршащего поскребывания чешуи по листьям. Я отступил еще на шаг назад — и попал в объятия самого дьявола. Твердая костяная клешня обхватила меня за шею, зазубренная по краям клешня длиной в человеческую руку, но нечеловечески сильная и раза в три толще. Она вонзилась ребром

в шею и в плечо, и я почувствовал, как мои ноги отрываются от земли. Меня подняли так быстро и мощно, что я даже не успел закричать. Мои ноги забились, пытаюсь достать землю, и на секунду мне показалось, что голова моя отрывается и я расстаюсь с жизнью.

Меня крутили из стороны в сторону, задышающегося и полумертвого, а клешня сжималась как тиски, врезаясь в мою трахею. Подняв руки, я попытался разжать хватку, но схватив клешню и что было силы отрывая ее от горла, я не смог даже ослабить хватки.

Я попытался вдохнуть, но горло было пережато. Темный лес еще больше потемнел. Перед глазами рассыпался фейерверк звезд. По-моему, я умудрился один раз прохрипеть «Дэн!», но он вряд ли услышал мой слабый голос.

Клешня с размаху долбанула меня о дерево, как будто пытаюсь вышибить из меня дух. Я почувствовал, как другая клешня, поменьше, ткнулась мне в спину в поисках более мягких и уязвимых органов.

На секунду я почувствовал дикую боль, сменившуюся темнотой, и уверился, что мертв. Я не мог сказать, сколько это длилось, наверное, доли секунды. Но затем раздался хриплый крик, звук удара, хватка клешни неожиданно ослабла, и я, уже агонизирующий, судорожно вдохнул кислород, насквозь пропахший рыбой. Последовал еще один глухой, мозжащий звук, а затем раздался крик, который напугал меня так сильно, что я как бешеный покатился по сухим листьям вбок, чтобы окончательно освободиться. Это был визг хладнокровного насекомого, визг ярости и боли, абсолютно нечеловеческий, и он исходил из хрящевого горла, покрытого черными шерстинками.

Было так темно, что я почти ничего не видел. Но я разглядел Дэна, точнее, его лысину, отсвечивающую в скудном лесном свете. Еще я разглядел свой самый большой гаечный ключ, который он держал над головой, крича «А-а-а-а!» голосом, который должен был бы быть угрожающим, но срывался от страха.

Позади, в тени, я увидел еще кое-что. Что-то тяжелое и громоздкое, чьи руки двигались как при замедленной съемке, что характерно для того, кто живет под водой. Движения этого существа напомнили мне бессмысленные и болезненные дергания омаров на прилавке магазина. Только этот омар был во много раз больше, сильнее и уходил в лес шаркающим галопом, шурша листьями, что выдавало в нем что-то, размером и весом похожее на человека.

Я был ранен, и у меня кружилась голова, и я сел на землю, потирая помятое горло и судорожно хватая воздух ртом. Подошел Дэн и положил гаечный ключ на землю.

— Ты в порядке? — спросил он у меня. — Я думал, эта чертовщина разорвет тебя на куски.

— Не один ты так думал. Ты разглядел это?

Он потряс головой.

— Я видел только клешню и костяную голову. Я не стал ее разглядывать, а просто ринулся на эту гадость с ключом, надеясь, что она тебя отпустит.

— Слава Богу, что ты так сделал. Оно меня чуть не убило.

Напрягая зрение, Дэн пытался рассмотреть, насколько сильно я поранен.

— Ты чувствуешь кровь где-нибудь? — спросил он меня.

Я потряс головой.

— Тогда хорошо, — сказал он. — Пойдем назад в машину. Меня не вдохновляет идея шататься по этому лесу больше чем необходимо.

Он помог мне подняться. Я был в шоке и слегка покачивался, но идти мог.

— Не забудь ключ, — сказал я. — Такая штука стоит кучу денег.

Мы поковыляли из леса, а потом через двор старины Паско. Дождь хлестал нас по лицу, и к тому времени, как мы достигли машины, с нас капало. Я залез на водительское сиденье и захлопнул дверь.

— Ты точно можешь вести? — спросил Дэн.

Я потер шею.

— Я в полном порядке. Ну, по крайней мере, в половинном порядке. Это чудовище просто немного придушило меня.

— Это был один из них? Джимми или Элисон?

Я прочистил горло.

— Похоже на то. Наверное, Элисон. Я говорил с Джимми, когда это случилось.

— Ты говорил? Говорил с Джимми? Ты видел его?

— Ни капельки. Он прятался в гуще колючих кустов. Я его даже краешком глаза не увидел.

Дэн протер запотевшее стекло и выглянул наружу.

— Знаешь, — сказал он. — Когда я ударил это существо, мне показалось, что я ударил пирог-суфле. На второй раз оно хрустнуло, хрустнуло, понимаешь?

— Похоже, ты его ранил, — сказал я ему.

— Если бы я знал, что это Элисон...

Я поднял руку, чтобы он замолчал.

— Если бы ты это знал, ты бы сделал то же самое. И кроме того, судя по тому, что я слышал от Джимми, они больше не те, кем были раньше. Они не Джимми и Элисон, которых мы знаем. Это не карнавальные костюмы. Изменились их тела, и мозг изменился тоже. Джимми не отвечал на мои вопросы и бурчал что-то о том, что я его не понимаю.

Дэн с глубокомысленным видом взглянул на меня.

— Возможно, они страдают от психологического шока. Если бы ты или я прошли через такие физические изменения, какие испытали они?..

— Я не думаю, что дело в этом, — сказал я. — Похоже, изменились основополагающие фундаментальные понятия, отношения, интересы. Не было ни истерии, ни абсурда. Что бы ни говорил Джимми, это было разумным и последовательным, но с позиций какого-то величия древнего мира, какого-то дня, назначенного тысячелетия назад.

Дэн нахмурился.

— Величие древнего мира? Когда это Джимми интересовался величиной древнего мира?

— Я как раз об этом. Джимми Бодина никогда не волновало ни величие древнего мира, ни предсказания, обещания или суеверия. Он был прост, прям и практичен. Во что бы он ни превратился, его сознание изменилось вместе с телом. Но мне не показалось, что он травмирован. Посмотри, как он отвлекал меня от шебуршаний Элисон сзади. Он действует хитро и с какой-то целью, но не спрашивай с какой, потому что я не знаю.

Шелли на заднем сиденье принялся яростно вылизывать себя. Некоторое время мы сидели молча, слушая звуки дождя и трения жесткого язычка Шелли по шерсти.

Наконец Дэн не выдержал:

— Так что мы будем делать? Поднимем на ноги Картера? Они явно опасны, какова бы ни была их цель.

Я кивнул.

— Я думаю, мы так и сделаем.

Я завел двигатель и включил дворники. Но когда я уже был готов тронуться, сзади раздался громкий удар, и я повернулся на сиденье, думая, что бампер зацепился за что-то.

К моему ужасу, заднее стекло разлетелось на мелкие кусочки, осыпав все серебристым дождем осколков, и сквозь отверстие просунулась гигантская черно-зеленая клешня, пробираясь мимо труб и инструментов, царапая и громыхая железом.

— Это они! — заорал Дэн. — Поехали отсюда к чертовой матери!

Я нажал на газ, и задние колеса, которые пробуксовали на листьях, понесли машину вперед. Клешня ухватила за заднюю открывающуюся вверх дверь и буквально сорвала ее с петель со скрежетом и лязгом, из-за которого по моим артериям застремилась лошадиная доза адреналина. На бешеной скорости я выехал по подъездной дороге на шоссе, молясь всем святым, чтобы у этих морских существ не оказалось необычной для морских существ прыти. Но, перескакивая через последнюю рытвину, я

увидел прямо перед собой темный громоздкий силуэт второго чудовища с поднятой клешней, готовой поразить нас.

Я попытался обогнуть существо, и покрышки закрипели, но громадная клешня вмазалась прямо в ветровое стекло, обдав нас фонтаном осколков.

— Господи, мое лицо! — заорал Дэн.

Но я был слишком занят клешней, которая схватилась за ручку передней дверцы и дергала ее, волоча за собой все массивное тело чудовища.

Моя нога вдавила педаль газа в пол, и мотор взревел еще громче. Клешня, державшаяся за одну лишь ручку дверцы, наконец отпустила ее, врезалась в стекло дверцы, разбив его, и пропала позади, чиркнув по машине напоследок. Мы были на шоссе.

Чудом развернувшись на визжащих покрышках и удержав машину в устойчивом положении, отчего из задней части посыпались гаечные ключи и трубы, я направился к Нью-Милфорду и конторе Картера настолько быстро, насколько позволяли дождь и ветер, хлещущие через разбитое ветровое стекло.

Дэн по дороге почти ничего не говорил, за исключением одной фразы:

— Мое лицо, черт возьми! Я весь в крови.

У Картера было столпотворение, когда мы приехали. Снаружи стояло шесть или семь машин его помощников, и нам пришлось припарковать побитый «кантри сквайр» на другой стороне улицы. Когда мы вошли сквозь вращающиеся стеклянные двери внутрь, то сразу же окунулись в беспрестанные телефонные звонки, беготню озабоченных полицейских и толпу местных телевизионщиков.

Я подошел к первой попавшейся конторке, за которой измученная женщина в полицейской форме пыталась справиться с взбесившимся коммутатором. Дэн шел сзади, прижимая окровавленный платок к щеке. Оказалось, что он не так уж сильно порезался, хотя атака чудовища сильно его потрясла.

— Мне нужен шериф, — сказал я женщине. — Мое имя Мейсон Перкинс. Он знает, кто я.

Девушка посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

— Шериф сейчас никого не принимает. Никого.

— Просто назовите ему мое имя и передайте, что это ужасно срочно.

Девушка разъединила одну линию и соединила другую.

— Мистер, я сожалею, — сказала она, — но здесь творится черт те что и у шерифа заняты не только руки, но и все остальное.

Я оглянулся. Комната была задымлена до предела сигаретами газетчиков, гомон и крики оглушали. Телевизионщики включали и выключали свои юпитеры и пытались делать снимки, телефоны настойчиво звонили, но никто к ним не подходил.

— Что здесь происходит? — спросил я у девушки. — Воздушная тревога?

— К сожалению, я не могу вам сейчас это сказать. Но как только шериф Уилкс освободится, я доложу ему о вас.

Я в отчаянии отвернулся от нее. Но потом увидел старого пьянчужку Джека Балло из Нью-Милфордской газеты, ссутулившегося около дверного косяка с сигаретой в зубах, в тирольской шляпе, сдвинутой на глаза.

— Подожди здесь минуту, — сказал я Дэну и через толпу репортеров и помощников стал пробиваться в другой конец комнаты. Джек, увидев меня, поднял в приветствии руку.

— Как поживаешь? — спросил он меня, когда я протискивался мимо брюха толстого помощника шерифа с прической, как у Билла Хейли.

— Отлично, — сказал я ему. — По крайней мере, я так думаю. Что за чертовщина здесь творится?

— Ты разве не слышал? Отвратительное убийство на станции Вамингтон. Молодую девушку просто разорвали на куски.

— Я ее знаю?

Джек достал записную книжку и быстро проглядел ее.

— Сомневаюсь. Она из новой семьи, которая переехала две или три недели назад. Сเต็ดмены.

— Улики? — спросил я.

Он покачал головой.

— Похоже, это работа какого-то маньяка. А я знаю, что я говорю. Ее шея сломана, а кожа, похоже, содрана вместе с мясом. Все внутренние органы удалены, их сейчас разыскивают. Сердце, печень, легкие отсутствуют — так сказать, в самоволке.

Во рту у меня пересохло, будто я весь день только и делал, что курил. Мой левый глаз нервно задергался. Вероятно, от усталости и истощения.

— Кого подозревают? — сказал я. — У Картера есть какие-нибудь идеи?

Джек приподнял бровь.

— Надеюсь, ты собираешься заплатить за информацию, предпочтительно выпивкой.

— Послушай, Джек, это действительно срочно. По-моему, я могу знать кое-что об этом. Расскажи мне обо всем.

— Я расскажу тебе, что знаю, если ты расскажешь мне, что знаешь ты.

Я кивнул.

— Хорошо, идет. А теперь поторопись, а?

Он сверился с записной книжкой.

— Ну, — медленно сказал он, — похоже, что в районе 109-й дороги пропало только три человека. Это Джимми и Элисон Бодины, разыскивающиеся в связи со смертью Оливера Бодина, а также человек по имени Фредерик Карлен, который приехал к тетушке на пару дней. Тетю зовут Эльза Грин, и она говорит, что Фредерик был безобиднейшим человеком.

— Она не говорила, пил ли он воду? — спросил я.

Джек нахмурился.

— Воду? При чем тут вода?

— Я еще не знаю. Ты спрашивал ее, пил ли он воду?

Джек, казалось, был в тупике.

— Не помню. Я хочу сказать, это не тот вопрос, который задают о пропавших племянниках, не так ли?

Схватив голову руками, я со скрипом попытался шевелить мозгами. Потом сказал:

— Кто-то должен был это спросить. Картер уж точно. Надеюсь, он это сделал.

Джек осторожно спросил:

— Ты хочешь сказать, что это убийство связано с загрязнением воды, о котором говорили недавно?

— Я ничего не хочу сказать.

— Ну же, Мейсон, у нас с тобой сделка. Ты водопроектировщик, поэтому что тебе здесь нужно, если нет связи между водой и мертвой девочкой?

Я взглянул ему прямо в глаза.

— Ты обещаешь помалкивать, пока я не разрешу тебе говорить?

— Знаешь, насчет этого я не уверен.

— Или ты будешь помалкивать, или я тебе ничего не скажу.

Он вздохнул.

— Хорошо. Пока не начнется шумиха, я буду молчать. Что случилось?

Тщательно подбирая слова, я начал:

— Есть вероятность — только вероятность, — что загрязнение воды в каком-то смысле повинно в том, что случилось с Оливером и с этой девочкой. Ничего пока не ясно. Но Дэн Керк занимается анализом этой воды, и он нашел там странные вещи.

— Какие странные вещи?

Я глотнул. Мне нельзя было ничего рассказывать Джеку. Он был старым другом и в придачу неисправимым сплетником. Но сейчас он мог быть полезен, особенно если Картер Уилкс был слишком занят, чтобы рассказать что-нибудь.

— В воде находятся неизвестные микробы.

— Еще что-нибудь? — спросил он.

Я потряс головой.

— Это все, что я знаю. Но когда Дэн закончит анализы, новости будут страшноватенькие.

— Он знает, что это за микробы? — допытывался Джек.

Я потряс головой.

— Он ученый, а не я. Даже если бы он мне сказал, я бы все равно не понял.

— Ты уверен, что он даже не намекал?

Я посмотрел на Дэна, стоящего в другом конце комнаты и прижимающего платок к щеке.

— Дэн — осторожный человек, — сказал я Джеку. — Когда он знает, он говорит. А я скажу тебе. Но не разноси это по округе, пока все не прояснится, хорошо? Если это не подтвердится, а ты это уже напечатал, тебя закидают тухлыми яйцами, а Уилкс сделает подтяжки из моих кишок.

Джек убрал блокнот.

— Хорошо, Мейсон. На этот раз я тебе поверю. Но если что-нибудь еще станет известно, я должен тут же узнать об этом — понял меня?

Я кивнул ему и начал проталкиваться обратно. Когда Дэн увидел меня, он слабо улыбнулся.

— Ты как раз вовремя. Я, по-моему, сейчас очокурюсь.

— Соберись. — сказал я ему. — Ты ведь силен, как вол. Как лысый вол, но сильный. Ты знаешь, что здесь произошло? Еще одно убийство. Девочка была освежевана недалеко от станции Вэмингтон. Когда я говорю «освежевана», я именно это и имею в виду.

Дэн уставился на меня, моргнув.

— Освежевана? Кто?

— Мы ее не знаем. Девочка Седменов. Ее семья недавно переехала. Джек сказал, похоже на работу маньяка. Она разорвана на куски, а внутренности исчезли.

— Мать Божья, — сказал Дэн, и его лицо побледнело, как никогда.

Я схватил его за руку, чтобы он не упал.

Даже посреди всего этого крика, звонящих телефонов и суматохи я не мог не думать о моментах, пережитых в лесу. Я вспоминал крепкую ракообразную клешню этих ходячих плоскогубцев, а также клешню поменьше и поострее, которая начала искать мои внутренности. Я вспоминал историю, рассказанную мне отцом. Историю о мертвом пирате, лицо которого разложилось, а в костях копошились крабы.

— Ты думаешь то же, что и я? — спросил я у Дэна.

Он быстро, без тени улыбки, взглянул на меня.

— О том, что Джими и Элисон могли убить девочку? Да, я думал об этом.

— Я тоже. В этом случае нам тем более необходимо увидеть Картера. Почему бы тебе не использовать свой шарм ученого против этой девушки за конторкой, а я в это время прокрадусь по коридору и посмотрю, как там Картер, идет?

Дэн скорчил рожу.

— В данный момент я не особо очарователен. Посмотри на эти порезы.

— Не глупи, — успокоил я его. — Это даже возбуждает. Ты выглядишь как Дуглас Фербенкс-младший после битвы на мечях, вот и все.

— Хорошо, — вздохнул он. — Я постараюсь.

Мы расстались. Дэн перегнулся через конторку и завел разговор ни о чем, а я тем временем протолкнулся к двери с надписью «Контора шерифа, посторонним вход запрещен» черными буквами на матовом стекле.

Я встал спиной к двери и, выждав, когда никто из помощников на меня не смотрел, открыл двери и проскользнул внутрь. Затем подождал секунду или две на случай, если кто-нибудь пошел за мной, но никого не было, и я быстро зашагал по коридору, который вел к кабинету Уилкса.

Дверь была приоткрыта, и из щели как слезоточивый газ сочился сигаретный дым. Очевидно, у Картера был военный совет, потому что комната была набита помощниками и офицерами в штатском. И когда я выглянул из-за косяка, чтобы посмотреть, что там происходит, я смог разглядеть карты, планы и горы бумаг.

Картер, большой и с соответственно большим животом, надел на нос пенсне и стоял над подробной картой станции Вашингтон и окружающих холмов.

Он хрипло говорил:

— Я хочу, чтобы все вокруг систематически обыскили, метр за метром, неважно, холм это или долина. Я хочу быть уверенным, что когда вы закончите работу, не останется необследованными ни листика, ни фантика.

Телефон на столе зазвонил, и он поднял трубку. Все в комнате напряженно ожидали, пока он говорил.

— Да... да. Я понимаю. Да. Хорошо... хорошо. Я понял.

Он положил трубку, снял очки и оглядел всех.

— Это следователь. Они произвели предварительное исследование останков Сьюзан Стедмен. Она была атакована каким-то механизмом, который сломал ей шею и раздробил нижнюю челюсть. Они не уверены, что это

было или как оно использовалось, но считают, что она подверглась давлению, равному примерно тысяче фунтов. Только после того, как она упала на землю, она была выпотрошена, выпотрошена необыкновенно тупым инструментом. Может быть, лопатой. Они не знают ничего о том, как было совершено преступление, могут назвать лишь время — вероятно, она умерла чуть позже полудня.

— Сексуальное домогательство? — спросил худой офицер с длинным носом.

— Нет. Белье цело, и нет следов сексуального вмешательства.

— Что-нибудь пропало? — спросил другой офицер. — Деньги, драгоценности?

Картер Уилкс протер очки кусочком замши, предварительно подышав на стекла.

— Сьюзан Стедмен имела при себе четыре доллара и восемьдесят пять центов в кожаном индийском кошельке. У нее были наручные часы за двенадцать долларов. Ни то ни другое не пропало.

— Итак, на данном этапе мотивов нет? — вставил первый офицер.

Картер кивнул, не поднимая глаз. Он выглядел замороженным и подавленным и был гораздо спокойней и тише, чем обычно. Обычно он был задиристым и резким, но теперь, по-моему, ему было о чем подумать. Обычное убийство — достаточно серьезно, а такое было раза в два круче.

Я отчетливо произнес:

— Шериф, можно я кое-что сообщу?

Картер поднял глаза — казалось, он не удивился и не взбесился, увидев меня здесь.

— Что, Мейсон? — сказал он. — Новости от Дэна?

— Я знаю, где Джимми и Элисон. Полчаса назад я видел их на ферме Паско.

По комнате прокатился удивленный шепот, но Картер поднял руку.

— Ты привез их с собой? — спросил он. — Они в безопасности?

Я потряс головой.

— Они все еще там. По крайней мере, мы их там оставили. Они не совсем вменяемы.

— Что за черт, это еще что значит? Иди сюда и рассказывай, что произошло?

Два офицера расступились, чтобы дать мне протиснуться поглубже в жаркую накуренную комнату. Я посмотрел на горящие энтузиазмом молодые лица, и мне показалось, что я попал в какой-то дешевый кинодетектив.

Слегка смущенный, я сказал:

— Я надеюсь, вы не обижаетесь, что я без приглашения.

Картер поставил ногу в черном ботинке на стул и засунул зубочистку между передних зубов. Он не любил миндальничать и грубо сказал:

— Скажи, что у тебя там на уме, и все, Мейсон.

Я прочистил горло.

— Нашел их Пол Дентон. Я не знаю, как он потерялся и почему, но он наткнулся на Джимми и Элисон, и они послали за мной. Поэтому Пол пришел в мой дом.

— Ты мне ничего этого раньше не говорил, — прорычал Картер.

— Да, и очень жалею об этом. Но Пол сказал, что Джимми и Элисон настаивали на том, чтобы не было полиции. Я им подыгрывал и не хотел отпугнуть их.

Картер закатил глаза.

— Он не хотел отпугнуть их. Здорово! Он идет навещать двух подозреваемых в убийстве собственного сына и ни словечка не говорит легавым, потому что не хочет спугнуть эту парочку!

— Послушай, шериф, — прервал я его. — Все обстоит гораздо хуже. Ты знаешь, что произошло с Оливером, — так вот, то же самое, только доведенное до конца, произошло с ними.

Никто, кроме Картера и меня, не понимал, о чем речь. Они повернулись друг к другу с озадаченными лицами, а затем посмотрели на нас с Картером, ожидая объяснений.

Картер, прищурившись, взглянул на меня.

— Полностью? Ты имеешь в виду, все тело?

— Мы оба видели их. Дэн Керк и я. Мы встретились с ними в лесу. Рядом с фермой Паско, и они за нами погнались.

— Погнались? Что это значит?

Я развязал галстук и расстегнул рубашку. Помощники и полицейские уставились на меня, зачарованно молча. Когда я расстегнул воротник, они увидели, что сделало со мной существо, которое раньше было Элисон Бодин. Наше было две неровных полосы красно-синих царапин, начинавшихся в верхней части груди и заканчивавшихся на правом плече. Когда я опустил голову и увидел это, я почувствовал себя так же, как и Дэн. Я представлял собой жертву избиения мотоциклетной цепью.

— Это сделали Бодины? — ошарашено спросил Картер.

— Не Бодины, а Элисон Бодин, если не ошибаюсь.

Один из офицеров, невысокий рыжеватый человек с очень короткой стрижкой, сунул в рот сигарету, прикурил и сказал:

— Чем это вас? Кнут или цепь?

— Ни то, ни другое, — сказал я ему. — Эти отметины сделаны рукой Элисон, если это можно назвать рукой.

Другой офицер сказал:

— Эти следы похожи на те, что мы нашли на теле Сьюзан Стедмен. Только у нее было похуже.

— Это я и хочу сказать, — сказал я. — Бодины могут быть ответственными за смерть Сьюзан.

Картер неожиданно поднял голову.

— Джерри Мартино, возьмите человек двадцать с ружьями и давайте туда. Быстро.

— Думаешь, я прав? — спросил я его.

Он потянулся за своей шляпой, покоившейся до сего момента на кипе бумаг.

— Я не знаю, прав ты, не прав. Может быть, ты придуриваешься, как обычно. Но если ты видел Джимми и Элисон Бодин и думаешь, что они убили Сьюзи Стедмен

так же, как своего сына, то, мне кажется, мой долг — поехать и схватить их. Это гораздо лучше, чем протирать здесь штаны и смотреть на карты.

Он подтянул пояс с кобурой.

— Трентон, — приказал он. — Я хочу, чтобы ты заменил меня и занялся поиском в районе Вامينгтона, пока меня нет. Кен — к радио и держи связь. Мы поедем туда, где Мейсон видел Бодинов, а затем развернемся и будем прочесывать лес. Позвони Хантли и скажи ему, что мне нужны все собаки.

Я тер глаза, которые болели от дыма.

— Вам больше пригодятся кошки, если вы хотите узнать, что думаю я, — заметил я. — Шелли сходит с ума, когда чувствует тот запах рыбы.

Рыжеватый помощник, пока другие паковали свои бумаги, вещи и глотали остатки кофе, вдруг заговорил:

— Извините, шериф, но мне кажется, что мы что-то не дослушали.

— Не дослушали? О чем вы?

Помощник, не смутившись, пояснил:

— От того, о чем вы и мистер Перкинс говорили, у меня осталось впечатление, что Джимми и Элисон изменились. И, по-моему, мистер Перкинс сказал, что эти следы оставила рука... рука Элисон. Рука?

Картер посмотрел на меня, и я в свою очередь пожал плечами. Это была опасность, которая угрожала всему округу Нью-Милфорда, и мы знали, что не сможем хранить это в тайне вечно. После минутного колебания Картер терпеливо вздохнул и положил бумаги обратно на стол. В комнате стояла тишина, только иногда кто-нибудь покашливал или шаркал ногой.

— Это рано или поздно вышло бы наружу, — проговорил он. — Причина того, что я молчал обо всем этом так долго, — паника, которая могла охватить город. Я не хотел, чтобы люди бегали как краснозадые бабуины и наводили беспорядок рассказами о марсианах или чем-нибудь вроде этого. Но сейчас, в силу обстоятельств, каждый имеет право знать это.

Он посмотрел в мою сторону, и я ободряюще кивнул ему. Он облизал губы и продолжал:

— Сегодня вечером я не хочу, чтобы кто-нибудь кроме полиции знал то, что я скажу вам. Завтра мы все расскажем прессе. Но я надеюсь, что мы поймаем убийц до рассвета, и если мы это сделаем, мы предотвратим полномасштабный кризис.

После недолгой паузы он тихо продолжил:

— Дело в том, что Джимми и Элисон Бодины пережили довольно странные перемены внешности. Не спрашивайте меня зачем и как, но поверьте, что это так. У них вместо кожи появились твердые чешуйчатые панцири, и, судя по тому, что говорит здесь Мейсон Перкинс, у них клешни, как у крабов или омаров.

Воцарилось недоверчивое молчание. Потом кто-то хихикнул.

— Омары? — сказал кто-то.

Картер рассердился.

— Вы слышали, — сказал он с металлическими нотками в голосе, — что у них чешуя и клешни и что они нападают на людей, как они напали на Мейсона, поэтому они, по всей видимости, опасны.

— Сложно проглотить такое сразу, — заметил рыжеватый помощник. — Я хочу сказать, шериф, вы абсолютно уверены, или это предположение?

Картер свирепо посмотрел на него.

— Уильямс, — прорычал он. — Я когда-нибудь был доверчивым? Как ты считаешь, исходя из твоего опыта работы со мной, я что, олух?

— Нет, сэр.

— Нет, сэр, — передразнил Картер. — Это означает, что если я говорю, что Джимми и Элисон похожи на омаров, то вы можете поспорить на свою собственную задницу, что это так. Верьте тому, что я говорю, и делайте что приказано, и вы выкрутитесь из всего этого целехоньками. Я хочу, чтобы вы их нашли, привели сюда, а когда вы это сделаете, мы подискутируем насчет их внешности.

— Да, сэр, — сказал Уильямс.

— Шериф, — вставил я. — Надо учесть еще одну вещь.

— Что еще? — спросил Картер, беря бумаги со стола.

— Ну, знаете, от Шермана до станции Вамингтон несколько миль, и мне удивительно, как Джимми и Элисон могли среди дня пройти такое расстояние и их никто не увидел.

— Ну и? — потребовал Картер, которому не терпелось поехать в ночь с оружием, собаками и помощниками.

Я оглядел комнату. Полицейским и помощникам явно уже хватило моей болтовни на сегодня, и я поколебался секунду, прежде чем начать. Их лица были суровыми и выжидающими.

— Я хочу сказать, что убить девушку мог этот Карлен, — тихо сказал я. — Он был ближе к Вамингтону, так ведь. И он не слышал о запрете на питье воды.

— Я спросил тетку, пил ли он воду, — сказал Картер без всякого выражения в голосе. — Она сказала, что, насколько она знает, он не пил.

— Насколько она знает? А насколько?

— Я не знаю, Мейсон. А сейчас мне лучше поехать поискать Джимми и Элисон, чем выяснять, пил ли чей-то беглый племянник воду.

— Но это мог быть он, — настаивал я. — Это мог быть Карлен, так же как и Джимми с Элисон. На самом деле это более вероятно, потому что он был ближе. Карлен тоже мог превратиться в краба.

Картер вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Хорошо, Мейсон, я верю тебе. Карлен, возможно, тоже изменился. Если это так, мои люди найдут его. Но сейчас, я думаю, важнее поймать Джимми и Элисон, пока их след не остыл.

— Ладно, — сказал я ему. — Но полегче. Во что бы там они ни превратились, я не хочу, чтобы их убили. По-моему, Элисон уже досталось. Дэн Керк выручил меня с помощью моего 120-сантиметрового гаечного ключа, и он сказал, что слышал, как ее панцирь хрустнул.

Картер кивнул. Один из помощников сказал прерывающимся голосом:

— Бред, полный бред.

Но Картер сказал:

— Без комментариев. Пойдемте найдем их.

Возглавляемые спешащим Картером, помощники вышли из здания и поехали на поиски Джимми и Элисон.

Я оставался на месте, слушая, как звонят телефоны и хлопают двери, как орут репортеры, пытаюсь взять интервью у Картера. Потом все умолкло, кроме звонящих телефонов, да и те попритихли, когда репортеры принялись звонить в свои агентства. В захлавленной, опустевшей конторе Картера пахло застоявшимся сигаретным дымом и потом.

Я услышал, как скрипнула вращающаяся дверь, протопали ноги по коридору; появился Дэн Керк. Постояв около двери немного и прижимая платок к лицу, он сказал:

— Что случилось? Картер вылетел как ошпаренный.

— Они уехали искать Джимми и Элисон.

— Ты им рассказал?

— Конечно, рассказал. Пришлось. Они опасны не только для других, но и для себя. По крайней мере, когда Картер поймает их, у них будет шанс.

Дэн осторожно взглянул на меня.

— Ты хочешь дать им шанс? Ты не думаешь, что им лучше умереть?

Я пожал плечами.

— Я не знаю. Они когда-то были моими друзьями, не так ли? Может быть, их можно вернуть в исходное состояние. Человеческое. И если это возможно, я не хочу быть ответственным за их убийство.

— Ты не несешь ответственности, — сказал Дэн. — Ты здесь.

Я кисло взглянул на него.

— Черт возьми, Дэн, — сказал я ему. — Мы все несем ответственность. Ты не слышал разве: «Возлюби ближнего своего, как самого себя» ?

— Я никогда не слышал о любви к омару, — сказал он мягко.

Я вышел из кабинета Картера и закрыл дверь. Мы молча прошли по коридору и, толкнув дверь и выйдя в холл, увидели, что там почти никого не было, за исключением телетехника, убравшего юпитеры в холодном безмолвии ночного воздуха.

— Они не омары, Дэн, — сказал я тихо. — И это главная ошибка Картера и его людей. Они люди. Они в чешуе, они агрессивны и опасны, но они люди. Они могут говорить и думать, как люди. Они, конечно, другие, но все же люди. Нам нужно узнать, что они за люди.

Дэн сказал с несчастным видом:

— Ты серьезно думаешь, это возможно?

Я стоял на ступеньках и смотрел на свой побитый и слегка поломанный «кантри сквайр».

— Нет, — сказал я. — Но попытаться, черт побери, стоит.

Я ехал обратно в Нью-Престон на спокойной скорости десять миль в час. Холодный ветер дул сквозь разбитое ветровое стекло, и глаза у меня слезились так же, как когда я смотрел «Чудо на Пятьдесят четвертой улице». Шелли с тихой ненавистью относился к неожиданному холоду и, свернувшись на полу под передним сиденьем, сердито подставлял мех к рефлектору. Холод был для него хуже всего. Я сомневался, что он меня когда-нибудь простит. Но мне это было в общем-то безразлично. Он был всего лишь котом, и моя вина была только в том, что иногда я обращался с ним как с человеком.

Путь домой на такой скорости занял почти двадцать минут. Но наконец я все-таки свернул на подъездную дорогу и подъехал к двери. Я вытащил из сарая изношенный чехол, накинул на переднюю часть «кантри сквайра» на случай, если будет дождь, и усталое пошел к двери. Шелли поплелся следом, вздыбив шерсть и презирая всех и вся.

В доме было почти так же холодно, как и на улице, бревно в очаге почти догорело, а поленница была пустой,

что обещало прогулку на задний двор за дровами. Я печально и даже как-то одиноко отгреб золу в сторону и смял несколько номеров «ТВ-гида» для растопки. Потом запер боковую дверь и вышел в холод и мрак заднего двора.

Я не знаю, бывали ли вы в Коннектикуте поздней осенью, но поверьте на слово, она мрачна и холодна. Холодная сырость заставляет вас держаться поближе к огню и бутылке «Джека Дэниела» и ничего не делать, вперившись в телевизор, даже если показывают что-нибудь вроде «Гонг шоу». Мороз, конечно, не такой трескучий, как в Нью-Хемпшире или Вермонте, но достаточно сильный для того, кто привык жить во Флориде. К тому времени, когда я добрался до дров, изо рта у меня валил пар и меня трясло, как Боба Кратчита накануне Рождества — короче, я оказался абсолютно не подготовлен к тяжеловесному потрескиванию в деревьях, говорившему о том, что там кто-то есть.

Я остановился и прислушался, держа в руках охапку дров. Потрескивание слышалось опять, потише, но отчетливо. Это были не листья, падающие с деревьев. Это были не барсук и не собака. Это было что-то большое и тяжелое, как человек, и это что-то кружило вокруг моего дома.

Мое сердце учащенно забилося; давление, наверное, тоже подскочило, но у меня не было времени или желания мерить его. С широко открытыми глазами я осторожно и медленно пошел к дому, надеясь, что кто-то или что-то не надумает перекрыть мне дорогу к полуоткрытой боковой двери. Она была метрах в пятнадцати от меня, и свет, струившийся из комнаты, был аппетитным и гостеприимным, как головка хорошего висконсинского сыра.

Казалось, прошли часы, прежде чем я достиг безопасной комнаты. Но я все же достиг ее и закрыл за собой дверь, а передо мной сидел Шелли, нетерпеливый, как обычно. Я свалил дрова на решетку камина и сказал ему:

— В следующий раз ты пойдешь за дровами. Снаружи слишком страшно для меня.

Шелли дернул ушами и ничего не ответил. Я поставил дрова домиком и поджег рваные «ТВ-гиды». Скоро запылал, потрескивая, огонь, и я смог пойти в столовую и налить себе бурбона. Приходится признать, что первый бурбон я выпил, стоя у столика, а на обратном пути налил себе еще на три пальца. Но я не думаю, что кто-нибудь меня осудит. После общения с Джимми и Элисон и после ужасных звуков снаружи каждый бы поддался искушению черпать храбрость в квадратной бутылке с черной этикеткой.

Посидев немного у огня, пытаюсь отогреться, я попробовал дозвониться Рете. В лаборатории не отвечали, не отвечал и ее домашний номер, и я подумал, что она опять гуляет с Поросянком Пэкером. Мне захотелось дать ему в зубы. Сильнее всего я хотел, чтобы сейчас рядом со мной была Рета, свернувшаяся калачиком перед огнем и одетая предпочтительно во что-нибудь неофициальное. Мне хотелось, чтобы передо мной была теплая и успокаивающая перспектива ночи вместе, но меня, похоже, ожидала одинокая и холодная ночная кутерьма. Я снял бейсболку и достал сигару, изучив, перед тем как зажечь, ее пластиковый наконечник. Может быть, Грег Мак-Алистер был прав насчет рака. Может, он был прав во всем. Мысленно я сделал пометку, что утром мне надо будет съездить в Кендивуд за книгой «Легенды Литчфилда».

Парадная дверь задребезжала, и я услышал шорох листьев снаружи. Наверно, надо было включить телевизор, и тогда я бы не слышал таких звуков. Но почему-то мне больше нравилось пугаться того, что я мог слышать, чем того, что услышать нельзя. В любом случае, телевизор плохо влияет на душевное состояние. Единственные существа с врожденным иммунитетом — это кошки.

Снаружи опять послышался шорох. Я попытался не замечать его, но он раздался вновь. С преувеличенной осторожностью я встал с дивана и подошел к окну. Я еще не задернул занавески, и снаружи было видно лишь

темноту, густую темноту. Я увидел только свое отражение в стекле, уставившееся на меня. Я поприветствовал его, подняв стакан, а потом пошел и сел на место.

Прошло минут десять. Я начал клевать носом. Я так устал, что с удовольствием пошел бы спать. Но сейчас было только семь часов, и если бы я лег спать, то провел бы остаток ночи ворочаясь и разглядывая потолок, а этого я не выносил. В любом случае, огонь сиял ярко и весело, и гостиная была довольно приятным местом.

Я клевал и клевал носом. Уснув на секунду, я увидел, что плыву в темном океане, пытаюсь пробраться через лабиринт скользких рифов. Я открыл глаза: я все еще сидел с ногами на диване, и Шелли был там же, жмурился от бликов камина.

Я задремал опять, и опять я плыл через темноту, гребя мощно и глубоко. Я знал, что я что-то искал, и мне нужно было выбраться из океана в расщелину или грот. Сегодня море было опасным. Холодным, чужим и опасным. Я оглянулся, пытаюсь определить, преследуют ли меня. Но все, что я видел через мутную темную воду, были темные призрачные тени и что-то похожее на водоросли или угрей.

Меня разбудило отчетливое постукивание. Мои глаза открылись прежде, чем я осознал, где я и что происходит. Я повернулся к огню, и все было по-прежнему, но потом послышался еще один стук, погромче, и я посмотрел на окно. Мое сердце провалилось и чуть не пробило обивку дивана.

Наполовину видимая из-за отражений, за окном маячила пятнистая чешуя. А позади клешни, слегка замаскированные темнотой, шевелились толстые усы и что-то похожее на черные, уставившиеся на меня глаза. Это клешня стучала по стеклу. Это клешня хотела моей плоти.

Последовал оглушительный треск, и Шелли вскочил и бросился наутек, как будто на него наступили. Стекло разлетелось вдребезги, и в комнату просунулась гигантская клешня. Я скатился с софы в направлении гостиной

вслед за удирающим котом, но был недостаточно быстр для того, что случилось потом.

Через открытое окно ревущим потоком ворвался пенящийся водопад. Он был таким мощным, что затопил очаг, из которого лишь вырвалось облачко пара, и понес над полом телевизор. Я не успел достичь двери в кухню, и вода ворвалась в гостиную, сшибая стулья, швыряя стол о стену и разбивая окна. Поток ударил меня в спину как ледяной локомотив и бросил на косяк двери. Пол ушел из-под ног, и я оказался прямо под пеной, а потом осознал, что глотаю ледяную воду кубометрами. Запаниковав, я попытался встать на ноги, но пола под ногами я не чувствовал, а комната была так полна водой, что я сначала не мог достигнуть поверхности. Оттолкнувшись от пола, я сильно замахал руками и умудрился выплыть в пузырь воздуха под потолком высотой сантиметров в тридцать. Я глотал и плевался водой, держась за потолок, но бурлящие волны поднимались быстро, и я понял, что через секунду комната будет полностью затоплена. Я лихорадочно искал Шелли, но не видел его нигде. Я надеялся, что он успел нырнуть в кухню и наружу, до того как волна накрыла нас. Вода наконец достигла потолка, но я успел сделать вдох, прежде чем полностью оказался под ней. Я нырнул глубже, пытаюсь плыть к окну, но я потерял ориентацию, и было так темно, что я не мог разобрать, где была кухня, а где окно. У меня были леденящие, но живые воспоминания о том, как я плыл в океане, и я заставил себя нырнуть глубже, к полу. Под водой бурлило мощное холодное течение, и пока я плыл, мимо меня пролетали остатки дров, салфетки, бутылки и газеты. Я почувствовал, как столик с бутылками перевернулся и уплыл, отчего бутылки стали падать на пол вокруг меня.

Я задыхался. В голове бухало, как с похмелья после Дня Благодарения, а уши были залиты водой, и в них эхом раздавались звуки моего затопленного дома. Я наткнулся на стену, но я не знал, что это за стена, и даже когда я проплыл немного вдоль нее, я не нашел окна или двери.

Именно в этот момент я вспомнил еще кое-что из сна.

Чувство, будто за тобой охотятся. Ощущение, что тебя преследует какой-то злобный хищник.

Я повернулся, дрыгая ногами, чтобы удержаться прямо в потоке, и хотя я мало что разбирал в мутной темноте, я видел что-то, плывущее ко мне. Черную, угрожающего вида громадину, которая двигалась гораздо быстрее и уверенней в воде, чем на суше. В глазах темнело от недостатка кислорода, легкие разрывались, и я по-собачьи плыл, пытаюсь спастись.

Темный силуэт понемногу приближался. Я уже мог различить костистую чешуйчатую голову и клешни, поднятые над головой и готовые поразить. Я глотнул воды и заработал ногами еще быстрее.

Это могло казаться неуклюжим на земле, но под водой темные движения чудовища превратились в быстрый и подвижный балет. Его маленькая клешня выбросилась вперед и схватила меня за штанину, придержав ровно настолько, чтобы большая клешня схватила меня прямо под коленом. Это была яростная и крепкая хватка, такая же болезненная, как если бы по ноге проехал автомобиль и остановился на ней. В этот момент я был уверен, что утону и буду погран.

Существо начало тянуть меня вниз к полу. Я уже был готов вдохнуть воду, и я знал, что шансов у меня мало. Теперь, когда оно крепко схватило меня клешнями, существо, похоже, не собиралось торопиться и плыло вниз с медленной и молчаливой решимостью. Я не мог ни о чем думать. Говорят, что перед глазами тонущего мелькает вся жизнь, но, по-моему, эти последние картинки — привилегия тех, кто еще барахтается. Я же просто шел на дно, и все.

Моя спина стукнулась об пол. Я протянул руку, чтобы уравновесить себя, надеясь найти дверь или стену, которые послужили бы мне опорой для того, чтобы пнуть схватившего меня хищника. Все, что я нашел, — перевернутую лампу, которая была сделана из соломы и не сгодилась бы даже как бита.

Маленькая клешня отпустила штанину и поползла по моей ноге. Она была твердой и шершавой. И я знал, что она сделала с Сьюзан Стедмен. Все равно, когда она начнет причинять мне боль, я уже утону и меня это не будет беспокоить.

Если только я не возьму лампу и...

Мои мозги вяло шевелились. Они уже не могли нормально работать. Но лучше попробовать, чем тонуть в своей собственной гостинной, не сопротивляясь и позволяя этому ракообразному монстру пообедать моими внутренностями.

Я протянул руку и сорвал латунный обод с верхушки лампы, сорвал патрон и все остальное, оставшись с двумя оголенными проводами в руке. Потом я включил лампу и слепо ткнул проводами в направлении головы монстра.

Сильного удара не было. Послышался треск, сверкнул голубой свет, и пузырь кислорода побежал к поверхности. Но этого было достаточно, чтобы клешня отпустила мою ногу на доли секунды, а доли секунды вполне хватило, чтобы я оттолкнулся от пола и освободился.

Чудовище не замедлило погнаться за мной с шумом, похожим на какофонию оркестра проклятых душ. Оно дергалось и дергалось, пытаясь схватить меня, но я нашел окно и после короткой борьбы с задвижкой выплеснулся вместе с потоком воды прямо на задний двор.

Я катался и катался по земле, крича от недостатка кислорода, но дышал. Вода выплеснулась из открытого окна и залила яму для барбекю и сад, но я был вне дома и дышал, а больше меня ничего не волновало. Я поднялся, кашляя, задыхаясь и отплевываясь, и прислонился к легкому столику для пикника, пытаясь собрать себя из кусочков.

Только подняв голову и посмотрев на дом, я осознал, что вода перестала литься из окна. В доме было темно, но я видел, что вся вода, или почти вся, исчезла. Изнутри было слышно лишь капанье воды с промокших занавесок и мебели, а из леса доносилось уханье совы.

Я подождал немного, а потом осторожно пошел через двор к окну, через которое спасся. Я дрожал от холода, а одежда облепила меня как сырая известка. Я заглянул в комнату и увидел лишь промокшие ковры, перевернутые столы и разбросанные бутылки. От чудовища, схватившего мою ногу, не осталось и следа, так же как и от нескольких десятков тонн воды, затопившей дом.

Первое, что я сделал, — прошел вокруг дома к гаражу. Я оставил фонарь снаружи, на крючке, и теперь снял его и включил. Освещение в доме, скорее всего, накрылось, а я хотел видеть, куда я иду и где прятался мой хищный противник. Или пряталось. Я не знал, как его и называть.

Я поднялся по ступеням к парадной двери. Оттуда было видно разбитое стекло в гостиной. Но не было и намека на то, как можно было заполнить дом таким Мальстримом. Не было даже брандспойта. Если бы я не промок, как собака, я мог бы подумать, что все только что случившееся было просто одним из ночных кошмаров.

Я включил фонарь и тихо открыл дверь. Я пошарил лучом по углам коридора, но там никого не было. Подождав немного и послушав, вошел, и под ногами захлюпало. Я опасно светил фонарем туда-сюда на случай, если существо решит напугать меня сзади.

Гостиная промокла насквозь и воняла. Я знал этот запах — от него меня выворачивало. Мертвая, разлагающаяся рыба. Потребуются недели тяжелой работы и десятков пять пакетов лизола, чтобы вывести этот запах.

Я посветил в столовую, где чуть не утонул, но там ничего, кроме поломанной мебели, не было. Лампа, моя последняя отчаянная надежда, лежала там, где я ее оставил. Довольно быстро я проверил весь дом. Мебель и ковры были испорчены, комнаты воняли, как рыбные склады, но следов чудовища не было. Оно смылось очень уж быстро после того, как я выпустил воду.

Я поднял телефон и вылил из него воду. Он еще работал, и я позвонил Дэну. Он только приехал домой и говорил устало.

— Мейсон? Что такое?

Я кашлянул. Я вдруг почувствовал, что нахожусь в шоке и что губы мои двигаются с трудом. Дэн этого не видел. Не видел он также, что мои глаза наполнились слезами.

— Дэн, — срывающимся голосом сказал я, — один из этих крабов побывал у меня.

— Что случилось? Ты в порядке?

Я опять кашлянул. Не чудовище, так пневмония сведут меня в могилу.

— Я в порядке, — сказал я ему. — Подтекаю маленько, правда. Они проделали здесь ту же штуку, что и в доме Бодинов. Дом затопили, и я чуть не утоп.

— Шутишь.

— Могу ли я, Дэн? Они залили гостиную, столовую, кухню. Случилось это так быстро, что вода не успевала выливаться. Здесь побывали десятки тонн воды. Как будто был прилив, черт его подери.

— Ты видел, как это проделали? — спросил Дэн.

— Дэн, — сказал я ему. — Я был под водой. Под водой плохо видно, что происходит.

— Хочешь, чтобы я тебя забрал?

— Был бы тебе очень благодарен. Машина разбита, постель промокла, и, по правде говоря, мне не улыбается провести ночь здесь, пока эти существа бродят на свободе.

Дэн помолчал немного. Затем он сказал:

— Хорошо. Сейчас девять часов, доберусь я к десяти. Ты не получал известий от Картера, я полагаю?

— Нет. И не думаю, что у него могут быть большие успехи.

— Мне тоже так кажется. Отлично, Мейсон. Дай мне час, и я буду с тобой.

— Дэн, — тихо сказал я.

— Что такое?

— Спасибо, Дэн.

Он засмеялся.

— Да ладно тебе. Когда-нибудь и со мной такое может случиться.

Я положил трубку, а потом поднял ее снова и попробовал дозвониться шерифу.

Послушав гудки две или три минуты, я сдался. Мне следовало заняться своим туалетом: найти сухую одежду и сумку.

Я шел через прихожую в спальню, когда услышал поскребывание. Я остановился и затаил дыхание. После минутной тишины я опять услышал поскребывание. Оно исходило из шкафа.

Только одно существо могло прятаться в таком месте, и оно не было ракообразным. Я открыл дверцу и выпустил Шелли, нахохленного и сбитого с толку, пребывающего в сомнениях относительно уместности моего визита. Он спрыгнул с полки и прошествовал по сырому ковру, такой же настороженный и испуганный, как и я.

VI

Около половины восьмого в квартиру Дэна позвонила Рета, спеша сообщить, что Картер Уилкс с помощниками искали Джимми и Элисон всю ночь, но ничего не нашли. На промокшей земле не осталось следов — человеческих, во всяком случае, — и никакого следа, который могла бы взять собака. На рассвете Картер всех распустил и сделал объявление для газет. Он продолжал молчанку. Он предупредил жителей Нью-Милфорда и окрестностей, что на свободе оказались двое или трое одержимых — убийцы, и что им следует следить за детьми и закрывать двери с наступлением темноты.

Когда Рета вошла, я сидел за столом в кухне Дэна, втиснув колени под маленький стол. В таком неудобстве, но с благодарностью я поедал яичницу с беконом, которую сделала мне хозяйка Дэна. Все, что говорил Дэн о своей хозяйке, оказалось неправдой. Она была симпатичной и расторопной вдовушкой лет сорока. У нее был сын Фонзи, похожий на ирландского волкодава или на Нормана Мейлера после тяжелой ночи, и они жили в большом доме прямо напротив нью-милфордского госпиталя. Она была такой симпатичной, что я подумывал, уж не скрывал ли Дэн чего-нибудь и не питал ли каких-нибудь чувств к ней. Это могло быть причиной его постоянных рассказов о какой-то любопытной карге с железными бигуди.

Дэн был на другом конце комнаты, то есть в метре от меня, и делал кофе. Похоже, небо расчистилось со вче-

рашнего дня, и сквозь полосатые шторы пробивалось солнце.

— Привет, Рета, — сказал Дэн. — Давай, заходи. Хочешь «Гранолы»?

— Я не ем по утрам, — сказала Рета, снимая с плеча сумку с бахромой по краям и вешая ее на спинку стула. — Просто кофе. Черный.

Я посмотрел на нее, засовывая в рот сосиску с добрым куском яичницы.

— Ты так поддерживаешь форму? Не ешь по утрам?

— И днем тоже.

Я положил в кофе четыре ложки сахара, размешал и попробовал, достаточно ли он сладкий. Нам, водопроводчикам, нужна, знаете ли, энергия. Рета наблюдала за мной с непринужденным изумлением, как будто я поцеловал жабу. На ней сегодня было свободное, индийского типа платье и ботинки, что делало ее похожей на одну из дамочек, которые лужают семечки и вяжут одеяла, но я особо не возражал. У нее оставалась эта «образованная» сексапильность, а у Поросятки Пэкера — возможность упасть под школьный автобус.

Потягивая кофе, Рета рассказала нам о шерифе Уилксе и его безуспешных попытках найти Джимми и Элисон. В каком-то смысле мне это принесло облегчение, потому что, если бы их зажали в угол, дело закончилось бы расстрелом. Нью-милфордские стражи порядка были по уши напичканы фантастическими фильмами пятидесятых годов и не стали бы брать чудовищ живьем. Сначала выстрел, потом отпевание.

Дэн прислонился к раковине и быстропил свой кофе.

— Они осмотрели ферму Паско? — спросил он у Реты.

— Наверно. Ничего конкретного они не сказали.

— Я думаю, остались следы проломленного панциря там, где я ударил Элисон.

Рета покачала головой.

— Если они и нашли их, они ничего не сказали. Не забывай, я говорила не с Картером. Там был только Пит Абрамс, а ты знаешь его, когда дело доходит до сотруд-

ничества с полицией. Вы должны сотрудничать с нами, но мы не обязаны сотрудничать с вами.

Я доел бекон и отложил вилку.

— Может, они ничего и не нашли. На вид панцирь был твердым.

Дэн скорчил рожу.

— Может быть. Но я уверен, что слышал хруст, и готов поклясться, что видел осколки.

— Меня подташнивает, — сказала Рета.

— Это тошнотворное дело. Абрамс сказал еще что-нибудь?

— Еще одно. Они подумывают открыть колодец Бодинов, пробурить вниз и посмотреть, откуда идет грязная вода.

— Единственная разумная идея за два дня.

Рета кивнула.

— Они позвонят нам, когда получат разрешение. Они хотят, чтобы мы поехали и взяли пробы.

— А я? — спросил я.

— О тебе они ничего не говорили.

— Меня чуть не раздробило одно существо и не утопило другое, и они не позвали меня? Я ведь эксперт.

— Ты поедешь, — сказал Дэн. — Я сделаю тебя почетным членом отдела исследований.

— Приятно, когда хоть кто-нибудь о тебе заботится. Слушай, мне ведь надо разобраться с машиной. Ты будешь в лаборатории все утро?

— Конечно, — сказал Дэн. — Надо закончить анализы вчерашних проб.

Я достал из кармана рекомендательное письмо Грегa Мак-Алистера.

— Хорошо. Пока ты занят анализами, я съезжу за «Легендами Литчфилда». Кто знает, может, там есть ключ к разгадке. Встретимся за обедом?

— Ты слопал такой завтрак и говоришь об обеде? — спросила Рета.

— Мне нужно поддерживать силы, — сказал я ей. — Никогда не знаешь, когда нужно будет применить свою мужскую силу.

— Лучше бы в городе были обычные водопроводчики, которые бы чинили трубы и ухаживали, — сказала Рета, беря свою сумку.

— Ты это серьезно?

Она остановилась. Солнце коснулось ее лица, отчего ее глаза засветились.

— Нет, — сказала она мягко. — Я шучу.

Дэн посмотрел на меня, потом на Рету и вернулся к своему кофе.

Кендивудский мебельный магазин оказался большим захламленным сараем на 202-й дороге сразу после гигантской фигуры, рекламирующей краску, что стояла рядом с нью-милфордским «Макдональдсом». Я взял «фольксваген» Реты, и он был таким ветхим и маленьким, что я чувствовал себя как во французской комедии. Но Шелли, похоже, нравилась вибрация, и он почти сразу заснул. День был сухим и светлым, хотя небо еще отражалось в лужах, а тротуар был усыпан мокрыми листьями.

Проехав по шоссе, я остановился около деревянной вывески, гласившей: «Кендивудский Мебельный Магазин: Элегантная деловая мебель, мебель в колониальном стиле — наша специальность. Вывоз и хранение, владел.: Ф. Мартин».

Я вышел из «фольксвагена» и крепко и громко хлопнул дверцей. Пройдя по усыпанной гравием стоянке, я приблизился к большой витрине, за которой «владел.: Ф. Мартин» выставил то, что он, очевидно, считал элегантной мебелью в колониальном стиле. Мне особенно понравились стойка для телевизора и телефонный столик, изготовленные, судя по внешнему виду, в колониальные времена. Я прошел к двери и толкнул ее. Зал был полон мебели разных степеней провинциальной убогости, а за экспонатами в маленькой кабинке сидел седоватый человек в больших очках и шерстяном костюме и слушал по радио какую-то попсу.

— Мистер Мартин? — сказал я, когда тот поднял глаза и заметил меня.

Он вышел из кабинки и протянул руку.

— Это я. Фредерик Мартин. Чем могу?

— Ничего особенного, боюсь. У меня письмо от Грега Мак-Алистера. У него здесь книга, и он хочет, чтобы я взял ее и просмотрел.

Фред Мартин тщательно изучил письмо. Потом сказал:

— Вы себе представляете, сколько ее надо искать?

— Нет, но я не думаю, что это должно быть очень сложно, не так ли?

— Сложно? Мистер Перкинс вы не знаете значения слова «сложно», если думаете, что это не очень сложно.

— Извините, я просто подумал...

Он вцепился в свои волосы, как герой мелодрамы.

— Вы знаете, какого размера у меня склад? Вы знаете, сколько семей хранят там свои вещи? Сколько шкафов, стульев, фарфора? Барометров?

— Барометров? — озадаченно спросил я.

— Барометров, книг. Тысячи книг. Больше, чем в библиотеке Нью-Милфорда. Миллионы. А вы хотите одну из этих миллионов и говорите, что это несложно?

Я не знал, что сказать. Я жалел, что пришел. Но Фред Мартин прочитал письмо Грега Мак-Алистера снова и сказал уже спокойней:

— Однако в данном конкретном случае вам повезло.

— Что вы хотите сказать?

— Книга называется «Легенды Литчфилда» ?

— Точно.

Фред Мартин снял очки и уставился на меня своими голубыми водянистыми глазами.

— Так получилось, что я как бы ученый-любитель и изучаю местные легенды и мифы. Это мое хобби. По мебели видно, что я стараюсь держаться колониальных традиций. Я верю в традицию. Традиция означает уважение к корням.

Я оглядел зал.

— Телефонный столик — это традиция? — спросил я его.

Он хитро прищурился.

— Я знаю, куда вы клоните. Я знаю, что вы хотите сказать. Но по-моему, коктейль-бар в колониальном стиле лучше, чем черный пластиковый прилавок. Позолота и черный пластик — проклятье американского дизайна. Не считая белого пластика, который в сто раз хуже. И поддельный мрамор. Даже не упоминайте при мне поддельный мрамор.

— Хорошо, — согласился я. — Я помолчу насчет поддельного мрамора. А как насчет книги? Вы знаете, где она?

— Конечно. Она у меня на полке. Я заметил ее в списке и откопал пару лет назад. Это очень интересная книга. Настоящая старина. Там есть истории, которые не встретишь в официальном курсе. Пойдемте. Хотите кофе?

— Нет, спасибо. Но с удовольствием бы воспользовался туалетом.

— Это вон там, за дубовой перегородкой. Пока вы будете ходить, я достану книгу.

Вернувшись из туалета, который был достаточно традиционным, чтобы иметь аккуратно разорванные номера «Нью-Милфорд Джорнэл» вместо этой возмутительно мягкой новомодной туалетной бумаги, я обнаружил Фреда Мартина сидящим в своей будке и пролистывающим пожелтевшую, затасканную книгу в кожаной обложке. Контора была усыпана описями, счетами, извещениями, журналами и газетами, а на стене висел календарь трехгодовой давности. Мартин пил растворимый кофе из чашки, которая оповещала всех, что он стрелец.

— Садитесь, — сказал он, указывая на новенькое кресло, завернутое в бумагу. Посмотрев на часы, я так и сделал. Я надеялся, что это не займет у меня все утро, и предвкушал обед с Ретой.

— Я интересуюсь легендами о колодцах в округе Милфорда и Вامينгтона, — сказал я ему. — Вы знаете, на прошлой неделе загрязнилась вода. Я хотел бы выяснить, есть ли упоминания похожих проблем в отдаленном прошлом Нью-Милфорда. Мистер Мак-Алистер сказал, что его семья никогда не пила воду из колодца, потому что

она проклята. Они думали, что вода превратит их кожу в чешую. Как у омара, знаете ли. Он даже рассказал мне стишок.

Фред Мартин поправил очки и воззрился на книгу с видом умного животного. Со своими белыми кустистыми бровями, длинным носом и пухлым ртом он и впрямь был похож на ученую ламу.

Сопя с глубокомысленным видом, он перевернул несколько страниц.

— Вот то, что вам нужно, — сказал он, передавая мне книгу. Пальцем с толстым ногтем ткнулся в оглавление и поехал вниз. — Страница двести двадцать девять.

Я осторожно взял книгу. Она была высохшей, страницы ломкими и коричневатými. Заложив страницу, я посмотрел на обложку:

«Курс легенд и мифов Литчфилда в Коннектикуте, включающий единственный детальный отчет о процессе над ведьмами в Кенте». Автор Адам Прескот. Отпечатано: «Знак Единорога, Дзыберн, 1784».

На титульном листе была отпечатана гравюра молодого человека с неясной улыбкой, как у Джорджа Вашингтона — вероятно, по той же причине: плохие зубы.

— Я не видел больше таких книг, — сказал Фред Мартин, — и думаю, что не увижу. Это, что называется, редкое издание. Стоит несколько сотен, видно сразу.

Я открыл страницу, которую показал мне Фред. Буквы были маленькими и грязными, так что почти ничего невозможно было прочесть. Но когда я привык к буквам «S», отпечатанным как «F», и к необычной для нью-милфордских школ транскрипции, я принялся переводить «курс» некоторых проблем, которые были у нас с колодцами.

Глава называлась: «Некоторые древние истории, касающиеся источников и колодцев Вамингтона и Кента».

Затем следовало введение, повествующее о красотах края, язычестве местного населения, сколько домов здесь стояло и где, но постепенно я добрался до параграфа, который прочитал с возрастающим изумлением.

«Старые обитатели Литчфилда не пьют местную воду, говоря, что она непригодна для питья, но причина загрязнения ее — звери, обитающие под холмами, внешность которых им неизвестна. Все лишь говорят, что истории перешли к ним от индейцев, живших здесь века тому назад, и что индейские старейшины предостерегали их от зверей еще тогда, когда поселенцы воевали с племенами. По некоторым рассказам стариков Литчфилда ясно, что звери раньше, миллионы лет назад, жили в океане на подводном континенте, известном под именем Атлантида, хотя индейцы называли его именем Мик-Мак, означающим «Земля Звериных Богов». Когда ужасное подводное землетрясение разрушило пещеры и охотные угодья Звериных Богов, они проникли в Новую Англию и другие восточные земли с Последним Семенем для того, чтобы века спустя их потомки жили под землей, в колодцах и холодноводных источниках, и возрождались в телах тех, кто пил воду. Говорилось, что Атлантида никогда не была над водой, но была местом обитания ужасных Звериных Богов, плававших и охотившихся над подводными горами и имевших свое ужасное убежище в пещерах. Когда просили описать Звериных Богов, редкие старожилы могли это хорошо сделать. Но некоторые все-таки могли. Джошуа Уолтерс с Бордманского моста рассказывал лишь, что Звериные Боги, как говорили индейцы, пришли с Небес, из Маскона, и у них были щупальца, как у моллюсков, клешни, как у омаров, и, что более всего выделялось, они воняли, как тухнувшая рыба. Индейцы называли место, где лежали спящие Звериные Боги, Понтанпо, или холодная вода, а тех, кто жил под водой в дни Атлантиды — Коле-Люди, или жители глубоких вод. Звериные Боги также владели великим волшебством, заключавшимся в семикратном затоплении Новой Англии в древние времена, чтобы утопить людей и пожирать трупы. И те немногие, которые пережили потопа и видели Звериных Богов, с трудом говорили об этом испытании, немногие и пережили его, ибо все, кто испил воды, окружавшей Звериных Богов, заболел проказой и умер. И их трупы были сожжены».

Был и еще один параграф, который многословно поведал о странных подземных раскатах, которые слышали во времена бурь, и о трех необъяснимых утопленниках в 1770-х годах, и это было все. Остальные легенды касались сказок, привидений и пришествий святых. Проблема была в том, что, каким бы правдоподобным и подходящим ни было свидетельство, я никак не мог это проверить. Я бы отдал подряд на месяц за возможность поговорить с Джошуа Уолтерсом с Бордманского моста, потому что его рассказ о так называемых Звериных Богах, похоже, был наиболее близок к описанию внешности Джимми и Элисон. К сожалению, Джошуа Уолтерс был мертв уже более двухсот лет, и я не был уверен, что его потомки еще живут где-то.

— Что вы думаете об этих легендах? — спросил я у Фреда Мартина, который молча смотрел, как я читаю. — Думаете, это правда?

Фред Мартин поскреб в затылке.

— Что, эти истории про Атлантиду? Я так не думаю. Судя по тому, что я прочитал во всех этих книгах, каждая страна вокруг Атлантического океана сочинила себе легенду об Атлантиде или что-нибудь вроде того, и о монстрах и зверях, живущих в море. Правда ли это? Я не думаю. Это хорошие истории, конечно. Хорошие старые страшилки. Но и все.

— А если я скажу, что поверил?

Он пожал плечами.

— Верьте, если хотите. Это свободная страна. Верующие никогда не вредили легендам, но не помогали им выжить. Удачи вам.

С важным видом помешивая кофе, он сказал:

— Все люди верили, что Атлантида существовала. У меня есть книга о племени майя. Они в это верили. И египетские жрецы тоже. И древние греки. У всех есть истории про гигантов и чудовищ, которые вылезали из моря и ели людей на завтрак. Знаете — в Корнуолле, в Англии, еще есть люди, думающие, будто существовал волшебный остров Лайонес и там жили великаны. А

моряки из Шотландии еще говорят о морском чудовище Шони, который звал на помощь, как будто бы тонул, а когда рыбак подплывал, хватал его и тащил на дно. У Шони было другое имя — Шелликот.

— Шелли-кот? В самом деле?

Фред Мартин протянул руку к полке и, поколебавшись, достал оранжевую книгу, которую, наверное, вызволил из местной библиотеки. Перелистав ее, он сказал:

— Вот. Вот книга сэра Вальтера Скотта, так? Вот как он говорит о Шони: «Казалось, он был обсыпан морскими отходами, а точнее, раковинами, которые шелестели, возвещая о его приближении».

Я вздрогнул. В конторе Фреди Мартина было холодно-вато.

— А что колодцы? — сказал я хрипло. — Думаете, это правда?

— Что правда?

— История о Звериных Богах, живущих в колодцах и ждущих возможности возродиться.

Фред Мартин нахмурился. Он взял обгрызенный карандаш и постукивал им по оправе очков.

— Мистер Перкинс, — сказал он. — Вы должны понимать, что это всего лишь истории. Может, у них есть какие-нибудь корни, но это было сотни лет назад, может, даже тысячи. Это легенды. Сказки, которые люди сочиняли, чтобы объяснить вещи, неестественные на первый взгляд. Они не были знакомы с наукой, и все, что пугало, приходилось объяснить волшебством. Я не понимаю, как кто-то может жить в колодцах, а вы? Если серьезно, то вы тоже.

Я взял «Легенды Литчфилда» в руки.

— Вы понимаете, о чем здесь речь? — спросил я его. — Здесь говорится, что, когда исчезла Атлантида, Звериные Боги обеспечили выживание своего рода, поместив свое семя в природную систему водоснабжения Новой Англии. На современном языке это называется оплодотворенными яйцами, икрой или еще чем-то, что они использовали для воспроизводства.

Фред Мартин нервно кашлянул.

— Я полагаю, можно так сказать, да. Но ведь это не так на самом деле?

— Там говорится, что «они проникли в Новую Англию и другие части своим последним семенем». Какое еще может быть толкование?

Минуту Фред Мартин молчал. Стукнув пару раз карандашом по очкам, он произнес:

— Я полагаю, это чистая фантазия. Это и есть толкование, но так ли?

— Конечно. Но большинство легенд содержат зерно истины, так?

— Я думаю, это так. Я не знаю, что вы хотите сказать. Если вы верите этому, то, как я уже сказал, — воля ваша. Но я прожил всю жизнь в Нью-Милфорде и не верю.

Я открыл книгу вновь и перечитал то, что написал Адам Прескот о Звериных Богах из Атлантиды.

— Хорошо, — сказал я. — Могу ли я взять эту книгу на время?

— Конечно, можете. Грег Мак-Алистер разрешил вам, так что берите.

Он встал, как будто старался побыстрее выпроводить меня.

— Я могу сказать лишь одно: не верьте всему, что пишут в старых книгах. Я прочитал много странных историй в моих книгах, историй, от которых голова идет кругом, если им верить. Они не предназначены для этого, эти легенды. Они здесь, потому что они любопытные. Вот такое предупреждение.

Я встал с нераспакованного кресла. Его контора была такой маленькой, что мы стояли лицом к лицу, а наши носы почти соприкасались.

— Я буду помнить, что вы сказали, — уважительно сказал я.

Выйдя в зал, я направился к выходу. Когда я открыл дверь, Фред Мартин крикнул мне вдогонку:

— Наилучшие пожелания мистеру Мак-Алистеру!

— Я передам, — сказал я.

Он неуверенно улыбнулся.

— Спасибо.

— Еще что-нибудь? — спросил я.

— Нет, вообще-то. Все в порядке, только — ну, у вас ведь нет причин верить в это, а? Ничего не случилось такого, что я должен знать?

Я медлил. Я не хотел рассказывать ему все.

— Если что-нибудь случится, я вам позвоню. Хорошо? — наконец сказал я.

— Хорошо, — согласился он, не убежденный.

Он наблюдал сквозь стекло, как я пошел к «фольксвагену» Реты, залез в него и включил мотор. Он все еще стоял в своей комнате в идеальном колониальном стиле, когда я шумно выехал со стоянки и включил правый поворот. Я помахал ему, но он не помахал мне в ответ. Наверное, люди, которые не верят легендам, всегда немного раздражительные.

У миссис Вордел было для меня кое-что, когда я вошел в лабораторию. Дэн и Рета уехали, и притом в отчаянной спешке, так что обед, к сожалению, явно откладывался. Очки миссис Вордел, казалось, выгнулись вверх больше чем обычно, и она беспокоилась и суетилась. Когда я открыл записку и начал читать, она кусала губы и скрещивала ноги, пыталась бороться с искушением рассказать мне все прежде, чем я прочитаю. Письмо было написано круглым женским почерком. В нем говорилось:

«Картер вызвал нас в Глейлордсвил. Приезжай, как сможешь. Сверни направо с 7-й дороги по направлению к Южному Кенту, потом — первый поворот после первого моста.

*С любовью,
Рета».*

Ого, подумал я. По крайней мере, она так подписывала срочные сообщения. Я сложил записку, одарил миссис Вордел неопределенной улыбкой и пошел обратно на улицу. Шелли, выпрямившись, сидел на пассажирском

сиденье и ждал меня. Я подумал, что ему приелась новизна езды на «жуке» и не терпелось вернуться в комфорт «кантри сквайра». Он закрыл глаза и прижал уши в обиженном неодобрении, когда я захлопнул дверь и завел мотор.

Почти всю дорогу я тащился за большим грузовиком, поэтому мне пришлось терпеть пятнадцать минут, задыхаясь от выхлопов дизеля и перечитывая надпись сзади: «Кох Донатс: Вкусно Как Дома». Наконец я добрался до Глейлордсвила, маленького аккуратного городка с приятной старенькой почтой и пожарной каланчой, еще с колониальных времен. Я свернул направо, по направлению к Южному Кенту.

Я не смог бы проехать мимо Реты, Дэна и шерифа Уилкса, даже если бы захотел. Дорога была перегорожена патрульными машинами, «скорой помощью» и грузовиком аварийно-спасательной службы, причем у всех были включены сигнальные огни. Полицейские сдерживали любопытствующих зевак, а Картер и еще три полицейских вместе с двумя медиками собрались вокруг красной «импалы», которая отдыхала в углу лощины около дороги.

Немного позади стояли Дэн и Рета, и оба были бледными и напряженными. Я остановился и пошел к ним.

— Что здесь произошло? — спросил я у них.

Рета не разжала губ, как будто пыталась удержаться от плача, рвоты или истерического смеха. Но Дэн кивнул в сторону машины и тихо сказал:

— Опять. Может быть, это Джимми и Элисон. Может, кто еще. Может, их много.

— Кто-нибудь убит?

Дэн набрал полные легкие воздуха, чтобы успокоиться.

— Да. Почему бы тебе не расспросить Картера? Он знает подробности.

— Как ты? — спросил я Рету. — Не хочешь пойти в машину и составить компанию Шелли?

Она потрясла головой.

— Со мной ничего страшного. Это просто шок. Минуты через две я буду в порядке.

— Хорошо.

Я оставил их и приблизился к маленькой группе полицейских и врачей. Когда я подошел поближе, я увидел, что металлическая крыша машины была оторвана, будто кто-то открыл машину гигантским консервным ножом. Один из медиков заглядывал в машину через боковое стекло, и выражение его лица было явно несчастным.

— Картер, — сказал я, подходя к шерифу. — Как идут дела?

Шериф взглянул на меня с философским выражением лица.

— Привет, Мейсон. Хорошо, насколько это возможно в данных обстоятельствах.

Я загородил глаза ладонью от солнечного света. Я не был уверен, но, казалось, все стекла в машине были выкрашены в красный цвет, чтобы дополнить красный фон машины. Затем до меня внезапно дошло, что это не краска. Никто не красит окна. Это должна была быть кровь.

Я повернулся к Картеру, не зная, что спросить. Тот тер подбородок, не зная, в свою очередь, что сказать.

— Там кто-нибудь есть? — спросил я его наконец.

— Насколько можно разобрать, там целая семья: отец, мать, два маленьких ребенка.

— Картер... что случилось?

— Я не знаю. Мы отправляем всю машину прямо в морг. Они все мертвы. Похоже, кто-то порвал крышу, забрался внутрь и разорвал их на куски.

— Кто-то? Кто-то или что-то? Кто или что могло такое сделать? Какое существо может вскрыть крышу машины и перебить всех внутри?

Картер опустил глаза.

— Я не знаю, Мейсон. Может, какой-то механизм.

— Или существо вроде краба?

Картер поежился.

— Это ты видел крабов, не я. Ты сказал, они размером с человека, так? Что бы это ни сделало, оно было раза в четыре больше человека. Оно вскрыло крышу, понима-

ешь? Оно вскрыло крышу и почти разорвало всех на куски.

Он был очень расстроен. Он чуть не плакал, если быть точным. Вытащив платок цвета хаки, он развернул его и трубно высморкался.

В этот момент заднюю дверь машины открыли, и я мельком увидел то, что было внутри. Меня затошнило, но я не мог отвести расширившихся от ужаса глаз. Медики закрыли дверь почти сразу, чтобы никто из зевак не увидел, что там творилось. Но было слишком поздно, я уже все увидел и стоял на дороге, парализованный Господом Богом и всеми ангелами навечно.

Я увидел голову женщины с вьющимися светлыми волосами, которая свешивалась со спинки переднего сиденья так далеко, что ее глаза смотрели на меня. Слава Богу, я не видел ее тела, но голова держалась лишь на синеватом хряще разорванной шеи. Задние сиденья были забрызганы кровью и слизью, я видел чью-то печень и кишки, свисавшие с ремней безопасности, как в скотобойне. Из машины исходил запах свежей крови и тухлой рыбы, и я знал, черт возьми, так же как и Картер, кто это сделал.

— Дети, — сказал шериф приглушенным голосом. — Два невинных ребенка, у которых вся жизнь была впереди.

— Следы? Улики? — спросил я его.

— Еще не нашли. Мы вызвали собак. Я поймаю этих ублюдков, предупреждаю тебя. Меня не волнует, что это за существа: люди или еще что-то. Я поймаю их и удостоверюсь, что им воздастся по заслугам.

— Похоже, они подросли, не так? — спросил я его. — Может, они растут?

Он кивнул.

— Все это бред с самого начала, но я собираюсь поверить всему, каким бы бредом это ни было, потому что если я этого не сделаю, еще больше невинных людей будет разорвано на кусочки. Я уже тебе сказал, Мейсон, и скажу еще раз — я не допущу, чтобы это случилось снова.

Я положил ладонь на его руку.

— Я знаю, Картер. Ты до них доберешься.

Он яростно засопел.

— Это так, не беспокойся. Мы поедем бурить сегодня днем у Бодинов, чтобы посмотреть, что там в этом чертовом колодце. Поедешь?

— Дэн уже пригласил меня.

— Отлично, поедешь с нами. Увидишь, как я засеку этих ублюдков.

— Хорошо, шериф.

Я пошел обратно к Дэну и Рете. Они видели выражение моего лица и не спрашивали о машине и о том, что было внутри. Позади меня буксирная команда прилаживала цепи к заднему бамперу разбитой машины, и один из них говорил:

— Переключите нейтральную передачу. Кто поставит рычаг в нейтральное положение?

Один из врачей открыл переднюю дверь, быстро нагнулся и переключил передачу. Закрыв дверь, он стоял с белым лицом и смотрел на руку в липкой крови. Буксировщики переглянулись и подняли брови. Они повидали аварий, но это была скотобойня на колесах.

Я сказал Дэну:

— Крабы подросли. Сильно. Во всяком случае, должно быть. Похоже, один из них сорвал крышу и залез внутрь.

— Мы знаем одно, — сказал Дэн. — Они несомненно плотоядные.

Рета отвернулась, но спокойно сказала:

— Если они настолько большие, что могут вскрыть машину, то полиция обязательно их скоро найдет. Они не могли далеко уйти.

— Я не знаю, — сказал я ей. — Какова скорость краба относительно скорости человека?

— Большая, — заметил Дэн. — Краб мог обогнать скаковую лошадь, да и пробежать больше.

Немного постояв в тишине, я, казалось, сумел почувствовать, как вертится земля.

— А как анализы? — наконец спросил я. — Вы проверили новые пробы?

Дэн кивнул.

— Я сделал предварительный анализ. В них полно этих созданий. Не считая по головам, похоже, что концентрация их там значительно возросла.

— Что это может значить?

— А я откуда знаю? Я вообще не знаю, что все это значит. Мне даже не верится, что это на самом деле. Мы завершили опыты с мышью и узнали только, что она пила воду из колодца и покрылась чешуей. Мы до сих пор не знаем, почему или как.

— Что-нибудь поступало от Ньюсома в связи со вскрытием Оливера? — спросил я у него.

— Официально — нет, — ответила Рета. — Он не хочет делать заявлений, пока ему не сделают анализ на вирус в Нью-Йорке. Но если начистоту, ему известно не больше, чем нам, то есть почти ничего. Он уверен, что метаморфоза вызвана водой или, точнее, микроорганизмами. Но он не знает, как это случилось, и не может понять жизненный цикл.

— Итак, мы опять в клетке одни, — сказал Дэн мрачно. — Остается надеяться только на чудесное открытие во время бурения колодца.

Я достал сигару и прикурил, закрывая зажигалку от ветра руками. Попыхав немного, я сказал:

— Похоже, я разузнал побольше.

Рета взглянула на меня.

— Ты утром ездил посмотреть на книгу, так? Книгу легенд.

— Точно. Она в машине. И в ней целая страница посвящена колодцам Вамингтона и почему люди не пьют из них воду. Началось это все в восемнадцатом веке, если не раньше.

Тягач заревел, и в небо поднялось облако черного дизельного дыма. Громыхая цепями и протестующе скрипя исковерканным железом, красная «импала» вылезала из лощины. Стекла, заляпанные красным, придавали ей отвратительный и мрачный вид. Мы смотрели в другую сторону, когда крышу прикрыли большим серым листом

пластика, привязав его веревками, и не посмотрели даже, как грузовик оттащил машину по дороге и скрылся из глаз.

Шериф Уилкс подошел и постоял с нами немного, уперев руки в бока. Во рту у него торчала зубочистка, которую он жевал и перекачивал из одного угла рта в другой, демонстрируя безупречный оскал.

Он довольно долго молчал, глядя на дорогу, по которой уехал тягач, он сказал наконец:

— Я полагаю, у вас нет ничего полезного?

— Может быть, и есть, — сказал я, — но мы не уверены.

— Новые свидетельства? — заинтересованно спросил Картер.

— Нет. Очень старые свидетельства. Но, возможно, полезные. Мы собираемся сейчас это обсудить. Мы скажем тебе, что думаем, сегодня днем в доме Бодинов.

— Хорошо, — сказал Картер. — Буду рад.

В этот момент радио у Картера в машине затрещало.

— Подождите, ребята, — сказал он и пошел взять микрофон.

Мы стояли так близко, что четко слышали сообщение. Картер быстро и многозначительно взглянул на нас, когда оператор заговорил: «Штаб — шерифу и подразделениям. Караульный вертолет над дорогой номер 7 приблизительно четыре мили к северу от Глейлордсвила докладывает возможные подозреваемые пересекают шоссе и направляются на восток лесом».

— Уилкс на связи, — хрипло сказал шериф. — Выезжаем немедленно. Конец связи.

Затем он повернулся к помощникам и заорал:

— Шоссейный патруль засек Бодинов! Поехали за ними.

Захлопали двери, завизжали крышки, взревели sireны, и машины помощников и Картера, развернувшись, ринулись в сторону Глейлордсвила.

— Поехали за ними, — сказал Дэн. — Мы можем помочь.

— Помочь кому? — спросила Рета, когда мы забрались в «Фольксваген». — Шерифу или Бодинам?

— Тому, кому больше нужно, — коротко ответил я, потому что и сам не знал.

«Фольксваген» ожил, и, вывернув баранку до отказа, я поехал на север на максимальной скорости, дергая рычаг передач, как будто взбивал рождественский пудинг моей бабушки. Проехав город, я заметил далеко впереди зад машины Картера, и это было все, что я мог выжать из нашей машины. Каким бы чудесным ни было возрождение немецкой экономики, побитый «жук» не смог соревноваться с полицейской машиной. Но я старался.

— Книга с легендами лежит на заднем сиденье, — сказал я Дэну. — Я заложил нужную страницу конвертом.

— Я нашел, — сказал Дэн и принялся читать вслух, чтобы Рета тоже могла узнать легенду. Я следил за дорогой и вжимал педаль газа в пол, надеясь, что не случится ничего плохого, прежде чем мы догоним полицию.

Когда Дэн дошел до отрывка о Джошуа Уолтерсе с Бордманского моста, его голос задрожал:

«У звериных людей были щупальца, как у моллюсков, клешни, как у омаров, и они сильно пахли протухшей рыбой».

Он выпрямился и широко раскрыл глаза.

— Это точное описание Джима и Элисон, таких, какие они сейчас, — сказал он глухо. — Они выглядят и пахнут точно так же. А когда же это написано?

Он открыл титульный лист.

— 1784. О, Боже.

Я оглянулся.

— Фред Мартин не поверил, что это правда. Но это так. Уж очень подходит описание. Кто бы ни был этот Джошуа Уолтерс, похоже, он лично видел этих существ.

Рета прошептала:

— Может ли быть, что они действительно из Атлантиды?

Положив локти на спинку моего сиденья, Дэн сказал:

— Не слабо, а? Атлантида! Есть куча твердых доказательств, что она существовала. Это не был шестой континент посреди Атлантического океана, но это могла быть гряда островов или рифов вдоль восточного побережья Америки. Бермуды — скорее всего остатки выживших после погружения Атлантиды островов, а было их побольше сотни, наверное; так что даже если Адам Прескот в чем-то прав, то могла прекрасно существовать раса амфибий, живущих около подводных гор и рифов.

— А как насчет скелетов в Африке? И людей, которых нашел тот англичанин в Индии? Откуда они родом?

Дэн пожал плечами.

— Сложно сказать, не изучив свидетельства получше. Но, может быть, после крушения Атлантиды они поплыли на восток и проделали то же самое в Африке и в Индии.

Поколебавшись, он добавил:

— Я знаю, что звучит это глупо. Но сегодня я получил из Уайт Плейс сообщение, подтверждающее, что этим существам действительно два миллиона лет, может, больше, и легенда, похоже, самое правдоподобное объяснение на данный момент. Взглянем на факты. В воде, несомненно, содержатся древние организмы. И эти организмы, несомненно, изменяют человека и животных, а точнее, их костную структуру. У нас есть доказательства¹ двух случаев затопления домов, причем тонны воды взялись ниоткуда. Мы видели разорванных на части людей. И еще: если просмотреть простейшие учебники по антропологии, можно найти доказательства существования Атлантиды. Теперь эта легенда. К какому еще заключению можно прийти, кроме того, что это правда?

— Не знаю, Дэн, — сказала Рета. — Слишком фантастично.

Дэн покачал головой.

— Это фантастично, если ты игнорируешь века доказательств. Я изучал это в колледже. Почти все народы имеют легенды о великанах и монстрах, живущих в море. Майя верили в Кетцалькоатля, вышедшего из моря и державшего землю на плечах, а это пример того, о чем

мы говорили. Говоря, что он держал землю, они, наверное, имели в виду не что он держал весь мир, как Атлас, но что он уходил под землю.

— Может быть, — вставил я. — Но это все предположения.

— Конечно, предположения. Но есть еще аборигены Понапы, что на Каролинских островах. Они молились морскому богу, который трансформировал самых больших почитателей в амфибий с жабрами и усиками на груди.

Я вглядывался вперед, но пока Картера Уилкса с помощниками было не видно.

— Что бы вы ни думали о легендах, — сказал Дэн, — а я отношусь к ним, как и все, но Адам Прескот выбрал наилучший источник. Индейцы, жившие на восточных берегах Америки, имели тесный контакт с океаном и большее понимание сверхъестественных сил. Посмотрите, что говорит Прескот: мудрые индейцы пошли на то, чтобы предупредить белых о Звериных Богах, хотя белые воевали против индейцев. Настолько ужасными были Звериные Боги. Белые люди убивали их, но рядом было что-то неизмеримо более ужасное и великое, чем человек.

— От твоих рассказов меня трясет, — сказала Рета.

— Надеюсь, — буркнул Дэн. — Я знаю не слишком много, но если книга права, то Джимми и Элисон превратились в прямых потомков древних Звериных Богов, пришедших со звезд.

— Дэн, — запротестовал я. — На тебя это не похоже. Я думал, ты представишь жесткий, холодный научный анализ всего этого и приведешь мои мозги в порядок.

Помолчав минуту, Дэн сказал:

— Я говорю то, что знаю. Антропология — не моя специальность. Но я помню, чему меня учили на занятиях по языку и тому подобному, а легенда вписывается во все это. «Звериные Боги, как говорили индейцы, пришли с неба, из Маскана». Маскан — старое индейское название небесного свода, где жили боги вместе с древними и ужасными демонами. Иногда богам удавалось

уговорить людей призвать их на землю, и тогда они опустошали землю и море и поедали людскую плоть повсюду. Ты читал Г. Ф. Лавкрафта? Он писал о «древнейших богах», и самым худшим было чудовище, жившее в море и называвшееся Ктулу. Если верить моему учителю-словеснику, Ктулу — другое сокращение настоящего имени бога, Квит. Это древнекельтское название бездны. Индейцы называли его еще Оттакучи, что значит «воды бездны».

— Так о чем говорит это повторение пройденного материала? — спросил я его.

— О многом, — упрямылся Дэн. — О том, что столько древних культур знали о Звериных Богах, вышедших из моря и засевших в подземных водах, и столько культур создали имена для этих существ и легенды о том, откуда они и чего хотят, что в этой книге должна быть правда, так же, как есть правда в наших рассуждениях. Это все странно, пугающе, безумно, но это правда.

Я вытер лобовое стекло платком.

— Дэн, — сказал я, немного помолчав. — Я согласен с тобой в главном. Я думаю, ты смысленный малый, и теперь я с тобой согласен. Что я могу сказать? Хотелось бы, чтобы это была сказка, но это не так.

— Аминь, — пробормотала Рета.

Мы проехали поворот, приветствуемые дождем падающих листьев, и я резко затормозил. Машина Картера со сверкающим сигнальным огнем перегородила дорогу. Машина помощников была немного впереди, и казалось, что она вдруг врезалась в выросшее посреди дороги дерево. У машины остался лишь один помощник, и это был мой жидковолосый знакомый из комнаты Картера, махавший руками и указывавший в сторону леса вдоль дороги.

— Они видели существ! — орал он. — Они ушли туда — по ручью!

Я вылез из машины, Дэн быстро поднял переднее сиденье и последовал за мной.

— Это машина для гномов, — сказал он, отряхивая рукав. — Что будем делать? Пойдем за ними?

— Почему бы и нет? — сказал я. — Мы эксперты, так сказать. Рета, ты тоже эксперт, но тебе лучше остаться. Смотри за машиной, а то кто-нибудь украдет ее.

Помощник окликнул нас, когда мы пересекли дорогу и захрустели по листьям:

— Смотрите, чтобы шериф не подстрелил вас вместо чудовища! Кричите почаще, чтобы он знал, что это вы.

Я помахал ему, и мы вошли в деревья, стараясь шуметь поменьше. На самом деле мы хрустели листьями, как будто маршировали по кукурузным хлопьям,

— Ты их видишь? — спросил Дэн.

— Я нет.

— Я тоже, — ответил я.

Мы остановились. Дорогу не было видно, и мы были заслонены деревьями, так что мы видели только серое небо и смутные тени вокруг.

— Они, должно быть, далеко ушли, — сказал Дэн. — Иначе бы мы их слышали.

Но только мы приготовились идти дальше, как услышали треск выстрелов и крик боли, который до сих пор стоит у меня в ушах.

VII

Мы побежали наискосок по холму, поднимая кучи листьев, пока не достигли сырой, заросшей травой опушки. Деревья и вечнозеленые кусты росли так плотно, что было темно, почти как ночью, и до нас доходил запах разлагающейся растительности и плесени. Мы задыхались от бега и, похоже, заблудились, но вместо того, чтобы остановиться, мы продолжали бег. Мы бежали сквозь заросли шиповника и все-таки достигли лощины, окруженной зарослями, где стоял шериф Уилкс вместе с помощниками. Лица у них были белые и испуганные, а шериф безуспешно пытался связаться с машинами по радио.

— Что случилось? Кто-нибудь ранен? — спросил я его. Он тряс радио.

— Черт! Сломалось, когда я упал, наверное.

Один из помощников, длинноносый человек по имени Мартино, сказал:

— Они схватили Хантли. Мы пришли сюда, а это чертово создание вылезло из кустов, схватило его за руку и утащило. Это случилось так быстро, мы даже не видели почти ничего. Мы выстрелили пару раз, но, похоже, никакого результата.

Картер засунул радио в карман. Его глаза были темными и злыми.

— Я сказал, что доберусь до этого чудовища, и я доберусь. Мартино, быстро в машину, свяжись со штабом и скажи, что нужны гранаты и противотанковые ракеты. Им придется достать их у полковника Фелпса, а он спросит

зачем; скажи им просто, чтобы выкрутились как-нибудь — пусть подмажутся к нему. Я не хочу, чтобы сюда вмешалась еще и госбезопасность.

— Хорошо, сэр, — сказал Мартин и взял быстрый старт.

Дэн спросил:

— Вы видели, куда пошло существо?

Картер ткнул пальцем в сторону самой густой части кустов.

— Прямо туда. Оно схватило Хантли за руку. Рывок — и его нет. Этот монстр так чертовски быстр, что мы за ним не угонимся. С-с-сукин сын.

— Вы видели, какого он размера? — спросил Дэн.

Шериф кивнул. Он широко развел руки, как будто он был рыбак и рассказывал об улове. — Большой. Очень. Одна большая клешня, другая поменьше. Но большая клешня раз в шестьсот больше, чем у омара.

— А как насчет головы или тела? Вы рассмотрели?

— Нет, — сказал Картер. — Все произошло очень быстро. Хантли был сзади, и я увидел только клешню и верхушку головы. Она была как бы искривленной и костистой. Как шлем, только зеленовато-черная и пятнистая.

Дэн посмотрел на меня.

— Это мог быть один из них, не так ли? Джимми или Элисон. Или этот парень, Карлен.

— Я не возражал бы, если это Джимми или Элисон, — сказал я. — По крайней мере, я мог бы попробовать поговорить с ними.

Картер Уилкс уставился на меня, как будто я сказал непристойность.

— Поговорить? Что, черт возьми, это значит?

— То и значит. Раньше я ведь с Джимми говорил. Я мало чего достиг, но я не знал, что происходит.

— А теперь знаешь?

— Я знаю больше, чем раньше. По-моему, я знаю, почему они превратились в ракообразных, и могу помочь им.

Картер упер руки в бока и вздохнул.

— Если ты не зарываешься. Думаешь, ты можешь пойти туда, в эти чертовы заросли, и поболтать с этим раком-убийцей, который только что порвал на лоскуты пять человек?

— Я могу попробовать, не так ли? — спросил я.

— Не понимаю, зачем тебе это, — проворчал он.

Вмешался Дэн.

— Картер, — сказал он. — Джимми и Элисон были прекрасными, добрыми людьми, и то, что случилось, не их вина. То, как мы с Мейсоном понимаем все случившееся, сводится к тому, что их использует какой-то древний разум, который сохраняет свой род в колодцах под землей и сейчас решил возродиться.

— Разум? О чем ты? Какой разум?

Дэн пригладил несуществующие волосы.

— Я не совсем уверен. Но люди в этих местах уже на протяжении столетий рассказывают о зверях, живущих под землей, и я убежден, что эти легенды имеют под собой основу. Надо делать еще анализы, но уже теперь ясно, что вода здесь уникальна и что организмы в ней особенны и необычны. Не вина Джимми, что он и Элисон пили эту воду. Они знали, что там эти организмы, не более чем я. Они — невинные жертвы того, что находится под землей. Если выражаться на полицейском языке, то они заложники. Они ведут себя так, потому что испытывают сильное стороннее воздействие и у них нет выбора.

— Поэтому я бы лучше поговорил, чем стрелял, — сказал я тихо. — Они заслуживают шанса.

Картер хрюкнул.

— А тебе не кажется, что ты тоже заслуживаешь шанс? Они напали на тебя дважды. Что, как ты думаешь, случится, когда ты пойдешь к ним в глубину этих кустов? Что оно, по-твоему, будет делать? Пожмет тебе руку и поздоровается?

— Надо посмотреть, — ответил я. — Ведь если я не пойду, никто другой не пойдет.

— Точно, черт побери, — лаконично заметил один из помощников.

— Я мог бы запретить, — сказал Картер. — Это дело полиции, и я мог бы приказать тебе убираться ко всем чертям и прекратить вмешиваться.

— Но ты этого не сделаешь.

— Не сделаю. Мне тоже нравились Джимми и Элисон. И по-моему, если ты думаешь, что есть шанс, то начинает говорить моя совесть. Не долг, не разум. Совесть. Поэтому я даю тебе пять минут. Понял? Пять минут, не больше, а потом мы пустим слезоточивый газ и начнем стрелять.

Я нервно ухмыльнулся.

— По-твоему это то, что нужно?

— То самое. Я не хочу, чтобы еще одна семья вот так кончила только потому, что мы добры к крабам.

— Хорошо, — сказал я. — Я понял.

Я взял перчатки у помощника Картера и обмотал нижнюю часть лица шарфом Дэна. Когда я заправлял штаны в носки, прибежал, пытая, помощник Мартино и сказал, что штаб послал две машины с подкреплением, ружьями и с противотанковым ружьем. Вместе с противотанковым ружьем ехал в качестве эскорта сержант Комински из госбезопасности, но это Картера не волновало. Уж сержанта-то он приструнит.

— Хорошо, Мейсон, — сказал Картер, глядя на часы. — Пять минут пошли. Что-нибудь случится — кричи. Можешь орать как резаный — в зависимости от ситуации.

— Можешь на это рассчитывать, — кисло сказал я.

Я старался не останавливаться и думать, что я буду делать, когда проникну сквозь кусты. В какой-то момент я так сильно колебался, что если бы кто-нибудь скомандовал: «Не ходи!», это убедило бы меня остаться по эту сторону кустов и смотреть, как ракообразные разлетятся в клочья.

Дэн положил мне руки на плечи.

— Тебя никто не заставляет, — сказал он тихо.

— Я знаю. Не напоминай.

— Тогда пошел. Удачи.

Картер подошел и вручил мне «Полис Спешиап» тридцать восьмого калибра.

— Ты знаешь, как этим пользоваться?

— Не совсем.

— Ты видел «Старски и Хатч» ?

— Да, черт побери.

Картер поднял мясистую руку и схватил ее другой, как бы поддерживая ее и выставив вперед палец, изображавший пистолет.

— Вот так. Зафиксировал, прицелился, нажал крючок. Не паникуй и целься во что-нибудь важное: голову или глаза.

Я неуверенно посмотрел на пистолет в моей руке. Почему-то стрельба была американской реакцией на все проблемы. Возможно, именно поэтому я оставил психиатрию. Все, что хотели люди для того, чтобы бороться с проблемами, — некий психологический выстрел.

— Пять минут, — сказал Картер и отвернулся.

Я кивнул Дэнну и полез из лощины к ежевике и терновнику.

Ходьба по гуще кустов была похожа на ходьбу в колючей проволоке. Колючки цеплялись за одежду, рвали лицо и с размаху шлепали, когда я отпускал их. Я уже несколько минут продирался сквозь густой и колючий кустарник, а Картер с Дэнном еще не скрылись из глаз и выставляли большие пальцы вперед, подбадривая. Я слабо помахал в ответ и продолжал углубляться.

Когда я прошел внешний слой колючек и ежевики, стало легче. Лоб кровоточил, и одна перчатка порвалась, но я был относительно цел. Я засунул колыт за ремень, потому что он больше мешал, чем помогал, и давал мне мало психологического преимущества. Если Картер вызывал противотанковые ружья, делающие дырки в укрепленной стали, то эта полицейская игрушка тридцать восьмого калибра мало помогла бы мне.

Я посмотрел на часы. Прошло две минуты, может быть, две минуты и тридцать секунд. Ступая как можно тише по сухим листьям, я прикрывал лицо рукой от колючек и

то и дело останавливался и прислушивался. Сначала был слышен только хруст листьев и завывание ветра в верхушках деревьев. Но потом я услышал что-то другое. Это было похоже на трескающиеся ветки и будто что-то сосут и рвут.

Я принялся: в воздухе витал характерный запах рыбы.

Я полз вперед, пока не достиг края кустов. Я встал на четвереньки и прополз так метров шесть, скрываясь в листьях. Сосущий и чмокающий звук стал громче, и я высунул голову из подлеска, чтобы посмотреть, что происходит.

Существо было там, метрах в четырех от меня. Я никогда не видел их вблизи при дневном свете и ужаснулся. Моя кожа покрылась мурашками от страха, и первым желанием было вскочить и бежать оттуда сломя голову.

Это был не совсем краб или омар. Если бы это было так, мне было бы легче. Но вместо этого там было огромное, отвратительное, неуклюжее ракообразное; его тело было размером с небольшую цистерну. Панцирь на его спине был выпуклым, неровным и крапчатым, что производило странное впечатление. Из этого панциря торчала насекомоподобная голова с двигающимися усиками и глазами на подвижных стебельках; глаза были черные и блестящие, а вместо век серые и морщинистые куски кожи, которые снимались-одевались на глаза постоянно, как крайняя плоть каких-то отвратительных пенисов.

Большая клешня невообразимо выросла, превратившись в тяжелые, зазубренные, отвратительные клещи. Снизу панциря была видна пара шиповатых ног, усеянных жесткими черными волосками и твердыми наростами, казавшимися засохшими струпами. Было и еще кое-что. Из брюшка торчал пучок извивающихся мягких бледных щупалец, которые держали разорванное тело помощника Хантли, пока краб обедал.

Сосущий шум, который я слышал, оказался звуком, который издавало существо, пожирая кишки Хантли, кро-

вавые ошметки их свисали с челюстей чудовища, похожих на клюв. Маленькая клешня выполняла роль ножа, разрезая останки, отделяя ребра и пробираясь к наиболее лакомым, отборным кусочкам.

К горлу подступил комок, и мне показалось, что меня вырвет. Но я умудрился сдержаться, хотя почувствовал слабость во всем теле и покрылся холодным потом. Такое со мной было, когда меня укачало на заднем сиденье «плимута» моего отца. Я глубоко вздохнул и вынул пистолет. Он мог быть бесполезен против существа такого размера, но я был слишком близко и понимал, что это все, что у меня есть.

Я попытался окликнуть существо, но мой рот пересох, и сначала у меня ничего не получилось. Прокашлявшись, я попробовал еще раз:

— Джимми! Элисон! Это кто?!

Страшилище прекратило есть и подняло щетинистую голову. С клюва на листья капала кровь. Мгновение стояла глубокая тишина, не слышно было ни чирикания птиц, ни кружения сухого листа.

— Джимми? Это я, Мейсон Перкинс. Я здесь!

Существо повернуло голову ко мне. Я мог вскочить и за пять секунд убраться оттуда, несмотря на колючки, но я не знал, насколько быстро двигается это существо, и в любом случае не это было целью моего путешествия. Я пришел проверить, можно ли спасти Джимми и Элисон. Я пришел, потому что раньше они были людьми, а может, и оставались ими. И не спрашивайте почему. Единственной мотивацией было то, что я тоже был человеком.

Я медленно встал. Чудовище было метра в трех от меня, и я чуть не задохнулся от запаха разорванного тела и тухлой рыбы. Его челюсти медленно пережевывали остатки внутренностей Хантли, но черные глаза замерли, уставившись на меня.

— Джимми, если это ты, то нам нужно поговорить, — сказал я дрожащим голосом.

Я чувствовал себя идиотом, обращаясь к чему-то, похожему на афишу фильма ужасов.

Небольшой коричневый дятел сел на ветку неподалеку и уставился на нас с явным интересом.

Сначала я думал, что существо не ответит мне. В конце концов, процесс продолжался, и дар речи мог пропасть. Но потом я услышал шипящий звук в его горле, оттуда раздалось неясное и болезненное посвистывание, и я понял, что как бы ужасно оно ни выглядело, каким бы злобным и хладнокровным оно ни было, оно до сих пор хранило в голове человеческий мозг.

— Мейсон... — прошипело оно и продвинулось немного вперед, поднимая паучьи ноги и шевеля усиками. Я отодвинулся назад.

— Это действительно ты? — спросил я громко.

— Нет — теперь — нет, — прошептало существо. — Больше — нет.

— Джимми, ты понимаешь меня? Ты можешь понимать, что я говорю? Я пришел помочь.

— Помочь — мне — не — нужна — помощь.

— Здесь шериф, Джимми. Он пошлет к тебе людей с противотанковыми ружьями. Он убьет тебя. Независимо от того, насколько ты прочен. Независимо от того, во что ты превратил себя. Он пройдет через все это и разнесет тебя на кусочки.

Существо приближалось. Я отошел на такое же расстояние назад. Я направил на него пистолет и чувствовал, как рука, державшая рукоятку, вспотела.

— Ничто — не — остановит — меня — мой — долг — мои — задачи — я — должен — выполнить.

— Твои задачи?! Твой долг?! Вспомни о долге перед Элисон! А Оливер? А остальные?

Помолчав, существо прошипело:

— Вы — ничто — земли — будут — наши — теперь.

— Джимми, — сказал я громко. — Если ты можешь говорить, в тебе осталось что-то человеческое. Тебе нужно сделать усилие. Ты должен сопротивляться. Если ты будешь верить, что ты человек, у тебя есть шанс. Если нет, то они убьют тебя, это ясно и ежу.

— Ты — ничего — не — понимаешь.

Я оставался на месте, хотя существо приближалось.

— Не понимаю? — вызывающе крикнул я. — Не понимаю? Я знаю об Атлантиде и о том, как твои хозяева заполнили источник семенем, надеясь выжить. Я знаю о Кетцалькоатле, Квите и Оттакучи.

Существо замерло. В лесу темнело. Почему-то это напомнило мне «Алису в Зазеркалье», когда небо чернеет от тени чудовищного ворона. Я чувствовал себя странно и нереально, как будто Зазеркалье было здесь, в сыром коннектикутском лесу, и все же запах смерти и первобытной кровожадности вернул меня обратно. Опасность была слишком реальной.

Медленно поскрипывая роговыми пластинами и толстыми перегородками, существо, бывшее раньше Джимми Бодином, стало выпрямляться на задних ногах.

Я подумал, что оно бросится на меня, как кобра, но, выпрямившись, оно остановилось и шевелило усиками, широко расставив глаза. Высотой оно было до нижних ветвей деревьев, может быть, метров пять или шесть; было впечатление, что это автомобиль, поставленный на попа.

— Кто — сказал — тебе — об — Оттакучи, — прошептало оно.

— Никто. Я сам прочитал о зверях под землей, о богах, пришедших со звезд и управлявших Атлантидой. Я знаю, что ты Джимми, и знаю, что ты пытаешься сделать, и я не дам этому случиться. Потому что ты мой друг, и Элисон тоже. И кроме того, я не хочу, чтобы гибли невинные люди.

На моих глазах существо, казалось, затуманилось. Я моргнул, пригляделся и увидел, что оно меняется. Усики стали не материальными, как дым, а выпуклая голова, казалось, втягивалась сама в себя. Воздух вокруг нас задрожал, мне почудилось, будто кто-то дотронулся до моего черепа гудящим камертоном.

Дым сворачивался в кольца, кружился и принимал десятки разных меняющихся обликов. Мне показалось, что я видел человека необычайного роста, молчаливого, с закрытой капюшоном головой; я видел созданий, увешанных крючками и иголками; мне казалось, я видел

людей, которых я знаю, но чьих лиц не помню, это были мелькающие впечатления от лиц, виденных в грустных и одиноких снах; я видел Джимми Бодина со слабой улыбкой на губах. По-моему, я видел даже себя.

Голос шептал:

— Я все и вся, я слуга бога прошедших и еще не наступивших времен. Мое имя — все, и мое лицо — все. Я готовлюсь к воскрешению величайших, тех, кто жил под звездами, в древних мирах, мирах изгнания, откуда нет возврата без того, чтобы тебя призвали. Ты прав, водные пространства были нашими земными владениями. Мы были вынуждены покинуть их, когда разверзлась бездна, и искать убежища в источниках и реках, и оставить семя наше под самой землей.

Это был голос Джимми, но утонченный и зловещий, более культурный, чем у Джимми. Я всматривался сквозь дым и увидел Джимми в рабочей одежде, улыбающегося и довольного. Но как такое возможно? Он же стал чудовищем, не так ли? Гигантским и свирепым ракообразным! Или это просто сон, как сны о плавании под водой? Или просто абсурдная иллюзия!

— Я слуга бога прошедших и еще не наступивших времен, — повторил шепот. — Я создан удовлетворять его нужды, возродить его в соответствии с обрядами, которые были законами во времена, когда звезды были другими, а люди рабами зверей, чего вы никогда не знали. И самым великим из зверей был Квит, бог-демон, которого индейцы звали Оттакучи, «Тот-кто-живет-в-водах-бездны». И имя его выше звезд, он есть бог времен прошедших и еще не наступивших, и он мой хозяин, и твой тоже, и восстанет он из своей могилы, чтобы править людьми этой страны снова, так же, как это было во времена могучей Атлантиды.

Джимми подошел ближе и стоял теперь в нескольких шагах. Я еще слышал это раздражающее гудение, и временами было сложно различить Джимми в дыму. Казалось, он размышлялся и колебался в воздухе, как плохое изображение в телевизоре, и иногда выглядел

жалкой копией самого себя. Но улыбка застыла на его лице, и он протянул левую руку, приветствуя меня, как будто все, что случилось раньше, было просто ночным кошмаром, как будто страшное ракообразное никогда не существовало. Его улыбка говорила: «Все в порядке, не беспокойся, я опять Джимми, все фантазия, сон, мы опять можем быть друзьями».

— Джимми? — спросил я нервно, поднимая пистолет. Я знал, что это он, но еще был напуган.

— Не стоит бояться, — шептал голос. — Наступит день, и скоро, когда великое божество восстанет из колодезцев, бывших ему так долго постелью, и тогда все люди падут ниц перед ним и с радостью предложат себя ему в жертву. Придет день, когда бог опять воссядет на трон в умах людей и зажгутся огни по всему континенту. День расчета со Звериными Богами близок. День, о котором говорили ученые мужи древних времен, ученики Са-то-га и Я-го-сата. Это те люди, которые первыми вызвали Квита, моего хозяина, и нашли подводный континент Атлантиду. Веками народ океана безраздельно царствовал в нем, в величайшем земном владении. Это были дни славы и жертвоприношений, и они вернутся.

Джимми теперь был в метре от меня. Он плыл ко мне по мерцающему водянистому пути, и его глаза были мертвы, как засушенные черные жуки. В этот момент я понял, что все не так и я сделал ужасную ошибку, это был не Джимми, то, что от него осталось, было подавлено существом, называвшим себя слугой Квита. Джимми, стоявший передо мной, был не более чем мерцающей иллюзией, проекцией воспоминаний Джимми о том, как он выглядел в зеркале. Он был наоборот. Волосы были зачесаны на другую сторону. Твидовое пальто застегнуто на другую сторону. В его лице была странная однобокость, присущая отражениям в зеркале. Он был таким, каким он помнил себя, а не я его.

Он, должно быть, почувствовал мое неожиданное беспокойство, потому что его правая рука постоянно тянулась ко мне. Я отступил, споткнулся о ежевику и упал.

Рука превратилась в гигантскую клешню, которая нанесла мне сильный удар по голове. Ошеломленный, я покатился по листьям, вскочил на ноги и побежал. Это случилось так быстро, что я даже не смотрел назад, но когда я продирался через колючки, защищая глаза, я слышал, как существо бежало за мной. Я слышал грохот ног по земле и шелканье клешни, которое звучало как скрежет сотни ножей по сотне тарелок.

Я не успел. Я и не мог. Я влетел в сеть ежевики и был пойман. Моя одежда висела лохмотьями, лицо было разорвано, а пистолет упал где-то в кустах. Я даже не мог освободиться, чтобы повернуться и встретить чудовище лицом к лицу. Помню я заорал: «Картер!!! Ради Бога!!!», но это было все.

Одно ужасное мгновение я слышал скрип клюва чудовища, хруст его суставов и клешней, и мой желудок сжался в ожидании первого и последнего объятия.

Но этого не случилось. Вместо этого я услышал канонаду выстрелов, и когда я открыл глаза, я увидел Картера с двумя помощниками, бегущих ко мне сквозь кусты.

— Мейсон! — орал Картер. — Ты, тупой педик! Твои пять минут вышли!

Я вырвался из шипов, разорвав рукав и оставив часть брюк с задницы на кустах. Но я был уже далеко и бежал, а вокруг трещали выстрелы.

Когда я был вне опасности, Картер и помощники последовали за мной, и мы побежали обратно в лощину, пыхтя и кашляя, как марафонцы. Я не обернулся ни разу. Я достаточно повидал это чудовище, бывшее раньше Джимми, чтобы впечатление еще не стерлось. Может быть, оно вообще не сотрется. Когда мы оказались в безопасности, я сел на землю, зажал голову между колен и возблагодарил Господа за то, что у меня еще были легкие, которые болели, поцарапанные ноги и глаза, откуда готовы были хлынуть слезы по человеку, который уже никогда человеком не станет.

Дэн сунул руку в задний карман и извлек на свет маленькую флягу.

— Виски будешь? — спросил он меня. — Это всего лишь «Старый дед».

Я поднял глаза и посмотрел на него — он чуть не плакал.

— У тебя, оказывается, есть скрытые резервы, Дэн, — сказал я ему, глотая бурбон с тем особым удовольствием, которое можно получить, только спасшись перед этим от смерти.

Мы ожидали в лощине минут двадцать, а Мартино в это время наблюдал за ракообразным. Мы курили, пили, говорили, но зверь не показывался, и стало казаться, что он смылся глубоко в лес. Если вы когда-нибудь видели леса осенью в Коннектикуте, вы знаете, какие они густые и как чертовски сложно найти там кого-нибудь, кто не хочет, чтобы его нашли.

Во втором часу из леса показался красный «джип», продираясь и треща сквозь деревья, и выпрыгнувшие помощники объявили о прибытии подкрепления, гранат и противотанкового ружья. Шериф Уилкс прошествовал к «джипу» и был встречен мелкособственническим взглядом хранителя противотанкового ружья, толстого сержанта госбезопасности в форме, чисто выстиранной и отутюженной, как у шерифа. На нем была фуражка, очки без оправы, и он растил аккуратные усики, как у Рудольфо Валентино.

— Я полагаю, вы знаете, как работает эта штука, — сказал Картер с нескрываемым сарказмом.

Сержант медленно и невозмутимо прикрыл глаза.

— Я прошел курс обучения по противотанковому оружию, сэр, а также по ракетам «Найк» и рукопашному бою.

— Очень хорошо, сержант, — сказал Картер. — Вы знаете, против чего идете?

— Просто учения, сэр. Так сказал мне полковник Фелпс. Что-то связанное с помощью гражданским силам во время вражеского вторжения.

Шериф кивнул.

— Вы почти правы. Единственное отличие — это не учение. У нас здесь реальная проблема, и мы ждем от вас ее разрешения.

Сержант моргнул.

— Проблема, сэр?

Я облокотился о машину и осторожно сказал:

— Вы когда-нибудь видели фантастические фильмы, сержант? Ну, где вторжение из космоса? Где ракообразные чудовища пытаются захватить мир?

Он посмотрел на меня, явно пытаюсь выяснить, кто я.

— Вроде бы да, по-моему, — неуверенно ответил он.

— Так вот, сержант, у нас точно такая проблема. У нас есть здесь враждебный чужак, что-то вроде закованного в панцирь чудовища, скрывающегося в лесу неподалеку, и мы хотим, чтобы вы вырубили его.

Сержант обратился к Картеру:

— Это полицейский офицер, сэр?

Картер взглянул на меня, явно развлекаясь.

— Нет, сержант, он не офицер. Это самый дорогой и самый бесполезный водопроводчик в Нью-Милфорде.

У сержанта, похоже, с чувством юмора было плохо, точнее, его не было вовсе.

Он сказал:

— Мне понадобится специальное разрешение, сэр, если мне придется разрядить это оружие.

— Я беру на себя всю ответственность, — сказал Картер. — Теперь снимайте-ка это ружье с машины и пошли. Пока мы тут точим лясы, сукин сын уходит все дальше и дальше.

Сержант посмотрел на Картера, потом на меня, потом на Дэна, и, наконец, на помощника Мартино. Уверившись, что никто из нас не улыбается, он медленно высвободил свое пухлое тело из машины и потянулся за противотанковой установкой. Ружье было упаковано в чехол цвета хаки, и сержанту потребовалось минут пять, чтобы расстегнуть все застёжки, собрать прицелы, присоединить ствольные части, и только тогда он объявил, что готов.

— Я хочу вам сказать только, — сказал нам всем сержант с очень важным видом, — что это оружие стреляет чертовски сильно. Если вы гонитесь за маленьким

животным, то с помощью этого его можно стереть с лица земли окончательно.

Картер похлопал его по спине.

— Оно не маленькое, уверяю тебя. Оно размером с небольшой грузовик и в два раза более злобное.

— Хорошо, тогда ведите, — сказал сержант. — Да, кстати, меня зовут Хьюберт Роснер, если вам это интересно.

— Хорошо, Хьюберт, — сказал Картер. — Меня зовут Картер Уилкс. Можешь обращаться ко мне «сэр».

Мы двинулись вперед полукругом, с сержантом Роснером посередине, и медленно стали пробираться к месту, где я видел существо в последний раз. Картер нашел свой кольт там, где я его уронил, и вручил мне его с выражением величайшего долготерпения на лице. В ответ я быстро и криво улыбнулся.

Уже совсем стемнело, и продвигались мы медленно. У нас ушло минут пять, чтобы добраться до места, где валялись разбросанные окровавленные останки помощника Хантли. Но зато когда мы все-таки увидели это, сержант Роснер, по-моему, наконец-то уверился в том, что мы не играем в бойскаутов и то, что мы преследуем, действительно опасно.

— Круто, — сказал он уважительно, снимая свою фуражку.

Картер стоял, повернув голову и прислушиваясь. Наконец он сказал:

— Я что-то слышу. Вон там. Примерно в полукилометре.

Сержант Роснер не мог отвести глаза от растерзанных останков Хантли.

— По-вашему, это сделало то существо? — спросил он с явным неудовольствием.

— Не знаю, — сказал Картер резко. — Мы и не узнаем, если не посмотрим на него поближе, так?

— Да, сэр.

С этого места местность начинала подниматься вверх к лесистому гребню, а потом полого опускалась на восток,

каменистая и неровная, пока не достигала узкого притока Хьюсатоника.

Мы взбирались на гребень, и тишину нарушали лишь птицы и пыхтение тех, кто не привык к таким упражнениям.

Картер, несмотря на все, держался впереди, первым добрался до края гребня и остановился там, глядя вниз на реку. Небо позади него было беспокойным и темным, а на севере, в стороне Эллсвортского холма, сверкнула молния. Я мог поклясться, что почувствовал вибрацию земли под ногами, как будто кто-то огромный и подземный ворочается во сне.

— Там кто-то есть, — сказал Картер. — Мартино, принеси бинокль. Если нам повезет, мы его возьмем.

— Повезет, — задыхаясь, пробормотал я. — Если это везение, то я лучше полежу дома и подожду катастрофы.

Наконец мы добрались до края гребня, и внизу перед нами открылась призрачная долина, по которой на западе бежала через зигзагообразные скалы и пороги к широкому руслу Хьюсатоника маленькая речушка.

Картер показывал куда-то по диагонали вниз, на группу красноватых ясеней, хотя я ничего не видел, кроме кустов, серых плит скал и спутанных ползучих растений. Я знал, что местность отсюда и до самого Кента была по-своему волшебной и имела загадочное наследие в виде ведьм, странных демонических и дьявольских союзов, так что, в какой-то мере, я был готов увидеть что угодно. Но черт бы меня побрал, если я видел ракообразное создание.

— Вон — вот оно, — бросил Картер. — Я вижу его панцирь.

Я всматривался вниз еще и еще и, по-моему, увидел проблеск движения, но не более того, и я не поклялся бы в суде, что это вообще было что-нибудь крупнее стайки дятлов, не говоря уже о мишени для ружья сержанта Роснера.

Картер смотрел на ясени через полевой бинокль и подождал сержанта Роснера нетерпеливым движением руки.

Сержант покорно подошел, положив свое ружье.

— Вы видите, Хьюберт? Вы видите этого чертова монстра там, внизу?

Сержант взял бинокль и всматривался в направлении, которое показывал Картер, казалось, полчаса.

Потом он кивнул и сказал:

— Я вижу то, о чем вы говорите, сэр. Я не совсем уверен в том, что это такое. Но если вы берете на себя ответственность, я пришибу его.

— Хорошо, сержант, действуйте, — сказал Картер. — Отстрелите этому убийце задницу, и побыстрее.

Мы неловко топтались вокруг, пока сержант Роснер не спеша раскупоривался, снимал ружье и сумку с ракетами. Он вставил ракету в широкий ствол ружья, растянулся на земле, уперев локоть в ветку, и принялся прилаживать телескопический прицел так спокойно и целенаправленно, что Картер отвернулся, подавляя ярость. Наконец он сгорбился над ружьем, прищурился и прицелился.

Картер стоял рядом, покусывая ногти и всматриваясь вниз, в группу деревьев, как будто он мог стрелять глазами, как в мультфильмах.

— Когда же ты будешь готов... — начал Картер, и в его голосе звучала явная желчь.

— Готово, сэр, — ответил сержант и выстрелил.

Последовала вспышка, низкий свист, и мы услышали тихий глухой шум, будто кто-то ударил по подушке. Из деревьев внизу поднялся клуб сероватого дыма, будто кто-то бросил грязный кочан цветной капусты и тот полетел, неспешно покачиваясь на ветру.

Картер, казалось, был разочарован.

— Ты попал? — спросил он.

— По-моему, да, — сказал сержант Роснер. — Хотите еще один выстрел?

— Чтобы уж наверняка, давай, — сказал Картер.

Мы стояли и смотрели, как сержант Роснер перезаряжал свое ружье. Он перенастроил прицел, совершил какие-то манипуляции с циферблатами, и после, казалось, минут пяти подготовки, дерганий и верчения он был готов

ко второму выстрелу. Если бы русские когда-нибудь все-таки решили напасть на нас, они могли бы промаршировать перед нами в составе пятнадцати дивизий, пока сержант Роснер приводил себя в порядок, готовясь скинуть их обратно в море.

— Ты готов? — спросил Картер.

Вдалеке опять гроыхнуло и полыхнули молнии, как языки змей над холмами Южного Кента.

— Я готов, сэр, — сказал Хьюберт Роснер и пригнулся к своему оружию снова, поворачивая наводку. — Скажите «огонь», и я выстрелю, сэр.

Картер Уилкс поднял руку, собираясь сказать «огонь», но случилось нечто непонятное. Я опять услышал гудение, тот самый камертон, который я слышал в лесу, когда ракообразное создало иллюзию Джимми Бодина. Это гудение было высокой частоты, почти невыносимое, и, похоже, от него мой череп вибрировал и монотонно пел. Готов поклясться, что прямо на моих глазах, на ветренном холме в Западном Коннектикуте, сержант Роснер начал колебаться и растворяться в воздухе, как колебалось изображение Джимми, когда краб пытался обмануть меня. Сержант повернулся к нам с удивленным лицом, но мы слишком поздно поняли, что происходило и как надо было ему помочь.

Его лицо посинело, затем приняло ужасный фиолетовый оттенок. Он начал кататься по земле, в горле его булькало; он хватался за свою одежду, как будто задыхался. Потом с отвратительным звуком из его носа и рта хлынула вода, хлынула гигантским потоком, который буквально топил его на наших глазах — топил изнутри.

Мы попытались удержать его, но он брыкался и дергался, и Картер даже попробовал искусственное дыхание. Но в ответ на это из желудка и легких сержанта излился новый поток воды, и удушье наступило еще быстрее. Через несколько секунд он откинулся на землю, щеки его посинели, и стало ясно, что он мертв. Вода еще лилась из его ноздрей и рта, впитываемая землей, но того, что уже сделал ракообразный слуга Квита, было достаточно.

— Он утонул, — хрипло сказал Картер. — Прямо здесь, на верхушке этого чертова холма.

Я кивнул.

— То, против чего мы идем, эти создания, они могут проделывать невероятные штуки с водой.

— Это невозможно, — сказал Картер. — Я видел это, но не могу поверить.

Дэн присел рядом с раздутым трупом Хьюберта Роснера. Он выглядел так, будто его только что вытащили из Хьюсатоника. Он поднял веко Хьюберта и заметил:

— Это не так уж невозможно, Картер. Это похоже на очень мощную разновидность старых заклятий индейцев которыми они вызывали дождь в Аризоне. Любой медик с достаточно сильным источником альфа-волн может создать маленькое поле электропсихической энергии, способное изменить относительную влажность атмосферы вокруг. Был один такой врач, который мог устроить дождь над своей рукой и нигде более с помощью концентрирования волн своего мозга. Но это в тысячи раз мощнее. Откуда или от кого бы ни шла эта энергия, у нас большие проблемы.

— Это исходит от краба, а? — сказал нервно Картер.

— Не знаю, — ответил Дэн. — Может, и нет. Легенды об Атлантиде гласят, что крабы лишь слуги настоящих богов. В старые времена, когда Атлантида процветала, боги, возможно, изменяли людей, чтобы те служили им и исполняли их волю. Психическая энергия передается через краба, но не исходит из его мозга. Она передается, наверное, из-под земли, из колодцев, где лежит Звериный Бог.

Картер не знал, что сказать. Он никогда не слышал, чтобы Дэн так высказывался раньше. Он был хорошим шерифом, прямым и практичным человеком, и вся эта чушь о Звериных Богах и психозергии рассердила и расстроила его. Но он был достаточно умен, чтобы понять, что его друзья и помощники поверили в это; и он знал, что лысый старина Дэн не будет никому рассказывать такую историю, предварительно не обдумав все и не

проверив все эмпирически. Мозг Дэна был устроен как лакмусовая бумага, и Картер уважал его за это.

— Так ты думаешь, внизу что-то есть? — спросил он неловко. — Думаешь, в колодце Бодинов чудовище?

— Улики говорят за это. Я признаю, что они слабые и все это может быть случайностью, но я бы сказал: да, там есть что-то.

— А что, если мы будем бурить и попробуем это найти? Дэн пожал плечами.

— Я бы сказал, что это довольно опасно.

— Ну, а если получится? — упрямылся Картер. — Если мы найдем и убьем это чудовище? Отключит ли это крабов тоже?

— Я не знаю, но думаю, что так. В любом случае, доказательств нет.

Помощник Мартино громко засопел и сказал:

— Похоже, стоит попробовать. Мы не поймем так этих монстров, бегая за ними, если эта чертовщина может сделать так, чтобы мы утонули, с расстояния сто пятьдесят метров.

Картер взглянул на нас обоих.

— Что вы скажете? Надо начинать бурить или нет? Я вызвал окружных инженеров вчера, и они уже, наверное, подготовили оборудование.

— Наверное, надо, — сказал Дэн. — Но мы видели, что случилось с людьми, которые сталкивались с этим Звериным Богом. Вся операция должна выполняться очень осторожно.

— Ну конечно, — сказал Картер. — Ты думаешь, я полезу туда, как ассенизатор-недоучка?

— По-моему, вам надо найти медиума, — сказал Дэн. — Кого-нибудь чувствительного к психическим импульсам. Если заваривается какая-нибудь каша, у вас будет возможность вовремя убраться оттуда подобру-поздорову.

— Медиума? Ты имеешь в виду экстрасенса? Магические шары и все такое?

— Точно.

Картер потер подбородок.

— Мартино, у нас есть медиумы? Предсказатели будущего и вся эта муть?

Мартино немного подумал, а потом сказал:

— Есть старая миссис Томпсон рядом с Бордманским мостом. Это единственное, что я могу придумать.

Я посмотрел на Дэна и поднял брови.

— Похоже, Бордманский мост — хорошее место для психологов. Помнишь Джошуа Уолтерса из книги легенд?

Дэн задумчиво тер подбородок.

— Это точно. Похоже, она подойдет. Может, мы сначала пойдем поговорим с ней, а потом присоединимся к вам у Бодинов. Но я на твоём месте, Картер, не начинал бы бурить, пока мы не приедем. Хватит утопленников и резни. Что бы там ни было в колодце, похоже, оно с энтузиазмом демонстрирует свое превосходство над нами, сухопутными смертными.

Раздался несчастный голос Мартино:

— Шериф, краб возвращается. Посмотрите вон туда, около леса.

Мы все разом повернулись и начали всматриваться в каменистые склоны. Сначала мы ничего не видели, но потом увидели дергающееся неритмичные движения в тени леса, где прятался краб.

Картер нагнулся, взял противотанковое оружие и быстро проверил, заряжено ли оно и готово ли к стрельбе.

— На твоём месте я бы разрядил это ружье и спасся бы бегством, — пробормотал Дэн, следя за движениями в кустах.

— Похоже, оно напало на сержанта Роснера, потому что он ему угрожал, и если ты будешь себя вести так же, то с тобой произойдет то же самое.

Картер облизал губы, как будто нуждаясь в выпивке.

— Одного выстрела будет достаточно. Один выстрел в голову.

— Если все под контролем Звериного Бога, который под землей, то ты можешь разнести это существо на кусочки, и все же не остановишь его.

— Дэн прав, Картер, — вставил я.

— Это, может быть, тот случай, когда благоразумие лучше, чем доблесть. Давай-ка возьмем беднягу Хьюберта и уберем отсюда свои задницы.

Поколебавшись мгновение, Картер опустил ружье. Затем он быстро и недовольно кивнул, мы собрались вокруг мертвого тела и подняли его за руки и за ноги. Он весил столько же, сколько мертвый гиппопотам, и был полон воды, и я не был уверен, что даже вчетвером мы сможем перетащить его к дороге. Но никто не хотел оставлять его. Мы видели, что сделало это существо с людьми в красной «импале» и с помощником Ханти.

Мартино оглянулся через плечо, когда мы ушли с гребня, и сказал:

— Оно идет обратно сюда. Может, немного к западу, но определенно сюда.

— Оно идет за телом, — сказал Дэн.

— Или оно питается плотью, или оно их собирает.

— Собирает? — спросил Картер, брезгливо морща нос. — Для чего, черт побери, ему мертвецы?

— Они могут быть кормом для его хозяина; оно рыщет по этой местности в поисках пищи и несет своему хозяину в колодец. Подумайте. Если там действительно кто-то есть, существо, возрождающееся после сотен лет замедленного движения, что ему понадобится? Питание, и хорошее.

Картер остановился, чтобы сменить руку, державшую ногу Хьюберта Роснера.

— Питание, — сказал он с горечью и посмотрел на сержанта.

Когда мы, удирая, спускались по склонам, я был уверен, что кто-то меня зовет. Гроыхал гром вдаль, усиливался ветер и сложно было сказать наверняка. Но затем я услышал снова, более отчетливо, и неожиданно понял, кто это.

— Подождите, — сказал я, останавливаясь. — Это Рета.

— Что Рета? — спросил Дэн.

— Слушай. Наверное, она последовала за нами.

Наполовину заглушенный ветром, ясно слышалось «Мейсон!», а потом — «...он!». Несомненно, это была Рета, и доносился он из леса, с западной стороны гребня, откуда мы только что ушли. Картер отпустил ногу Хьюберта, и мы последовали его примеру и положили труп на землю.

— Если она там, — сказал Мартино, — то она влетит прямо в объятия краба. Он направился туда, и похоже было, что он двигался быстро.

— Может, он почувствовал ее приближение или услышал ее раньше нас, — сказал Дэн.

Я ничего не сказал. Я бежал вверх по холму. Один раз я крикнул «Рета!», но решил сберечь дыхание для того, чтобы взобраться на холм и успеть к Рете прежде этого краба. Я услышал, как Картер с помощником и Дэн побежали за мной, и я молился за то, что у меня достаточная скорость, хватит сил и я бегу в правильном направлении.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я добежал до гребня и посмотрел на восток. Небо было темней, чем раньше, наверху громынуло, и небо разрезал разряд, оглушив и ослепив меня.

Сначала я ничего не видел, но потом я различил белые волосы Реты, ее бледное пальто, и ускорил шаги. Она лезла по противоположному склону, метрах в шестидесяти от меня. Она кричала «Мейсон! Мейсон!» и была идеальной жертвой для крабообразного. Метрах в двадцати от нее, скрытая темнотой и кустами, виднелась черно-зеленая чешуя монстра, который раньше был моим другом, монстра с блестящими глазами и угрожающе размахивающей клешней, и я знал, что не успею предупредить Рету или добежать до нее вовремя.

VIII

Картер Уилкс был ближе, чем я думал. Он был слугой закона и, наверное, считал своим долгом сохранять форму, но как он умудрился пробежать по склону с таким животом и тяжеленным противотанковым ружьем, я никогда не узнаю. Но я был рад.

Я заорал:

— Рета! Рета! Сюда! Беги сюда!

В это время Картер встал на одно колено, прицелился и выстрелил.

Рета повернулась. Послышалось «в-ж-ж», и мы увидели вспышку и всплеск оранжевого пламени на краю панциря краба. Мне показалось, что я увидел куски разлетающегося в стороны панциря, хотя я мог ошибиться.

Я знаю точно, что существо остановилось и сердито замахало клешней, и это дало мне достаточно времени, чтобы ринуться вниз по склону, крича Рете идти ко мне. Я споткнулся, заскользил и покатился через камни и кусты, но достиг-таки Реты, схватил ее за руку, и мы кинулись обратно вверх по склону.

Я посмотрел вверх: четко вырисовываясь на фоне чернильно-черного грозового неба, Мартино и Картер, стоя на одном колене, спокойно прицеливались в краба позади нас. Я украдкой взглянул через плечо: он следовал за нами, замешкавшись немного после прямого попадания противотанковой ракеты. Я слышал, как его паучьи ноги топали по земле и панцирь ударялся о камни.

Картер открыл огонь. Пули свистели и щелкали вокруг нас, но краб не замешкался ни на шаг. Рета прошептала:

— О Боже, я больше не могу!

— Быстрей, Мейсон, — кричал Картер. — Ради Бога! Оно настигает вас!

На этот раз я не посмел оглянуться. Я чувствовал, как близко оно было. Я чувствовал запах рыбы с каждым глотком воздуха. Я на секунду закрыл глаза и слышал только наши шаги и тяжелое дыхание.

— Мейсон! — заорал Картер, но в этот момент нога у Реты подвернулась, и она упала лицом вниз на землю, всего в трех метрах от гребня. Затрещали выстрелы, но было ясно, что краб слишком прочен для тридцать восьмого калибра, и мы услышали визг срикошетировавших пуль в лесу.

Я дернул Рету за руку и закричал на нее, чтобы она встала. Она попыталась, вскрикнула от боли и упала опять; в этот момент я почувствовал ледяное дыхание, обдавшее мое лицо, и понял, что существо догнало нас.

Я повернулся — темное небо закрылось еще более темными силуэтами клешней, клюва и усиков и заполняющей все тенью гигантской скорлупы. Я видел, как под брюшком чудовища шевелятся щупальца, и в первый раз в жизни почувствовал ледяной поражающий ужас. Настоящий, конкретный ужас.

— Джимми! — взвизгнул я. — Джимми, нет! Ради Бога, Джимми!

Клешня раскрылась. Я слышал работу хрящевых мускулов. Позади хныкала Рета. Краб теперь был прямо над нами, и даже если бы я попробовал откатиться в сторону, он все равно поймал бы меня. Он был прямо над нами и дико и злобно жаждал наших легких, сердец и желудков.

— Джимми! — заорал я опять. — Джимми, послушай! Джимми!

Последовала заминка, краб замер, его веки прикрыли глазные яблоки и снова поднялись. Усики покачивались на ветру. Было так тихо, что я слышал скользящий, смутный звук, издаваемый щупальцами внизу брюшка, когда они терлись друг о друга. Картер, стоящий в нескольких метрах от нас, подавил кашель.

Затем очень медленно, шаг за шагом, ракообразное начало отступать.

Мы оставались на месте, не двигались и не осмеливались сделать ничего, что могло развеять произошедшее чудо. На наших глазах существо медленно развернулось и пошло вниз по склону. Рета подняла голову и уставилась на меня, как на выходца с того света. Я поднял руку, предостерегая ее не шуметь и не говорить.

Краб уже достиг тени деревьев. Первые камни упали на землю.

— Смотрите, — сказал Картер хрипло. — Смотри, что происходит.

Напрягая глаза, я вглядывался вниз. Краб зашатался и задрожал. Остановившись на мгновение, он резко задержался. Затем вдруг его перекосило на сторону, и он грохнулся на спину. Тогда мы увидели глубокую мокрую рану у него в животе и как мученически содрогалось его тело, борясь за жизнь. Вероятно, выпущенный Картером заряд отскочил от земли и поразил существо снизу. Нам повезло, что Картер был таким паршивым стрелком.

— Оставайся здесь, — сказал я Рете. — Мне надо сходить посмотреть.

Рета быстро улыбнулась.

— У меня нет особого выбора. Лодыжка вывихнута.

Я осторожно спустился вниз, к перевернутому ракообразному. Я стоял на солидном расстоянии, но достаточно близко, чтобы видеть, что рана смертельна. Снаряд пробил более тонкую беловатую часть панциря под щупальцами и, очевидно, прошел немного вверх, прежде чем взорваться. Вонь горелой тухлой рыбы была почти непереносимой, но там был еще один запах. Запах человеческих потрохов.

Меня затошнило, и я отвернулся. Позади меня дождь стучал по панцирю умирающего омара. Картер стоял недалеко от меня с непокрытой головой и держал шляпу в руке.

— Не надо почестей, — сказал я. — Что бы это ни было, это не Джимми.

Картер не посмотрел на меня.

— Я отдаю честь помощнику Хантли и всем невинным людям, которых убил монстр. Я сказал, что я доберусь до ублюдка, и я сделал это.

— Остались еще другие. По меньшей мере двое, может, больше, если еще кто-то пил воду.

Картер нахлобучил шляпу на голову.

— Теперь я поеду за главным. Похоже, единственный способ их остановить — выкорчевать оттуда этого Звериного Бога, или как он там себя называет.

— Квит, бог из бездны.

— Точно.

Дэн с двумя помощниками помогли Рете спуститься с холма. Они обошли стороной тело сержанта Роснера, и теперь нам, конечно, не нужно было его тащить. Я в последний раз взглянул на перевернутого краба, лежавшего на северной стороне гребня, на его членистое беловатое брюшко — он был похож на вареного краба в магазине. Затем его тело, казалось, начало сжиматься и скукоживаться. Последовал хлюпающий вздох, и его брюшко раскрылось и опорожнилось, превратившись в кучу останков пожранных им людей. Дождь смывал на камни коричневую, кровавую жижу, и краб сдулся и уменьшился, как будто сделанный из целлулоида. Скоро уже можно было узнать тело Джимми, оно лежало, сгорбившись между двумя валунами, но я не стал смотреть на него.

Может быть, он помог мне как-то во время моих криков о пощаде, а может, и нет. Я был не в настроении думать об этом.

— Найдем, — сказал Картер. — У нас есть чем заняться.

— Да, — рассеянно сказал я и пошел за ним в лес.

Дом миссис Томпсон был одним из тех темных, скрипучих старых домов в Коннектикуте, стоящих далеко от дороги и закрытых дубами и ядовитыми кустами сумаха, основания их обычно черные, грязные, но заросшие естественно зеленой травой. Этому дому было, наверное,

лет двести пятьдесят, и он напоминал мне сцену, судя по тому, как дорога огибала его. Водопровод, наверное, был свинцовым, краны медными, а баки цинковыми.

Был уже вечер, когда мы доехали до дома в «фольксвагене» Реты. Мы оба страдали от странного утомления, следующего за шоком, и несомненно, нам следовало бы быть в постели. Но Картер собирался бурить в пять часов, уговорим мы миссис Томпсон или нет, и двое монстров еще гуляли на свободе, а Звериный Бог разминал затекшие мускулы, так что мы не могли позволить себе такую роскошь — отдых.

Громыхание перешло в постоянную морось, которая сырой стеной стояла в деревьях, как фата утонувшей невесты. Мы вышли из машины, захлопнули двери и пошли к веранде, с беззубых перил которой свешивался промокший коврик, а гниющее кресло-качалка, увитое плющом, стояло там, где кто-то оставил его десятки лет назад. Я подошел к бутылочно-зеленой двери и постучал железным кольцом ручки, сделанной в виде головы льва. Это было похоже на стук молотком по пустой цистерне.

Мы удивились, когда одно из окон на веранде открылось. Она была удивительно молода — за сорок, у нее были черные волосы, сильно подернутые сединой, и лицо, которое подошло бы больше ветерану-моряку. Кустистые брови, большой нос, тяжелый подбородок.

— Вы принесли матрас? — спросила она.

— Матрас? — спросил я ее. — Какой матрас?

— Который вы должны принести. Я отдала его в починку.

— Мы не матрасных дел мастера, мэм, — сказал я ей.

— Нет?

— Нет. Я водопроводчик, а это мой друг, химик-аналитик.

Она моргнула.

— Водопроводчик и химик-аналитик?

Я кивнул.

Подумав секунду, она сказала:

— Я не помню, чтобы я вызывала водопроводчика и химика-аналитика. Что мне чинить или анализировать?

Поколебавшись, я спросил:

— Вы миссис Хильда Томпсон, правда?

— Точно.

— Ясновидящая?

— Точно.

— Вот за этим мы и пришли, — сказал я ей. — У нас проблема, связанная с паранормальными явлениями, и нам нужна ваша помощь.

Последовала минута молчания. Дождь мягко падал на землю в саду, а миссис Томпсон оглядывала нас, будто пытаюсь проникнуть в наши мысли и узнать, чего мы на самом деле хотим.

— Хорошо, — наконец сказала она и убрала голову из окна.

Секундой позже открылась входная дверь.

— Извините за беспорядок, — сказала она, проводя нас через темный и пыльный холл, мимо железной подставки для зонтиков, заполненной всем — от удочек до клюшек для гольфа, — кроме зонтиков; мимо выцветших дагерротипов суровых мужчин с бакенбардами и заголовками типа: «Холливуд Бафен, магистр-медиум, 1880». Наконец мы пришли в подтекающую теплицу, где из-за недостатка внимания произрастал папоротник, а под нездоровыми геранями лежал нечесаный черный лабрадор со слезящимися глазами. Воняло разложением и недельной давности горячим завтраком. Миссис Томпсон показала нам побитый садовый столик, и мы сели на три ржавых железных раскладных стула, заскрипевших под нами.

— Когда идет дождь, мне нравится чувствовать себя как бы снаружи, в дожде, будто я часть природы, — улыбнулась миссис Томпсон, сидя напротив нас. Она была в платье пыльно-черного цвета до пола, шею украшало ожерелье из лунного камня, а рукав — засохший томатный суп.

Я посмотрел вверх на стеклянную крышу, треснувшую и покрытую плесенью. На нее грустно лил дождь, а наверху стонал и скрипел на ветру флюгер.

— Вы не возражаете, если я закурю? — сказал я.

Миссис Томпсон не возражала. Я из вежливости предложил ей сигару, и она взяла одну. Дэн молча ждал, пока мы прикурим.

Скоро окруженная клубами дыма миссис Томпсон улыбнулась и сказала:

— Чем я могу вам помочь? Боюсь, мой провидческий дар давно никому не требовался.

— Вы знаете легенды Литчфилда и Нью-Милфорда? — спросил я.

— Немного, а что?

— Понимаете, мы хотим знать, слышали вы о легенде, которая гласит, что боги, управлявшие Атлантидой, пришли на эти берега и оставили свое семя в источниках, ожидая, когда вновь смогут возродиться.

Последовала пауза, а затем миссис Томпсон медленно кивнула.

— Да, — сказала она. — Я слышала эту историю.

Дэн кашлянул.

— Дело в том, миссис Томпсон, — это звучит дико, но тем не менее дело в том, что мы думаем, это скоро случится. Мы полагаем, что внизу действительно находятся боги Атлантиды и что они готовятся, ну, готовятся, к чему-то, что они сделают, выйдя из-под земли.

Миссис Томпсон кивнула.

— Да, — сказала она.

— Просто «да»? — спросил я.

Она повернулась и уставилась на меня.

— Это все, что я могу сказать. Я знаю легенду и уверена, что по большей части там говорится правда. Поэтому когда вы приходите и говорите, что Звериные Боги готовы появиться, как обещали во времена, когда пало их королевство, что я могу сказать, кроме «да»?

— Откуда вы знаете легенду? — спросил я ее. — Я не знаю никого вокруг, кто был бы о ней наслышан.

Она улыбнулась.

— Я должна знать ее: поколениями моя семья была телепатами. Моя мать рассказывала мне, что мой пра-пра-пра-прадедушка действительно разговаривал с одним из

богов, который жил под землей. Он нашел путь в туннели и пещеры под холмами и нашел, где прячется Звериный Бог.

Я выпустил дым.

— Его имя случайно было не Джошуа Уолтерс?

Она улыбнулась.

— Должно быть, вы нашли экземпляр «Легенд Литчфилда».

— Да. Оттуда я узнал историю. Но там немного сказано о самих Звериных Богах и о том, что им надо.

— Правильно, — сказала миссис Томпсон. — Дело в том, что Джошуа Уолтерс был сумасшедшим, как думали все. Он ушел под землю и пропадал целую неделю. Когда он вышел, он сказал, что прошел пять миль по пещерам и туннелям под Вامينгтоном, плавал в подземных озерах и питался странной слепой рыбой, прекрасно чувствующей себя под землей.

— Кто-нибудь проверил это? — спросил Дэн.

— Я не думаю. Судя по дневникам, он не рассказал, где находятся входы и выходы из пещер. Он сказал, что это слишком опасно и что если ученые или любопытные побеспокоят Звериного Бога, он проснется и отомстит.

— Неудивительно, что его считали сумасшедшим.

— О да, — сказала миссис Томпсон. — Его держали в хатфордской психушке три месяца, но потомпустили. К сожалению, его дневники, точнее, большинство дневников, нашли церковники и сожгли как деяния Дьявола. Я полагаю, что в каком-то смысле они таковыми и были.

— Что вы имеете в виду? — спросил я ее.

Она посмотрела наружу, на зеленый неопрятный сад.

— Из остатков его записей кажется, что Джошуа Уолтерс был уверен, что нашел вселенское дно, которое натолкнуло древних людей на идею Сатаны. Был один великий Звериный Бог по имени Чулт или Квит, и его призывали со звезд века назад, и он устроил свое королевство там, где люди не могут достать его, — на подводных горах Атлантиды.

— Кто призвал его? Джошуа сказал?

— Да вы сами можете прочитать, — сказала она. — Если вы подождете немного, я пойду найду дневник.

Я посмотрел на часы. Было десять минут пятого.

— Конечно. Мы были бы очень благодарны вам, — сказал я.

— А как насчет чашки мятного чая?

Дэн, поколебавшись, согласился.

— Конечно. Мятный чай — это здорово.

Шли минуты, пока миссис Томпсон искала дневник и делала чай. Ни я, ни Дэн не сказали ни слова. Мы были взвинчены и устали, и хотя было двадцать минут пятого, когда миссис Томпсон пришла с подносом, казалось, прошли годы. На подносе стояли три зелено-белые чашки, очень тонкие и с изящными ручками, и чайник, похожий формой на капусту. Рядом с чайником лежало несколько пожелтевших листов, перевязанных розовой ленточкой. Миссис Томпсон вручила нам их.

Мы с Дэном принялись разбирать корявый почерк Джошуа Уолтерса.

Если бы у меня была машина времени, я бы отвез ему пишущую машинку. У нас ушло две минуты на то, чтобы одолеть первый лист, но миссис Томпсон не торопила нас, откинувшись на спинку стула и потягивая чай с достоинством светской дамы в местном дворянском собрании.

Нумерация страниц начиналась с 54. Очевидно, остальная часть пропала, уничтоженная суеверными друзьями Уолтерса.

Начиналось так:

«...из колодцев наконец и был счастлив неимоверно вдохнуть воздух. Я спрятал выход, которым воспользовался, дабы кто-либо случайно не забрался в него и не предпринял подобного путешествия, которое было бы опасно необычайно, учитывая натуру чудовищ, обитающих внизу. Продолжая мысль о зверях, а точнее, о Зверинном Боге Чулте, лежащем глубоко под поверхностью холмов Вامينгтона, надо сказать, что, очевидно, я встретился лицом к лицу с тем самым существом, которое

неученые древние люди знали как Сатану или Дьявола. Ибо даже изгнанный под звезды в дневные времена, он был призван опять на эту планету Аароном, заклинания которого были сфокусированы не Золотым Тельцом, как сказано в Ветхом Завете, а Золотым Зверем, видом столь ужасным, что никто описать его не брался, поэтому окрестили Тельцом. И жил с тех пор Чулт на этой планете, правя королевством на горах под поверхностью Атлантического Океана и призывая в свою очередь других Звериных Богов, поменьше, в качестве своих приспешников. И так, во времена великой Атлантиды, Чулт правил и людьми и Звериными Богами, причем люди некоторые были странно преображены, чтобы служить ему. А когда подземный огонь поглотил Атлантиду, Звериные Боги отступили и спрятались в водных источниках земного шара — кои в Англии, кои в реках континентов Африки и Индии, даже под скалами в пещерах Новой Англии. И вот там и живет высшее зло Чулт, ожидая, когда будет готов восстать и править Звериными Богами и людьми, живущими близ морей. И именно зло, причиняемое людям Чултом и его присными, пока они лежат под землей, привело людей к мысли о Сатане, ибо образ Чулта и его слуг известен повсеместно, хотя тела их лежат под землей. И уверенность в том придают мне слова и знаки, данные мне самим Чултом в подземных пещерах под Нью-Милфордом и Вамингтоном, а самый верный знак приложен здесь».

Далее было еще десять—двенадцать страниц, и я очень хотел их прочитать, потому что они рассказывали, как Джошуа Уолтерс пытался защититься от христианского гнева соседей и как его поместили в больницу. Но самое важное было сказано о Квите-Чулте, и сейчас, когда Картер собирался бурить почву фермы Джимми Бодина, для исторических подробностей времени не было.

Я перевернул страницу.

— Где же знак? — спросил я у миссис Томпсон. — Он говорит, что приложил какой-то знак.

— Да, но я уничтожила его.

— Вы его уничтожили? Вы понимаете, каким важным он мог быть?

— Конечно, понимаю. Я ведь очень чувствительный провидец.

— Так что же вас заставило сделать это? Этот знак мог быть очень важным. Он мог помочь покончить с монстром.

Миссис Томпсон поставила чашку. Ее губы были плотно сжаты и превратились в прямую линию, а выражение лица было несчастным.

— Миссис Томпсон? — спросил я ее.

Она подняла глаза.

— Я не хотела, чтобы эта вещь была в доме, — сказала она. — Она была неудобной. Пока она была здесь, случались всякие вещи.

— Какие вещи?

Она опять опустила глаза.

— Если вы химик-аналитик, вы назвали бы это психическим феноменом. Но это было хуже. Когда я была в доме одна, я мельком видела людей в других комнатах. Я слышала голоса. Не дружеские человеческие голоса, как во время сеанса, а чужие, говорившие меж собой, а не со мной. Я очень боялась. Я до сих пор боюсь. Что бы там ни раскрыл Джошуа Уолтерс, это была часть вселенского зла, как мне кажется, и оно не успокоится, пока не вернет себе своего королевства.

— Вы можете описать знак, который уничтожили? — мягко сказал Дэн.

Мы ждали в тишине. Дождь стучал по крыше мрачной теплицы, и над горами штата Нью-Йорк опять загромыхал гром. Миссис Томпсон вздохнула и нарисовала пальцем невидимый контур на белой крышке стола.

— Вы наверное, уже видели такой знак. В старые времена его называли глазом дьявола. Это глаз, гигантский глаз, и хотя он нарисован очень просто, он производит впечатление квинтэссенции всей жестокости и порока, которые можно представить. Это символ Чулта, символ и знак его собственного глаза.

Переведя дух, она продолжала:

— Знак имел здесь настолько ужасное значение, что за годы его образ стерся из памяти местных людей. Если вы покажете знак кому-нибудь сейчас, они не узнают его, хотя он может вызвать у них неприятные ощущения. Странно, что один из рисунков этого символа появился в книге об античных богах из космоса, вы знаете, что я хочу сказать. Автор принял его за примитивное представление космонавта.

Она улыбнулась.

— Как бы не так. Это часть редкого рисунка Чулта. Но даже хотя автор не знал, что это, и никто в округе тоже, книга так плохо продавалась, что ее отослали обратно в издательство. Люди брали ее с полки, проглядывали и ставили на место, натыкаясь на глаз.

Я прочистил горло.

— Миссис Томпсон, — сказал я. — Ясно, что вы чувствительны к Чулту. Я хочу сказать, что вы слышали голоса и..?

Она тяжело посмотрела на меня.

— Да, — сказала она. — Я чувствительна. Это удивительно, учитывая мою наследственность?

— Нет, мэм. Но мне интересно, согласитесь ли вы направить свою чувствительность в полезное русло.

Миссис Томпсон не ответила. Втроем мы сидели вокруг стола в унылой оранжерее, а дождь все лил, и день потихоньку начал переходить в вечер. Было без пяти пять. Скоро Картер Уилкс отдаст местным инженерам команду начинать бурение.

Миссис Томпсон отвернулась.

Дэн сказал:

— Вы ведь знаете, о чем мы вас просили?

— Вы хотите, чтобы я была вашей канарейкой. Вы хотите, чтобы я проверила обстановку, когда ваши люди будут докапываться до Чулта.

— Канарейка — это слишком сильно сказано, миссис Томпсон, — сказал я. — Когда канареек берут с собой в шахты, то решение уходить принимают только тогда, когда канарейка откидывает лапки и умирает.

Миссис Томпсон пристально посмотрела на меня. Ее глаза были бездонными и проницательными.

— А вы не думаете, что то же самое случится со мной? — требовательно спросила она. — Вы не думаете, что психическая сила Чулта разрушит мой мозг?

— Ну, я...

— Даже сейчас вы не знаете, против чего идете, не так ли? — сказала она. — Вы идете против Сатаны, вашего представления о зле. Вы идете против столь сильного и абсолютно порочного существа, что память о нем сохранилась через миллионы лет. Вы идете против Чулта, кельтского бога бездны. Вы видели, что случилось, когда он заворочался во сне. Заворочался во сне, мистер Перкинс. Не более. Представьте, что произойдет, когда он проснется.

Я смутился.

— Извините, — сказал я. — Я не хотел вас впутывать в столь опасное дело.

— Да, — сказала миссис Томпсон. — Не хотели. Но если вы побеспокоите великого Звериного Бога, вы, боюсь, подвергнете риску всех, не только себя. Всех, кто помогает вам, или копает, или просто смотрит, как вы проникаете в его убежище.

Дэн откинулся на спинку стула.

— Итак, вы — пас? — спросил он ее. Она мягко улыбнулась.

— Я этого не сказала. Я сказала лишь, что вы, похоже, не понимаете, против чего пошли.

— Мы видели ракообразных, которых Чулт послал за плотью для него, — сказал я спокойно. — Они были не совсем ручными кроликами, если вы понимаете, о чем я.

— Я понимаю.

Последовала еще одна неловкая пауза.

Затем Дэн сказал:

— Хорошо, тогда нам нужно вернуться на место бурения. Они должны были начать пару минут назад.

— Дайте мне пять минут, — сказала миссис Томпсон. — Я должна причесаться и надеть пальто.

— Так вы едете? — спросил я ее.

Она кивнула.

— Похоже, придется. Моя семья завязана с легендами о Чулте уже двести лет. Я предполагала, что кому-нибудь из нас еще придется когда-нибудь столкнуться лицом к лицу с этим чудовищем. Мне просто не повезло, что это случилось именно со мной.

— Мы не заставляем вас, — сказал Дэн.

Она протянула руку и дотронулась до него.

— Я знаю. Но это нужно, если подумать. Это было мне суждено с самого начала. Если я не воспользуюсь этим случаем сейчас, то проведу остаток жизни бесцельно, задавая себе вопрос, нужно было попробовать схватиться со зверем или нет?

Дэн положил свои руки на ее.

— Спасибо, — мягко сказал он.

Пока миссис Томпсон ходила собираться, мы с Дэном сидели в теплице и смотрели на дождь. Уже почти стемнело, и Дэн прошел через теплицу и включил настольную лампу с абажуром в виде раковины. Наши отражения сидели в саду, печально наблюдая за нами. Я докурил сигару и затушил ее.

— Каждый час на счету, — сказал голос. Мы оба посмотрели вверх — там никого не было. Дэн нахмурился.

— Это была миссис Томпсон?

— Я не знаю, — сказал я тяжело. — На нее не было похоже.

Я отодвинул стул и встал. Я услышал еще один голос, потише:

— Да, я помню те времена.

Я нервно облизал губы. В конце концов, разве не говорила нам миссис Томпсон о странных людях и переговаривающихся голосах. Я слушал, надеясь засечь шарканье ног, кашель или что-то выдающее присутствие человека, живого и реального.

— Похоже, час близок, — прошептал кто-то в захламенном коридоре. Я посмотрел туда, на окно над дверью, сквозь которое пробивался последний свет уходящего дня,

но видно никого не было. Одно пальто на вешалке рядом с подставкой для зонтиков, похоже, зашевелилось, но я не был уверен.

Я повернулся к Дэну.

— Они знают, что мы здесь, — нервно сказал я. — Что бы за голоса то ни были, они знают, что мы здесь.

— Они, скорее всего, знают также и зачем мы здесь, — сказал Дэн. — Но они — всего лишь психопредставление Чулта. Они не настоящие, поэтому пусть они тебя не беспокоят.

Как только он сказал это, в кухне раздался ужасный грохот и звук бьющейся посуды. Мы побежали по оранжерее, свернули налево, ворвались в кухню и увидели, как из сушки летят тарелки, тарелки и кастрюли парят в воздухе, а банки и масленки, ступки и скалки передвигаются и трясутся на полках, падая на пол и разбиваясь. Звон стоял оглушительный, и мы ничего не могли поделать. Тарелки бились, ножи со свистом носились в воздухе, окна трескались, а из кранов била вода, заполняя раковины.

Из противоположной двери появилась миссис Томпсон с белым лицом.

— Это зверь! — сказала она. — Зверь сердится на меня!

Она стояла и безнадежно наблюдала за разрушениями, пока последняя ложка не упала на пол, а последняя тарелка не разбилась о стену.

— Он не хочет, чтобы я вам помогала, — сказала она. — Он постарается убить меня.

Она наклонилась собрать осколки разбившейся вазы для фруктов, и я услышал тихое постанывание сквозняка под дверью, которая вела в сад. Грустное, непрекращающееся постанывание, казалось, говорившее об одиночестве и печали, о потерянных жизнях и перенесенных муках. Миссис Томпсон подняла голову и прислушалась. Потом она тихо опустила осколки блюда и встала.

— Похоже, пора уходить из этого дома, — сказала она осторожно. — Я начинаю чувствовать, что случится что-то ужасное.

— Вы действительно полагаете, что Чулт знает ваши планы?

— Да, я уверена. Помните, что этот дом давал убежище его духам и знакам по меньшей мере 200 лет, и он, наверное, чувствует, что здесь происходит, очень отчетливо. Вы готовы?

— Когда пожелаете, — сказал я, не скрывая энтузиазма. Мы прошли по коридору к парадной двери, и Дэн протянул руку, чтобы открыть ее. Но его рука наткнулась на стену. Дверь исчезла, на ее месте были обои с рисунком.

Миссис Томпсон вцепилась мне в запястье.

— Может быть, уже поздно, — пробормотала она, переводя дыхание. — Если ваши друзья пробурились в туннель, может быть слишком поздно.

— Давайте попробуем заднюю дверь, — предложил Дэн, и мы отступили по коридору в оранжерею. В этот момент выключился свет, и мы погрузились в дождливую непроницаемую темноту. Секунду мы стояли, пытаясь привыкнуть к темноте, а затем наши глаза разобрали смутные тени стульев и растений, мы взяли за руки и осторожно двинулись к большим французским окнам.

— Вы что-нибудь видите? — свистящим шепотом спросила миссис Томпсон.

— Ничего, — ответил я.

— Тихо, — сказал Дэн. — Если снаружи что-то есть, то лучше нам это увидеть, чем наоборот.

— Ты имеешь в виду краба? — спросил я.

Он отвернулся.

— Не спрашивай меня. Похоже, Чулт может вызвать кого захочет.

На цыпочках мы шли по полу оранжереи. Рука миссис Томпсон сжала мое запястье так, что ее ногти больно впились в мою кожу, а я держался за хлястик пальто Дэна. Дэн вел нас, и я видел только бледный голубой отсвет его лысины. Почти бесшумно мы добрались до дверей оранжереи и выглянули наружу сквозь залитые дождем стекла.

— Ничего по-прежнему не видно, — прошептал Дэн. — Может быть, мы без проблем обойдем дом.

Он тронул ручку двери. Та не поддавалась. Он попробовал опять, дергая сильнее, но она не двигалась. Он повернулся к миссис Томпсон и прошипел:

— Вы ее закрыли? Ключ есть?

— Она не должна быть закрыта, — ответила миссис Томпсон. — Я закрываю ее только на ночь.

Я оттолкнул Дэна.

— Дай мне. Это больше работа водопроводчика, чем твоя.

Взяв ручку двумя руками, я крутанул ее что было силы. Похоже, ее заклинило.

— Миссис Томпсон, — сказал я. — Нам придется разбить окно.

Глаза миссис Томпсон были расширенными и испуганными в темноте.

— Хорошо, если это нужно.

Я помнил, что видел железяку рядом с миской собаки, встал на колени и пополз, ощупывая все вокруг. Оказалось, что она мне не понадобится. Потому что когда я угодил рукой в засохшую еду собаки, послышалось громыхание, будто рядом проходил поезд, и растения в горшках зашатались. Три-четыре стекла в крыше оранжереи треснули и посыпались на нас дождем осколков.

Я поднялся как раз вовремя, чтобы увидеть в саду фигуру, вырисовывающуюся из отвратительного и сердитого облака, которая разбудила во мне глубокие древние страхи, о существовании которых я даже не догадывался. Это была скорее призрачная тень Чулта-Квита, Звериного Бога Атлантиды; это было представление старейшего и злейшего существа со звезд. Но для меня это было еще и нечто знакомое, и я стоял, парализованный ужасающей узнаваемостью. Это было неописуемо огромное, мерцающее и странное существо, меняющее свет от загадочного электрически голубого до темно-красного и ярко-желтого. Оно парило, как бы плывя по поверхности наших подсознаний, пловец в темном океане унаследованных страхов. У него был глаз, бывший концентрацией злобы и дикого желания, и длинные рога, которые, казалось, колыхались

в грозовом воздухе, как будто я видел зверя сквозь горячий струящийся над костром воздух.

Оно было явно бесплотным. Его здесь не было, не было в его звериной плоти. Перед нами витал лишь мощный и пугающий образ его самого, похороненного под землей, созданный, чтобы испугать нас. Но это был именно тот, кого называл Джошуа Уолтерс. Это был Сатана. Это были все страхи и грехи всех религий, воплощенные в одном ужасном создании. Это было коварное искушение, посещающее вас, когда вы жестоки или угождаете себе. Это было козлообразное воплощение жадности и похоти. Это был хозяин всего того, что ползало и скользило.

Когда Бог затопил мир, не повиновавшийся Ему, и спас только Ноя, этот дьявол выжил. Это был дьявол океанов, загадочных тайных глубин, где рыщут ужасные чудовища. Это был дьявол утонувших надежд и снов, дьявол единственной естественной среды, где человек не может выжить. Когда я видел во сне кошмары о плаваниях, то были флюиды этого создания.

— О Господи Иисусе, — сказа́л Дэн. Сказал искренне, но даже такое заклинание не могло нас спасти.

За доли секунды крыша оранжереи взорвалась потоком ледяной воды, который, пенясь и бурля, смыл нас с ног. Я набрал полные легкие воды, прежде чем понял, что происходит. Я задышался и отплеывался, а потом поток затащил меня в подводный мир плавающих цветочных горшков, дрейфующей собачьей еды и столов, которые танцевали с любопытной жизнерадостностью.

Мне показалось, что кто-то схватил меня за рукав. Это мог быть Дэн или миссис Томпсон, а может, и что-то пострашней. Я оттолкнулся, поплыл назад, моя голова ударилась о французское окно. Один странный промежуток времени я парил с лицом, прижатым к стеклу, уставившись на сад и дождь. Затем, вероятно, воды буквально разорвали оранжерею, потому что послышался треск стекла и я очутился на траве, кувыркаясь в пенящемся потоке битого стекла и воды. Я лежал в темном саду, казалось, час. Я кашлял и задышался, не имея возможности перевер-

сти дух. Шел дождь, и то и дело слышался треск молнии и следом — раскаты грома. Наконец я смог подняться, промокший, продрогший и трясущийся, и огляделся. Дэн сидел в нескольких футах от меня. Он кашлял, но, похоже, с ним было все в порядке. Я беспокоился о миссис Томпсон. Я пошел обратно к разбитым и развороченным руинам, которые остались от ее оранжереи, и позвал:

— Миссис Томпсон?

Ответа не было. Я переступил через зазубренный край бывшего французского окна и позвал опять:

— Миссис Томпсон?

По лицу хлестал дождь, ветер сотрясал кусты, но ответа все не было. Я осторожно и медленно пошел вперед, через покореженный металл и разбитое стекло.

Я нашел ее лежащей на спине посреди выложенного плиткой пола. Она лежала на смертном одре из разбитого стекла, а ее глаза неотрывно смотрели в небо, как бы следя за отлетевшей уже далеко душой. Бронзовый флюгер, возвышавшийся раньше над оранжереей, упал прямо вниз и воткнулся ей в грудь. Она, должно быть, умерла еще раньше, чем затопило оранжерею. Ее кровь смешивалась с дождем, и от нее пахло смертью. Дэн подошел и встал рядом. Он смотрел на миссис Томпсон и вытирал дождь со лба.

— Похоже, это из-за нас, — тихо сказал он. — Можно считать, что это мы стали причиной ее смерти.

Я отвернулся.

— Я думаю, она знала, что Звериный Бог рано или поздно до нее доберется. Если ее это может утешить.

— Только не ее.

Я раздраженно взглянул на него.

— Так что ты от меня хочешь? Она сказала, это ее судьба.

— Ты чувствуешь себя виноватым, так же как и я, — сказал Дэн.

Я потряс головой.

— Нет, не чувствую. Она играла с огнем задолго до того, как пришли мы и сожгли ее. Казалось, она знала.

Дэн взглянул на часы.

— Нам лучше двинуть к дому Бодинов, — устало сказал он. — Они уже должны были начать к этому времени, и если миссис Томпсон права, у них там наблюдается прогресс.

Я опять взглянул на тело миссис Томпсон. Казалось, и это было жутко, что она улыбается мне. Я улыбнулся в ответ, прежде чем вспомнил, что она мертва и все улыбки — игра света или эффект расслабления мускулов.

— Ты видел это создание? — спросил я у Дэна, когда мы шли к машине через кусты.

Он кивнул.

— Психическая иллюзия. Он не мог навредить нам физически.

— Оно не напомнило тебе ничего?

— Что ты имеешь в виду?

Мы дошли до машины, и я открыл дверь. Мы смотрели друг на друга через выпуклую мокрую крышу.

— Я хочу сказать, оно тебе ничего не напомнило?

Он пожал плечами.

— По-моему, напомнило. Я не уверен — что.

Мы залезли в машину и закрыли двери. Мотор взвыл, заржал как лошадь и наконец завелся. Я включил первую скорость и мы поехали.

Я сказал:

— Почему бы не попытаться вспомнить? Я знаю, о чем я думал, когда видел это. Ты скажешь, что думал ты?

Дэн смотрел на мокрые деревья.

— Самое смешное то, что это напомнило мне время, когда я был мальчиком. Я был в поле неподалеку от дома, с сестрой, и мы наткнулись на ребят постарше — они мучили собаку. Они подвесили ее вверх ногами на дереве, а потом облили керосином, подожгли и отпустили. Я видел, как она бегала вокруг, и чувствовал запах горелой шерсти и мяса, а потом она упала на землю и умерла. Я не знаю почему, но это создание напомнило мне этот случай.

— Ты ведь знаешь почему, — сказал я. — Ты согласишься, что сказал Джошуа Уолтерс? «Зло, сотворенное

Чултом и его присными, привело людей к мысли о существовании Сатаны».

— Не понимаю, — сказал Дэн. — Почему Чулт должен напоминать мне об этом?

— Потому что это было злое деяние, и потому что это была работа дьявола, и потому что Чулт и есть дьявол. То, что мы видели сегодня вечером, — дьявол, Сатана, собственной персоной.

Дэн нашел пачку салфеток в бардачке и стал вытирать лицо и волосы.

— Для меня это слишком сверхъестественно, — сказал он погодя. — Я предпочитаю думать, что это была психоэлектрическая иллюзия.

— Можешь думать, что хочешь. Все равно это был Сатана. Не сам Сатана во плоти, но образ, который он спроектировал из своего мозга.

Дэн пожал плечами.

— Может, ты и прав. Но я бы предпочел называть его настоящими именами — Квит или Чулт. Они менее эмоциональны, ты не находишь?

Я взглянул на него.

— Мы бьемся с дьяволом, а ты беспокоишься об эмоциональности.

— Я не хочу паники. Особенно среди тех, кто бурит.

— Они собираются откопать Сатану, и они не должны волноваться?

Дэн, нахмурившись, посмотрел на меня.

— Послушай, Мейсон, ты на чьей стороне?

Я направил автомобиль налево, по мосту через Хьюс-тоник.

— По-моему, на стороне ангелов, — сказал я ему.

Он хмыкнул.

— Отлично. Остается надеяться, что ангелы тоже на твоей стороне.

Со временем дождь стих, и мы доехали до дома Бодинов. Дороги были мокрыми и отражали фары проходящих машин, но воздух был сухой и свежий, а высоко в небе расходились тучи и начинали светить звезды. Насколько

было видно с холма, уже поставили буровую установку, окруженную движущимися фонарями и стационарными светильниками. Огни были яркими и голубыми, и тени от них были похожи на жирафов. Когда мы подъехали по подъездной дороге и вылезли из «фольксвагена», мы увидели леса, в которых стояла буровая установка, и по мерному пыхтению и завываниям дизеля поняли, что работа уже началась.

Я зажег сигару и пошел за Джоном вокруг дома.

Шериф Уилкс стоял в нескольких метрах от эпицентра действий, разговаривая с Дэйтоном Трашем, инспектором-инженером Литчфилдского округа, приехавшим специально из Торрингтона. Траш был худощавым, немногословным человеком, похожим на корнеплод, оставленный пылиться в подвале. На нем были очки без оправы и желтая каска. К губе приклеилась сигарета «Кэмел», которую, казалось, он никогда не зажигал.

Дэн и я прищурились, когда осматривали ярко освещенную бурилку. Ее вал медленно вращался, вгрызаясь наконечником сначала в почву, а затем в скалу. Бригада из пяти инженеров, одетых в джинсовые комбинезоны и ветровки, стояла вокруг установки с поднятыми воротниками, потирая руки, чтобы сохранить тепло.

— Эй, Картер, привет, — тихо сказал я. — Как дела, Дэйтон?

— Живем пока, — сказал Дэйтон, и его сигарета запрыгала во рту.

Картер сказал:

— Вы говорили с Томпсон?

Я кивнул.

— Пока могли. Квит пробрался и сделал так, чтобы мы не использовали ее против него.

— Что это значит?

— Она мертва, Картер. Мы были в доме и застали еще один потоп.

Картер посмотрел на меня внимательно глубоко посаженными, почти свиными глазками.

— Мертва? Утопла?

— Заколота. Оранжевую затопило. Стены разрушились, и флюгер рухнул ей на грудь. Мы не могли ей помочь.

— Как давно это случилось? — спросил Картер.

— Мы только что оттуда.

Картер достал свое личное радио и вызвал помощника в машине.

— Чэф, вызови «скорую» к миссис Томпсон у Бордманского моста. Они знают. Да. Она мертва. Сделай так, чтобы поехал Эланд и все проверил. Я хочу снимки, много снимков. Да. Я позвоню тебе позже.

Дэн сказал:

— Определенно, это был Квит. Мы оба видели его или его образ.

— Вы имеете в виду чудовище, которое мы откапываем?

Дэн кивнул.

— Судя по старым записям, которые показала нам миссис Томпсон, вся местность вокруг кишит пещерами и подземными озерами, где и прячется Квит.

Дэйтон Траш сказал:

— Квит? Кто такой Квит?

Я выпустил дым.

— Это уменьшительно-ласкательное. Означает что-то вроде «ужасный Звериный Бог из бездны».

— Ты издеваешься?

Я потряс головой.

— Внизу что-то есть, Дэйтон. И это что-то похоже на ад, могущий утопить тебя в кровати, лишь пожелав этого. Ты думаешь, я буду с тобой шутить такими вещами?

Неожиданно бурилка ускорила свое движение, бешено завизжав, завертелась с дикой скоростью и остановилась.

— Что там? — позвал Дэйтон.

Один из его бригады ответил:

— Мы прорвались в какую-то пещеру, мистер Траш. Наверное, какая-то полость или туннель. Хотите посмотреть сами?

Дэйтон Траш взглянул на нас загадочно, как в старом кино, и направился по мокрой траве к колодцу. Бурильщики вытаскивали грязную ось бура из земли и наконец вытащили наконечник вместе с фонтаном подкрашенной воды. Дэйтон провел пальцем по оси и стал изучать грязь, подняв руку к ближайшему фонарю. Затем он сказал:

— Джонс, Уокер, раскройте бур, и давайте посмотрим на пробу внутреннего слоя.

Я подошел и встал рядом. Я не знал, желательно ли мое присутствие, но я полагал, то, что случилось с Джимми и Элисон, было также и моим делом, поэтому остался. Он опустился на колени рядом с пузырящимся фонтаном желтоватой воды, все еще бьющим из дыры, похоже, не зная, что делать дальше.

— Дэйтон? — спросил я его.

— Что такое?

— Ты думаешь, там пещера внизу? Или туннель?

— Все может быть. Но я не буду уверен, пока не проверю.

— А как насчет подземных озер и всего такого?

Он вытер нос тыльной стороной ладони.

— Возможно, Литчфилдские холмы образовались вследствие тектонического давления. На докембрийском плато иногда в таких случаях внизу получаются пещеры. Или случается, что вода вымывает нижние слои и тоже получаются пещеры.

— Тектоническое давление? — спросил я его.

— Конечно. Вулканическая активность. Вздыхливает верхний щит, как неубранную постель. В основном здесь преобладают палеозойские процессы.

— Я не знал, что ты дока в геологии.

— А я и не дока. Но когда всю жизнь буришь дырки в земле, приходится разузнать об этой земле побольше.

Начальник бригады подошел к нам со шматком мокрой глины в руке.

— Мистер Траш? Определенно похоже на то, что мы пробурились в какую-то полость внизу. Похоже, что она метров двадцать в высоту.

— На какой она глубине? — спросил Траш.

— Немногим меньше двадцати трех метров. В этом месте мы пробili ее крышу. В других местах, может, и глубже.

Картер Уилкс сказал:

— Вы можете пробурить дыру пошире?

Бригадир взглянул на него.

— Сэр?

— Вы слышали, — ответил Картер своим обычным грубым голосом. — Вы можете пробурить дыру пошире, чтобы человек смог пролезть?

— Ну да, конечно, — неуверенно сказал бригадир. — Все зависит от того, чего вы хотите. Мистер Траш сказал мне, что это не более чем взятие пробы воды.

Картер вздохнул.

— Вам ведь без разницы, зачем это, не так ли, пока вам регулярно платят в конце месяца?

Бригадир сдвинул каску на затылок. Он был молод, с толстой, как у быка, шеей и аккуратно подстриженными усиками.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь из моей команды лез туда, и это мне не без разницы. Мы не провели соответ-

ствующей разведки, у нас нет нужных буров, и если честно, это чертовски опасно. Никто не полезет вниз, не проверив хорошенько крюк безопасности.

— Я не прошу ни вас, ни ваших людей лезть туда, — сказал Картер.

Бригадир моргнул.

— Я также не могу отвечать за тех, кто это сделает, шериф.

— Об этом я вас тоже не прошу. Я прошу пробурить дыру в пещеру такой ширины, чтобы пролез человек.

Бригадир посмотрел на Дэйтона Траша, ожидая, что тот скажет шерифу, что об этом не может быть и речи.

Но Дэйтон кивнул и сказал:

— Начинайте.

Бригадир пожал плечами и пошел обратно к установке, где ждала его команда. После краткого обсуждения дизель опять завелся, и бур передвинули на полметра ближе к дому, чтобы опустить параллельную ось. Я посмотрел на часы, когда бур вгрызся в траву, а затем глубже в землю. Шел седьмой час, и мои глаза так устали, что мне казалось, будто я натер их песком с солью. Я был готов отдать что угодно за бутылку «Джека Дэниела», камин и мягкую постель.

Ушел еще час на то, чтобы пробиться через двадцать метров ассорти из камня и мягкой почвы. В начале восьмого с большим термосом кофе прибыл помощник из полицейского отдела Нью-Милфорда, а дизель вновь выключили и бригада объявила, что бурение почти закончено.

— Грунт здесь опять мягкий из-за утечки воды, — сказал бригадир, вытирая грязь с рук еще более грязным платком. — В некоторых местах он почти провалился в пещеру, так что еще немного — и мы пробьем дыру примерно в метр шириной.

— Стенки выдержат? — спросил Картер.

— Я думаю, да, — сказал бригадир. — Но для того, кто полезет вниз, не должен быть неожиданностью слой грязи на голове.

Картер ележно улыбнулся мне, словно был моим старшим братом.

— Ну что, Мейсон?

— Я!? Ты хочешь, чтобы я туда лез!?

— Ну, ты и Дэн, и, может быть, помощник. Ладно тебе, Мейсон, ты знаешь этих существ лучше, чем кто-либо. Разве краб не повернул, когда ты позвал его по имени?

Я не верил своим ушам. Черт побери, последнее, чего мне хотелось — это лезть в грязную дыру в земле и встречаться с чудовищем, пришедшим из веков страха и предрассудков под именем Дьявола. Того, что я видел около оранжереи миссис Томпсон, — мерцающего и ужасного видения спиральных усиков и омерзительных рогов — было вполне достаточно до конца дней моих. А тут встретиться с Сатаной во плоти — нет, это уже намек на то, что пора потихоньку выходить из игры.

— Картер, — сказал я. — Я бы с удовольствием помог тебе...

— Конечно, с удовольствием. Дэйтон, у тебя есть лишняя каска?

Дэйтон кивнул.

— Есть парочка в багажнике моего «сильверадо».

— Дэйтон, — вставил я. — Постой, Дэйтон. Я не иду.

Картер притворился удивленным.

— Что ты этим хочешь сказать — «я не иду»? Вся эта чертовщина была с самого начала твоим детищем.

— Картер, я водопроводчик.

— Вот именно. И не говори мне, я это знаю. Но ты ведь интеллектуал тоже, так? Ты знаком с такого рода вещами. Оккультизм и тому подобное. Ты знаешь, что здесь происходит, черт побери, лучше, чем я. Конечно, тебе надо идти.

— Я пойду туда на верную смерть! — заорал я. — Если эта чертова ось не обрушится мне на голову, тогда Звериный Бог утопит меня! А если не утопит, то съест! И ты думаешь, я соглашусь на это?

Картер посмотрел на Дэйтона, как будто я был испорченным ребенком, которого надо убедить делать то, что лучше для него же.

Но Дэн сказал:

— Мейсон прав. Ты не можешь требовать от нас этого. Без определенной защиты это верная смерть.

— Я послал бы с вами помощника.

— А как насчет пойти с нами самому?

— Мне? — сказал Картер. — Мне надо остаться наверху и контролировать все.

Я повернулся и как мог холодно и сурово посмотрел на него.

— Картер, — сказал я ему. — Ты можешь убедить меня спуститься в шахту только если пойдешь туда сам.

Картеру, похоже, было не по себе. Он поднял лицо и уставился в небо, потирая двойной подбородок и вздыхая, как будто призывал кого-то, но не богов, а величайшее терпение. Опять собирались тучи, похожие на черную кровь, а в отдалении бухал гром. Неожиданно подул ветер, закружив в танце опавшие листья.

— Мейсон, — сказал Картер. — Я не могу заставить тебя идти.

Раздался еще один раскат грома. В воздухе запахло электричеством и чем-то еще. Появился слабый, но отчетливый запах рыбы, будто кто-то открыл банку сардин.

— Я не пойду, Картер, — резко сказал я. — Я даже не помощник, поэтому ты не сможешь меня заставить.

Картер опять вздохнул, потер подбородок, пообижавшись немного.

— Ты прав, — сказал он через силу. — Ты абсолютно прав. Я не могу тебя заставить.

— Пока ты это понимаешь.

Он повернулся ко мне спиной, и когда он снова заговорил, его тон был сдержанным, но голос приглушенным.

— Если бы я сказал, что пойду, что сказал бы ты?

Я оглянулся на Дэна.

— Ты хочешь идти, если пойдет Картер? — спросил я его.

Он пожал плечами.

— Да, наверное. Мне особо нечего терять. Ни семьи, ничего такого. А было бы интересно посмотреть, на что похож Чулт.

Я почувствовал, что мне мат. Если Дэн шел за Звериным Богом и Картер тоже был готов, то, похоже, особой альтернативы у меня не было. Я мог отказаться, конечно. Я мог остаться в стороне и благодарить Бога за жизнь и карьеру водопроводчика, но так же, как и Картер, я знал, что если Чулт ухитрится восстать из мертвых, то жизни и карьеры в привычном понимании не будет. Чулт, или Квит, был могучим и ужасным зверем, который заколет или мутирует любого ради собственной безопасности, а теперь, после веков заточения, он был еще сильнее, он был силен, как никогда.

Неожиданно на траву дома Бодинов опустилась стена дождя. Блестящие фонари вспыхнули еще ярче в радугах дождя, и инженеры завели дизель снова, на случай, если придется откачивать воду из дырки.

— Хорошо, — неохотно сказал я. — Дайте мне каску, назовите Самым Храбрым Американцем Со Времен Эдди Мерфи, и я пойду.

Картер кивнул Дэйтону Трашу, и тот пошел к своей машине за касками. Дэн, Картер и я стояли на дожде, осторожно поглядывая друг на друга; каждый думал, идут ли двое остальных потому, что не хотят показаться кроликами, или потому, что действительно не боятся того, что внизу.

Картер сказал:

— Мартино, ты взял противотанковое ружье?

— Конечно взял, шериф.

— Тогда принеси его и проверь, заряжено ли оно.

— Да, сэр.

Дэн сказал:

— Жалко, что мы потеряли миссис Томпсон. Что касается психической стороны, мы тычемся, как слепые котята. Квит может убить нас без предупреждения в любой момент, и мы даже не узнаем об этом.

Картер посмотрел на часы.

— Искать еще кого-нибудь нет времени. Доверимся собственным носам.

— Я знаю один нос, которому доверяю, — вставил я.

— Чей это?

— Шелли.

— Твоего кота Шелли?

Я вытер воду с глаз платком.

— А есть еще что-то по имени Шелли?

— Не знаю, — сказал Картер. — Шелли Винтерс?

Я так нервничал, что шуток не воспринимал. Я резко сказал:

— Ты думаешь, надо взять с собой Шелли Винтерс? Конечно, я имею в виду своего кота. Этот дьявол и его слуги-мутанты воняют рыбой, а от этого запаха Шелли заводится, как мадам из Нью-Йорка после семи порций вишневого бренди.

— Ты хочешь пойти взять его? — спросил Картер.

— Ему не понравится дождь, — предупредил я его.

Картер повернулся к одному из помощников.

— Чэф, — с ужасно преувеличенной терпеливостью сказал он. — Я хочу, чтобы ты сходил к моей машине и открыл багажник. Внутри лежит запасной плащ. Ты не принесешь его сюда со страшной скоростью?

— Хорошо, шериф, — сказал Чэф и ушел за дом.

Мы немного подождали. Бригада инженеров расширила отверстие специальной насадкой, и у них не было особых проблем, потому что земля была мягкой. То и дело обваливался пласт торфа, вызывая легкий оползень, и к тому времени, когда Чэф пришел с плащом, обвалы расширили отверстие до полутора метров в диаметре.

Мы осторожно подошли к краю, и инженер угодливо посветил фонариком вниз, в темноту. Ничего, кроме мокрой земли, не было видно, ну, если только корни, камни и тени. Внизу, на дне ямы, в двадцати трех метрах от нас, ничего кроме темноты не было.

— Должно быть, пещера довольно большая, — сказал бригадир. — Мы не могли ничего разобрать с фонарями. Широкая, глубокая и к тому же воняет рыбой.

— Это точно, — резко сказал Картер. — А теперь, как вы собираетесь спустить нас туда?

— Это достаточно просто, — сказал ему бригадир. — Мы наденем на вас ремень и привяжем к буровой установке.

— А если нам хочется подняться, и быстро?

Бригадир пожал плечами.

— Боюсь, быстро не получится. Вам придется свистнуть, спустят веревку, вы прицепитесь и будете ждать, пока мы будем поднимать вас по одному.

Дэп сказал:

— Давайте надеяться, что полчища ада не будут дышать нам в спину, когда нам нужно будет подняться.

Картер вытер кончик носа.

— Я начинаю удивляться, как вам удалось уговорить меня даже начать это.

— Шериф, — улыбнулся я. — Это тот самый героический поступок, за который шерифов упоминают в списках отличившихся.

— В задницу эти списки. Смотри, вот твой плащ.

Я взял плащ у промокшего и дрожащего Чэфа и пошел вокруг дома к подъездной дороге, где припарковывал «фольксваген». Я посмотрел сквозь залитое дождем стекло и увидел Шелли — он лежал уютным комочком на переднем сиденье и видел во сне мышей. Я постучал по стеклу, и он зашевелился. Открыв дверь, я впустил холодный ветер и дождь, отчего он зевнул и потянулся, изобразив гнев на ошетинившейся мордочке.

— Шелли, — сказал я ему, — настал час платить за три года бесплатной еды, мокрых пятен на стульях и беспопылинных ночных добыч. Вот твой плащ. Пойдем и выслепим этому дьяволу, прежде чем он выйдет и сделает то же самое с нами.

Я нагнулся в машину, чтобы завернуть его в плащ, и когда сделал это, то услышал первое сотрясение. Это было смутное, неприятное ощущение, больше похожее на гигантский поезд, проходящий внизу, чем на нормальное землетрясение. Я достаточно часто бываю в Лос-Ан-

джелесе, чтобы знать, что такое легкое сотрясение по шкале Рихтера, это же было незнакомым, странным и продолжалось почти полминуты. Даже землетрясение, уничтожившее Сан-Франциско в 1906 году, длилось всего двадцать восемь секунд. Я в тревоге поднял руку и треснулся головой о дверной проем. Я чертыхнулся, и Шелли неприязненно посмотрел на меня, будто я был виноват в понижении температуры и в этих забавах с плащами.

— Отлично, все улажено, — сказал я ему. — Пойдем-ка.

Он мяукнул, когда я вытащил его из машины. Затем я сунул его под мышку и прошествовал вокруг дома, а он свободно покоился в это время на моей согнутой руке. Но я не был настроен симпатизировать кому-либо. Я был слишком напуган, возбужден и озадачен проблемой собственного выживания. Я поднес Шелли к темной дыре в земле, которую пробурили инженеры, и подержал его над ней, чтобы он мог почувствовать запах рыбы, поднимающийся из пещеры. Его розовые ноздри раздулись, и он сильно дернулся, но я не отпускал его.

Бурильная бригада стояла вокруг, глаза на нас так, будто у меня окончательно съехала крыша. Один из них с сардонической заботой сказал:

— Вам нужна каска для кота?

Я проигнорировал замечание.

— Кот чувствует, что там внизу, — сказал я ему. — Чего не скажешь о вас.

— Да? Ну и что там? Что он говорит?

Шелли дернул ушами. Я с сарказмом в голосе сказал:

— Он говорит, что это похоже на окружного инженера-бурильщика, ведущего умный разговор. Но считает, что может ошибаться.

— Ладно, осадил, — сказал инженер.

Дэйтон Траш подошел с нашими касками. Я снял бейсболку в первый раз за несколько дней и заменил ее на черно-красную каску, которая делала меня похожим на Человека-Ракету на выходных. Дэн подошел в желтом

шлеме, а Картеру достался ядовито-зеленый. Картер кивнул в сторону ямы и сказал:

— Ну, и как она нравится Шелли?

Запах рыбы значительно усилился, и мы опять почувствовали вибрацию под землей, вибрацию, от которой зазвенели цепи и крюки бурилки, а дизельный двигатель вздрогнул и кашлянул. Над нашими головами сверкнуло, и молния из облаков ударила в землю в нескольких милях к северу. Мы все еще были ошеломлены, когда прямо возле наших ушей взорвался гром, и Шелли в страхе поглубже закопался в плащ.

— Похоже, Звериный Бог двигается или собирается двигаться, — сказал Картер.

Он перекинул ремень противотанкового ружья через грудь, пока Чэф подвешивал две ракеты ему на пояс.

— Может быть, крабы принесли Квиту достаточно пищи, чтобы тот ожил, — сказал Дэн. — Мы убили Джимми, но остались Элисон и Карлен.

— Как они могли туда попасть? — спросил Дэйтон. Его сигарета намокла так, что почти просвечивала, но он все так же держал ее приклеенной к губе. — Только не говорите мне, что они пробурили шахту в двадцати метрах от нашей.

— Им это не нужно, — сказал я ему. — В этих пещерах существуют входы и выходы на поверхности. Был раньше такой мужик на Бормандском мосту в 18 веке, который их обнаружил.

— Я о них не слышал, — подозрительно сказал Дэйтон.

— Не будем спорить, — подвел я черту. — Давай-ка лучше спустимся в эту чертову шахту и посмотрим, что там.

Дождь был проливным и шумным, и водопады грязной воды лились в шахту, смывая все больше слоев грязи и камней.

Бригадир подошел к Дэйтону Трашу и сказал:

— Если вы хотите проделать этот трюк, мистер Траш, то лучше бы поторопиться. В такой ливень, да еще когда трясет, мы не можем держать шахту открытой долго. —

Как бы желая усилить его предупреждение, земля вновь затряслась, и велосипед Оливера Бодина, прислоненный к стене дома под крышей веранды, с грохотом упал. Мы нервно обернулись на шум, а затем переглянулись.

— Первым лучше идти тебе, Мейсон, — сказал Картер. — Ты единственный с детекторным устройством.

— Картер, — начал я предостерегающе, но двое бурильных инженеров подошли ко мне с мотком мокрой веревки и без лишних церемоний обвязали меня брезентом. Затем я оказался на полпути к дыре, к моей талии приделали крюк с тяжелой застежкой. Кто-то дал мне тяжелый фонарь.

В такой близости от дыры исходил холод, который был неприятнее, чем дождь или ветер. В облаках опять блеснула молния, и опять театрально громыхнуло. Сотрясения волновали их больше, чем я. Возможно, Господь двигал у себя мебель, но мы-то знали, что это дьявол ворочается во сне, и это больше всего пугало меня.

Бригадир засунул два пальца в рот и громко свистнул. Дизель взвыл, мое тело оторвалось от земли, и мы с Шелли потихоньку закружились в воздухе, а все смотрели на нас, как будто нас только что повесили и они пришли посмотреть, как мы болтаемся на виселице.

— Ты в порядке? — проорал Картер. — Готов идти?

Я приложил руку к уху и закричал:

— Что ты сказал? — когда медленно пролетал мимо него.

— Ты готов опускаться? — заорал он снова.

Я посмотрел под ноги, которые висели над загадочной темнотой. Мой желудок сжался, как чувствительный морской полип, а сердце медленно и громко билось в ушах, оглушая меня почти полностью. Земля опять затряслась, и трос задрожал и закачался. Я вытянул руку, чтобы уравновеситься, но, конечно, держаться было не за что. Все, что я мог, — это крутиться, качаться и чувствовать тошноту.

— Опускайте меня! — закричал я. — Что угодно, лишь бы не висеть здесь под дождем. — Картер подал знак, и

дизель заработал, лебедка закрипела и дюйм за дюймом рывками начала опускать меня в дыру.

В какой-то момент я был над землей. В следующий миг мои глаза были уже на уровне ботинок и сырой травы, а затем я погрузился в студеную зловонную темноту на пути в дьявольскую пещеру. Шелли попытался вывернуться, когда рыбный холод пожрал нас, но я крепко прижал его и щелкнул по носу пальцем, чтобы он вел себя тихо. Удар по носу пальцем был единственным наказанием, которое он понимал.

Когда нас опускали в шахту, шум дизеля и гром становились постепенно глуше и глуше. Скоро я уже почти ничего не слышал, кроме ударов сердца и отдаленного поскрипывания лебедки. Отдельные капли дождя еще падали на меня, и когда я посмотрел вверх, чтобы проверить, как низко меня опустили, одна из них попала мне прямо в глаз. Но наибольшая сырость исходила от земли и гнилостного дыхания Квита.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я достиг дна шахты. За время спуска я насчитал не меньше трех сотрясений, камни и грязь без конца падали мне на голову, отскакивая от каски и плеч, а один раз от спины Шелли. Я отцепил фонарь и посветил на стенки шахты. Мы были уже в слое камня, сначала вкрапленного, а затем сплошного. Затем неожиданно мне показались, что свет фонаря потускнел. Мы достигли основной пещеры, и луч фонаря, вместо того чтобы падать на стенки шахты, теперь бесшумно пытался осветить пространство большое, как средневековый собор. Откуда-то шел воздух, потому что я чувствовал поток на лице, а запах был сногшибательным. Как в кладовой с недельной выдержки тунцом. Шелли ошетинился и замаякал, и если я не держал бы его крепко, он, наверное, прыгнул бы вниз и пушистой молнией помчался за этим тухлым дьяволом.

Лебедка опускала нас все ниже в подземную темноту, пока мои ноги не дотронулись до земли. Исходя из времени, за которое лебедка опустила нас от потолка до дна, я бы сказал, что пещера была около двенадцати

метров высотой. Я подергал за веревку, подавая знак бригаде, что я внизу, а потом посмотрел вверх, на слабый свет в конце грязной шахты, через которую меня опускали. Он был даже более чем слабый. Он был голубоватым и далеким, и это был единственный известный мне выход. Я отцепил свою упряжь, снова подергал за веревку, и ремни с пронзительным скрипом стали потихоньку подниматься вверх. Когда они окончательно исчезли, землю сотряс мощный удар и вниз посыпались осколки камня. Посветив вокруг фонарем, я обследовал свое новое окружение, как говорится в историях о кораблекрушениях. А это было похоже на кораблекрушение. На самом деле даже хуже. Я был в большем одиночестве и страхе, чем любой потерпевший кораблекрушение. У Робинзона Крузо, по крайней мере, были солнце и попугай на плече. А у меня была темнота, страх и беспокойный кот.

Я прошел немного вперед, вглядываясь в мрак, и что-то хрустнуло у меня под ногой. Я отступил с отворачиванием и посветил вниз. Я наступил на белый скелет величиной с голубя. Я посветил фонарем вокруг и увидел, что пол был завален сотнями скелетов, в несколько слоев. Я посмотрел вверх, следя за лучом — и обнаружил их. С потолка такими плотными и молчаливыми гроздьями, что их можно было принять за сталактиты, свисали тысячи и тысячи летучих мышей-альбиносов. Эта пещера была им домом, наверное, веками, и они становились все белее и белее из-за недостатка света и кормились насекомыми и животными, которые попадали в подземные тоннели. Когда они умирали, то падали вниз, и их скелеты превратили пол пещеры в хрустящее под ногами кладбище. Не очень приятно было по нему ходить, особенно в кроссовках.

Я ждал, смотря с неприязнью на белых мышей, пока снова не услышал позвякивание лебедочной упряжки. Я посветил фонариком вверх, в сторону тусклого подобия света, где шахта прорывалась сквозь потолок пещеры, и увидел Картера Уилкса, похожего на огромного паука на

тонкой паутине. Он помахал мне рукой, когда опускался, и уже через несколько секунд встал на землю и начал расстегивать ремни.

— Посмотри на пол, — сказал я, подходя и помогая ему с ремнями. — Вся эта чертова пещера полна летучими мышами. На потолке мыши, на полу — мыши, и я не удивился бы, если бы снаружи тоже строем стояли мыши, приветствуя освободившихся.

Картер включил свой тяжелый и мощный светильник и огляделся. Похоже, пещера была метров пятьдесят шириной и метров двенадцать высотой в самом высоком месте, в том самом, где пробурились мы. Она суживалась в одном конце, и там была видна еще одна полость, ведущая, вероятно, в еще одну пещеру или тоннель. Вся пещера образовалась из складок в сером камне и была больше похожа на естественную, чем сделанную человеком или чудовищем, но все равно в ней присутствовала липучая вонь, от которой нам было не по себе.

— Думаешь, Шелли подскажет нам, где может прятаться этот Квит? — спросил Картер.

Я посмотрел вниз, на заостренную мохнатую мордочку у меня под рукой.

— Я не знаю. Он с самого начала ведет себя так, будто испуган.

— Может быть, лучше отпустить его и пойти за ним?

— Да? А если он потеряется? Судя по тому, что сказал Джошуа Уолтерс, пещеры бесконечны.

Картер расстегнул кобуру.

— Если он потеряется, я куплю тебе другое животное. Может, водяную черепаху?

Прошло еще несколько минут, и появился Дэн, раскачивающийся на конце веревки. Он тяжело упал на колено, когда добрался до земли, но протестующе заявил, что он в порядке. Мы помогли ему отцепиться и поставили его на ноги.

Он огляделся.

— Это, очевидно, верхний резервуар водной системы, — сказал он, пользуясь фонарем Картера для изуче-

ния серых каменных щитов. — Маловероятно, чтобы он затапливался последние сотни лет. Но однажды это случилось — смотрите.

Он провел лучом по толстому налету минеральных солей, который шел прямо под потолком. Соли сверкали и блестели на свету белым, оранжевым и зеленым.

— Магний, сульфат меди, немного серы. Они выпали в осадок, когда поднялась вода. Скорее всего, следующая палата затоплена.

— А возможно, что убежище Квита прямо под водой? — спросил я его.

— Я тоже об этом думаю, — сказал Дэн. — Я пытался понять, почему именно сейчас он возвращается к жизни, может быть, из-за высокого уровня воды в этом году.

— Я не понимаю, — сказал Картер. — Какая ему разница?

Дэн опустил фонарь.

— Как я понимаю, Чулт, или Квит, водное животное. Он может набрать силу только если окружен водой. Когда Атлантида затонула, уровень вод должен был быть высоким из-за вулканической активности и беспокойного океана. Поэтому тогда Квит проник в водную систему материка, чтобы продлить свою жизнь, и залег в ненормально высоких водах. Легенды не говорят, как он проник в колодцы. Книга легенд Литчфилда гласит, что боги внедрили свое семя в подземные воды и что семя было микроскопическим, как человеческое. И все же Джошуа Уолтерс говорит, что он наткнулся на Квита в восемнадцатом веке, поэтому к тому времени он, наверное, уже вырос или, по крайней мере, подрос. Я думаю, что Квит начал расти почти сразу после инфильтрации семени. Пещеры, вероятно, были затоплены, и Квит быстро окреп и вырос. Но когда беспокойство океана улеглось, уровень вод упал и оставил Квита на мели, слишком большого, чтобы убраться вглубь. Он потерял силу и впал в некое оцепенение, летаргию. Высох, как ракушка на берегу, и так лежал веками.

Картер моргнул.

— Ты хочешь сказать, что он ожил только после дождливого года, когда вода поднялась и хорошенько его подмочила?

— Можно сказать и так. Но это теория. Когда вода поднялась и он опять начал расти и жить, он выбросил в воду больше семени, чтобы животные и люди превращались в его слуг. Они превращаются в крабов, которые таскают ему пищу с суши в воду и кормят.

Я погладил Шелли по голове.

— Еще одно, Дэн. Если он под водой, то как мы его выманить? У нас нет аквалангов, гарпунов, и всего того, с чем гоняются за Зверинными Богами под водой. — Пещера опять угрожающе завибрировала. Несколько кусков камня упали на пол.

— Я не знаю, что мы сможем сделать, — сказал Дэн. — Прежде всего надо его найти, а потом придумаем, как от него избавиться.

— Понятно. И здесь выходит на сцену мой преданный котенок.

— Боюсь, так, — сказал Картер. Я не хотел отпускать Шелли, но выхода у нас, похоже, не было. Я высвободил его из плаща и поставил между мышиных скелетов, и он стоял на свету с напряженным хвостом и нюхал воздух, и мне вдруг расхотелось терять его ни за что ни про что.

— Пойди найди его, Шелли, — прошептал Картер. — Он где-то есть. Ты найдешь его.

Медленно, тщательно выбирая дорогу, Шелли пошел к узкому концу, где виднелся темный проход. Фонарь Картера следил за ним. Он повернулся один раз, и его глаза блеснули зеленым, а потом исчез в темноте.

Мы хрустели как можно тише по костям летучих мышей, пока не дошли до прохода и посмотрели в него с растущей неуверенностью. Он был немногим больше метра высотой и круто вел вниз, сворачивая налево. Я мельком увидел хвост Шелли, когда он аккуратно перепрыгивал через камни, а потом и хвост исчез.

— Как говорится в соответствующих фильмах: «Похуже, он хочет, чтобы мы шли за ним», — сказал Картер.

— Ты думаешь, мы действительно можем пролезть туда? — спросил я его. — Она узкая, как задница ламы.

— Откуда ты знаешь, какой ширины задница у ламы? — поинтересовался Картер. — Помоги мне снять со спины ружье. Я не смогу ползти с этим насосом.

Пока Дэн помогал Картеру снять противотанковое ружье, я обследовал вход в расщелину с фонарем. Камень сверкал от вкраплений минералов и был твердым. Но когда я пошарил лучом по левой стене входа, мне показалось, будто я увидел что-то не естественного происхождения. Я нагнулся и стер соли, образовавшиеся на стене за годы, — и нашел подтверждение того, что Шелли шел верно.

На камне было нацарапано неверной и торопливой рукой «Дж. У., 87» и стрелка в направлении, в котором ушел Шелли. Я повернулся и сказал Картеру:

— Это убежище дьявола. Джошуа Уолтерс оставил здесь свои инициалы.

Картер, разминая плечо, после ремня ружья, подошел и устался на царапины.

— Невероятно, — сказал он. — Подумать только — он сделал отметку 200 лет назад, а она свежа, как будто сделана сегодня утром.

Опять трянуло, короче, чем раньше, но сильнее, и я чуть не упал. Мы услышали камнепад и оползень, и Картер быстро посветил на крышу пещеры. Дыра, через которую мы пробрались, потихоньку обваливалась. Мы увидели луч света с поверхности, но упал еще один слой земли, и луч пропал.

Картер посмотрел на меня. Его лицо, подсвеченное снизу фонарем, было похоже на трагическую театральную маску.

— Остается надеяться, что нам не нужно будет в спешке смываться, — хрипло сказал он. — У них уйдет минимум час на то, чтобы расчистить шахту, по оптимистической оценке.

— Обойдешься без оптимистической оценки, — сказал я ему. — Теперь пошли за Шелли, пока не потеряли его окончательно.

— Ты первый, — сказал Картер, — в конце концов, это твой кот.

Я нагнулся и вполз в расщелину. Когда я прошел через входное отверстие, пещера немного увеличилась в высоту, но все равно оставалась неудобной и узкой и вызывала клаустрофобию.

Спотыкаясь, ворча и чертыхаясь мы пробирались вниз по гладким и зазубренным камням, царапая руки, проталкиваясь в щели, устроенные специально так, чтобы лишь впустить человека, но уже не выпускать. Мы вспотели и измучились уже после первых нескольких минут, а туннель все так же шел вниз.

— Иногда, — прохрипел Картер, — я очень сожалею о выпитом пиве.

Он проталкивался в узкую щель в камне. В беспокойном свете фонарей я видел лишь бледное лицо Дэна, когда он подтягивал свой зад.

— И о сосисках, — добавил Картер.

Дэн сказал:

— И к тому же о гигантских порциях орехового торта с горами взбитых сливок.

Мы пробивались вперед и вниз, все глубже в землю Коннектикута. С лиц лил пот, и мы задыхались от недостатка воздуха. Мне казалось, что я маленький мальчик, ползающий под одеялом и потерявший ориентацию, где низ, где верх, мой мир сузился до темноты, гнетущего веса и паники.

— Сколько мы уже здесь? — спросил Картер.

— Пятнадцать минут, — сказал я через плечо.

— Как далеко, по-твоему, мы ушли? Шестьдесят, девяносто метров?

— Похоже на то. Может, не так далеко. Сложно сказать, не имея ориентиров.

Позвал Дэн:

— Там еще не расширяется?

Я посветил фонарем, но увидел только камень.

— В ближайших пятнадцати метрах — нет, — сказал я ему. — Хочешь отдохнуть?

— Давайте не тормозить, — прорычал Картер. — Я начинаю чувствовать себя консервированным перцем.

Следующие десять минут мы пробирались дальше, с великим трудом и молча. Иногда потолок был таким низким, что приходилось проползать под его острыми каменными выступами, и ощущений от этого и от порезанных рук и расцарапанных лбов было достаточно для дикого желания повернуться и убраться оттуда. Единственная закавыка — тоннель был слишком узок, чтобы разворачиваться.

Неожиданно, после того как мы пропихнулись мимо двух несокрушимых валунов, туннель стал расширяться. Через минуту или две мы уже вполне свободно шагали по каменистому полу, а скоро наши фонари выловили из темноты блеск сталактитов. Мы вышли на что-то похожее на естественный балкон над обширной сводчатой пещерой. Повсюду пещера была усеяна закристаллизовавшимися солевыми отложениями и напоминала странный уединенный храм, молчаливое место молитв, где никогда не светило солнце.

Мы осторожно подошли к краю балкона и посмотрели вниз. Похоже, кроме чернильной бездонной темноты там ничего не было. Затем Картер посветил вниз, и мы поняли, отчего такое впечатление — в трех метрах от нас мерцала поверхность подземного озера, такая спокойная, что мы видели отражения своих фонарей и лиц. Вот откуда бралась вода, испив которую Бодины были прокляты злыми микробами семени Чулта. Я услышал мяуканье и посветил в сторону. На сломанном сталагмите, высовывающемся из воды на краю озера, стоял Шелли, махая лапой, и шипел так, будто цель была близка, но недостижима.

— Видишь? — сказал я Дэну. — Это может означать, что Чулт прямо здесь.

— Проклятым тунцом воняет достаточно сильно, — сказал Картер, вытирая волосатой рукой пот со лба.

— Как будто там рыбный склад. — Дэн уставился вниз, на воду.

— Она абсолютно чистая, — тихо сказал он. — Если бы у нас была достаточно сильная лампа, мы могли бы увидеть все до дна.

— Есть желающие вернуться за лампой? — спросил Картер.

Шелли на своем ненадежном насесте мяукнул и ошестинился. Дэн сказал:

— Твой кот знает что-то, чего мы не знаем?

Я пожал плечами.

— Может, это просто запах рыбы. Я не знаю. Меня не учили кошачьей психологии.

Несколько минут мы изучали темные и кошмарные своды. Их сходство с храмом было жутким, и здесь была даже холодная мертвая атмосфера, как в заброшенной французской церкви, — такая холодная, что можно было представить рыцарей и святых, похороненных под плитами и неподвижных. Когда мы посветили фонарями по белым сталактитам вдоль поверхности воды, они, отражаясь, образовывали почти идеальной формы норманнские арки.

— Похоже на часовню самого дьявола, — сказал Картер. — Вы когда-нибудь видели такую пещеру? Невероятно.

— По-моему, больше подходит слово «сверхъестественно», — вставил Дэн. Я кашлянул.

— Сверхъестественно или нет, мы собираемся сделать что-нибудь из того, ради чего мы сюда явились, или нет? Нет смысла возвращаться, если мы не будем уверены, что Чулт именно здесь.

— Что ты предлагаешь? — спросил Дэн.

— Не знаю. Может, надо попробовать растормошить его.

Картер нахмурился.

— Ты хочешь расшевелить Звериного Бога на глубине шестидесяти метров, имея для отступления лишь кроличью нору?

— Я вовсе не хочу. Но, похоже, нам придется сделать это.

Картер вздохнул.

— Жаль, у меня нет здесь с собой противотанкового ружья. Я бы с удовольствием почувствовал его тяжесть в своих руках.

Я подступил к краю балкона и посмотрел на прозрачную поверхность. Потом я повернулся к Дэну и спросил:

— Это на глубине метров пятидесяти или около того, так?

— Я думаю.

Я задумчиво потер шею.

— Когда ты проверял воду, ты сказал, что организмы и грязь с глубины, так? Около полутора миль, наверное?

— Точно. Там, наверное, лежал Чулт, когда начал оживать. Эти своды и палаты идут вглубь на мили, и все затоплены. Это послужило причиной снов Джимми о плавании в воде под тоннами камня. Но сейчас вода поднялась сюда, и Чулт свободно передвигается здесь по всем водам.

— Ты хочешь сказать, что Чулт начал заражать воду в другом месте? — тупо спросил Картер.

— Это только теория. И все же — да.

Картер расстегнул кобуру.

— Видите ли, — сказал он, — я не знаю, как вы, но я достаточно повидал невинных людей, мутировавших в ракообразных, шатающихся по округе и убивающих не менее невинных людей. Если Мейсон говорит, что нам нужно потревожить этого Чулта, чтобы он вышел, тогда давайте потревожим его.

Дэн поднял руку и сказал:

— Картер, я бы не...

Но Картер был раздражен и настроен решительно. Он вынул револьвер, прицелился вниз, в озеро, и дважды выстрелил. Вся пещера наполнилась оглушительным эхом, а Шелли вспрыгнул на балкон и нервно прижался к моим ногам. Последний раз повторившись, эхо пропало, и все стихло.

Вода мало пострадала. Но круги поблескивающей ряби побежали по поверхности, мягко отразились от сталакти-

тов и вернулись. Мы стояли и смотрели, как затихала рябь на воде.

— Похоже, пули его мало беспокоят, — сказал Картер. — Может, надо попробовать камнями.

Я сказал:

— Подожди минутку. Мы все высказались за то, что это место похоже на собор. Может, это преднамеренно. Может, это специальное место для дьявольской молитвы.

— Как можно преднамеренно устроить такое? — спросил Дэн с неприкрытым скептицизмом. — Этим сталактитам нужно двадцать тысяч лет, чтобы достигнуть такого размера. Двадцать тысяч лет.

— Может быть, — сказал я ему. — Но мы имеем дело со зверем, способным затопить комнату на втором этаже и заставить воду исчезнуть, причем ему это ничего не стоит. Мы имеем дело со зверем, которому больше двух миллионов лет, со зверем, существовавшим до зари человечества. С чем-то невероятно древним и могучим. Это Сатана, Дэн. Подумай об этом. Разве Сатана не мог сделать себе такое местечко?

— С большой натяжкой это возможно, я полагаю.

— Хорошо, с натяжкой. А можно с натяжкой предположить, что если мы оскверним это место, если мы призовем Бога, силы добра, то Дьявол выйдет из воды и попытается остановить нас?

Картер и Дэн переглянулись без особого энтузиазма.

— Я не очень уверен на этот счет, — сказал Картер. — Что, по-твоему, мы должны спеть? «Возвращение в лоно Господне?» Мое пение гимнов может осквернить любое место, какое захочешь, но я не уверен, что это поможет.

— Давайте просто произнесем благословение. Давайте призовем сюда христианство.

Дэн вздохнул.

— Хорошо. Хотя можно было придумать что-нибудь и поглупей.

Мы склонили головы и молча стояли. Шелли капризно царапал землю и терся о мою ногу, но я намеренно игнорировал его. Я хотел сконцентрироваться на Боге, его

сыне Иисусе Христе, Духе Святом и знаке распятия. Я хотел увидеть сияние, что-нибудь, что раскрыло бы сущность этой пещеры — темного собора Ада.

Я поднял глаза. Я сказал тихо, но отчетливо:

— Именем Отца, Сына и Святого Духа мы провозглашаем здесь нашу веру в добро и служение христианству. Мы отвергаем дьявола и деяния его. Мы благословляем это место именем Господа нашего и всем, что правильно в мире этом. Мы изгоняем зло.

Под землей послышались глубокие, сдавленные раскаты. Похоже, начиналось новое землетрясение. Поверхность озера задрожала и покрылась рябью, а позади нас начали падать камни.

— Мейсон, остановись, — сказал Картер.

Но останавливаться было поздно. К тому же, если мы собирались разбудить Квита в одной из его подземных пещер, нам приходилось пользоваться всеми возможными средствами.

— Мы благословляем это место, — повторил я. — Мы просим Господа Бога освятить это место и изгнать отсюда все зло. Мы просим Бога сделать его непригодным для Квита, который есть так же Чулт, или Сатана.

Сотрясение было таким сильным, что мы еле удержались на ногах. Большой сталактит отломился и упал с потолка над балконом, рухнув в метре от нас и разлетевшись на кусочки. Мы оглохли от бесконечного и тягостного грохота, Дэн закричал:

— Озеро! Мейсон! Озеро!

Я поднял фонарь и посветил на темные своды, на бурлящую поверхность воды. Из нее поднималось сгорбленное и мокрое пятнистое ракообразное таких размеров и ужасающей внешности, что я чуть не выронил все из рук и не пустился наутек. Его клешня поднялась из озера с таким шумом, будто из воды подняли автомобиль, а его клюв щелкал и скрипел. А что хуже всего, из челюстей и клешней свисали мокрые остатки одежды, а на усиках висели клочья человеческого мяса. Сквозь сжатые зубы Картер сказал:

— Дэн, я хочу, чтобы ты кое-что сделал, и это приказ. Иди обратно в тоннель и принеси противотанковое ружье. И побыстрей. Мы с Мейсоном попробуем задержать эту тварь, пока ты будешь ходить.

Дэн колебался, но Картер резко бросил:

— Иди! Это наш единственный шанс!

И Дэн ушел. А мы с Картером и Шелли остались на балконе. Краб поднимался все выше — животное, кишащее роговыми пластинками и шевелящимися щупальцами; бездушный монстр с единственным желанием вырвать наши внутренности и отнести в коллекцию своему хозяину.

Картер быстрыми движениями вставил новую обойму и, защелкнув пистолет, поднял его и встал в стойку, как Гари Купер во время нападения преступников на почтовый поезд. Все, что мог найти себе я, было острым осколком сломанного сталактита, но я зажал его в руке и стал крутить над головой — это мало пугало чудовище, но давала мне некоторую уверенность. Чудовище все приближалось, веки снимались-одевались на черные блестящие глаза, а клешни щелкали с жадным предвкушением. Мы не видели все тело, но, похоже, оно было вполтину больше, чем Джимми, которого убили на холме. Это чудовище было гораздо более отвратительным, а щели между пластинами кишели присосавшимися огромными пиявками. Запах рыбы был удушающим.

Картер сказал:

— Я попробую в глаза. Я хочу, чтобы ты встал на карачки, Мейсон, потому что я хочу использовать твою спину для прицеливания.

— Хорошо, Картер, — механически сказал я. Я повернул каску козырьком назад и опустил на жесткую, каменистую землю. Картер сгорбился рядом со мной и поднял свой тридцать восьмой калибр.

— Может, если ослепить его, у нас будет больше шансов, — сказал он прерывающимся голосом, будто его кто-то душил. Его толстые локти вонзились в мою спину, когда он тщательно прицелился.

— Не тяни волынку, — сказал я ему. — У меня сейчас сведет спину.

— Чего ты больше хочешь: чтобы тебе свело спину или быть завтраком краба? — спросил Картер.

Я почувствовал, как напряглись его сухожилия, и он выстрелил. Мне показалось, выстрел произвели из моей головы. Я подождал, не шевелясь, и Картер сказал:

— Мимо, черт.

Он выстрелил снова.

— Мимо, — пробормотал он.

Я слышал, как клешни краба заскребли по балкону, а когда он встряхнул своей отвратительной головой, вода дождем рассыпалась над тем местом, где я стоял. Он был уже в пяти метрах от нас, и когда он перегнулся через край балкона, нам оставалось только одно — смыться обратно в туннель.

— Картер, — сказал я как можно более уважительно. — Тебе не кажется, что пора с достоинством отступить? Эта штука слишком уж близко.

Картер хрюкнул. Он сосредоточился на поражении одного из глаз, качающихся на стебельках. Он выдохнул, замер и выстрелил. В ушах звенело от выстрелов, и я почти не услышал скрипучий крик чудовища. Но я хорошо услышал крик Картера:

— Попал! Попал в ублюдка!

Я посмотрел вверх и увидел неуверенно стоящего на краю балкона краба — один из его глаз был разнесен на кровавые клочки.

— На место, — бросил Картер. — Бесполезно, если я не отстрелю оба.

Он опять взял прицел и быстро выстрелил. На этот раз его уверенность и растерянность краба незамедлительно принесли результаты. Я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как второй глаз сносит со стебля. Картер гикнул и сказал:

— Кто сказал, что я не попаду в гору с трех шагов? Видел выстрел? Вот это я называю Выстрелом.

Краб колебался, а его огромная клешня шумно билась о камни и сталактиты, когда он пытался сориентироваться. Мы отступили, когда он наполовину влез на балкон и

слепо размахивал вокруг клешнями, пытаясь добраться до нас. Но без глаз он был слишком медленным и неуклюжим, и нам лишь нужно было прижаться к скале, чтобы избегнуть его клешней.

После нескольких минут поисков краб погрузился обратно в озеро и затих в воде в нескольких метрах от нас, почти погрузившись в воду. Похожие на ленты пиявки, сосавшие раньше мякоть в щелях между пластинами, теперь прикреплялись к окровавленным стебелькам без глаз, и через несколько секунд стало казаться, что у краба новые, шевелящиеся и черные глаза.

— Плохо быть помощником дьявола, а? — сказал Картер, скривив от отвращения рот.

— На нашей стороне не лучше, — ответил я.

Мы ждали почти двадцать минут. Я выкурил сигару, а Картер пару раз хлебнул из фляжки. Краб оставался на месте, плавал в воде так, что наружу высывалась только часть его панциря и уродливая голова. То и дело земля содрогалась от зловещей вибрации, но Чулта, самого дьявола, не было, а я не собирался вызывать его, пока Дэн не принесет противотанковое ружье.

Наконец мы услышали грохот из туннеля, и появился пыхтящий Дэн. Он протиснулся между двух камней, стоявших у входа в туннель и наполовину скользя, наполовину кувыркаясь, направился к нам. Он был измотан и вспотел, как стадо свиней.

— Ты что так долго? — сказал Картер, беря ружье и осматривая его.

Дэн сел на землю, с трудом переводя дух.

— Ты шутишь, Картер. Я прошел по туннелю вверх и вниз так быстро, будто мне задницу горчицей намазали.

Картер дал ему фляжку, и Дэн отпил хороший глоток. Его передернуло, он проглотил и сказал:

— Ну и как ты называешь это пойло?

— Добрый конфискованный самогон, вот как, — сказал Картер.

Дэна опять передернуло.

Пока Картер заряжал противотанковое ружье, я подошел к краю балкона и осмотрел раненого краба. Он плавал в воде так безжизненно, что я подумал на секунду: он умирает. Но когда я подошел на шаг ближе, огромная клешня начала подниматься ко мне, и я понял, что краб все еще настороже. Я пошел обратно к Картеру — тот уже завершил подготовку ружья — и сказал:

— Эта штука зачем-то нас охраняет.

Картер кивнул.

— Я тоже об этом думал. А еще я думал — почему?

— Может, чудовище пытается удержать нас от новой христианской молитвы.

— Сомневаюсь. Похоже, он держит нас здесь, ожидая подкрепления.

Дэн отметил:

— Неизвестно, есть ли вообще подкрепление. Только Джимми и Элисон Бодин мутировали наверняка. О Карлене не было никаких особенных сообщений. Это существо — возможно Элисон, и возможно последнее.

— Возможно, — кивнул Картер. — В таком случае оно может удерживать нас от осмотра озера и выяснения, что же там действительно есть.

Я кивнул в сторону противотанкового ружья.

— Хочешь испробовать это на крабе?

— Да, пожалуй. Выстрел в голову прикончит его.

Я оглянулся на Шелли. С обычной надменностью он отошел в маленькую нишу и сидел там, прикрыв глаза и игнорируя нас.

— Если хочешь начать пальбу, нам лучше отступить, — предложил я. — Неизвестно, насколько крепкая здесь крыша.

— Хорошо, — сказал Дэн, и пока Картер готовился к последней атаке на краба, мы отошли как можно дальше и прикрыли уши руками.

Вставив фонарь в щель между сталактитом и стеной так, чтобы луч освещал голову плавающего краба, Картер прицелился с расстояния всего шесть метров. Вода блестела отраженным светом, а силуэт Картера вырисовывался

на ее фоне. Я услышал щелчок предохранителя, и шериф сгорбился, целясь.

Наверное, нужно было догадаться, что краб был быстрее и сильнее, чем казалось. Картер мог отстрелить ему глаза, но он забыл, что это существо живет в темноте, в затопленных пещерах под Коннектикутом, и поэтому может двигаться в темноте с той же скоростью и силой, когда захочет, конечно.

Картер не успел выстрелить — существо угрожающе поднялось из воды в фонтане брызг, а его массивная зелено-черная клешня метнулась к голове Картера. Он хрипло вскрикнул, но затем клешня сомкнулась, и его череп хрустнул как орех. Краб бросил его на землю, и его вторая клешня утащила окровавленное тело вниз, под брюшко, где извивающиеся щупальца обвились вокруг него.

Я даже не думал, что делаю. У меня, наверное, началась клаустрофобия от пребывания под землей. Но я поднялся и бросился через насыпь камней, отделявших наше убежище от краба, нырнув за одиноким ружьем Картера. Дэн заорал:

— Мейсон! Это бесполезно! — Но было уже слишком поздно, хотя мой мозг отстукивал: «ЭТО БЕСПОЛЕЗНО».

Я споткнулся, упал, опять поднялся, и наконец ружье оказалось под ногами. Я потянулся за его ремнем, поднял его и попытался прицелиться, уперев приклад в плечо. Но затем обзор закрыл всепоглощающий черный панцирь, а все мои чувства были уничтожены страшной тяжестью, которой я не сопротивлялся, потому что не мог. Затем послышался скрежет и царапанье, когда краб сполз обратно в воду, таща меня за собой. Он прихватил меня за левое бедро клешней слишком глубоко в щели между половинками клешни, чтобы сломать кость, но достаточно крепко, чтобы было невозможно освободиться.

— Дэн! — закричал я, но это было все, на что мне хватило времени. В следующую секунду меня затащило в холодную глубину подземного озера, и от испуга я выпустил почти весь воздух.

Краб поплыл прямо в глубину. Я чувствовал, как холодная вода проникает сквозь барабанные перепонки, и я знал, что воздуха у меня на несколько секунд. Я попытался выкрутить ногу, но сила зверя была ужасающей, и я не смог освободиться. Мое лицо ударилось о твердую чешую головы, о колючий хребет и один раз я наткнулся с ужасом и отвращением на один из «пиявковых» глаз. Мы погружались все глубже и глубже, вода становилась холодной и темной, и наконец последний отсвет фонаря Картера исчез. Через секунду или две мне придется вдохнуть воду, и когда я это сделаю, я — труп. Плывая под крутым углом, краб тащил меня на дно озера. Но когда его клешни коснулись камня, он метнулся вбок, пока не достиг широкой расщелины в полу озера. В разрывающемся, нуждающемся в кислороде мозгу появились слова Дэна: «Эти своды и пещеры простираются на мили вниз и все затоплены».

Краб опять нырнул вниз, через расщелину, через туннель с острыми стенками, оцарапавшими мои руки и ноги. Я знал, что не могу сдерживать дыхание, и это означало конец. Мое безжизненное тело заташат в туннели и пожрут в темноте, в самом греховном на земле месте. Это был ад, в самом ужасном и религиозном значении слова. Но как прикосновение святого к плечу, по руке долбануло противотанковое ружье. Я думал, что упустил его, но его ремень зацепился за клешни краба, и оно потащилось за нами. Я вцепился в него, обнялся с ним, пытаюсь нащупать в темноте курок и дуло. Мои легкие разрывались, уже почти без воздуха, а мозг замутился от двуокиси углерода. Но я нашел силы воткнуть ружье в тело краба, глубоко в массу шевелящихся щупалец, до сих пор сжимающих тело Картера. И я нашел силу нажать на спусковой крючок.

Последовал взрыв пузырей, когда разрядилась ракета. Затем был рушащийся, грохочущий, крутящийся и напряженный хаос. Краб тяжело перекатился на бок, когда ракета проникла в живот, и я треснулся головой о камень. Через секунду ракета взорвалась, по воде прошло волне-

ние, и я неожиданно оказался на свободе. Подводный дождь осколков панциря, оторванных клешней и шматков плоти окружил меня, когда я отчаянно плыл к поверхности, мои ноги работали, как бешеные. Я молился Богу, чтобы вверху оказались поверхность и воздух, чтобы краб не затащил меня в еще более глубокую пещеру, затопленную до потолка. Я думал о сне Джимми Бодина. Я думал о том, как тону. Я думал об Атлантиде.

«Меня пугает не сама вода, а то, что она под землей, под тоннами непроницаемого камня. Так что, даже если бы я и добрался до поверхности, я не смог бы дышать».

Я увидел над собой странное мерцание. Там моя голова пробилась поверхность, и я задышал воздухом. Я изрыгал воду, кашляя и задыхаясь, плавая по-собачьи, пока не расслабился так, чтобы просто дрейфовать. Воздух был настолько холодным, что легкие обожгло и я продрог насквозь. Но в тот момент мне было не до этого. Краб был мертв, а я свободен.

Наконец я перестал задышаться и начал вместо этого дрожать. Я огляделся и увидел, что плаваю еще в одном подводном озере. Пещера, в которой находилось это озеро, отличалась от дьявольского храма. Она была изогнута как бумеранг, так что с моего места был виден только один конец пещеры, а потолок был высоким, наклонным и из слоистого камня. Самым странным было то, что здесь брезжил свет и я что-то видел. Освещение не было искусственным. Слишком оно было слабым и зеленоватым. Это было тусклое неровное свечение, как светящиеся в темноте надписи. Свет исходил из дальнего конца пещеры, конца, которого я не видел. Набрав побольше воздуха и работая ногами, я поплыл туда, а мокрая одежда тянула меня на дно.

Я измучился, пока смог увидеть дальний конец пещеры, но не настолько, чтобы не остановиться и не устать на леденящую кровь, ужасающую сцену, представшую моим глазам, которым я сперва не поверил.

В конце пещеры ярусами шли сталактиты и сталагмиты завораживающей формы, и все они пульсировали тусклым

зеленым светом. Они доходили до крыши, как необычный орган, и вся стена вокруг площадки из камней была усеяна их трубами. То, что лежало на площадке, ужаснуло меня больше всего. Оно было похоже на огромную черную личинку с сухой и морщинистой кожей там, где тело не было погружено в воду. У него были блестящие темно-коричневые жвалы, откуда торчала целая куча человеческих потрохов. Оно было метров тридцать длиной и метров шесть высотой, цвет и мягкость его тела были тошнотворней, чем у самого отвратительного червя. Это был Квит, Звериный Бог из бездны. Это был Чулт, мерзкий дух Атлантиды. Это был Сатана в стадии личинки. Я не знал, что делать. Я не мог больше грести, потому что ноги заledenели. Но мне надо было где-то вылезти из воды. А единственным пригодным для этого местом была та кровавая площадка, на которой кормился Чулт.

Конечно, можно было нырнуть обратно и попробовать найти туннель, через который принесло меня чудовище, — но я не сомневался, что это верная смерть. У меня просто не было сил.

Я уже собрался плыть на другую сторону пещеры, чтобы посмотреть, есть ли там площадка, когда знакомый голос позвал:

— Мейсон! Это ты? Мейсон!

Я обернулся к ужасному пляжу, где в крови возлежал Чулт. Каким-то образом личинка исчезла, и там кроме камня ничего не было.

— Мейсон! — позвал голос, и я понял, что это Рета. Но какого черта делала Рета в этой богом проклятой пещере? В последний раз я ее видел на пути в нью-милфордскую больницу с растянутой лодыжкой. И все же — это была она. Она стояла у края воды в своем белом лабораторном халате. Она махала рукой. Не возникало и тени сомнения, что это она. Я, задыхаясь, позвал: «Рета!» и поплыл к пляжу. Рета встряхнула светлыми волосами и начала расстегивать халат. Я был теперь в пятнадцати метрах от нее и видел, как она улыбается мне. В промежутках между гребками я прокричал:

— Как ты — забралась — сюда? Здесь что — есть выход?

Она не ответила. Вместо этого она сняла халат, и на ней оказалось ярко-красное нижнее белье. Красный пол-улифчик, открывавший большие соски. Красный пояс с подвязками, держащий прозрачные красные чулки. И красные трусики, которые едва прикрывали ее.

Я проплыл последние метры с усилием. Наконец мои ноги коснулись земли, и я бросился к Рете, как капитан Уэбб после удачного преодоления Ла-Манша. Я прокашлялся, выплюнув воду и протянул к ней руки.

Она расстегнула лифчик, и ее грудь свободно заколыхалась. Отстегнув подвязки, она скатала чулки. Затем повернулась и кокетливо пошла от меня по неровной каменной поверхности, подрагивая белыми голыми ягодицами, между которыми проходила тонкая красная полоска эластичных трусиков.

— Ты хочешь меня? — спросила она меня через плечо.

Я остановился. Хотел ли я ее? Конечно, хотел. Но какого черта она здесь делала? Она не могла быть здесь. Это не могла быть Рета. Но если не Рета, то что это? Или кто?

— Ты идешь? — позвала Рета. — Давай же, любимый, мы можем лечь здесь и делать все, о чем ты когда-либо мечтал.

Я оставался на месте. Теперь я испугался. Продрог, трясся и испугался. Куда делась черная личинка? Где кровь и потроха?

Я твердо сказал:

— Ты не Рета. Ты не можешь быть Ретой. — Она заколебалась. Она уставилась на меня, и в первый раз я увидел, что ее глаза — не глаза Реты. Они были темными, змеиными, злобными. Они наблюдали за мной из-за лица Реты, как из-за маски.

Она открыла рот, но вместо того, чтобы говорить, извергла поток черной одутловатой морщинистой плоти. Сначала я подумал, ее рвет, но затем черная плоть выросла до размеров человека и росла, пока не разрослась

до размеров личинки, кормившейся на берегу. Образ Реты был полностью поглощен, и я столкнулся лицом к «лицу» с Чултом в его обычном ужасном и гротескном виде, с похожими на ножницы жвалами и глазами тусклыми и невыразительными, как у насекомого. Я отступил от этих ужасных челюстей и поскользнулся на ошметках человеческого мяса.

Голос прошептал:

— Я сталкивался раньше с вашим родом. С людьми, кто пытался перечить мне. Люди, которые наивно и глупо думали, что могут помешать мне занять мое по праву место в этом мире. Ваша слабость не достойна презрения. Ваши грехи так незначительны, что вас трудно соблазнить даже смертью, подобающей человеку.

Я продолжал отступать. Может, это не помогло бы мне, но я не собирался оставаться там для украшения личного пляжа Чулта. Я сказал:

— Ты был побежден раньше. Ты будешь побежден вновь.

— Не буду, пока есть глупость, ревность и животная похоть. Я величайший из богов далеких Гиад, помни это, и пока люди молятся злу, я буду жить и править, даже когда сплю в колодцах и пещерах и жду дней Атлантиды.

— Атлантида не поднимется.

Личинка двинулась ко мне. Может, это было мое воображение, но я видел мельком знакомые лица на его насекомоподобной физиономии. Я видел Дэна, Картера, Джимми Бодина. Я видел Элисон, но это была Элисон, которую я узнал с трудом, со ртом, растянутым в дикой гримасе и глазами красными, как будто наполненными кровью. Я видел Рету, улыбающуюся с вульгарной похотливостью. Я видел отца, мать, лица людей, давно забытых или умерших. Я видел себя в моменты слабости, боли или раскаянья.

— Атлантида не восстанет, — прошептал голос. — Но царство Квита — да. Я чувствую вокруг себя мир после веков заточения. Очень хорошо чувствую. Он лелеял мое наследство. Он лелеял похоть, обман и жестокость. Это

орудия, с помощью которых я правил, и сейчас, когда я опять начинаю править, они в хорошем состоянии. Только на этот раз мир будет сравним с самой темной ночью, где боль и удовольствие будут единственными маяками на адском горизонте.

Я входил обратно в воду, которая уже дошла мне до колен. Вода была ледяной, и я чертовски хорошо знал, что долго в воде не протяну. А шансов смыться через подводный туннель не было.

Через пещеру прокатилась громовая вибрация, и на моих глазах личинка скаталась и стянулась, как черный парашют, который сложили, и передо мной предстал высокий рогатый человек, одетый в длинный и волнистый черный плащ. У него были высокие скулы, раскосые глаза и кожа цвета пергамента.

— Я морское создание, — прошептал он. — Но это обличье, в котором я всегда шествовал по миру, в древние времена, когда тьма была законом и свет не мог проникнуть в пустыни, болота и странные города, где жили люди и полулюди. Это лицо и тело запечатлено в вашей культуре как объект ненависти и поклонения, и они опять пойдут по миру, оставляя раздвоенный след копыта на тропе ночи. Этот образ называли Сатаной, хотя никогда не знали, что это одно из моих тел в прошедшей вечности, когда я был гордым и злым Агнаргом в мире столь удаленном, что ваш народ никогда не знал его. Во имя Агнарга ваш народ совершал неопишуемые грехи, возносил исковерканные молитвы, воздвигал извращенные и перевернутые символы величайших религий. Но это ничто по сравнению с тем, что будет делать Сатана сейчас.

Человек распахнул плащ, раскрыв напрягшийся пенис величиной с лошадиный, цвета старого дерева. Крайняя плоть съехала, и черная жидкость хлынула из пениса, в то время как личинка снова стала приобретать свою обычную форму.

— Люди, ползающие по земле, так беспечны, — прошептал зверь. — Они подозревали о моем присутствии так долго. У них столько историй о днях моего величия. Но

они никогда по-настоящему не верили, что я все еще жду Дня Зла, когда раскроются могилы не для суда, но для того, чтобы поднялись мертвые и охотились за живыми. Живые всегда питались мертвыми, теперь очередь трупов и их несчастных душ. Они никогда не подозревали, что каждая из их легенд — часть мозаики, которая могла подтвердить мое существование. Да — боги пришли со звезд в дни, когда ваш народ немногим отличался от зверей. Мы открыли им силы и дела столь колдовские, что люди лишь шепотом говорят о них сейчас. Мы превращали людей в морской народ, чтобы они могли служить нам и на суше и в воде, где были наши величайшие твердыни. И все же вы забыли водяных мутантов, которые устрашали вас, или если не забыли, то думаете, что это сказочный вымысел. Вы называете их русалками и водяными и плетете о них черт те что в детских историях. Мы делали и другие вещи. Мы двигали такие огромные камни, что ваш народ верит сейчас, что предки ваши были волшебниками. Мы опутали землю сетью психических нитей, по которым общались и которые, по людскому мнению, являются волшебными силами. Весь человеческий род контролировался с подводных гор Атлантиды, забытого царства излишеств, злобы и испорченности. Это были великие и ужасные дни. Они вернутся.

Снова личинка начала изменять свою форму, и передо мной появился огромный циклоп газообразной молочно-белой наружности. Он издавал такой сильный запах тухлой рыбы, что я признал его сразу. Единственный глаз был тем символом, о котором говорила миссис Томпсон перед смертью. Создание было тем животным, с которого древний художник списал того, кого популярные ученые считают сейчас «одним из космических богов».

Я упал на колени в холодную воду. Не знаю зачем. Я измучился, изранился и был побежден, и я не видел возможности убежать, удержать Чулта от освобождения из этих подземных озер и воссоздания на Земле. Я поднял глаза к зверю, и он начал творить для меня иллюзии. Из воздуха он создавал картины, которые жили, бормотали,

говорили и дышали. Я видел, как люди сдирали сами с себя кожу загнутыми крюками, крича при этом в агонии. Я видел, как люди взрезали себе животы и вынимали своими руками внутренности. Я видел, как дети жадно пили кровь пополам с вином, и слышал эхо их безумного смеха. Женщины лили пылающее масло себе на голову и стояли с пылающими волосами, мастурбируя в безумии боли. Обнаженные девушки вставали на четвереньки перед шепчущей толпой и совокуплялись с обезьянами и собаками. Их крики и стоны удовольствия раздавались, казалось, ужасающе близко и в то же время за миллионы миль от меня.

Иллюзии рассеялись. Черное животное было близко, не дальше чем в двух метрах от меня. Его окружала аура мертвечины, которая пугала и от которой тошнило, и даже его насекомоподобные глаза, похоже, были лишены каких-либо чувств или жизни.

— Что ты собираешься делать? — спросил я у существа, и мой голос подхватило эхо. — Ты собираешься убить меня?

Сначала существо ничего не сказала. Его острые жвалы сочились едким веществом.

Затем оно прошептало:

— Мне нужна твоя сила. Мне нужна твоя плоть. Я пролежал в пещерах так долго, сухим и бессильным. Когда я завладею твоим телом, я поплыву в последнюю из пещер, пещеру, куда вошел ты со своими нелепыми друзьями. Эта пещера будет моим тронным залом и моей неосвященной церковью, и из этой пещеры я начну строить свою новую империю.

Новые сотрясения вызвали рябь на поверхности озера, и зеленое свечение сталактитов и сталагмитов потускнело. Они, должно быть, содержали кристаллики соли, которые возбуждались психокинетической энергией личинки и светились. Я был рад этому, если только радость — подходящее для этого слово. По крайней мере, это лучше, чем быть пожраным в полной темноте зверем, которого я никогда не видел.

Стоя на коленях в воде, я склонил голову и произнес молитву Богу. Господи, что бы плохого я ни сделал, каким бы поспешливым, глупым, заносчивым я ни был, как часто бы ни отказывался принять людские проблемы и страхи всерьез, что бы я ни сделал — пожалуйста, спаси меня от этого сатанинского существа, пожалуйста, спаси всех нас. Аминь. О Господи. Аминь.

На поверхности послышался плеск. Я поднял голову и повернулся. Личинка тоже подняла голову, и я увидел, как ее глаза оглядывали воду.

Через несколько секунд я увидел то, что издавало плеск. Это было человеческое, точнее женское тело, и оно тихо плыло к нам, подталкиваемое тем сотрясением, которое высвободило его из ловушки в туннеле. Это была Элисон Бодин, мой добрый друг и ужасный враг; смерть наконец-то освободила ее от бремени клешней, чешуи и щупалец крабообразного. Даже если Бог не спас меня от Сатаны, Он взял душу Элисон и вернул ее тело в нормальное состояние.

Внимание Чулта сконцентрировалось на трупe. Его жвалы задрожали и закрипели, а черное морщинистое тело сократилось от возбуждения. Это было мертвое человеческое мясо, то, чего хотел Дьявол. Это было истерзанное тело, которым можно было кормиться.

Чулт скользнул в воду почти без плеска. Он плыл быстро и уверенно, тридцать метров черного тела, как акула или хищный угорь. Через секунду его жвалы сомкнулись на теле Элисон, и он зазмеился обратно, пробираясь на сушу.

Это был мой единственный шанс. Я вдохнул огромное количества воздуха и оттолкнулся от каменного дна изо всех своих последних сил, которых, да поможет мне Бог, оставалось немного.

Чулт, выволакивая тело Элисон на берег, даже не заметил, что я исчез и паническими гребками плыву к тому месту, где выплыл в эту пещеру. Я плыл и плыл, и казалось, пока я одолевал очередной метр, проходила вечность.

Я оглянулся через плечо. Тело Элисон распростерлось на камнях, и личинка склонилась над разорванными верхними покровами. Я вздохнул еще раз и сильнее заработал руками, уверяя себя, что мои ноги не замерзли, что руки не застыли и что я смогу. В первый раз в жизни я не верил себе.

Наконец Чулт и его мертвая жертва исчезли за поворотом, и я завис над местом, где, как я думал, я выплыл. Я поднял голову и сделал три глубоких вдоха. Затем я всосал в себя четвертый вдох, настолько мучительно глубокий, насколько можно, нырнул в озеро и направился на дно.

Холодная вода просочилась в нос и уши, но я плыл вниз с широко открытыми глазами, ища туннель, который вел в следующую пещеру. Слабое зеленое свечение тускло, и вскоре я плыл в полной темноте, толкая себя вниз и вниз, на дно.

Я достиг дна раньше, чем ожидал. Но там был твердый камень, жесткий и бескомпромиссный. Никакого туннеля. Я медленно плавал вокруг, дергая руками и ногами, чтобы оставаться под водой, и чувствовал себя действительно как водопроводчик в полной амуниции под тремя метрами ледяной воды, ища дыру, на которую у меня, возможно, не хватит дыхания, даже если я найду ее. У меня закружилась голова, и я почувствовал, что глупею: в голову пришло, что если я вдохну воду, как во сне, то поплыву, как во сне.

Еще не осознав этого, я нашел туннель. Я так сильно барахтался, чтобы удержаться у дна, что вплыл прямо в полость, прежде чем понял, что случилось. Неожиданно вокруг меня оказался камень, а подо мной ничего, кроме воды, не было, и я отчаянно устремился вниз, хватаясь за неровные камни и подтягивая тело.

Прошла вечность. Голова раскалывалась от недостатка воздуха. Но я знал, что у меня есть шанс, а мне только этого и надо было. Я боролся и боролся и затем почувствовал, как поднимаюсь, как весело плыву вверх, пока отраженные перекрестные лучи фонарей не пронизали

воду и я не поднялся на поверхность, крича от недостатка воздуха, но целый.

— Мейсон! — позвал Дэн. Я вытер воду с глаз и увидел его на балконе, а рядом с ним Шелли. Там был также помощник Мартина, еще двое офицеров и коротышка в белой спецовке, в котором я признал Пита Лански из «Литчфилдских Карьеров». Я сделал последние несколько гребков к балкону, и Дэн, встав на колени, помог мне, дрожащему и промокшему, вылезти из озера. Дэн был готов расплакаться. Он сжал лысую голову руками и сказал:

— Я думал, я тебя потерял здесь. Я действительно так думал. Что случилось?

Я улыбнулся дрожащими губами.

— Ничего особенного. Потом расскажу. Я хочу убраться отсюда.

Дэн сказал:

— Мы собираемся подорвать пещеру. Вот этим и занимается здесь Пит Лански. Я вернулся и передал, чтобы его привезли.

— Ты собираешься взрывать? — спросил я Дэна. — Что, черт возьми, это дает? Дэн, это существо в следующей пещере этого водоема, и что бы ты ни делал, он выживет как-нибудь и даст нам прикурить.

Дэн покачал головой.

— Я знаю. Или догадываюсь. Поэтому я позвал Пита. Видишь ли, эта сеть пещер не вся затоплена. Когда ты исчез, я пошел за помощью, но пропустил нужное ответвление на обратном пути и пошел по другому ходу, который ведет в глубокую пещеру рядом с этой. Единственное различие — та была сухой, и когда я посветил фонарем, стало ясно, что она вела вниз к системе сухих пещер.

Помощник Мартино дал мне свое пальто, и я накинул его на плечи. Все равно зубы у меня стучали, и я знал, что мне нужна сухая одежда и бурбон, если я не хочу слечь с пневмонией.

— Ну и что? — спросил я у Дэна. — Ты нашел целую сеть сухих пещер. Ну и что?

Дэн положил руку мне на плечо.

— То, что мы заложили взрывчатку под поверхностью озера здесь, точнее, не мы, а Пит Лански, и пробьем дыру в сухие пещеры, чем опустим уровень во всей системе.

— Засушим Чулта снова?

— Точно.

Я пробежал рукой по мокрым подмерзающим волосам.

— Дэн, — сказал я ему. — В конце концов, ты кое-чего стоишь.

— Я всегда знал, что ты думаешь так, — сказал Дэн. — Теперь бери кота и лезь наружу. Пит говорит, на то, чтобы вставить запал, уйдет не больше десяти минут, а потом мы все уходим отсюда навсегда.

Я поколебался. Я посмотрел на сводчатую пещеру, на темные воды озера, куда затащили столько людей. Не было сомнений, что это — Врата Ада, вход в безбожный мир, где люди вели себя как звери, а звери ходили по земле, как люди. Я вздрогнул, и один из офицеров пошел провожать меня. Шелли шел сзади, надменно отвергнув мое предложение взять его на руки. Понимаете ли, он не любил мокнуть.

Мы протиснулись по туннелю в пещеру летучих мышей-альбиносов, и там меня ждали ремни подъемника. Я пристегнулся, зажал Шелли под мышкой и дернул веревку, чтобы меня выволокли на землю.

Все еще шел дождь, когда буровая установка подняла меня на двор Бодинов. Бурильная бригада сгорбилась в плащах и непромокаемых шляпах, и полиция тоже надела плащи. Воздух был сильно свеж, и фонари светились и отблескивали от луж, а недалеко от них стояла кучка полицейских машин и «скорой помощи» со сверкающими сигнальными огнями.

Мне помогли выбраться на землю рядом с шахтой и отстегнули упряжь. Два доктора подошли ко мне с носилками и спросили, как я себя чувствую.

— Тошно, — сказал я, — от усталости.

Один из них, в залитых дождем очках, дал мне маленькую бутылочку «Юкон Джека», которую я выпил одним духом. Я кашлянул, присел на носилки, подставляя голову

дождю. После нескольких минут сидения так я был готов идти в «скорую». Я разрешил им снять с меня одежду и вколоть мне антибиотики на случай, если были заражены мои порезы. Но я не разрешил им везти меня в нью-милфордскую больницу, пока Дэн и помощник Мартино не вылезут и не взорвется заряд. Доктора пытались говорить со мной, но мне было не до разговоров. Я лежал в «скорой», накрывшись одеялом, и думал только об огромной черной личинке, об этом звере по имени Квит, Чулт или Сатана. Это существо оставило на жизни людей столь ужасающую отметину, что память о нем пережила тысячелетия. Это существо вызвало к жизни самые садистские, похотливые и саморазрушительные чувства человека. Это существо из темных подземных пещер намеревалось освободиться.

Неудивительно, что, пока он спал, в Массачусетсе шли суды над ведьмами. Неудивительно, что кельтские рыбаки рассказывали о Шелликоте, ракообразном, заманивающим их на верную смерть. Никакие истории и мифы о злых духах не казались теперь нелепыми или смешными; никакие из теорий о богах со звезд. Все они пошли от Звериного Бога Чулта, правившего Атлантидой, Звериного Бога, который хотел царствовать вновь. Все они были правдой.

Я закрывал глаза и видел непристойные видения дьявола. Я видел бедра женщин, скользкие от крови. Я видел агонизирующие лица мужчин, намеренно увечивших себя. Я видел растоптанных ради забавы странных созданий детей.

Вдруг моего лица коснулась рука. Я открыл глаза. Это был Дэн. Его лицо было темным от грязи, от него воняло пещерами и потом, но он ослабил и сказал:

— Мы почти готовы. Пит подключает детонатор. Они отпустят тебя посмотреть?

Доктора переглянулись и скорчили недовольные физиономии.

Но я сказал тихо:

— Я не хочу смотреть. Просто постарайтесь, хорошо? Вылейте воду из этих пещер.

Появился Пит Лански и заглянул через заднюю дверцу «скорой». Его шерстяная шляпа блестела от дождя.

— Как самочувствие, Мейсон? — спросил он. — Ты выглядишь, как будто побывал в аду.

— Можно сказать и так, Лански. Когда ты собираешься рвать все это?

— Я как раз иду делать это. Скажи докторам, чтоб оставались здесь. Ты услышишь то, чего никогда не слышал.

— Хорошо, Лански. Вы слышали, ребята?

Медики пожали плечами и кивнули. Мы подождали минуты четыре или пять. Затем мы услышали свистящий взрыв, и некоторые из бурильщиков отошли за машины, подальше от опасности. За грохотом последовало ворчание, когда стены, разделявшие пещеры, упали, а затем земля затряслась от тысяч тонн воды, хлынувших через дыру, проделанную динамитом Лански, и каскадом падающих из пещеры в пещеру, осушая дьявольский собор и пещеру, где Чулт жил, кормился и мечтал, пенясь и бурля в туннелях, галереях и подводных расщелинах.

Через некоторое время все затихло. Дэн посмотрел на меня и сказал:

— Ну вот. Похоже, все получилось.

— Кто-нибудь пойдет проверить?

— Попозже, может быть. Но это дело полиции округа. Пусть управляют. На твоём месте я бы вернулся к водопроводному ремеслу.

Я сказал докторам:

— Поехали, ребята. По-моему, ждать особенно нечего.

Один из них сказал:

— Впереди сидит ваш кот. Надеюсь, вы понимаете, что с животными у нас строго. Их нельзя возить в «скорых».

Я закрыл глаза. Я очень устал. Я тихо сказал им:

— Шелли не животное. Он мой друг.

Дэн закрыл заднюю дверцу «скорой», и, по-моему, завывала сирена, когда мы поехали. Но я не был уверен.

Рета пришла навестить меня на следующее утро. Я сидел в кровати, читая обтрепанный экземпляр «Маккола» и посматривая на дождь, заливавший окна. У меня все

болело и саднило, и я был не совсем в себе, но я собирался домой, чтобы разобраться с затопленной гостиной. Я собирался вернуться в норму.

На Рете был простой шерстяной костюм, в котором она выглядела строго, но очень сексуально. Она села на мою кровать и положила свою руку на мою, одарив меня улыбкой, от которой мне полегчало больше, чем после цикла уколов пенициллина.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она меня.

— Хорошо, вроде бы.

— Ты так и не рассказал нам, что действительно произошло.

Я опустил глаза.

— Дай немного времени. Мы могли бы поговорить об этом как-нибудь за обедом.

Она продолжала улыбаться.

— Может быть, — сказала она.

— Дэн в порядке? — спросил я ее.

— Отлично, просто отлично. А, забыла — я говорила с другом в конторе шерифа. Они нашли этого Карлена. Ну, который пропал. Он был в Филадельфии, навещал какую-то женщину. Все при этом очень запутано, но он живой и в порядке — не превратился ни во что мерзкое.

— Хорошо, — кивнул я. Я не знал, что еще сказать.

Рета сказала:

— Тебе, наверное, нужна будет помощь в ремонте дома?

Я переплел свои пальцы с ее.

— Я, конечно, ей воспользуюсь.

Она посмотрела мне в глаза.

— Ну, мы будем рады помочь. Если тебе нужно постирать занавески, почистить ковры, мы придем в следующие выходные и подсобим.

Я замер. Телевизор был приглушен, но было так тихо, что я услышал, как одна из девушек в «А все-таки она вертится» сказала: «Так, значит? Конец, да?»

— Мы? — спросил я у Реты. Осторожно. Она улыбнулась.

— Кенни Пэкер. Я думаю, можно сказать, что мы помолвлены.

Мои пальцы все еще были переплетены с ее. Было бы ребячеством вырывать руку. Это было бы похоже на ревность.

— Ты собираешься выйти замуж за Кенни Пэкера? — спросил я — Я хочу сказать, это правда?

— Да, — сказала она очень мягко.

Я закрыл глаза. Я мог представить Рету в том виде, в котором мне предлагал ее дьявол — в ярко-красном лифчике, открывавшем соски; в прозрачных чулках и крошечных трусиках. Я видел, как тонкая и узкая ткань проходит между ее белых ягодич. Немудрено, подумал я. Немудрено, что люди служили дьяволу и заключали с ним сделки. Немудрено, что люди молились Звериным Богам, жившим на погруженных в воду горах Атлантиды. Всегда есть моменты сожаления, огорчения, вожделения к тем, которых мы не можем и не надеемся заполучить. И пока мужчины и женщины склонны к жадности, ревности и пожирающей их страсти, высохшие останки Чулта в пещерах Коннектикута будут для нас угрозой. И когда гремит гром, и льет как из ведра, и темны ночи, Сатана легко может зашевелиться снова. Я сказал Рете:

— Последи за тем, чтобы Шелли получал полагающуюся ему вырезку, хорошо?

Она улыбнулась.

— Конечно, послежу. Но я знаю, ты можешь доверять Дэну.

Она наклонилась и поцеловала меня в щеку. Она пахла тепло и маняще, и, наверное, я уже никогда не почувствовал бы ее так близко от себя. Она прошептала:

— Ты всегда будешь нравиться мне, Мейсон. Ты ведь знаешь.

После того как она ушла, оставив мне пару флоридских апельсинов и книжку по фильму «Челюсти-2», я пробормотал про себя:

— Да. как же, так я и поверил.

С о д е р ж а н и е

Маниту	5
Перевод О. Колесникова	
Колодцы Ада	197
Перевод О. Колесникова	

Литературно-художественное издание

Грэм Мастертон

МАНИТУ

Выпуск 33

Сдано в набор 22.05.95. Подписано в печать 25.07.95 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

ГРЭМ МАСТЕРТОН

В этом издании
Вы продолжите знакомство
С Грэмом Мастертоном,
который является одним
из самых читаемых авторов на Западе.
В серии "Мастера остросюжетной
мистики" Грэм Мастертон представлен
романами "Пария" и "Маниту",
в которых сюжет построен
на переплетении прошлого и настоящего
в вечном противостоянии людей
с темными силами потустороннего мира.